

СЕРИЯ
ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
КАФЕДРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 2

**МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Москва 2018

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH
CENTER FOR SOCIAL DEMOGRAPHY

MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS
MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS
(UNIVERSITY)
DEPARTMENT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMY

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 4, No. 2

**MIGRATION INTERACTION OF RUSSIA
WITH THE COUNTRIES OF EASTERN
AND SOUTH-EAST ASIA**

MOSCOW 2018

УДК 314
ББК 65.248:60.54:60.7
М57

М57 Миграционное взаимодействие России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 4, № 2 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., к.э.н. Лукьянца А.С., к.э.н. Тер-Акопова А.А. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. – 315 с.
ISBN 978-5-907057-14-2

Данный выпуск посвящен миграционному взаимодействию между Российской Федерацией и странами Восточной и Юго-Восточной Азии. В статьях отражены тенденции и особенности миграции в регионах Восточной и Юго-Восточной Азии, а также миграционные связи между странами региона и странами бывшего СССР. Статьи были представлены в форме научных докладов на III международной научно-практической конференции «Миграция между Российской Федерацией, Вьетнамом и странами АСЕАН в контексте новых геополитических реалий и экономической интеграции» проходившей в Ханое 3 ноября 2016 г., которая была организована Институтом социологии и Институтом европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук, а также Институтом социально-политических исследований Российской академии наук.

Migration interaction of Russia with the countries of East and South-East Asia. Series “Demography. Sociology. Economics”. Vol. 4, No. 2 / Edited by Corresponding-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev, PhD (Econ.) Artem S. Lukyanets, PhD (Econ) Aleksandr A. Ter-Akopov. Moscow: Econ-Inform, 2018. – 315 p.

This issue is devoted to the migration interaction between the Russian Federation and the countries of East and South-East Asia. The articles reflect the trends and peculiarities of migration in the regions of East and South-East Asia, as well as migration links between the countries of the region and the countries of the former USSR. The articles were presented in the form of scientific papers at the III International Scientific and Practical Conference "Migration in the Russian Federation, Vietnam and ASEAN Countries in the Context of New Geopolitical Realities and Economic Integration" held in Hanoi on November 3, 2016, which was organized by the Institute of Sociology and the Institute of European Studies of the Vietnamese Academy of Social Sciences, as well as the Institute of Sociopolitical Studies of the Russian Academy of Sciences.

ISBN 978-5-907057-14-2

© ИСПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 2018
© Оформление. Изд-во «Экон-Информ», 2018

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 2

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 4, NO. 2

Главный редактор (Chief Editor):

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР, РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Sergey V. RYAZANTSEV,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. (Economics), Professor, Head of the Center for Social Demography
of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Научный координатор (Research Coordinator):

РЫБАКОВСКИЙ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Leonid L. RYBAKOVSKY, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Редакторы (Editor):

ИВАНОВА АЛЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Алла Е. IVANOVA, Dr. (Economics), Professor, Leading Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР. ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Elena E. PIS'MENNAYA, Dr. (Sociology), Professor of the Department of Theoretical Sociology of the Financial University under Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Помощники редактора (Associate Editors):

ЛУКЪЯНЕЦ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Artem S. LUKYANETS, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre of Social Demography of the Institute of Socio-Politic Research of the RAS (Moscow, Russia)

ХРАМОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Marina N. KHRAMOVA, PhD (Physics and Mathematics), Leading Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

СИВОПЛЯSOVA СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Svetlana Yu. SIVOPLIYASOVA, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

МАНЬШИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Roman V. MANSHIN, PhD (Economics), Leading Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

БЕЗВЕРБНЫЙ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Vadim A. BEZVERBNUY, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre of Social Demography of the Institute of Socio-Politic Research of the RAS (Moscow, Russia)

Международная редакционная коллегия (International Editorial Board):

БАЙКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОРЕКТОР ПО МАГИСТЕРСКИМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОГРАММАМ, МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Andrey A. БАЙКОВ, PhD (Politics), Vice-Rector for master's and international programs, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

ВАН СЯОЦЗЮЙ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ПЕКИН, КИТАЙ)

Xiaoju WANG, Dr. (History), Professor, Senior Fellow of the Institute of World History of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

ВИЛЛЕН ПАТРИЦИЯ АЛЬВЕС, ПРОФЕССОР ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА УБЕРЛАНДИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УНИВЕРСИТЕТ КАМПИНАС (КАМПИНАС, БРАЗИЛИЯ)

Patricia A. VILLEN, Professor in the Social Science Institute of Federal University of Uberlândia (Ufu – Brazil) researcher of University of Campinas (Campinas, Brazil)

ВИЛСОН РЭЙЧИЛ, ДОКТОР НАУК, АДВОКАТ, АДВОКАТСКОЕ БЮРО (ТУСОН, США)

Rachel WILSON, PhD (Language), Managing Attorney, Law Offices (Tucson, USA)

ВИРККУНЕН ЙОНИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Joni VIRKKUNEN, PhD (Sociology), Professor of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ВОЛОХ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ДОКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА УПРАВЛЕНИЯ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ ФМС РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. VOLOKH, Dr. (Politology), Professor of the State University of Management, Chairman of the Public Council under the Federal Migration Service of Russia (Moscow, Russia)

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, РУКОВОДИТЕЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ, МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МОСКВА, РОССИЯ)

Olga D. VOROBIEVA, Dr. (Economics), Professor, Head of SIC, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russia)

ДАНГ НГУЕН АНЬ, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

Dang Nguyen Anh, Dr. (Sociology), Association Professor, Vice-President of the Vietnamese, Director of the Institute Sociology of the Vietnamese Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam)

ДАНТАС АЛЕКСИС ТОРИБИО, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО (РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, БРАЗИЛИЯ)

Alexis T. DANTAS, Dr. (Economics), Professor of the University of the State of Rio-de-Janeiro (Rio-de-Janeiro, Brazil)

ДЭЙВ БАВНА, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, УНИВЕРСИТЕТ ЛОНДОНА (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Bhavna DAVE, Dr. (Politology), Professor, Director of the Center of the Caucasian and Central Asian Studies of the University of London (London, United Kingdom)

ИНГЛИС КРИСТИНЕ БРЕНДА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ СИДНЕЯ (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ)

Christine B. INGLIS, PhD (Sociology), Association Professor of the University of Sydney (Sidney, Australia)

ИОНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. IONTSEV, Dr. (Economics), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

КАРАЧАЙ АЙСЕМ БИРИЗ, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, МИГРАЦИОННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР, УНИВЕРСИТЕТ КОЧ (СТАМБУЛ, ТУРЦИЯ)

Aysem Biriz KARACAY, PhD (Economics), Researcher, Migration Research Center, Koç University (Istanbul, Turkey)

КИМ СЕЙОНДЖИН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДУКСУН (СЕУЛ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)

Seongjin KIM, Dr. (Politology), Professor of the Duksung Women's University (Seoul, Republic of Korea)

ЛЕДЕНЕВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Viktoriya Yu. LEDENEVA, Dr. of Sociology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian)

МАРТИН ФИЛИП, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ КАЛИФОРНИЯ – ДЭВИС (ДЭВИС, США)

Philip MARTIN, PhD (Economics), Professor of the University of California – Davis (Davis, USA)

МАРУШИАКОВА-ПОПОВА ЕЛЕНА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКОРА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СОФИЯ, БОЛГАРИЯ)

Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA, PhD (Anthropology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

МЕНДОЗА ЭДУАРДО АНТОНИО, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ ЛИССАБОНА (ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ)

António Eduardo MENDOSA, PhD, Researcher, University of Lisbon (Lisbon, Portugal)

МОЛОДИКОВА ИРИНА, ДОКТОР НАУК, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА «МИГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ», ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)

Irina MOLODIKOVA, PhD (Geography), Head of the Project “Migration and Security in the Post-Soviet Space”, Central European University (Budapest, Hungary)

МОСЕЙКИНА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ (РУДН) (МОСКВА, РОССИЯ)

Marina N. MOSEIKINA, Dr. (History), Professor of the Department of Russian history, RUDN University (Moscow, Russia)

НГУЕН АН ХА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

An Ha NGUYEN, Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute for European Studies of the Vietnamese Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam)

ПИЗАРРО СИНТИЯ АЛЕКСАНДРА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ БУЭНОС-АЙРЕСА (БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА)

Cynthia A. PIZARRO, PhD (Sociology), Professor of the University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

ФРАЙЕР ПОЛ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Paul J.W. FRYER, PhD (Geography), Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ПУГА ГОНЗАЛЕС МАРИЯ ДОЛОРЕС, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ДЕМОГРАФИИ И ГЕОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА (МАДРИД, ИСПАНИЯ)

Dolores M. PUGA GONZALES, PhD (Geography), Professor of the Institute of Economics, Demography, Geography of the National Researches Council (Madrid, Spain)

ПУНПУИНГ СУРИПОРН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР
ИНСТИТУТА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ
МАХИДОЛ (БАНГКОК, ТАИЛАНД)

Sureporn PUNPUING, PhD (Statistics), Associate Professor, Director of the Institute
for Population and Social Research, Mahidol University (Bangkok, Thailand)

СЕРБАН МОНИКА, ДОКТОР НАУК, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РУМЫНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (БУХАРЕСТ, РУМЫНИЯ)

Monica SERBAN, PhD (Sociology), Senior Researcher of the Institute Quality of Life
of the Romanian Academy of Sciences (Bucharest, Romania)

ТИХОНОВА ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МИНСК,
БЕЛАРУСЬ)

Lyudmila E. TIKHONOVA, Dr. (Economics), Professor, Belorussian State University
(Minsk, Belarus)

ХОРИЕ НОРИО, ДОКТОР НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ЦЕНТРА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ТОЯМА (ТОЯМА, ЯПОНИЯ)

Norio HORIE, PhD (Economics), Deputy of Director of the Center for Far Eastern
Studies, University of Toyama (Toyama, Japan)

ШАРПЛЕЙ НЕЛЛИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР. УНИВЕРСИТЕТ
ВАЛЬТЕРА СИСУЛУ (МЗАЗА, ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

Nelly SHARPLEY, PhD (Sociology), Professor, Walter Sisulu University (Mthatha,
Republic of South Africa)

Ответственный за выпуск (Coordinator):

МЕДВЕДЬ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, АСПИРАНТ, МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
(МОСКВА, РОССИЯ)

Viktoriya A. MEDVED, PhD Student in the Moscow state institute of international re-
lations (University) (Moscow, Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

III международная научно-практическая конференция “Миграция между Российской Федерацией, Вьетнамом и странами АСЕАН в контексте новых геополитических реалий и экономической интеграции” была проведена в городе Ханое (Социалистическая Республика Вьетнам) 3 ноября 2016 г. Конференция проведена при организационной и финансовой поддержке Федерального агентства научных организаций (ФАНО), Российской академии наук (РАН), Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант № 16-23-09501), Высшей школы социальных наук (ВШСН) Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова, Института европейских исследований Вьетнамской академии наук (ИЕИ ВАОН), Института социологии Вьетнамской академии наук (ИС ВАОН). В научно-практической конференции приняли участие ученые и эксперты из 31 страны мира, в том числе России, Австралии, Аргентины, Армении, Беларуси, Болгарии, Бразилии, Вьетнама, Великобритании, Венгрии, Германии, Индии, Иордании, Индонезии, Казахстана, Камбоджи, Канады, Китая, Малайзии, Мьянмы, Нидерландов, Польши, Республики Корея, США, Таджикистана, Таиланда, Турции, Украины, Финляндии, Японии, ЮАР. Участвовали ученые из различных регионов России, которые занимаются исследованиями вьетнамской миграции, в том числе из Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Краснодар, Владивостока, Хабаровска, Биробиджана, Новосибирска, Красноярска, Омска. Были представлены ведущие вузы и научные институты России: ИСПИ РАН, ИДВ РАН, ИСЭПН РАН, Финансовый университет при правительстве РФ, РУДН, МГИМО-Университет, РАНХ и ГС при президенте РФ, МПСУ, ДВФУ, НГУ, СКФУ). Общее количество участников конференции составило 450 человек, в том числе студенты, аспиранты, молодые ученые, ученые и эксперты (представители неправительственных организаций, государственные служащие, сотрудники международных организаций, посольств) в области миграции и миграционной политики.

Основные цели конференции заключались в объединении усилий экспертов в сфере исследований миграции из России, Вьетнама и странах Юго-Восточной Азии, а также формирование позитивного имиджа России за рубежом как страны с эффективной миграционной политикой, готовой и открытой к диалогу в области эффективного регулирования миграции. Россия в силу своего географического и геополитического положения сама стала миграционным мостом, связывающим Европу и Азию. Страна привлекает значительное количество трудовых, учебных и вынужденных мигрантов из разных государств. Также Россия является посылающей эмигрантов страной, русскоговорящие общины стали вторыми по численности в мире после китайской диаспоры. Наконец, Россия представляет собой «транзитный коридор» из азиатских стран в Европу. В 2014 г. в отношении России введены

санкции со стороны некоторых стран, к сожалению, возникла напряженность на разных уровнях, в том числе на уровне университетов и научных учреждений. Конференция внесла существенный вклад в формирование позитивного образа России в странах, участвующих в политических и экономических санкциях. Выбор Вьетнама в качестве страны проведения конференции обусловлен историческими, социально-экономическими и геополитическими связями с Россией. Задачи конференции: 1) Объединение ученых, экспертов и практических работников, занимающихся вопросами исследования и практического регулирования миграции в России, Вьетнаме и странах ЮВА; 2) Экспертная оценка и интеграция в миграционную политику эффективных практик регулирования миграции в России, Вьетнаме и странах ЮВА; 3) Развитие международной сети в области исследований миграции, включающей российских и азиатских экспертов, а также экспертов из других стран; 4) Формирование и развитие научной сети экспертов, включая молодых ученых, в России, Вьетнаме и странах ЮВА и обогащение их российским и международным опытом в области исследований и регулирования миграции; 5) Формирование позитивного имиджа России как страны регулирующей миграцию на четкой законодательной основе и межгосударственных соглашениях и способствующую тем самым развитию Вьетнама и стран ЮВА.

В рамках конференции проведено пленарное заседание, на котором выступили ведущие российские и вьетнамские ученые в области исследований миграции и миграционной политики: 1) Данг Нгуен АНЬ, доктор наук, доцент, вице-президент Вьетнамской академии общественных наук, директор Института социологии Вьетнамской академии наук (Ханой, Вьетнам); 2) РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, руководитель Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия); 3) Нгуен Ан ХА, доктор экономических наук, доцент, директор Института Европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам). В пленарном заседании отмечалось, что исследование вопросов миграции и развития является актуальным вопросом для всех стран. Также докладчики обозначили важность данных исследований для развития миграционной политики на национальном и межгосударственном уровнях. Было отмечено, что миграция в регионе АСЕАН играет все большую роль для стран и местных сообществ. Миграционные отношения между Вьетнамом и Россией также имеют продолжительную историю. В рамках конференции было проведено три крупных научных сессии с презентациями докладов и обстоятельной дискуссией. Первая сессия “Демографические и миграционные процессы в АСЕАН” включала следующие доклады. 1) ЭМБОНГ Абдул Рахман, доктор социальных наук, почетный профессор, ведущий научный сотрудник Института малазийских и международных исследований, Университет Кебангсаан (Национальный университет Малайзии) (Куала-Лумпур, Малайзия) сделал доклад на тему “Миграционные потоки в Малайзию: политика и проблемы”. В докладе рассматривались потоки мигрантов в одну из самых развитых в экономическом развитии стран региона и их вклад в развитие экономики

Малайзии. Также была освещена эволюция миграционной политики государства за последние пятьдесят лет, выделены ее недостатки и пути совершенствования.

2) МАЗЫРИН Владимир Моисеевич, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока Российской академии наук (Москва, Россия) сделал доклад на тему “Новые тенденции развития экономики стран ЮВА и российско-вьетнамских отношений”, в котором были выявлены экономические факторы, способствующие развитию миграции в регионе ЮВА, а также специфические особенности развития вьетнамской экономики. Были выделены особенности торгово-экономических отношений между Россией и Вьетнамом и другими странами ЮВА.

3) ХЬЮГЕТ Джерольд, независимый консультант по вопросам народонаселения и развития, Международный советник Азиатского научно-исследовательского центра по вопросам миграции (Бангкок, Таиланд) в докладе “Успешный опыт регулирования миграции рабочей силы в Восточной и Юго-Восточной Азии” сделал обобщение эффективных практик регулирования трудовой миграции в регионе, выделив наиболее успешные модели миграционной политики, которые могут заимствовать другие страны региона. Участниками конференции была отмечена высокая значимость подобных исследований для обмена опытом и внедрения эффективных практик в национальные миграционные модели.

4) Нгуен Кань ТОАН, доктор экономических, профессор, Институт Европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам) в докладе “Трудовая миграция из Вьетнама в страны АСЕАН и Северо-Восточную Азию: состояние и перспективы” осветил направления и структуру потоков трудовой миграции из Вьетнама в различные страны, выделил проблемы вьетнамских трудовых мигрантов, а также обозначил пути их возможного решения на государственном и межгосударственном уровнях. В докладе было уделено внимание трудовой миграции вьетнамцев в Россию и страны СНГ, а также вопросам их адаптации и возвратной миграции.

5) СЕУН Сам, профессор Института международных отношений Королевской академии Камбоджи (Пномпень, Камбоджа) сделал доклад на тему “Вьетнамцы приезжают в Камбоджу! Камбоджийцы едут в Таиланд!”, в котором он рассмотрел взаимный миграционный обмен между соседними странами, выявил новые тенденции и перспективы его развития. В докладе отмечались проблемные зоны взаимного регулирования потоков беженцев, трудовых мигрантов, мигрантов по семейным причинам. Были предложены пути их решения на межгосударственном уровне.

6) Данг Нгуен АНЬ, доктор социологических наук, доцент, вице-президент Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам) выступил с презентацией на тему “Трудовая миграция и мобильность в районе Меконга”, в которой он осветил вопросы трудовой миграции в странах региона, выделив особенности потоков и ключевые проблемы трудящихся-мигрантов.

7) ЧАМЧАН Чалермпол, доктор наук, доцент, Институт населения и социальных исследований, Университет Махидол (Бангкок, Таиланд) выступил с докладом на тему “Дети мигрантов и образование для всех в Таиланде”. В докладе был представлен важный аспект миграции, свя-

занный с образованием детей мигрантов. 8) ДАНТАС Алексис Торибио, доктор наук, профессор, Университет штата Рио-де-Жанейро (Рио-де-Жанейро, Бразилия); ЛЕМОС Мария Тереза Торибио Бриттес, доктор наук, профессор, Университет штата Рио-де-Жанейро (Рио-де-Жанейро, Бразилия) представил доклад на тему “Торговые отношения между Бразилией и Китаем, странами АСЕАН”, в котором был сделан детальный обзор торгово-экономических отношений, в том числе трудовой миграции между указанными странами. Авторы выявили новые тенденции миграции предпринимателей и высококвалифицированных специалистов. 9) ХОРИЕ Норио, доктор наук, профессор Центра дальневосточных исследований университета Тоямы (Тояма, Япония) представил доклад на тему “Проблема борьбы за пространство: захват земель и миграция в приграничных регионах российского Дальнего Востока”, который вызвал продолжительную дискуссию между участниками конференции. Высказывались точки зрения “за” и “против” привлечения китайской рабочей силы на Дальний Восток России. 10) БИНЬ Ву Нгок, старший советник Института по вопросам народонаселения, семейных и детских исследований (Ханой, Вьетнам) выступил с презентацией по теме “Международная миграция рабочей силы из Вьетнама в другие принимающие страны АСЕАН: текущие вопросы и вызовы”, в которой рассмотрел более детально направления и структуру трудовой миграции из Вьетнама в страны АСЕАН. После завершения докладов состоялась дискуссия, в которой было отмечено, что трудовая миграция в АСЕАН нарастает, формируются устойчивые полюса привлечения трудовых мигрантов (Сингапур, Малайзия, Таиланд), но в то же время формируются новые центры привлечения мигрантов. Отмечалось также, что масштабы трудовой миграции из АСЕАН и Вьетнама в Россию снизились в период экономического кризиса, но имеют перспективы к увеличению.

Вторая сессия “Демографические и миграционные процессы во Вьетнаме” более детально рассматривала миграционную ситуацию в стране и факторы ее обуславливающие. Были представлены ряд интересных докладов. 1) ДОБРОХЛЕБ Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (Москва, Россия) сделала фундаментальный доклад “Демографическая структура населения России и Вьетнама в XXI веке”, в котором сравнивалась структура населения двух стран. При всех различиях между ними, были выявлены некоторые общие проблемы – например, старение населения и сокращение рождаемости, которые могут иметь значительные социально-экономические последствия. В частности, возникла дискуссия о необходимости изменения пенсионного возраста в странах. 2) КИМ Сейонжин, профессор, Департамент политических наук и международных исследований, Женского университета Дуксуна (Сеул, Корея) представил исследование на тему “Вьетнамская миграция в Республику Корея”, в котором он рассматривал особенности адаптации трудящихся-мигрантов из Вьетнама на корейском рынке труда, проблемы их трудовой эксплуатации и защиты прав. Профессор комментировал национальное законодательство, регулирующие вопросы трудоустройства иностранцев и вьетнамских гражд-

дан, в частности. 3) МАНЬШИН Роман Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социальной демографии, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия) представил доклад “Вьетнам в процессах международной миграции населения”, в котором были рассмотрено место и специфика страны в мировых миграционных процессах. Выделена доля России, стран Европы и США, как принимающих центров. Обозначены перспективные тренды вьетнамской эмиграции в условиях глобализации. 4) ПИЗАРРО Синтия Александра, профессор Школы агрономии Университета Буэнос Айрес (Буэнос Айрес, Аргентина) представила доклад на тему “Миграция из стран Азии в Аргентину”, в котором было проведено сравнение интеграции различных этнических групп мигрантов, в том числе китайцев, тайцев и вьетнамцев в аргентинском обществе. Были рассмотрены различные виды этнического бизнеса, который развивают азиатские мигранты в Аргентине. 5) ХУНГ Нгуен Куок, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр российской стратегии в Азии, Институт экономики Российской академии наук (Москва, Россия) представил вниманию участников конференции доклад на тему “Тенденции развития интеграционных процессов во Вьетнаме: внутренняя и внешняя миграция”, который был интересен оценкой вклада двух миграционных потоков в формирование населения страны. 6) ЛУКЪЯНЕЦ Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН (Москва, Россия) выступил на тему “Социально-экономические и демографические факторы строительства АЭС во Вьетнаме”. Доклад вызвал интерес, поскольку затрагивал актуальные вопросы развития новой отрасли экономики Вьетнама, в том числе необходимости привлечения иностранных специалистов и внутренних трудовых мигрантов в регионы строительства АЭС. 7) ХЮИ Ву Куок, доктор экономических наук, руководитель Департамента, Институт регионального устойчивого развития Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам) и ЗЫОНГ Лыонг Тхюи, научный сотрудник Института регионального устойчивого развития Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам) рассмотрел в докладе “Детерминанты внутренней миграции во Вьетнаме в 2005-2014 гг.: гравитационная модель” новые подходы к моделированию миграционных процессов в трудоизбыточной стране. Доклад вызвал значительный интерес с точки зрения применения новых методов в демографии. 8) МАКСИМОВА Лилия Владимировна, старший преподаватель Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), ЧАМБАЙШИН Екатерина Михайловна, студентка Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) и МАКСИМОВ Игорь Сергеевич, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) представили презентацию по теме “Стратегии адаптации российских мигрантов на рынках труда Вьетнама и Республики Корея”. Данное исследование открыло новый аспект миграционных процессов, поскольку российские граждане стали осваивать рынки труда азиатских стран

только после распада СССР. 9) РАЙСКАЯ Елена Викторовна, кандидат филологических наук, директор и главный редактор Издательского дома «Экономическое образование» (Москва, Россия) представила аналитический доклад по теме «Публикационная активность вьетнамских ученых в российских научных журналах». Доклад вызвал интерес и были обозначены пути сотрудничества российских и вьетнамских ученых в вопросах публикационной активности. 10) АНАНТА Арис, доктор наук, Университет Индонезии (Джакарта, Индонезия) в докладе «Возвратная миграция в Индонезию» рассмотрел тенденции возвращения трудовых мигрантов, работавших в различных странах, в том числе проблемы, связанные с реинтеграцией в своей стране. 11) ХУНГ Нгием Туан, Институт мировой экономики и политики, Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам) представил обзорный доклад по теме «Обзор международной миграции вьетнамцев в современном мире», который показал специфику расселения и экономической активности вьетнамских мигрантов в мире. По результатам сессии состоялась дискуссия, в ходе которой было отмечено, что Вьетнам остается страной высокой миграционной активности, причем процессы внутренней миграции в последние годы существенно усиливаются. Роль вьетнамской диаспоры велика с точки зрения развития Вьетнама и его отдельных регионов и населенных пунктов. Третья сессия «Российско-вьетнамские миграционные отношения» была посвящена развитию миграционной ситуации и миграционных взаимодействий между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. Были представлены доклады по различным формам миграции. 1) РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, руководитель Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия) и ПИСЬМЕННАЯ Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия) выступили с докладом «Миграционные установки молодых вьетнамцев на обучение за границей: имеет ли Россия шансы получить вьетнамских студентов?», в котором представили результаты социологического опроса, проведенного в рамках проекта РГНФ. 2) СИВОПЛЯСОВА Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия) представила доклад «Миграция между Вьетнамом и Россией: проблема торговли женщинами», в котором были рассмотрены актуальные вопросы принудительной миграции и торговли женщинами, которая приобрела масштабы международного бизнеса. 3) ТЕР-АКОПОВ Александр Александрович, аспирант Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН, руководитель отдела молодежной политики Московского психолого-социального университета (Москва, Россия) представил доклад «Трудовая миграция из Вьетнама в страны-участницы ЕАЭС в условиях углубления экономической интеграции», в котором представил результаты расчетов эффектов вступления Вьетнама в интеграционную группировку с точки зрения

трудовой миграции. 4) СОКОЛОВСКИЙ Александр Якубович, кандидат филологических наук, профессор, директор Вьетнамского культурно-образовательного Центра Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) выступил с докладом “Вьетнамские студенты в Дальневосточном федеральном университете”, в котором представил результаты исследований по адаптации студентов. 5) ХРАМОВА Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Россия) и КУЗНЕЦОВ Николай Григорьевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Московского психолого-социального университета (Москва, Россия) выступили по теме “Русскоговорящие сообщества и русскоязычная экономика в странах Юго-Восточной Азии”, в котором рассматривалось расселение и экономическая активность российских мигрантов в регионе ЮВА. 6) ПИСЬМЕННАЯ Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия) и МАКСИМОВА Анастасия Сергеевна, аспирант Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН (Москва, Россия) представили доклад по проекту РГНФ “Потенциал образовательной миграции вьетнамских студентов в Россию”, в котором была дана оценка потенциального числа вьетнамской молодежи для обучения за границей, в том числе в России. 7) КАРАБУЛАТОВА Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Москва Россия) выступила с докладом “Адаптация и интеграция вьетнамцев в Москве” по результатам социологического опроса вьетнамских мигрантов. 8) ГАДЖИМУРАДОВА Гульнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра демографии, Институт социально-политических исследований РАН (Москва Россия) выступала по теме “Исторические особенности формирования и современное состояние вьетнамской диаспоры в России”, в котором раскрыла исторические и современные особенности формирования вьетнамской диаспоры. 9) ЛЕДЕНЁВА Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой конфликтологии и миграционной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия) представила интересное исследование по теме “Адаптационные стратегии вьетнамских мигрантов в России”, включающее результаты социологического опроса в нескольких регионах России. 10) ЗОРИН Дмитрий Павлович, студент Российского университета дружбы народов (Москва, Россия) представил презентацию по теме “Вьетнамцы на российском Дальнем Востоке”, которая дала представление об особенностях расселения и экономической активности вьетнамцев в регионе. По результатам сессии состоялась дискуссия, в которой отмечалось, что современная вьетнамская миграция в Россию существенно трансформировалась количественно, структурно и географически. Отмечено, что требует

обновления законодательная база регулирования миграции между странами. Внесены предложения по корректировке российской и вьетнамской миграционной политики в интересах развития отношений между странами. По результатам конференции была принята резолюция, которая включала рекомендации по совершенствованию регулирования миграции между Россией и Вьетнамом, в том числе рекомендации по развитию двухстороннего и многостороннего регулирования миграции между Россией и Вьетнамом и рекомендации по совершенствованию российской миграционной политики в области регулирования трудовой и учебной миграции (направлена в МИД России, Управление по миграции МВД России, Минобрнауки России, Главэкспертцентр, Россотрудничество, Фонд “Русский мир”, Министерство труда СВР, Министерство образования СВР, посольство Российской Федерации в Ханое и посольство СВР в Москве). Участники конференции надеются, что рекомендации конференции будут внедрены в систему государственного управления миграцией.

По результатам конференции принято решение издать сборник докладов в первом квартале 2017 г.

*Главный редактор серии «Демография. Социология. Экономика»
РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра социальной демографии,
Институт социально-политических исследований РАН*

Раздел 1

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Section 1

DEMOGRAPHIC AND SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF EASTERN AND SOUTH-EAST ASIA IN THE CONTEXT OF NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS AND ECONOMIC INTEGRATION

BEST PRACTICES IN THE MANAGEMENT OF LABOUR MIGRATION IN EAST AND SOUTH-EAST ASIA

Jerrold W. Huguet, Consultant on Population and Development, Bangkok (Thailand).
E-mail: jwhuguet@yahoo.com

Keywords: labor migration, migrant workers, East and South-East Asia, management of labour migration.

Abstract. The deployment of temporary labour migrants from countries of origin and their employment in host countries in East and South-East Asia have grown rapidly over the past two decades. As a result, temporary labour migration has become an integral part of the economic structure of many countries in those two regions. Several countries have developed legislation and policies to manage this migration, to reduce the volume of irregular migration and to provide greater protection to migrant workers. This paper reviews the legal framework, procedures and regulations that have been put in place by one country that deploys very large numbers of migrant workers – the Philippines – and by three countries that formally recruit foreign workers – the Republic of Korea, Singapore and Thailand. The paper attempts to draw some conclusions concerning common elements that are involved in the best practices.

НАИЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Хьюгет Джерольд, консультант по населению и развитию, Бангкок (Таиланд). E-mail:
jwhuguet@yahoo.com

Ключевые слова: трудовая миграция, трудовые мигранты, Восточная и Юго-Восточная Азия, управление трудовой миграцией.

Аннотация. Численность временных трудовых мигрантов из стран происхождения и масштабы их занятости в принимающих странах Восточной и Юго-Восточной Азии резко выросли за последние два десятилетия. В результате, временная трудовая миграция стала неотъемлемой частью экономической структуры многих стран в этих двух регионах. Несколько стран разработали законодательную базу и политику управления миграцией, чтобы снизить объем нелегальной миграции и обеспечить более высокую степень защиты трудящихся-мигрантов. В данной статье рассматриваются правовые основы деятельности, процедуры и правила, которые были реализованы одной страной, которая отправляет очень большое число трудящихся-мигрантов – Филиппины – в три страны, которые официально нанимают иностранных рабочих – Республика Корея, Сингапур и Таиланд. В статье предпринята попытка сделать некоторые выводы относительно общих элементов и лучших практик.

The Philippines. The Philippines is the quintessential labour exporting country, as no country in the world formally deploys more migrant workers abroad. The Philippines deployed one million workers in 2007. While many other countries deployed reduced numbers of workers during 2009 and 2010 because the

global economic slowdown, the Philippines was able to continue increasing the number deployed each year. The country deployed 1.8 million workers in each 2012, 2013 and 2014 [8]. Approximately two thirds of the land-based workers deployed go to the Middle East and close to one third go to East and South-East Asia. The Philippines records a higher percentage of highly-skilled workers being deployed than most other countries of origin, although that may be partially because Philippine Overseas Employment Administration (POEA) regulations concerning registration are stricter than in other countries. In 2013, some 12.0 per cent of the land-based, new-hire workers deployed were considered professional, technical and related workers [8].

Overseas labour infrastructure. POEA was created in 1982 but the *Migrant Workers and Overseas Filipinos Act* of 1995 (and amended in 2007 and 2010) strengthened its legal mandate to promote and monitor overseas employment and to regulate the private agencies involved in the business. It is an agency within the Department of Labor and Employment (DOLE) guided by a six-person Governing Board headed by the Secretary of DOLE, with the POEA Administrator as vice-chair and representatives from the private and women sectors, and of land-based and sea-based overseas workers [7]. The Philippines separates the functions of promoting and facilitating the deployment of workers abroad from that of ensuring protection of overseas workers, which is the responsibility of the Overseas Workers Welfare Administration (OWWA), also an agency within DOLE. Its legal mandate was also strengthened by the *Migrant Workers and Overseas Filipinos Act* of 1995. It is responsible for the repatriation of migrant workers in the event of war or natural or man-made disasters. It has created a migrant workers loan guarantee fund to prevent recruiters from taking advantage of prospective migrant workers. It works with government financial institutions to create financial schemes for pre-departure and family assistance loans. OWWA is funded by a mandatory fee of USD 25 per worker, paid by the foreign principal or employer [7]. The 2010 amendment of the migrant workers law requires recruitment agencies to provide insurance coverage to migrant workers at no cost to them, covering death or permanent disability and providing for evacuation or repatriation for medical purposes when necessary. Other government units tasked with assisting migrant workers and other Filipinos overseas include the National Reintegration Center for Overseas Filipino Workers (also within DOLE), the Department of Foreign Affairs, Office of the Undersecretary for Migrant Affairs; Philippine Overseas Labor Offices; and the Commission on Filipinos Overseas [7].

Regulation of overseas labour. POEA [8] has developed a thorough set of detailed regulations governing every aspect of the recruitment, placement, employment and return of Filipino migrant workers. Most Filipinos taking employment abroad must register with POEA. Direct hiring is normally banned, with the exception of that done by the diplomatic corps, international organizations and high government officials from other countries. Professionals and highly-skilled workers whose contracts exceed the terms and conditions set by POEA may also be hired directly [8].

Private recruiters may charge a placement fee to prospective migrant workers, not exceeding one month's basic salary and to be paid only upon signing a contract approved by POEA. Domestic workers are exempt from the placement fee.

Migrant workers can be charged for the fees paid for (1) a passport, (2) police clearance, (3) authenticated birth certificate, (4) transcripts of school records, (5) professional license, (6) certificate of competency for vocational skills, (6) medical examinations, and (7) enrolment in health insurance coverage and the Social Security System (pension).

Foreign principals (recruiters) are required to pay the following fees: (1) for visa and stamping, (2) work and residence permits, (3) round trip airfare, (4) transportation from the airport to the job site, (5) POEA processing fee, (6) OWWA membership fee and (7) any additional trade testing required by the employer [8]. Contracts of overseas Filipino workers must be approved by POEA and must include, at a minimum: (1) name and address of the employer, (2) position and job site of the worker, (3) basic salary and mode of payment, with the salary not lower than the local minimum wage or the prevailing minimum wage in the National Capital Region of the Philippines, whichever is higher, (4) food and accommodation, or equivalent, (5) commencement and duration of the contract, (6) regular work hours and day off, (7) overtime pay, including for rest days and holidays, (8) vacation leave and sick leave, (9) free emergency medical and dental treatment, (10) just cause for termination of contract, (11) settlement of disputes, (12) repatriation during war or disasters, (13) repatriation in case of death.

Prospective overseas migrants must attend a pre-employment orientation seminar and a pre-departure orientation seminar.

An important function of POEA is the licensing and regulation of private recruitment agencies in the Philippines. It has recently raised the capitalization requirement for those agencies from PhP 2 million to PhP 5 million. Currently licensed agencies have four years to raise their capitalization to the required amount, by increments of PhP 750,000 per year [8].

Several categories of persons and businesses are not permitted to engage in the recruitment of overseas migrant workers. These include travel agencies and sales representatives of airlines, board members in corporations or partners in partnerships in the business of travel agencies, similar officers in insurance companies that provide compulsory insurance coverage to migrant workers, those convicted of illegal recruitment or agencies whose license has previously been cancelled, and officials and employees of any of the many government agencies involved in the deployment of migrant workers overseas.

Agencies receive a provisional license valid for two years (non-extendable) then a license for four years from the date of issuance of the provisional license. Agencies cannot deploy domestic workers when they hold a provisional license.

The mandate of POEA includes a judicial function in that it exercises original and exclusive jurisdiction to hear and decide cases that are administrative in nature regarding violations of recruitment rules and regulations by licensed recruitment agencies. POEA exercises similar jurisdiction to decide disciplinary action against overseas Filipino workers and foreign principals and employers, that

are administrative in nature, excluding money claims [8]. POEA attempts to conciliate disputes before opening formal cases.

Licensed recruitment agencies can have their license suspended temporarily, with the length determined by the number of offenses, or cancelled if they are judged to have committed serious offenses, which include:

- Knowingly deploying a minor
- Gross misrepresentation to secure a license
- Submitting job orders for non-existent work or for a different principal or employer
- Placing workers in jobs that are harmful to public health or morality
- Collecting a placement fee when the country of employment does not permit it
- Charging fees greater than the amount specified in the schedule of fees
- Passing on to the worker fees and costs that should be paid by the principal or employer
- Deploying workers whose documents have not been processed by POEA
- Allowing a non-Filipino citizen to manage a licensed recruitment agency.

POEA rules and regulations also list less serious and light offenses and prescribe the related penalties. POLOs, or in their absence Philippine Embassies or consulates, are required to authenticate the documents submitted to POEA by foreign principals and employers. Further, the authority to accredit foreign principals and employers may be delegated to POLOs or the relevant Philippine Embassy. POEA rules and regulations also spell out serious and less serious offenses by foreign principals and employers. Those judged to have committed a serious offense or two less serious offenses are permanently disqualified from recruiting or employing Filipino migrant workers. The rules and regulations also specify serious and less serious offenses that can be committed by Filipino migrant workers both during the pre-employment phase and during employment, and the related penalties, which include a temporary suspension or permanent disqualification of the worker from the overseas employment programme [8].

Republic of Korea. The Republic of Korea admits low- and semi-skilled workers from other Asian countries with which it has entered into Memoranda of Understanding (MOU) for that purpose, and accords those workers most of the rights and protection of Korean workers. Prior to 2004, the Republic of Korea admitted low-skilled workers only under the Industrial Trainee Scheme but, as those trainees did not have the full protection of the country's labour laws, numerous abuses occurred. Furthermore, as workers learned that they could earn more as irregular migrant workers, many of those who entered as trainees left their assignments for other jobs. In 2002, there were 363,000 foreign workers in the country but 290,000 of them were in an irregular status [5]. As it was clear that the trainee scheme was the main point of entry for irregular migrants, the Government began phasing it out in 2004 by not accepting any new entrants. Instead, it put in place the Employment Permit System (EPS) to better regulate lower-skilled labour migration. The EPS is governed by the *Act on Foreign Workers' Employment* of 2003 and its several amendments.

The Employment Permit System (EPS). The Ministry of Employment and Labor (MOEL) delineates nine major steps in the recruitment, employment and return of migrant workers [10].

Decision on quota, sectors and sending countries. The Foreign Workforce Policy Committee, established by the Prime Minister's Office, decides annually on the number of foreign workers to be admitted, by sector, and assigns a quota to each of the potential sending countries. This decision takes into account supply and demand in the domestic labour force. Following the global economic slowdown of 2009 and 2010, the Government has been steadily increasing the quota, which in 2010 was 34,000, in 2011 was 48,000, in 2012 was 57,000 and in 2013 was 62,000. As of August 2012 there were 188,000 EPS foreign workers in the country. The Republic of Korea admits workers through the EPS for employment in manufacturing, construction, fish farming, and agriculture and stockbreeding. About 83 per cent of foreign workers are hired by the manufacturing sector [5].

Signing of MOU with sending countries. As of 2015, the Government had signed MOU with 15 other Asian countries to furnish migrant workers. The distinguishing feature of the MOU is that in both the sending country and in the Republic of Korea the recruitment, selection and placement of workers through the EPS must be managed entirely by Government ministries in charge of labour migration, or entities affiliated with the relevant ministry. Human Resources Development Korea (HRD Korea) is a public recruitment agency within MOEL that is mandated to implement the EPS on the ground. It posts a liaison officer in each of the sending countries to monitor the recruitment process there [5].

Preparation of the job seekers roster. The country of origin prepares a roster of qualified workers that is a multiple of the quota assigned to that country and HRD Korea approves the roster submitted. The roster includes each worker's skill test scores, work experience and score on the EPS test of proficiency in the Korean language (TOPIK). TOPIK includes 25 listening comprehension and 25 reading comprehension questions, and takes about 70 minutes. The question book and the results of tests are posted on the HRD Korea Web site. Foreign workers wishing to apply to the EPS must be between 18 and 40 years of age, have no criminal record, pass a medical examination, possess a passport and not have been deported from the Republic of Korea.

Korean employers select foreign workers and MOEL issues employment permits. Korean employers must demonstrate that they have made an effort to recruit Korean workers for periods of from three to seven days. The employers select foreign workers from the roster at a Job Center in the Republic of Korea (workers can appear on a roster up to three times) then MOEL issues employment permits to the employer (thus the name of the system).

Employers and workers sign the labour contract. Standard labour contracts are drawn up and HRD Korea sends them to the counterpart agency in the sending country. The standard contracts vary in terms by the job sector but cover the duration of employment; place of employment; occupation; working hours, rest period and days off; components of the wage and when and how it is to be paid; and other necessary matters. A probationary period of up to three months can be applied, dur-

ing which workers can receive 10 per cent less than the minimum wage. Workers who are offered contracts may refuse to sign one but if they refuse a second contract their application to EPS is suspended for one year. Contracts enter into force on the day that workers enter the Republic of Korea. Contracts are normally for three years and can be extended once for a period of less than two years. Workers who have completed a sojourn must wait at least six months before applying to EPS again. Foreign workers who have signed an employment contract undergo preliminary training in their country. For those workers who will not be on probation, the training period is 45 hours. The training covers Korean language, Korean culture, understanding the EPS, industrial safety and specific education for each job sector. The training is conducted at public institutes that are approved by MOEL from among organizations recommended by the sending country.

Issuance of Certificate for Confirmation of Visa Issuance (CCVI). Employers request a CCVI for each worker they wish to employ. The Ministry of Justice approves the requests and sends the CCVIs to the sending country.

Entry into the Republic of Korea. Workers who are issued a CCVI apply through the sending agency to the Embassy of the Republic of Korea for their visa. When workers travel to the Republic of Korea, they must carry their signed contract and the results of their medical examination. When entering the country, workers must wear the uniform and name tag issued to them by the sending agency. They are transported to the Employment Training Center where they receive 20 hours of training, spread over three days and two nights. At this time, they receive another medical examination. Four types of insurance are also arranged during the training period. Foreign workers must purchase return cost insurance. They can then claim payment when their contract expires, if they decide to leave earlier for personal reasons, they have left their place of deployment or they are being deported. Workers must also purchase casualty insurance with a one-time payment covering their three-year contract. Employers are also required to hold two types of insurance policy for their foreign workers. The first is departure guarantee insurance which covers severance pay and pension contributions for workers who desert or return home before the end of their contract. The second type is called guarantee insurance and covers unpaid wages of up to KRW 2 million (about USD 1,800).

Employment and sojourn management. When foreign workers are employed in the Republic of Korea they are covered by legislation on labour relations, minimum wages and industrial safety and health. It should be noted, however, that the National Labor Relations Act does not cover either Koreans or foreigners employed within households, in agriculture and stockbreeding, or in fish farming. Foreign workers are also covered without discrimination by industrial accident compensation insurance, national health insurance and the national pension (on a reciprocal basis with the sending country). Workers must be paid at least monthly, either in cash or by a deposit to their bank account. MOEL should inspect workplaces with foreign workers. Workers can change their workplace if it has gone out of business, if wage payments have not been made, or for other valid reasons. The Ministry of Justice provides sojourn management support to both employers

and foreign workers to help them adjust to the new living and working environment. It provides conciliation services for disputes at the workplace, counselling to migrants on issues of living in the Republic of Korea, administrative support in complying with legal requirements, assistance following industrial accidents, and departure support, including for temporary leave [10]. *Happy Return Program*. HRD Korea operates the Happy Return Program to assist migrant workers in the return to their countries. While the workers are still in the Republic of Korea, the Program provides training in business skills for those who may want to start their own business after returning, help in searching for jobs at home, and assistance with making their claims from the return cost insurance. After foreign workers have returned home, they can attend job fairs, join meetings, access a newsletter and receive other training organized by HRD Korea [10]. Although the EPS should be considered a successful practice in the management of labour migration, Kim (2015) identifies a number of weaknesses in the system. He argues that most effort is devoted to the pre-admission phase but that there is not enough monitoring of compliance when migrants are working in the Republic of Korea. This results in a high rate of contract infringements. Surveys have found that many migrants do not understand their rights and how to process their insurance claims, for example. In spite of efforts to control recruitment costs, many migrants reported having to pay costs higher than those officially approved. Some of the weaknesses are rooted in the legal framework for the EPS and labour protection in the Republic of Korea. The *Labour Standards Act* applies only to companies that employ at least five workers but 35 per cent of the companies hiring foreign workers through the EPS employ four or fewer workers. In addition, as noted above, the Act does not cover workers in households, in agriculture or in fish farming. Kim (2015) also believes that, because a worker cannot remain in the Republic of Korea for longer than five years and cannot easily change jobs, the EPS restricts the contribution of human resources that foreign workers could potentially make to the Korean economy.

Singapore. Singapore became an independent country in 1965 and has a current population of 5.7 million. Population growth in Singapore has often been driven by immigration, which currently accounts for about three fourths of the growth. In the 1980s Singapore transitioned from an economy based on manufacturing and production to one based on the service and financial sectors, and now also emphasizes technology-related areas [12]. It has developed migration policies intended to support the transition from manufacturing to a knowledge-based economy by encouraging the immigration of highly-skilled persons and imposing limitations on the number of low-skilled foreign workers. The number of foreign workers in Singapore increased from 615,700 in 2000 to 1,088,600 in 2010. In the latter year, 870,000 of the migrant workers were low-skilled and 240,000 were skilled or highly-skilled. In 2010, foreign workers (or non-residents) equalled 25.7 per cent of the population of Singapore and 34.7 per cent of the labour force [12]. Singapore is one of the few countries in Asia that encourages highly-skilled migrants to become permanent residents and citizens. Those who have lived in the country for two years may apply to become permanent residents.

Those who have been permanent residents for between two and six years may apply to become citizens. The latter must also plan to live in Singapore permanently and be able to support themselves and their dependents financially. As a result of the country's immigration policies, the foreign-born population increased from 18.1 per cent of the total in 2000 to 22.8 per cent in 2010 [12].

Managing labour migration. Singapore limits the number of low- and medium-skilled foreign workers by deciding the number of work permits to be issued annually, a dependency ceiling and a foreign-worker levy. The dependency ceiling applies to the percentage of foreign workers among total workers employed by an employer. In the construction sector, companies can hire up to seven foreign workers for every local employee. In the manufacturing sector, employers can hire up to 60 per cent foreign workers but the levy that they pay is higher if they employ higher percentages. The rules are similar for the services sector but employers can hire a maximum of only 40 per cent foreign workers [11]. The foreign-worker levy is a fee that employers must pay to the Government for employing foreign workers. It is designed to discourage hiring large numbers of low-skilled migrant workers because it is higher for low-skilled than skilled workers and does not apply to highly-skilled workers. In addition, in the manufacturing and services sectors, it is higher for employers who employ higher percentages of foreign workers. Thus, the monthly levy that an employer in the construction sector must pay for each foreign worker is generally S\$300 for a higher-skilled foreign worker but S\$650 for a worker with basic skills.

In the manufacturing sector, the monthly levy for skilled workers ranges from S\$250 if the foreign workers constitute 25 per cent or less of the workforce up to S\$550 if they constitute between 50 per cent and 60 per cent of the workforce. The monthly levy for low-skilled workers ranges from S\$370 to S\$650, again depending on their percentage of the workforce. In the services sector the dependency ceilings are lower and the levies are higher. Thus, the monthly levy for each skilled worker ranges from S\$300 to S\$600 and that for low-skilled workers ranges from S\$450 to S\$800, with the lower rate applicable to employers for whom foreign workers make up 10 per cent or less of the workforce and the higher rate for companies where foreign workers are between 25 and 40 per cent of the workforce [11].

In addition to these requirements, employers must post a bond of S\$5,000 with the Government for each foreign worker employed and cannot pass the cost of the bond onto the foreign worker. The bond is discharged when the work permit has been cancelled by the employer, the foreign worker has returned home and if the employer has not breached any of the conditions of the bond. The bond will be forfeited if the employer does not pay the salary of the worker on time or fails to send the worker home when the work permit has expired, been revoked or been cancelled. If a worker goes missing, half of the value of the bond will be forfeited if the employer makes a reasonable effort to locate the worker and files a police report [11].

The types of employment passes and work permits issued by the Singapore Ministry of Manpower to foreign workers are summarized in table 1. The S pass includes work permits for semi-skilled foreign workers, domestic workers, Malaysian confinement nannies (for up to 16 weeks) and performing artists. In addition,

Singapore makes available a training employment pass, a work-holiday programme and a training work permit [11].

Table 1.

Eligibility requirements and conditions for employment passes and work permits in Singapore

Type of pass	Pass	Eligibility	Eligible for dependent's pass? ¹	Eligible for Long-term Social Visit pass? ²	Subject to dependency ceiling?	Subject to foreign-workers levy?
P	P1	Foreigners whose basic monthly salary is more than S\$8,000.	Yes	Yes	No	No
	P2	Foreigners whose basic monthly salary is between S\$4,500 and S\$8,000.	Yes	Yes	No	No
Q	Q1	Foreigners whose basic monthly salary is at least S\$3,000 and who possess recognized degrees, professional qualifications, or specialist skills	Yes	No	No	No
S		A category of work pass for mid-level skilled foreigners earning a minimum monthly salary of S\$2,200, introduced in 2004	Yes, if salary is at least S\$2,800	No	Yes, subject to a sub-quota up to 25%	Yes, ranges from S\$300 to S\$600 per month
R	Work permit	Work pass issued to a skills-qualified or unqualified foreigner below 50 (or 58 for a Malaysian) years of age, who earns a basic salary of not more than S\$2,200.	No	No	Yes, subject to quotas up to 87.5%	Yes, ranges from S\$370 to S\$800 per month

Source: [12]

¹ Issued to the spouse and children of pass holder entitling them to live in Singapore with the pass holder.

² Gives long-term visit entitlement to parents, parents-in-law, step children, common law spouses, handicapped children and unmarried daughters over age 21 of the pass holder.

Employers of work permit holders must post a S\$5,000 security bond for each non-Malaysian foreign worker. Employers of foreign domestic workers must also take out medical insurance (S\$15,000) and accident insurance (S\$40,000) for those workers because they are not covered by workmen's compensation. Work permit holders are subject to a regular medical examination, including a chest x-ray and a test for HIV/AIDS. They may not marry a Singapore national without the ap-

proval of the controller of work permits. Female work permit holders who are found to be pregnant are subject to repatriation [12]. Work permit holders are required to carry the permit at all times and produce it for inspection upon demand.

Work permits are valid for up to two years. The total number of years that a work permit holder may work varies by skill level and national origin. Thus, low-skilled workers in construction and manufacturing from most countries can work for only a total of ten years, but those from Malaysia do not face that restriction. Most skilled workers in construction may work for a total of 22 years and those in manufacturing may work for a total of 18 years but these limits do not apply to skilled workers from Malaysia [11]. Employers of foreign workers are required to state the fixed monthly salary of the worker when applying for a work permit. The salary must be paid for a period not exceeding one month, and must be paid no later than seven days after the last day of that month. The salary may be paid in cash or by crediting the wages to the worker's bank account. The employer is required to keep a record of salary payments and to produce the record if requested. Foreign workers in Singapore do not participate in the Central Provident Fund so employers are not required to make contributions to the Fund for those workers [11]. When the employment of a foreign worker is completed or terminated, the employer must cancel the work permit within seven days; provide the cost of repatriation, including an air ticket and check-in baggage allowance; and clear all outstanding salary or other payments [11]. Foreign workers in Singapore benefit from a number of protections. Their salary is stated in the work permit application, they receive post-arrival orientation, they are covered by health and accident insurance, they must be paid monthly and their documents cannot be confiscated.

Policy coherence. The detailed regulations summarized in the previous section indicate that the migration policy of Singapore has been designed to promote the overall development strategy of the country in many ways. The country gives preferences to highly-skilled workers in that they can bring their dependents with them, other relatives are eligible for long-term social visit passes, and the workers are not subject to either the dependency ceiling or the foreign-worker levy. On the other hand, low-skilled workers may not bring their dependents and are subject to the dependency ceiling. Employers are discouraged from employing large numbers of low-skilled workers because they must post a bond of S\$5,000 for each worker and must pay a monthly levy that is higher for the least-skilled workers and for companies that hire greater percentages of migrant workers. Highly-skilled workers may apply for permanent residency after two years in the country and later apply for citizenship whereas non-Malaysian low-skilled workers are limited in the number of years that they can be employed in Singapore and may not obtain a work permit when they are over 50 years of age. Finally, although it does not directly concern labour migration, Singapore has made an effort to become an education hub for students from primary school through university. Foreign students who graduate from a university in Singapore may remain in the country for three months to seek employment.

Thailand. Thailand formally admits low-skilled migrant workers only from Cambodia, Lao People's Democratic Republic and Myanmar. There are two regular channels for those workers -- the Memorandum of Understanding (MOU) process and one involving nationality verification (NV). Given the volume involved, irregular migration could be considered a third channel for employment in Thailand. Thailand has no legislation specifically regulating the activities of private agencies in the recruitment and employment of foreign workers. The *Recruitment and Job Seekers Protection Act* of 1985 was designed to apply to Thai workers going abroad but in February 2013 the Council of State ruled that it should also apply to the recruitment of foreign workers for employment in Thailand. The *Labour Protection Act* of 1998 is generally interpreted to apply to all workers in Thailand [2]. Thailand signed MOUs on labour migration with Lao People's Democratic Republic in October 2002, with Cambodia in May 2003 and with Myanmar in June 2003. On 23 July 2015 Thailand and Viet Nam also signed an MOU on labour cooperation but no formal deployments have taken place to date. On 10 February 2015, the Thailand Cabinet approved the registration of migrant workers from Viet Nam for domestic work and work in the construction, fishery and restaurant sectors. Some 50,000 migrants from Viet Nam might already be working in Thailand in an irregular status.

While the MOUs were meant to ensure that all migrant workers entered Thailand through regular channels, they have not been fully successful because the MOU process is bureaucratically complex, time-consuming and expensive. In February 2016 there were 1.36 million migrant workers from the three neighbouring countries currently holding work permits in Thailand but only 293,000 of them (21.5 per cent) had entered via the MOU process [4]. A limitation of both the MOU and the NV processes is that foreign workers are permitted to stay in Thailand for only four years, after which they should return to their country for at least 30 days and reapply for employment in Thailand. (The original MOUs had specified a period of three years but were amended in March 2015).

The MOU process between Thailand and Myanmar can be broken down into at least 25 distinct steps that involve the Thai employer, usually a Thai recruitment agency, the Department of Employment (DOE) of the Thailand Ministry of Labour, the Labour Attaché at the Myanmar Embassy in Bangkok, the Myanmar Overseas Employment Agencies Federation, the Department of Labour in Myanmar, a Myanmar recruitment agency, and the Myanmar one-stop service centre at the Myawaddy border crossing [3].

This process takes an average of six weeks to complete. The migrant worker will pay a minimum of USD 100 in fees in Myanmar. The Thai recruitment agency collects at least THB 10,000 from the employer who then recovers that sum by deducting THB 1,000 per month from the worker's wages. The MOU process with Cambodia takes up to six months and typically leaves the migrant worker owing THB 20,000 to the employer.

Even if the MOU process worked more efficiently, there was still the issue that at least one million migrants were already working in Thailand so the Government needed a procedure to regularize those while verifying that they were actually from one of the three neighbouring countries. The procedure was referred to as na-

tionality verification (NV) and initially involved 13 steps. Essentially employers submitted a list of migrant workers whom they wanted to regularize to DOE, who then transmitted it to the respective Governments of the countries of origin. Those Governments verified that the individuals were their nationals and issued them temporary passports. The passports were transmitted to offices in Thailand where the migrants or their agents could collect them. The original deadline for the NV process was February 2012 but it was extended a number of times to 13 August 2013 [6]. Furthermore, additional rounds of NV have been implemented. The latest round was for the period from 1 April to 29 July 2016. Those migrant workers who registered during that period are allowed to work in Thailand until 31 March 2018. Those migrants who had previously completed the NV process could register for work permits without going through it again [4]. Work permits valid to 31 March 2018 cost a total of THB 1,900. Migrant workers employed in the formal sector should be enrolled in the Social Security Fund, which includes health care, to which they and their employer each contribute five per cent of their wages. Those migrants not covered by the Social Security Fund can purchase health insurance from designated hospitals. They must pay THB 500 for a medical examination and THB 3,200 for a two-year health insurance package [4].

Although the Royal Thai Government has taken many steps to regularize labour migration to the country and to offer a degree of social protection to migrants, major policy gaps remain. The Government has no stated migration policy, with the result that rules and regulations change frequently and employers and migrants are often not well-informed about them. There is no law specifically governing the recruitment of low-skilled migrant workers for employment in the country. The MOU process remains bureaucratic, time-consuming and costly for migrants. The *Labour Protection Act* of 1998, the Social Security Fund and the Workmen's Compensation Fund do not apply to informal sector jobs, where many labour migrants are employed.

Conclusion. The case studies presented in this paper have been selected in order to highlight migration policies that both benefit national development strategies and provide considerable protection to migrant workers. By facilitating the deployment of close to two million migrant workers a year, the Philippines benefits from the large volume of remittances flowing into the country, which exceeded USD 28 billion in 2013 and equalled nearly 10 per cent of the country's gross domestic product [1]. Because Filipino migrant workers can remain enrolled in national health insurance and pension plans, their families' economic stability is supported.

The destination countries discussed above all implement policies to restrict the hiring of foreign workers in order to offer some protection to local workers. The Republic of Korea admits relatively small numbers of foreign workers, and they work in only a few sectors, namely construction, manufacturing, agriculture and fish farming. Singapore encourages the hiring of highly-skilled foreign workers but limits the number of low-skilled workers by applying a dependency ceiling on the percentage who can work for an employer and by imposing a levy that is higher for lower-skilled workers and increases with the percentage of foreign workers in an

employer's workforce. Thailand issues work permits to low-skilled migrant workers from only four nearby countries and reserves employment in certain occupations for Thai nationals. The policies of the four countries considered in this paper all offer considerable protection to migrant workers. The Philippines strictly regulates private recruitment agencies and accredits foreign principals and employers. The country has also established Philippine Overseas Labor Offices to assist migrant workers where there are large numbers of them. The Philippines requires that workers hold a standard contract and that the principal or employer pays for their round-trip air fare and expenses for visas and work and residence permits.

Migrant workers recruited through the Employment Permit System in the Republic of Korea are covered by labour standards laws and regulations on a basis of equality of treatment with national workers. The system was designed to reduce exploitation and excessive charges paid by migrants during the recruitment phase. In Singapore, migrants must be covered by health and accident insurance provided by the employer. The country also has strict requirements for the prompt payment of salaries. Migrant workers in the formal sector in Thailand are enrolled (in principle) in the Social Security Fund. Those not covered by social security can obtain a health insurance package from the Ministry of Public Health. Health insurance can be obtained for the children of migrant workers at a much-reduced rate. While exploitation in the system of temporary labour migration remains a serious issue, the many successful practices cited in this paper show that several countries in the region have addressed the issue and found practical ways of enhancing the protection of international migrant workers.

REFERENCES AND SOURCES

1. Asia-Pacific RCM Thematic Working Group on International Migration including Human Trafficking. *Asia-Pacific Migration Report 2015: Migrants' Contributions to Development*. Bangkok: Economic and Social Commission for Asia and the Pacific.
2. Harkins B. Complaint mechanisms for migrant workers in Thailand. In United Nations Thematic Working Group on Migration in Thailand, *Thailand Migration Report 2014*. Bangkok: International Organization for Migration.
3. Huguet J.W. *An Assessment of Regular Channels for the Recruitment of Migrant Workers in Cambodia and Myanmar for Employment in Thailand*. Yangon: International Organization for Migration, 2014.
4. International Organization for Migration, 2016. Migrant information note, Issue No. 29, March. Bangkok: International Organization for Migration.
5. Kim Min Ji. The Republic of Korea's employment permit system: background and rapid assessment. International Migration Papers No. 119. Geneva: International Labour Office, 2015.
6. Natali, Claudia, Euan McDougall and Sally Stubbington, 2015. International migration policy in Thailand. In United Nations Thematic Working Group on Migration in Thailand, *Thailand Migration Report 2014*. Bangkok: International Organization for Migration?
7. Orbeta, Aniceto Jr, Michael Abrigo and Michael Cabalfin, 2009. Institutions serving Philippine international labor migrants, Discussion paper series No. 2009-31. Makati: Philippine Institute for Development Studies.

8. Philippine Overseas Employment Administration (POEA). 2016a. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.poea.gov.ph/statistics.html>
9. Revised POEA rules and regulations governing the recruitment and employment of land-based overseas Filipino workers of 2016. Quezon City: POEA. [Electronic resource]. Access mode: www.poea.gov.ph.
10. Republic of Korea, 2016. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.eps.go.kr/ph/index.html>
11. Singapore, Ministry of Manpower, 2016. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.mom.gov.sg>
12. Yeoh, Brenda and Weiqiang Lin Rapid growth in Singapore's immigrant population brings policy challenges. Washington, D.C.: Migration Policy Institute 2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.migrationpolicy.org/print/4265#.V6p2wNSLTGg>.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Мазырин Владимир Моисеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт Дальнего Востока РАН, Москва (Россия). E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Ключевые слова: экономика, страны Юго-Восточной Азии, Социалистическая Республика Вьетнам, Российская Федерация, экономическое положение, экономические отношения.

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции экономического развития стран Юго-Восточной Азии в 2013–2016 годах, в том числе экономический рост, торговый баланс, инфляция, инвестиции, финансовая система. Особое внимание уделяется проблемам развития национальных экономик стран региона в последние годы. Затрагиваются особенности региональной интеграции в АСЕАН. Рассматриваются тенденции и перспективы развития экономических отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, в том числе товарооборот, инвестиции, инновации.

NEW TRENDS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN SOUTH-EAST ASIA AND THE RUSSIAN-VIETNAMESE RELATIONS

Vladimir V. MAZYRIN, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Vietnam and ASEAN studies The Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Keywords: economy, countries of Southeast Asia, Socialist Republic of Vietnam, Russian Federation, economic situation, economic relations.

Abstract: The article examines the trends of economic development of the countries of South-East Asia in 2013–2016, including economic growth, trade balance, inflation, investment, financial system. Particular attention is paid to the development of national economies of the region in recent years. Specifics of regional integration in ASEAN are touched upon. Trends and prospects of development of economic relations between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam are considered, including turnover, investments, innovations.

Экономическое положение в Юго-Восточной Азии. Впервые после мирового экономического кризиса 1930-х годов мы наблюдаем столь глубокий и затяжной спад, том числе в странах Юго-Восточной Азии. Здесь рецессия сохраняется, несмотря на принятые против нее экстренные меры и ожидания быстрого выздоровления. Причина кроется в уязвимости экономик стран ЮВА к внешним воздействиям. Тем не менее, эти экономики играют видную роль в мировом хозяйстве: вместе с китайской они обеспечивают 2/5 глобального экономического роста – в два раза больше остальных рай-

онов развивающегося мира. Отметим также общую положительную динамику и почти двукратное увеличение с 2009 по 2013 гг. ВВП и отдельных членов Ассоциации, и блока в целом – до 2,6 трлн долл [13].

Негативное влияние мирового кризиса на экономику ЮВА проявилось поначалу в спаде производства вследствие снижения внешнего спроса на основные экспортные товары из стран АСЕАН, притоке горячих денег на фондовые рынки, увеличении корпоративных и государственных долгов в результате антикризисных пакетов поддержки национальных экономик и т.д. Затем больше стал ощущаться эффект укрепления валют развитых стран, количественного смягчения финансовой политики в США, Японии и Европе.

В 2014 г. произошло **замедление темпов** экономического роста в ЮВА до 4,7% (в 2013 г. 5,2%, в 2012 – 5,9%). Эта тенденция настораживает, так как ожидался подъем на 5,9% в целом по региону, но к нему приблизились лишь СРВ, Малайзия и Мьянма. Текущие прогнозы учитывают данный тренд: МВФ спрогнозировала рост ведущих экономик ЮВА в 2015 г. на уровне 4,6%, в 2016 г. – 4,9%, но в некоторых показатели оказались выше, например, в СРВ 6,7 и 6,5% вместо расчетных 6,5 и 6,4% соответственно [21; 24].

Несмотря на признаки оздоровления глобальной экономики в 2014–2016 гг., поставки на основные экспортные рынки из ЮВА выросли ограниченно, ввиду все еще слабого спроса на ведущие товары регионального экспорта – пальмовое масло, натуральный каучук, сырую нефть. Снижение цен на эти товары (на некоторые – до самого низкого уровня с 2007–2009 гг.), несмотря на их легкий подъем в 2015 г., пока доминирующая тенденция в мире. В этой обстановке немногие смогли поднять свой экспорт, например, Вьетнам и Филиппины на 14,6 и 11,6% в 2014 г. [27; 18; 17]. В том же году суммарный импорт членов АСЕАН немного снизился (на 0,3%), хотя у ряда стран вырос. Это вызвало ухудшение их **торгового баланса** и баланса текущего счета, ослабив макроэкономическую стабильность.

Профицит **текущего счета** платежного баланса сократился в среднем по ЮВА с 7,1% ВВП в 2009 г. до 2% в 2013 г. Во Вьетнаме на основе притока валюты и профицита внешней торговли положительный баланс составил в 2012–2014 гг. 4–6% ВВП [16]. По оценкам, профицит текущего счета платежного баланса стран АСЕАН вырос в 2014 г. до 2,3% их совокупного ВВП [14].

Падение нефтяных и продовольственных цен, в свою очередь, негативно сказалось на доходах бюджетов стран-экспортеров. В то же время оно выгодно повлияло на промышленное производство, т.к. привело к снижению производственных расходов и себестоимости других товаров, тем самым стимулируя спрос. Государственные расходы и недобор налогов выросли и вследствие стимулирования экономического роста. В большинстве членов АСЕАН, кроме Сингапура, возник **дефицит бюджета**. Поэтому ключевым приемом финансовой стабилизации стала бюджетная консолидация, которая позволила расширить налоговые поступления.

При быстром изменении цен, различном уровне благополучия экономик и слабой хозяйственной активности внутри АСЕАН **темпы инфляции** тоже

варьировались. Самой высокой инфляцией с 2010 г. была во Вьетнаме, но за 2013–2016 гг. ее показатель по ИПЦ упал в 4 раза – с 9,2 до 2,1% [28; 23; 8]. В целом базовая инфляция оставалась стабильной и немного повысилась в более развитых странах АСЕАН (в среднем за 2012–2014 гг. с 3,6 до 4,6%), а в 2015 г. предположительно вернулась к прежнему уровню (3,7%) [21].

В связи с осложнением финансовой ситуации обострился вопрос **сбора налогов**, так как демографические тренды старения населения и роста его запросов требуют увеличения социальных расходов. Восточная Азия стареет быстрее всех других регионов мира в силу как падения рождаемости, так и увеличения средней продолжительности жизни. Это ухудшает перспективы экономического роста, поскольку порождает повышение пенсионных выплат и расходов на здравоохранение, увеличивает нагрузку на бюджет.

Важнейшим двигателем экономики стран ЮВА выступает внутренний спрос, отчасти опирающийся на увеличение занятости: безработица остается низкой почти во всех из них. Она составляет в среднем 3–4%, показывая минимум ниже 1% (Таиланд, Камбоджа) и максимум около 6% (Филиппины, Индонезия). **Общественное потребление** росло в 2013–2015 гг. на 5–7% ежегодно и снизилось только в Таиланде [26].

В более развитых странах ЮВА снизился рост **инвестиций** в основной капитал: темпы упали в 2–3 раза. Соответственно снизилась доля капиталонакопления относительно ВВП, в среднем составляя в нем от 20 до 30% [26; 18]. Инвесторы проявляли осторожность, ожидая повышения учетной ставки в США. Зачастую это вызвало сокращение объема строительных работ на инфраструктурных объектах или их заморозку. В целом страны ЮВА по-прежнему привлекательны для зарубежных инвесторов, что видно на примере ПИИ. Иностраный капитал активнее всего идет на новые рынки АСЕАН – во Вьетнам, Лаос, Камбоджу, а также на Филиппины, в Сингапур, Индонезию, а из Малайзии и Таиланда наблюдается отток.

Вместе с тем, под воздействием кризиса заметно возросла финансовая волатильность в целом и фондовых рынков ЮВА особенно. Наиболее сильно она проявилась в СРВ вследствие повышенной привлекательности рынка, а в Малайзии и Сингапуре ввиду их большей открытости мировому хозяйству. Ситуацию усугубил рост стоимости биржевых активов и обменных курсов валют, вызванный возвращением капитала в регион после снижения учетных ставок в США и ЕС. Страны ЮВА стали осторожнее относиться к притоку портфельного капитала, памятуя уроки азиатского кризиса 1990-х годов.

По прогнозам, приток капитала в страны ЮВА – основы их процветания – может сократиться на 548 млрд долл., т.е. почти вдвое, до самого низкого уровня с 1980-х годов. В третьем квартале 2015 г. отток средств из паевых фондов Таиланда, Индонезии и Филиппин достиг рекордных 5,1 млрд долл. В ответ власти региона перешли к политике количественных смягчений, пытаясь нейтрализовать воздействие аналогичной политики США и ЕС [22].

Опасность возникновения пузырей на фондовой бирже и давления на валютные курсы осознана внутри АСЕАН в разной степени, что замедлило принятие превентивных мер, обострило угрозу макроэкономических дисбалансов.

Избежать рисков в условиях наплыва краткосрочного капитала наиболее сложно. Предпринятые в последние годы попытки стерилизовать его объемы замедлили прирост денежной массы в обращении в большинстве государств ЮВА [12]. Последствием таких явлений стало дерегулирование обменных курсов, снижение экономической стабильности и темпов роста.

Среди факторов дестабилизации экономики и финансов стран АСЕАН выделим также **рост долгов** коммерческих предприятий, уровень которых до начала глобального кризиса был относительно низким. Причина этого в том, что местные банки, всемерно стимулируя спрос, увеличили кредитование потребителей, а европейские и другие банки в то же время его снизили ввиду своих трудностей. Сказалось и ужесточение требований банков развитых стран к межбанковским кредитам, что сделало заимствование финансовых средств бизнесменами ЮВА более дорогим и менее доступным.

Обострение долгового бремени вследствие обозначенных процессов характерно для всех государств ЮВА. Частым явлением стало преодоление внутренним долгом уровня в 50% ВВП, а иногда даже 100%, что чревато серьезнейшим нарушением макроэкономических пропорций [15].

Реагируя на новые угрозы, правительства стран ЮВА перестроили свою монетарную и бюджетную политику, применив налоговые и иные меры. Так, в некоторых странах значительно снижены **учетные ставки**, оставшиеся на докризисном уровне, несмотря на позитивные подвижки в экономике. Эти послабления дали необходимый эффект, увеличив внутренние банковские заимствования и показав оптимистичный настрой местных потребителей и бизнеса. Последний раз ставки поднимались на рубеже 2015 г., но затем было проведено их снижение, как требовала конъюнктура.

Характерно, что **цена валют** стран ЮВА в 2014 г. снизилась к доллару и юаню, но выросла против евро и иены, укрепившись в реальном выражении – взвешенном с учетом объемов торговли с ведущими партнерами этих стран. По номиналу больше всего обесценились денежные единицы Вьетнама и Индонезии. Судя по алармизму экспертов, влияние доллара на экономики стран ЮВА по-прежнему сильнее, чем юаня. Тем не менее, ориентация на США ряда членов АСЕАН, среди которых оказалась и СРВ, пока незыблема.

Финансовая система региона повысила свою эластичность вследствие реформ, предпринятых по следам азиатского кризиса. Так, более осторожное управление минимизировало ее потери от токсичных финансовых активов, которые нанесли тяжелый ущерб банкам США и ЕС. Возвращение капиталов в форме ПИИ повысило их устойчивость в условиях глобального кризиса. Одновременно они наращивали свои золотовалютные резервы как подушку безопасности. Страны с более открытым рынком создали самые солидные накопления (Таиланд 160 млрд долл., Малайзия 140 млрд, Индонезия 100 млрд), слабее страховка у группы АСЕАН-4 (во Вьетнаме она больше, чем у других и выросла за 2013–2014 гг. с 25,5 до 39,5 млрд) [10].

Эти и иные сохраняющиеся риски потребовали дальнейшего укрепления механизмов коллективной финансовой безопасности стран ЮВА, в том числе расширения общего страхового фонда золотовалютных резервов. Воз-

никли опасения, что если Азии потребуется экстренная помощь, то МВФ не осилит ее, занимаясь исправлением ситуации в Европе.

Наряду с собственно экономическими проблемами для ряда стран ЮВА характерны такие явления, как растрата природных ресурсов и загрязнение **окружающей среды**. Например, Вьетнам, начавший добычу нефти в 1980-е годы, в перспективе уже ближайшего десятилетия ожидает истощения своих запасов и пытается компенсировать потери, инвестируя в нефтедобычу за рубежом, в том числе в России. Дефицит невозобновляемых физических ресурсов является закономерным следствием развития большинства стран этого региона по экстенсивному пути. Переход к экономике знаний – на этап инновационного развития – важное условие решения данной проблемы.

Остро стоят **экологические вызовы**, причем, если в странах Северо-Восточной Азии они в основном преодолены, то в Юго-Восточном регионе положение обратное. По оценке специалистов Гарвардского университета, наиболее тревожна ситуация в ряде мегаполисов ЮВА, например, Бангкоке, Джакарте, Маниле и др., недалеко «отстали» от них Ханой и Хошимин [25]. Индонезия, поощряющая выжигание тропических лесов для освобождения земли под плантационные культуры, – самый яркий негативный пример.

Таким образом, **ситуация в ЮВА** сегодня далеко не благоприятная, но рождающая сдержанный оптимизм. В следующие пять лет членам АСЕАН предстоит принять макроэкономические меры для укрепления финансовой стабильности и реализации структурных реформ, создания основы нового роста. Есть вероятность, что динамика повысится, отражая выздоровление экономик региона как в плане потребления, так и инвестиций. Вместе с тем, недобор экспортных доходов будет тормозить в ЮВА укрепление реального эффективного курса валют. Снижение цен на нефть и газ, сырье, в целом благоприятное для региона, окажет разное влияние на отдельные страны.

Страны ЮВА сегодня сильнее **интегрированы** регионально и связаны глобально, чем когда-либо прежде, и, по оценке АЗБР, этот процесс усилился под воздействием глобального кризиса. Члены АСЕАН убедились, что экономическая кооперация принесла им большие выгоды, позволила достичь впечатляющего прогресса в своем развитии. Расширяются масштабы рынка и производства, стимулы спроса, мультипликативный эффект сооружения общих инфраструктурных объектов, разделения рисков и распределения ресурсов путем либерализации трансграничных потоков и т.д. Притом возникла и крепнет уникальная азиатская *модель регионализма* – открытая, динамичная, рыночная, демократическая – отличная от европейской, которая на наших глазах все больше показывает свою несостоятельность.

В 2015 г. страны ЮВА завершили создание Экономического сообщества АСЕАН. Его цель – сформировать единый рынок и производственную базу, повысить конкурентоспособность, достичь равноправного экономического развития участников и уже на этой основе взаимодействовать с мировым хозяйством. В 2015 г. была принята программа, в которой зафиксирована стратегия и меры по достижению поставленных целей (АЕС Blueprint 2025) [2; 9; 11].

Наряду с углублением интеграции между членами АСЕАН расширяется ее взаимодействие, как организации, с партнерами в Северо-Восточной Азии и АТР. Ассоциация играет центральную роль в активизации сотрудничества с большими экономиками Азии. Подписаны и уже работают пять соглашений о свободной торговле с Австралией и Новой Зеландией, КНР, Индией, Японией и Южной Кореей. Наряду с созданием этих ЗСТ начаты переговоры по формированию общерегионального экономического партнерства – ВРЭП. Эта структура должна охватить почти половину мирового рынка (3,5 млрд потребителей) и дать одну треть глобального ВВП (по оценкам, 26,2 трлн долл.) [29]. Однако переговоры далеки от завершения, появились конкурентные, еще более глобальные проекты.

Так, в ноябре 2015 г. образовано Транстихоокеанское партнерство из 12 стран АТР, еще раньше Китай запустил собственный евразийский проект Экономического пояса Шелкового пути. Россия и участники Евразийского экономического союза также предложили свою альтернативу в форме ЗСТ с Вьетнамом [7]. Очевидно, что участие стран ЮВА в этих объединениях или создание более широких станет проверкой их единства на прочность. На фоне пока далеких от урегулирования территориальных споров в Южно-Китайском море, это может добавить противоречий в отношении членов АСЕАН и затруднить выполнение ею лидирующей роли в интеграционных процессах в Восточной Азии. Россия заинтересована в укреплении единства и авторитета Ассоциации в регионе, развитии экономических связей с ней.

Новые тенденции экономического сотрудничества Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам. Торгово-экономическое сотрудничество является самым слабым звеном российско-вьетнамских отношений, хотя можно говорить об определенных достижениях в этой сфере в последние годы. По объемам и насыщенности экономические связи намного отстают от политических. Без возрождения баланса обеих сфер взаимодействие двух стран и ориентация Вьетнама на РФ объективно подрываются. У СРВ слабеет экономическая заинтересованность в России, российские компании теряют ведущие позиции в разных отраслях экономики, прежде всего в промышленности и на транспорте.

Ограниченность взаимной торговли лишает экономические связи России и Вьетнама в целом твердого основания и подрывает перспективу. Такое положение неизбежно затрудняет продвижение Россией своих интересов в АСЕАН и на всем пространстве Восточной Азии. Взаимное сотрудничество строится преимущественно на традициях дружбы и геополитических расчетах, которые тоже подвержены изменениям.

Потеря Россией прежних ниш на вьетнамском рынке параллельно с ростом доли продукции, брендов, представительства других государств, по большей части Китая, США, ЕС, решающим образом меняют предпочтения и вкусы потребителей, наиболее активной частью которых является молодежь, и бизнеса. Одновременно и исподволь происходит подмена идейных и культурных – ценностных ориентаций.

Главная тенденция последних 3 лет – стагнация взаимной торговли. С 2012 г. темпы ее роста начали заметно падать, а в 2014–2015 гг. товарооборот не достиг уровня 2013 г., т.е. не может преодолеть планку в 4 млрд долл., по данным статистики РФ. Это значит, что задача, поставленная сторонами на 2015 г., выполнена лишь наполовину. Тем не менее, в 2020 г. по-прежнему планируется довести товарооборот до 10 млрд долл. в расчете на эффекты Соглашения о свободной торговле между СРВ и ЕАЭС, которое вступит в силу до конца 2016 г. И всё же достичь этого объема будет трудно даже при существенном снижении тарифных барьеров во взаимной торговле.

Хотя в долговременном плане мы видим рост двустороннего оборота, год от года его составные демонстрируют неустойчивость, некоторые даже ухудшаются. Похоже, что это всего лишь восстановительный рост (в 5 раз) – до уровня времен СССР. Принципиально иная динамика характерна для торговых связей СРВ с ведущими торговыми партнерами: за то же время их объем вырос в десятки раз и оказался сегодня в 5–15 раз выше, чем у России. С КНР он достиг в 2015 г. 67 млрд долл., АСЕАН – 42 млрд, ЕС – 41 млрд, США – 41 млрд, Южной Кореей – 36,5 млрд, Японией – 28,5 млрд [30].

В 2015 г. товарооборот России с Вьетнамом достиг 3,89 млрд долл. – на 4% выше уровня 2014 г., но ниже 2013 г., в 2016 г. можно прогнозировать те же показатели, так как по данным ФТС РФ за 5 месяцев объемы торговли выросли на 5,7%, при этом наш экспорт составил лишь 80% от того же периода прошлого года, а импорт 127%.

По данным ФТС, Вьетнам занял 28-е место среди партнеров России (в 2014 г. – 37-е), при этом его доля в нашей внешней торговле выросла до 0,7% (0,5% – 2014 г., 0,4% в 2013). Вклад России во внешнюю торговлю СРВ тоже увеличился и составил 1,2% (в 2014 г. – 0,85%). Следовательно, хотя роль партнеров во внешней торговле друг друга возросла, она остается весьма скромной, объективно определяя иерархию их интересов. Отметим, что РФ дает 90% товарооборота ЕАЭС с СРВ [6], определяя место Союза в ее торговле

Вьетнам вернул себе в 2015 г. лидерство в торговле России со странами АСЕАН, которое ранее уступил Сингапуру и Таиланду (рис.1), подтверждая роль ведущего партнера среди членов Ассоциации. Почти 1/3 российского экспорта (29%) и столько же импорта (28%) в торговле со странами Юго-Восточной Азии приходится на СРВ. На фоне прошедшего в мае с.г. саммита РФ-АСЕАН, как диалоговых партнеров, мы видим, с одной стороны, что Вьетнам – пока самый надежный «мост», связывающий нас с Ассоциацией, наша опора в Восточноазиатском регионе в целом. С другой стороны, цифры говорят о крайне тревожной ситуации: торговля России с другими членами АСЕАН падает, будучи мизерной в сравнении с главными партнерами. С целью исправить такое положение стороны взяли курс на создание ЗСТ, о чем было объявлено в августе 2016 г.

Товарные потоки в обе стороны показывают разную динамику, часто меняется их объем и соотношение. Российский экспорт, по данным ФТС, вырос в 2015 г. на 27% (наивысший показатель за последние 5 лет) – до 1842 млн

долл. – больше, чем в 2014 г. (5,6%). Однако в первом полугодии 2016 г. он снова упал, сильнее, чем в 2013 г. (1%). Импорт из Вьетнама сократился (до 2053 млн долл. – 89,5% от уровня 2014 г.) второй год подряд, хотя до 2013 г. быстро рос. Согласно таможенной статистике СРВ, все показатели последние два года, не считая нынешнего, падали.

ТОВАРОБОРОТ РОССИИ СО СТРАНАМИ АСЕАН

№	Страна	2014 г.	2015 г.	темп 2015/ 2014
1	СИНГАПУР	6 153,9	3 008,3	-51,1
2	ТАИЛАНД	3 981,8	2 053,6	-48,4
3	ВЬЕТНАМ	3 747,1	3 896,0	4,0
4	МАЛАЙЗИЯ	3 296,9	1 950,8	-40,8
5	ИНДОНЕЗИЯ	2 561,8	1 962,2	-23,4
6	ФИЛИППИНЫ	1 437,9	587,5	-59,1
7	КАМБОДЖА	132,7	110,7	-16,6
8	МЬЯНМА	83,0	130,5	57,2
9	ЛАОС	39,2	16,5	-58,0
10	БРУНЕЙ-ДАРУССАЛАМ	0,03	0,4	1 097,1

Источник: по данным ФТС РФ

Рис. 1. Товарооборот РФ со странами АСЕАН в 2014–2015 гг.

Источник: [1].

Экономическое сотрудничество с Вьетнамом – российский путь в АСЕАН / Доклад на международной конференции в ИДВ РАН «Вьетнам: 70 лет независимости», октябрь 2015 г.

К факторам, вызвавшим эти сдвиги, отнесем, прежде всего, девальвацию рубля и снижение валютных цен на экспортные товары РФ при повышении цен на импортируемую продукцию. Допустим, что экспорт во Вьетнам растет в рамках расширения поставок в страны, не попавшие под встречные санкции России против США и ЕС. Не исключено внимание к вьетнамскому рынку со стороны нашего бизнеса после создания ЗСТ между ЕАЭС и СРВ. При этом для падения вьетнамского экспорта в РФ нет серьезных причин.

Показательно также изменение **баланса** взаимной торговли РФ-СРВ. В 2015 г. отрицательное сальдо России сократилось 4 раза по сравнению с предыдущим годом – до 210 млн долл., тогда как за 2011–2013 гг. выросло с 400 млн до 1200 млн долл. Вопрос в устойчивости такой тенденции: удастся ли России возродить положительный баланс, который был ранее характерен для наших связей? Полагаем, что дефицит во взаимной торговле – знаковое

явление, отражающее не только быстрый рост экономики и экспорта СРВ, но и наши собственные слабости, в т.ч. в конкуренции на местном рынке.

Противоречивы тенденции **поставок во Вьетнам** наших товаров. По данным ГТУ, доля нефтепродуктов упала (с 38% в 2014 г. до 12,5% в 2015 г.), а доля химических удобрений выросла с 16,7 до 21,1%. Интересно, что ФТС фиксирует обратную картину. Обе стороны отмечают сокращение примерно в два раза спроса на черные металлы и изделия из них. Объяснить общее снижение спроса на товары первого промышленного передела можно увеличением их выпуска в самом Вьетнаме в ходе импортозамещения.

Если суммировать поставки указанных товаров первичной переработки и других из того же ряда – бумаги, химикатов, пластмассы, синтетического каучука (вместе около 5%), то на них приходится 46% нашего экспорта. С учетом сырья эти группы преобладают, по данным ГТУ, дают 70%. В то же время удельный вес машин, оборудования, приборов, определявших объемы и динамику взаимной торговли, сегодня невелик – в 2015 г. он составил 12%. Остальное – товары повседневного спроса, в т.ч. продукты и лекарства. В отдельных позициях доля несырьевого экспорта растет, что особенно важно, в группе машинотехнической продукции. Общая доля несырьевых товаров в структуре российского экспорта превышает 59%, а высокотехнологичных изделий, не считая военной техники, в нем намного меньше.

Обнадеживает тенденция расширения номенклатуры экспорта пищевой продукции – мяса, мясной продукции, рыбы, жиров и масел животного и растительного происхождения. Пока ее удельный вес колеблется в пределах 5–6%, однако важна перспектива: именно на эти виды продукции будут резко снижены тарифные ставки с началом работы ЗСТ ЕАЭС-СРВ, значит, станет возможно нарастить российские поставки в данном сегменте рынка.

В структуре **вьетнамских поставок в Россию**, по данным ГТУ, более половины составляют изделия бытовой электроники. Второе место с долей выше 20% занимает продовольственная группа товаров, лидеры которой – кофе и морепродукты. На третьей позиции (свыше 10%) находятся текстильные изделия, одежда и обувь, по которым происходит снижение поставок. Следовательно, товары, которые недавно доминировали в экспорте СРВ, уступили позиции высокотехнологичной продукции. Ее рост может продолжиться в случае ограничений на прямой импорт подобных товаров из США, ЕС, Японии, наращивающих режим санкции против России.

Важнейшим инструментом увеличения взаимных поставок обе стороны считают **инвестиции** в сооружения крупных производственных объектов. Во время официального визита в РФ премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в мае 2016 г. подписано соглашение о создании совместной инвестиционной платформы, в которую Российский фонд прямых инвестиций и Вьетнамский государственный инвестфонд вложат по 250 млн долл. Ее прямое назначение – финансировать проекты, способствующие расширению внешней торговли и развитию малого и среднего бизнеса на территории наших стран [5].

До сих пор масштабные проекты реализуются только государственными предприятиями, прежде всего в сфере электроэнергетики, нефтегазодобычи.

В настоящее время крупный заказ на строительство ТЭС "Лонгфу-1" на юге СРВ выполняет российская компания "Силовые машины". Подготовку к строительству еще одной электростанции "Куангчат-2" начало "ИНТЕР-РАО". Ведутся переговоры по поставкам оборудования для модернизации действующих станций. Успешно работают СП Вьетсовпетро, Вьегазпром и их аналоги в РФ – лидеры двустороннего экономического сотрудничества.

Впервые с инициативой инвестиций в российский агропром выступил крупный частный бизнес СРВ: компания «ГН True Milk» начала создание в Московской и Калужской областях комплекса молочного животноводства полного цикла. Вложив до 2 млрд долл. во всю программу (на первом этапе 0,5 млрд), она намерена продавать на месте молоко и молочные продукты [4].

Тем фактом, что с 2015 г. иностранные инвестиции в Россию стали выгоднее, а российские за рубеж – наоборот, можно объяснить отсрочку реализации ряда наших крупных проектов в СРВ. Уже на 8–9 лет отложено строительство первой атомной электростанции в пров. Ниньтхуан. Компания Газпромнефть вышла из проекта реконструкции первого вьетнамского НПЗ Зунгкуат. Не реализуется проект ОАО «Газпром» и ГК «Петровьетнам» по экспорту в СРВ сжиженного газа, строительству завода по сжижению газа и газозаправочных станций для муниципального транспорта.

В такой обстановке правительство РФ использовало новый механизм продвижения наших товаров. Специальный межправительственный протокол (дополняющий Соглашение по ЗСТ с ЕАЭС) облегчил поставки российских транспортных средств в СРВ. Согласно ему, «ГАЗ», «КамАЗ» и «Соллерс» получили право на беспошлинный ввоз примерно по 800 машин и 4,5 тыс. комплектующих в течение 3 лет [3]. Так надо продвигать и другие товары.

Россия ищет пути не только поставки своих машин и оборудования, но и трансферта **ноу-хау**, который редко практиковался в постсоветский период. В этом плане ключевым направлением становится налаживание во Вьетнаме лицензионного производства ряда передовых образцов российской военной техники: ракетных катеров «Молния», различных видов стрелкового оружия, средств ПВО ближнего боя типа ПЗРК «Игла», беспилотников. Создаются условия для применения наших технологий судостроения, оснащения портов, как произошло в бухте Камрань при строительстве базы подводных лодок.

Подводя **итоги**, констатируем как позитивные тенденции развития экономики стран Юго-Восточной Азии и российско-вьетнамских отношений, так и наличие в них серьезных проблем. Очевидно, что поступательное экономическое развитие членов АСЕАН при серьезном спаде в российской экономике повышает для РФ значение и выгоды от сотрудничества с этой организацией, в т.ч. с целью компенсации последствий продовольственного эмбарго Запада против России и наших контрсанкций. Вместе с тем, как мы видим, имеющийся потенциал явно не используется. Поэтому правительству России важно активнее использовать новые форматы взаимодействия – зоны свободной торговли сначала с Вьетнамом, а затем – по той же модели – и с АСЕАН в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Аксенова Е.М. Экономическое сотрудничество с Вьетнамом – российский путь в АСЕАН / Доклад на международной конференции в ИДВ РАН «Вьетнам: 70 лет независимости», октябрь 2015 г.
2. Всеобъемлющее соглашение АСЕАН по инвестициям, 2009 г.
3. Информационное агентство «Лента.ру» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/03/21/uaz/>
4. Информационное агентство «ТАСС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/moskovskaya-oblast/3291597>
5. Информационное агентство «ТАСС» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/3285317>
6. Мазырин В.М. Вьетнам: зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2016, т.60, № 3. С. 74–75.
7. Мазырин В.М. Первое соглашение о свободной торговле Евразийского экономического союза с Вьетнамом // Международная экономика, 2015, № 11. С.23–35.
8. Мазырин В.М. Экономика Вьетнама на подъеме: тенденции 2013–2014 гг. // Вьетнамские исследования, вып.5. М.: ИДВ РАН. С.200.
9. Рамочное соглашение АСЕАН по услугам, 1994 г.
10. Современный Вьетнам. Справочник. М.: ИД Форум, 2015. С.174.
11. Соглашение АСЕАН по торговле товарами, 2004 г.
12. ASEAN Statistical Yearbook 2014: Table 13. Broad money supply (as of December 2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.asean.org/resources/category/asean-statistics> (дата обращения: 1.11.2015).
13. East Asia and Pacific Economic Update. Adjusting to a Changing World. The World Bank. Washington, April 2015. P.XVII-XVIII.
14. East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P.XIX.
15. Economic Intelligence Unit. Country forecast report. Washington, November 2013. P.34.
16. Harbingers of Recessions – Finance & Development, March 2014. IMF, February 27, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2014/03/bluedorn.htm> (дата обращения: 03.04.2014).
17. Ministry of finance of Vietnam. General department of customs. Table 2X. Statistics of main exports, December 2014. Hanoi, 2015.
18. Statistical Yearbook of Vietnam 2013, 2014. Hanoi, 2014. P.527, 2015. P. 788–789, 871.
19. Statistical Yearbook of Vietnam 2014. Op. cit. P.841–842.
20. World Economic Outlook Database. IMF, April 2014. P.64
21. World Economic Outlook Database. IMF, October 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?> (дата обращения: 22.11.2015).
22. Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P.3.
23. Báo cáo kinh tế Việt nam quý 4 – 2015. Op. cit. Tr.11–12
24. Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam Quý 3 – 2015. VEPR, 2015. P.7. quý 4 – 2015. Hà Nội, 2016. Tr.8.
25. Lựa chọn thành công. Bài học từ Đông Á và Đông Nam Á cho tương lai Việt Nam. Báo cáo chính thức của Chương trình Việt Nam thuộc Trung tâm Châu Á. Harvard

University [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.minhbien.org/?p=221 (дата обращения: 16.01.2008).

26. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.24, 27, 28.
27. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.30;
28. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.26, 29, 30–31
29. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.35.
30. Tình hình kinh tế – xã hội năm 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=621&ItemID=15507> (дата обращения: 22.02.2016).

REFERENCES AND SOURCES

1. Aksenova E.M. Economic cooperation with Vietnam – the Russian way to ASEAN / Report at the international conference "Vietnam: 70 years of independence" at the IFES RAS, October 2015.
2. ACIA, ASEAN Comprehensive Investment Agreement, 2009.
3. Information Agency "Lenta.ru" [Electronic resource]. Access mode: <https://lenta.ru/news/2016/03/21/uaz/>
4. Information Agency "TASS" [Electronic resource]. Access mode: <http://tass.ru/moskovskaya-oblast/3291597>
5. Information Agency "TASS" [Electronic resource]. Access mode: <http://tass.ru/ekonomika/3285317>
6. Mazyrin V.M. Vietnam: Free trade areas // World Economy and International Relations. 2016, vol. 60, No. 3. P. 74–75.
7. Mazyrin V.M. The first free trade agreement between the Eurasian Economic Union and Vietnam // International Economics, 2015, No. 11. P.23–35.
8. Mazyrin V.M. The economy of Vietnam on the rise: the trends of 2013–2014. // Vietnamese studies, Vol.5. Moscow: IFES RAS. P.200.
9. AFAS, ASEAN Framework Agreement in Services, 1994.
10. Modern Vietnam. Handbook. M.: ID Forum, 2015. P.174.
11. ATIGA, ASEAN Trade in Goods Agreement, 2004.
12. ASEAN Statistical Yearbook 2014: Table 13. Broad money supply (as of December 2014). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.asean.org/resources/category/asean-statistics> (reference date: 1.11.2015).
13. East Asia and Pacific Economic Update. Adjusting to a Changing World. The World Bank. Washington, April 2015. P.XVII–XVIII.
14. East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P.XIX.
15. Economic Intelligence Unit. Country forecast report. Washington, November 2013. P.34.
16. Harbingers of Recessions – Finance & Development, March 2014. IMF, February 27, 2014. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2014/03/bluedorn.htm> (reference date: 03.04.2014).
17. Ministry of finance of Vietnam. General department of customs. Table 2X. Statistics of main exports, December 2014. Hanoi, 2015.
18. Statistical Yearbook of Vietnam 2013, 2014. Hanoi, 2014. P.527, 2015. P. 788–789, 871.
19. Statistical Yearbook of Vietnam 2014. Op. cit. P.841–842.
20. World Economic Outlook Database. IMF, April 2014. P.64

21. World Economic Outlook Database. IMF, October 2015. [Electronic resource]. Access mode: [http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?](http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx) (reference date: 22.11.2015).
22. Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P.3.
23. Báo cáo kinh tế Việt nam quý 4 – 2015. Op. cit. Tr.11–12
24. Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam Quý 3 – 2015. VEPR, 2015. P.7. quý 4 – 2015. Hà Nội, 2016. Tr.8.
25. Lựa chọn thành công. Bài học từ Đông Á và Đông Nam Á cho tương lai Việt Nam. Báo cáo chính thức của Chương trình Việt Nam thuộc Trung tâm Châu Á. Harvard University [Electronic resource]. Access mode: www.minhbien.org/?p=221 (reference date: 16.01.2008).
26. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.24, 27, 28.
27. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.30;
28. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.26, 29, 30–31
29. Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P.35.
30. Tình hình kinh tế – xã hội năm 2015. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=621&ItemID=15507> (reference date: 22.02.2016).

ЭТНОТРАВМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ВЬЕТНАМСКИЙ КОНТЕКСТ

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов Москва (Россия). E-mail: radogost2000@mail.ru

Ким Леонид Иосифович, аспирант ИСПИ РАН, медико-социальная служба Акмолинского областного общества немцев «Видергебурт» г. Кокшетау, (Республика Казахстан)

Ключевые слова: этнотравма, национальное самосознание, общественное поведение, война во Вьетнаме, социальная реабилитация

Аннотация. Известно, что маргинальные конфликты внутренне присущи любой локализации сообществ. Но не каждое из них доводит память о своей этнической травме до состояния перманентного массового невроза, который чреват тем, что перекрывает пути здравому смыслу. В качестве конкретных исторических примеров этнотравмы можно назвать: поражение Казанского ханства в войне с Иваном Грозным, войны на Северном Кавказе России, введение «черты оседлости» для евреев в России, поражение Германии в Первой мировой войне и Версальский договор, капитуляция Германии во Второй мировой войне, обретение и потеря независимости балтийскими странами в промежутке между двумя мировыми войнами, поражение США во Вьетнаме. Также примером этнотравмы можно привести лингвокультурную русификацию в имперской России, которая протекала с разной степенью интенсивности. Лояльных балтийских немцев и армян она затронула достаточно поздно, а жителей Финляндии вообще едва коснулась.

ETHNOTRAMS AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: THE VIETNAM CONTEXT

Irina S. Karabulatova, Dr. filol.S., prof., Peoples' Friendship University of Russia Moscow (Russia). E-mail: radogost2000@mail.ru

Leonid I. Kim, PhD student ISPR RAS, Doctor of the highest category, medical and social services Akmola regional society of Germans "Wiedergeburt" Kokshetau (Kazakhstan).

Keywords: ethno-injury, national identity, social behavior, the Vietnam War, social rehabilitation

Abstract. It is known that the marginal conflicts inherent in any localization community. But not every one of them carries the memory of their ethnic status of permanent injury to the mass neurosis, which is fraught with the fact that overlaps the path of common sense. As specific historical examples include ethno-injury: the defeat of the Kazan Khanate in the war with Ivan the Terrible, the war in the North Caucasus, Russia, the introduction of "Pale" for the Jews in Russia, the defeat of Germany in World War I and the Treaty of Versailles, the surrender of Germany in the Second world war II, the acquisition and loss of independence of the Baltic countries between the two world wars, the US defeat in Vietnam. It is also an example of ethno-injury can lead Lingvokulturnaja Russification in imperial Russia, which flowed with varying degrees of intensity. Loyal Baltic Germans and Armenians it affected relatively late, and Finns in general barely touched.

Известно, что маргинальные конфликты внутренне присущи любой локализации сообществ. Но не каждое из них доводит память о своей этнической травме до состояния перманентного массового невроза, который чреват тем, что перекрывает пути здравому смыслу.

В качестве конкретных исторических примеров этнотравмы можно назвать: поражение Казанского ханства в войне с Иваном Грозным, войны на Северном Кавказе России, введение «черты оседлости» для евреев в России, поражение Германии в Первой мировой войне и Версальский договор, капитуляция Германии во Второй мировой войне, обретение и потеря независимости балтийскими странами в промежутке между двумя мировыми войнами, поражение США во Вьетнаме. Также примером этнотравмы можно привести лингвокультурную русификацию в имперской России, которая протекала с разной степенью интенсивности. Лояльных балтийских немцев и армян она затронула достаточно поздно, а жителей Финляндии вообще едва коснулась.

Этнотравма, как один из тридцати векторов жизнеобеспечения, является одной из мощнейших энергетических доминант в комплексе национального самосознания этноса [10]. Мы должны констатировать, что сам межэтнический конфликтный дискурс обладает естественной сущностью как неизбежная данность эволюционного развития этнических групп: он ни позитивен, ни негативен, он просто есть. Однако в ходе межэтнического конфликтного дискурса возникает проблема реализации «современной языковой личности в пространстве межкультурных коммуникаций» [13]. Сегодняшние массовые беспорядки в ЕС, на наш взгляд, имеют тесную связь с переживанием последствий этнотравмы и всемирным публичным покаянием немцев из-за злодеяний во второй мировой войне. Мы полагаем, что создание благоприятных условий для возвращения евреев в Германию, приглашение на работу турков, прием ближневосточных беженцев имеют под собой единое обоснование – переживание опыта психотравмирующей ситуации на уровне всего этноса.

В настоящее время важнейшим фактором становится нарастающий кризис идентичностей, носящий всеохватный характер [7]. В политической сфере долгая и кровопролитная война США во Вьетнаме имела самые тяжелые психотравмирующие последствия для США как внутри страны, так и за ее пределами, поскольку, по емкому замечанию «New York Times» от 6 ноября 1972 г., привела Соединенные Штаты к духовному позору. Одним из следствий участия США в войне во Вьетнаме является возникновение «вьетнамского синдрома» (Vietnam Syndrome). Сущность «вьетнамского синдрома» заключается в отказе американцев выступать в поддержку участия США в военных кампаниях, которые носят длительный характер, не имеют четких военных и политических целей, сопровождаются значительными потерями среди американских военнослужащих. Конкретным выражением «вьетнамского синдрома» стали антиинтервенционистские настроения, когда возросшее стремление американского народа к неучастию своей страны в военных действиях за рубежом нередко стало сопровождаться требованием исключить войну из арсенала средств национальной политики правительства как метода решения внешнеполитических кризисов. Установка на то, чтобы из-

бегать ситуаций, чреватых «вторым Вьетнамом», оформилась в виде лозунга «Больше никаких Вьетнамов!». Вьетнамская война расколола американское общество на две части. Для одних она стала примером авантюры, неправомерным навязыванием собственных ценностей, чуждых вьетнамскому народу. Для других – миссией, направленной против распространения коммунизма и в защиту американской демократии. Из-за поражения во Вьетнаме был поколеблен миф о неприступности и мощи американской армии, а среди американского населения возникла тенденция к обособленности, замкнутости только в пределах своей страны, на своем континенте, к осознанному нежеланию знать что-либо о происходящем в мире. Эта неизоляционистская позиция противоречила стратегическим замыслам американских правящих кругов. Кроме того, одним из итогов поражения Америки во Вьетнаме стало недоверие к милитаристским кругам и Пентагону [3]. Новым многосторонним институтом является действующий с 1995 г. региональный форум по вопросам безопасности. Его участники – девять стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Камбоджа, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и государства – партнеры АСЕАН – США, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Корея, Россия, КНР, а также представитель Европейского союза и КНДР. Эта организация не является военно-политической структурой в обычном смысле слова. Значение ее деятельности – в поддержании диалога и мониторинге стратегической ситуации [11].

В июле 2015 г. состоялась исторически значимая встреча президента США Б. Обамы и Генсека Нгуена Фу Чонга. По итогам встречи генсека ЦК КПВ с президентом Обамой было опубликовано совместное заявление, в котором в числе прочего говорится: «США и Вьетнам признают позитивные и важные события во многих сферах сотрудничества за последние 20 лет с момента установления дипломатических отношений». Упоминается рост экономического и торгового сотрудничества, «сотрудничества по наследию войны» (которая, напомним, стоила жизни от 900 тыс. до 2 млн вьетнамских граждан). США будут помогать Вьетнаму избавиться от неразорвавшихся боезарядов и лечить пострадавших от отравляющих веществ во время Вьетнамской войны. Более того, Вашингтон и Ханой дают обещание обмениваться оборонными технологиями. США выгодно поддержать Вьетнам, потому что создается альтернатива могуществу Китая. США будут играть на вьетнамо-китайских противоречиях. Тем самым США пытаются выбить Вьетнам из общей стратегии продвижения России на восток. В период с 1988 года Вьетнам проводил политику диверсификации отношений, что в итоге привело к сокращению доли России в пользу США и стран АСЕАН в международной торговле Вьетнама [9]. В настоящее время вьетнамцы находятся на 4 месте по численности в США. Массовая иммиграция вьетнамцев в США началась лишь с завершением Вьетнамской войны в 1975 году, однако за этот короткий промежуток времени они успели создать здесь многочисленную и прочную диаспору [14]. Создание благоприятного климата для приезжающих вьетнамцев в США является своеобразной компенсацией за этно-травму военного конфликта.

В этом контексте ситуация носит некоторые общие черты, которые мы наблюдаем с всемирным публичным покаянием немцев за злодеяния во Второй мировой войне и приемом мигрантов с Ближнего Востока. В мае 2015 г. Глава МИД Германии публично попросил прощения у России за «неизлечимые страдания», полученные россиянами во Второй мировой войне [4]. В то же время существуют термины «преодоление прошлого» и «проработка прошлого» [1]. Первоначально они возникли в связи с процессом денацификации в Западной Германии. В настоящее время под преодолением прошлого подразумевается использованная новыми демократическими государствами (Германия, Испания, страны Латинской Америки, постсоциалистические страны Восточной Европы и др.) политическая практика, направленная на переоценку своего исторического прошлого, связанного с диктаторскими методами правления, и формирование отношения к нему. В каждой стране эта процедура имеет свои особенности.

Так, например, в Германии процесс преодоления прошлого был начат по инициативе Англии и США, когда выяснилось, что, несмотря на проигрыш в войне, рядовые немцы не перестали верить в величие фюрера и в то, что нацистская идея в целом была правильной. Он включал четыре составляющих: денацификацию, демилитаризацию, декартелизацию и демократизацию. Денацификация началась с юридического наказания виновных в преступлениях против человечности и военных преступлениях. От коллективной вины в ее политическом и моральном аспекте не так просто избавиться. Она прилипает, следует по пятам за человеком. Потому что человек, сформированный в рамках определенной национальной культуры, не может отречься от нее и от народа ее создавшего, так как эта культура определяет большую часть его личности и, соответственно, он вынужден принимать не только гордость за тот народ, из которого он вышел, но и бремя вины этого народа. В этой связи, на наш взгляд, особый интерес представляют инклюзии, которые внедряет общество немецкой культуры «Видергебурт» г. Кокшетау в работу с лицами, имеющими те или иные ограничения здоровья. Само немецкое сообщество в Северном Казахстане относится к так называемой «старой» диаспоре и представляет собой возрастных членов казахстанского общества, поэтому предлагаемый опыт казахстанского общества немецкой культуры может быть интересен как новая дискурсивная практика социализации и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Организация такого рода медико-социальной помощи при Акмолинском областном обществе немцев «Видергебурт» г. Кокшетау обусловлена тем, что, в данное общество входят лица, как правило, пожилого возраста, которые вследствие своих возрастных особенностей имеют те или иные патологии опорно-двигательного аппарата, невротические и психические нарушения вследствие продолжительного стресса в условиях концлагерей, ссылок, трудовых лагерей в период второй мировой войны [6].

Попытка отречься от своих культурных корней подобна тому, что человек на словах отрекся от своих родителей. Человек, не глухой к голосу совести, вынужден искупать коллективную вину, вину за своих сородичей. К коллективной политической ответственности американцев можно отнести сохраняю-

щуюся межрасовую напряженность. С одной стороны, белый американец пользуется плодами американской белой цивилизации, но с другой, вынужден терпеть неприятности из-за неблагоприятных поступков своих предков. И хотя многие вещи искупить невозможно, потому что невозможна никакая компенсация, голос совести побуждает человека делать то, что в его силах.

К. Ясперс подчеркивал особую важность нравственного покаяния. Он считал, что именно моральные слабости приводят к жизни уголовную и политическую вину. А они, в свою очередь, коренятся в исторической традиции народа [12]. Этот процесс особенно ярко наблюдается при диалоге диаметрально противоположных культур, что характерно для современной эпохи глобализации и миграций [2; 8; 5]. Плюрализм и множество образцов при разрушающихся традициях ставят индивида перед выбором. Здесь возможны самые разные варианты, от полного отказа от собственной национальной, культурной, гражданской и др. идентичностей до обратной реакции, когда универсализация вызывает всплеск ответной реакции самосохранения. Это одна из могучих энергетических доминант в комплексе национального самосознания этноса. Этнотравмы, связанные с каким-либо историческим фактом в современной политике, обретают гипертрофированные черты и требуют включения в компенсаторный механизм национальной идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html> (дата обращения: 04.09.2016).
2. Акрамов Ш.Ю., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Акрамов Ф.Ш. Социально-экономическое состояние современных таджикских семей: эффект социально-демографических последствий трудовой миграции из Таджикистана в Россию // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М.: Уфа: Ростов-на-Дону, 2015, т.2, с.44–49.
3. Байрамкулова Л.Л. Последствия вьетнамской войны для США [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1182 (дата обращения: 01.09.2016).
4. Глава МИД Германии попросил прощения у россиян за «неизмеримые страдания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2015-05-09/Glava-MID-Germanii-poprosil-proshheniya> (дата обращения: 04.09.2016).
5. Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Гришанова А.Г. Миграционные мосты в Евразии: старые и новые тренды // Миграционное право, №1, 2015. – с. 5–8.
6. Карабулатова И.С., Ким Л.И. Социально-экономический эффект современных инклюзивных дискурсивных практик в социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. 2015, №3 (13), сентябрь. – С. 54–59.
7. Лэндри Ч., Матарассо Ф. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики. В сб.: Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. М.: Либерия, 2002.
8. Лукьянец А.С., Письменная Е.Е., Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Маньшин Р.В. Изменения климата как фактор трансформации геополитических отношений: специфика миграции из Вьетнама в Россию// Социально-экономические и гума-

нитарно-философские проблемы современной науки. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону, 2015, т.3, с.111–115.

9. Мошкин М., Резчиков А. Вьетнам становится полем конкуренции между Россией и США, от 8 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/world/2015/7/8/755098.html> (дата обращения: 04.09.2016).

10. Осипов Г., Карабулатова И., Шафранов-Куцев Г., Кононова Л., Ахметова Б., Лоскутова Е., Ниязова Г. Последствия этнотравмы в современной ментальной картине мира у народов постсоветского пространства: межэтнический конфликтный дискурс в современном этнолингвоинформационном пространстве России // Центральная Азия и Кавказ. 2016, Том 19. №2, с.100 – 108.

11. Торкунов А. Современные международные отношения. Глава 3. Международные отношения в Восточной Азии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/12.php (дата обращения: 03.09.2016).

12. Ясперс К. Вопрос о виновности. – Москва, Прогресс, 1999.

13. Karabulatova I.S., Koyche K.K., Gulyaev V.N. The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstani Border-Zone // Middle-East Journal of Scientific Research 2013, Vol. 17, №. 7, pp. 853–858.

14. The Vietnam American Community [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.asian-nation.org/vietnamese-community.shtml> (дата обращения: 04.09.2016).

REFERENCES AND SOURCES

1. Adorno T. What does "working through the past" [Electronic resource]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html> (reference date: 09.04.2016).

2. Akramov S.H.YU., S.V. Ryazantsev, Karabulatova I.S., Akramov F.Sh. SOCIO-ECONOMIC CONDITION OF MODERN Tajik families: the effect of socio-demographic consequences of migration from Tajikistan to RUSSIA // Socio-economic and humanitarian-philosophical problems of modern science. М.: Ufa Rostov-on-Don, 2015, Volume 2, s.44–49.

3. Bairamkulova L.L. The consequences of the Vietnam War for the United States [Electronic resource]. Access mode: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1182 (reference date: 09.01.2016).

4. The head of the German Foreign Ministry apologized to the Russians for "immeasurable suffering" [Electronic resource]. Access mode: <https://russian.rt.com/inotv/2015-05-09/Glava-MID-Germanii-poprosil-proshheniya> (reference date: 04.09.2016).

5. Karabulatova I.S., S.V. Ryazantsev, Grishanova A.G. Migration bridges in Eurasia: old and new trends // Immigration Law, №1, 2015. – p. 5–8.

6. Karabulatova I.S., Kim L.I. Socio-economic benefits of modern inclusive discursive practices in the social rehabilitation of persons with disabilities // Herald UGAES. The science. Education. Economy. 2015, №3 (13), September. – S. 54–59.

7. Charles Landry, Matarasso F. How to keep the balance? Twenty-one strategic dilemma of cultural policy. М.: The Cultural Policy in Europe: the choice of strategies and benchmarks. М.: Libereya 2002.

8. Lukyanets A.S., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S., Ryazantsev S.V., R.V. Manshin. Climate change as a factor of transformation of geopolitical relations: the specificity of migration from Vietnam to Russia // Socio-economic, humanitarian and philosophical problems of modern science. Moscow: Ufa Rostov-on-Don, 2015, v.3, s.111–115.

9. Moshkin M ., Rezchikov A. Viet Nam has become the competition between Russia and the United States, from July 8, 2015 [Electronic resource]. Access mode: <http://vz.ru/world/2015/7/8/755098.html> (reference date: 09.04.2016).

10. Osipov G., Karabulatova I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Niyazova G. Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space// Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. Vol.17, Issue 2, 2016, pp.: 87– 94.

11. Torkunov A. Contemporary International Relations. Chapter 3. International Relations in East Asia [Electronic resource]. Access mode: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/12.php (reference date: 09.03.2016).

12. K. Jaspers question of guilt. – Moscow, Progress, 1999.

13. Karabulatova I.S., Koyche K.K., Gulyaev V.N. The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstani Border-Zone // Middle-East Journal of Scientific Research 2013, Vol. 17, number. 7, pp. 853–858.

14. The Vietnam American Community [Electronic resource]. Access mode: <http://www.asian-nation.org/vietnamese-community.shtml> (reference date: 04.09.2016).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В АКВАТОРИИ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО (ВОСТОЧНОГО) МОРЯ

Ахметова Бигайша Зейнульевна, Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой теории языков и литератур, доцент, Костанайский государственный университет имени А. Батурсьнова, Костанай (Казахстан)

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва (Россия). E-mail: radogost2000@mail.ru

Ключевые слова: геополитическая безопасность, приграничные территории, Южно-Китайское (Вьетнамское) море, социально-экономический эффект, политическая лингвистика.

Аннотация. Проблема Южно-Китайского моря носит не экономический или идеологический, а стратегический характер. Южно-Китайское море имеет большое значение для многих государств данного региона, прежде всего, для Китая, Вьетнама, Филиппин. Южно-Китайское море во Вьетнаме называют Восточным морем и, редко, Вьетнамским морем. В то же время президент Филиппин издал указ о переименовании Южно-Китайского моря в Западно-Филиппинское [3]. Именно это море является одним из окраинных морей западной части Тихого океана. Вьетнам занимает в Южно-Китайском море выгодное центральное положение и имеет самую большую длину побережья. Южно-Китайское море имеет важнейшее значение для Вьетнама и соседних стран. Это обусловлено тем, что оно: 1) является единственным морем, омывающим Вьетнам; 2) имеет очень большую береговую линию у Вьетнама; 3) формирует климат всего Индокитайского полуострова; 4) обладает большим объемом биоресурсов и залежей углеводородов; 5) является важным транспортным коридором. Приграничные территории всегда обладали и обладают мутуальными чертами, обусловленные близостью культур в зонах контакта, что накладывает специфику на характер взаимодействия.

GEOPOLITICAL AND ECONOMIC PROBLEMS IN AQUATORIES OF THE SOUTH-CHINESE (EASTERN) SEA

Akhmetova Bigaysha Zeynulleвна, Candidate of Philology, head of the department of languages and literature theory, Associate Professor, Kostanai State University im. A. Baturynova Kostanay, (Kazakhstan).

Karabulatova Irina Sovetovna, Irina S. Karabulatova, Dr. filol.S., prof., Peoples' Friendship University of Russia Moscow (Russia). E-mail: radogost2000@mail.ru

Keywords: geopolitical security, border areas, South China (Vietnam) Sea, the socio-economic impact, political linguistics.

Abstract. The problem of the South China Sea is not economic or ideological, and strategic. South China Sea is of great importance for many countries in the region, primarily to China, Vietnam, the Philippines. South China Sea in Vietnam called the East Sea, and, rarely, Vietnam Sea. At the same time President of the Philippines issued a decree to rename the South China Sea in the West Philippine [3]. It is the sea is one of the marginal seas of the western Pacific Ocean. Vietnam enjoys a prime central location, and has the largest long coast in the South China Sea. South China Sea is essential to Viet Nam and

neighboring countries. This is due to the fact that it: 1) is the only sea, bordering Vietnam; 2) it has a very large coastline of Vietnam; 3) generates a climate of all of Indochina; 4) has a large amount of biological resources and hydrocarbon deposits; 5) it is an important transport corridor. The border area has always had and have the features of mutuals, due to the proximity of cultures in contact zones that impose specificity on the nature of the interaction.

Проблема использования Южно-Китайского (Восточного) моря носит не только экономический, но идеологический и стратегический характер. Южно-Китайское (Восточное) море имеет большое значение для Китая, Вьетнама, Филиппин. Его во Вьетнаме называют Восточным морем и иногда Вьетнамским морем. В то же время президент Филиппин издал указ о переименовании Южно-Китайского моря в Западно-Филиппинское. Именно это море является одним из окраинных морей западной части Тихого океана. Вьетнам занимает в Южно-Китайском море выгодное центральное положение и имеет самую большую длину побережья.

Для Вьетнама Южно-Китайское (Восточное) море имеет важное значение для Вьетнама: 1) является единственным морем, омывающим Вьетнам; 2) имеет очень большую береговую линию у Вьетнама; 3) формирует климат всего Индокитайского полуострова; 4) обладает большим объемом биоресурсов и залежей углеводородов; 5) является важным транспортным коридором [4]. Приграничные территории всегда обладали и обладают мутуальными чертами, обусловленные близостью культур в зонах контакта, что накладывает специфику на характер взаимодействия [9].

Для определения позиции РФ на внешнеполитической арене в ситуации роста геополитического конфликта по Южно-Китайскому (Восточному) морю необходимо понимать, что территориальный спор вокруг островов в Южно-Китайском (Восточном) море имеет более чем полувековую историю. В 1940–1970-е годы многие острова, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому договору, были оккупированы прибрежными государствами. Находящийся на севере Южно-Китайского моря Парасельский архипелаг достался Китаю, а вот расположенный южнее архипелаг Спратли оказался под контролем КНР, Тайваня, Вьетнама, Малайзии и Филиппин. Конфликт тихо тлел до середины 2000-х, однако в последнее десятилетие споры заметно обострились. Главной причиной стал рост амбиций и, что важнее, военных возможностей Китая [1]. В этом отношении проблема Южно-Китайского моря имеет явные параллели с проблемой черноморских проливов в европейской политике XIX – начала XX века, с той разницей, что проблема черноморских проливов напрямую затрагивала лишь интересы некоторых великих держав, а проблема Южно-Китайского моря глобальна и касается всех. Потрясение в этом районе (такое, как нарушение режима судоходства) отразится самым серьезным образом на всей мировой экономике. Проблемы здесь повлияют даже на те страны, которые сами не используют акваторию Южно-Китайского моря в своей торговле – хотя бы через сильные колебания цен на торгуемые сырьевые товары.

Ставкой в игре в Южно-Китайском море является не юридически оформленный суверенитет, а реальный военный контроль над главной морской артерией мировой экономики. Через Южно-Китайское море и Малаккский пролив, имеющий в самой узкой точке ширину около 2,5 км, проходит 25% всей мировой торговли товарами, 25% всей перевозимой по морю нефти и около трети всего торгуемого объема сжиженного природного газа. Через Южно-Китайское море идет около 60% всей внешней торговли Китая. Зависимость от проходящих здесь артерий со стороны других региональных экономик, например Японии, Южной Кореи и Австралии, является еще более высокой. Япония получает через Южно-Китайское море и Малаккский пролив около 80% импортируемых энергоносителей. Надо понимать, что искусственные китайские острова не дают права на территориальные воды. В этом контексте значение Южно-Китайского моря для Вьетнама чрезвычайно высоко [2].

Угрозы, связанные с блокированием или нарушением судоходства в Южно-Китайском море и Малаккском проливе, естественно, занимают одно из центральных мест в стратегическом планировании стран региона. Особое внимание соответствующим проблемам уделяет сильнейшая держава региона, Китай, предыдущий лидер которого, Ху Цзиньтао, охарактеризовал их как «малаккская дилемма».

Таблица 1.

Оценка запасов газа и нефти в Южно-Китайском море

Country name	Crude oil and liquids reserves (billion barrels)	Natural gas reserves (trillion cubic feet)
Brunei	1.5	15
China	1.3	15
Indonesia	0.3	55
Malaysia	5.0	80
Philippines	0.2	4
Taiwan	-	-
Thailand	-	1
Vietnam	3.0	20
Total	11.2	190

Источник: [10].

Миф о нефтегазовых богатствах как об основной причине борьбы за острова достаточно легко опровергается. Южно-Китайское море как таковое, разумеется, весьма богато ресурсами. Однако подавляющее большинство доказанных запасов нефти и газа в этом районе находится вдалеке от спорных островов, в районах, уже находящихся под надежным и неоспоримым контролем прибрежных государств.

Хотя разведка и добыча углеводородов уже становилась причиной конфликтов в Южно-Китайском море (например, в 2014 году Пекин и Ханой спорили о буровой платформе, которую установили китайские нефтя-

ники в исключительной экономической зоне Вьетнама), гораздо большую напряженность вызывают споры вокруг другого ценного ресурса – морской рыбы. На Южно-Китайское море приходится около 12% мирового улова рыбы. Для КНР рыбная ловля и аквакультура – стратегическая отрасль, дающая около 3% ВВП и выручку \$279 млрд ежегодно. В рыбной ловле заняты до 9 млн человек, причем для многих из них это единственный возможный способ трудоустройства [5].

Таблица 2.

Оценка запасов нефти и газа в Южно-Китайском море

South China Sea estimated proved and probable reserves			
Country name	Crude oil and liquids reserves (billion barrels)	Natural gas reserves (trillion cubic feet)	
Brunei	1.5	15	
China	1.3	15	
Indonesia	0.3	55	
Malaysia	5.0	80	
Philippines	0.2	4	
Taiwan	-	-	
Thailand	-	1	
Vietnam	3.0	20	
Total	11.2	190	

Источник: [11].

Учитывая, насколько загрязнены прибрежные и внутренние воды КНР, рыба и морепродукты из Южно-Китайского моря – это премиальный сегмент, в лучших ресторанах официанты доверительно шепчут разборчивым клиентам, что «рыбка не местная, а прямым из Южного моря, волноваться не о чем». Наконец, рядом с некоторыми из созданных китайцами в последнее время искусственными островами, рядом с взлетно-посадочными полосами для боевых самолетов сразу появились затоны для выращивания рыбы и гребешка.

Ставкой в игре в Южно-Китайском море является не юридически оформленный суверенитет, а реальный военный контроль, в случае утверждения которого в Юго-Восточной Азии возникнет новая стратегическая реальность. В сочетании с общим ростом китайских военных возможностей в регионе эффективный контроль китайского флота над главной морской артерией мировой экономики поставит под вопрос способности США по уравновешиванию китайского влияния.

Таблица 3.

Рост ВВП в КНР и странах АСЕАН (по фиксир. ценам, %).

Country	2009	2010	2011	2012	2013
Brunei Darussalam	-1.765	2.598	2.209	1.295	1.187
Cambodia	0.088	6.096	7.079	6.451	6.676
China	9.214	10.447	9.295	7.800	8.038
Indonesia	4.629	6.224	6.490	6.226	6.300
Lao P.D.R.	7.502	8.131	8.039	8.313	8.027
Malaysia	-1.513	7.154	5.084	5.613	5.100
Myanmar	5.144	5.345	5.460	6.302	6.467
Philippines	1.148	7.632	3.909	6.591	6.023
Singapore	-0.787	14.781	5.160	1.319	2.012
Thailand	-2.330	7.811	0.077	6.435	5.883
Vietnam	5.323	6.784	5.885	5.020	5.238

Источник: [8].

Несмотря на негативное для Китая решение по Южно-Китайскому морю, обострение конфликта пока не произошло. Дав выплеснуть негатив рассерженным горожанам, Пекин демонстрирует соседям свое миролюбие. США тоже пытаются согласовать с КНР успокоительные меры. Но все эти движения вовсе не означают, что стороны всерьез намерены искать компромисс. Сейчас мало что напоминает, что совсем недавно Китай потерпел едва ли не самое унижительное дипломатическое поражение за время правления нынешнего лидера Си Цзиньпина. Когда 12 июля 2016 г. панель международных экспертов, действующая под эгидой Постоянной палаты третейского суда в Гааге, вынесла почти пятисот страничное решение по делу №2013-19 «Республика Филиппины против КНР», многое говорило в пользу того, что Пекин будет переживать этот кризис очень болезненно. Арбитраж рассматривал иск Манилы к Пекину в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 года и должен был оценить юридический статус ряда спорных участков суши в Южно-Китайском море (ЮКМ), а также высказаться о действиях китайских властей вроде создания искусственных островов на отмелях или ограничений для филиппинских рыбаков.

Накануне вердикта бывший член китайского Госсовета Дай Бинго, которого считают одним из доверенных лиц Си Цзиньпина по внешней политике, во время выступления в Фонде Карнеги назвал будущее решение «всего лишь клочком бумажки». Похожим образом 12 июля высказался и сам Си, заявив на встрече с руководством ЕС, что «суверенитет и интересы КНР в Южно-Китайском море ни в коей мере не будут затронуты решением так называемого арбитража». На всех уровнях китайские чиновники как заведенные твердили «четыре не»: «Не соглашаться, не участвовать, не признавать, не исполнять».

Многие ожидали, что вердикт будет в пользу Филиппин, но почти никто не предполагал, что арбитраж поддержит Манилу практически по всем пунктам.

Такое международное решение демонстрирует реальные рычаги влияния на китайскую внешнюю политику и будет использоваться международным сообществом для «усмирения» appetites китайского «дракона».

В международных отношениях при определении границ долгое время использовали «the land dominates the sea principle» [6], что практически означало, что значимым считалось лишь то, какой частью суши обладает та или иная страна, при этом та часть ее территории, которая приходилась на море и/или океан, практически не учитывалась. Это обстоятельство привело к большой путанице в определении морских границ, поскольку многие из них приходится делать по ранее неразделенной территории [7]. В результате неопределенный статус морских границ создает проблему безопасности для всего региона.

Итак, проблема Южно-Китайского моря тесно связана с целым рядом конфликтов международного значения, которые оказывают влияние не только на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона, но также влияют на глобальную расстановку сил. Например, сложно переоценить то стратегическое значение, которое имеют Парасельские острова и Тонкинский залив, поскольку если какое-то одно государство станет их контролировать, то оно фактически приобретает автоматический контроль над торговыми путями, соединяющими два океана – Тихий и Индийский. Следовательно, такое государство будет оказывать определяющее воздействие на экономическое развитие региона. Кроме того, острова Спратли также важны в политическом, экономическом и военном значении. Обе группы островов могут быть использованы как плацдармы для ведения военных наблюдений, в том числе за подводными лодками, а также для разведывательных мероприятий и строительства военных баз, размещения войсковых частей.

Вместе с тем, нельзя забывать, что эти территории находятся вблизи от российских и японских границ, поэтому могут угрожать национальной безопасности этих стран, а также прямо или косвенно затрагивать интересы США. Однако торговые пути Южно-Китайского моря сложно определить как безопасные. Страны региона регулярно предпринимают попытки оставить за собой ту или иную часть Южно-Китайского моря, что обоснованно влечет за собой соответствующую реакцию остальных претендентов и провоцируют конфликт. Такая нестабильная ситуация создает благоприятные предпосылки для деятельности пиратов, что негативно влияет на возможности дальнейшего экономического развития всего региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Канаев Е.А. АСЕАН и кодекс поведения в Южно-Китайском море [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top-content (дата обращения 05.09.2016).

2. Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Лукьянец А.С. Социально-экономическое положение Вьетнама в контексте развития новых форм миграции // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону, 2015, т.2, с.138–146.

3. Президент Филиппин издал указ о переименовании Южно-Китайского моря в Западно-Филиппинское [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2012-09/12/c_113057382.htm (дата обращения 05.09.2016).

4. Степанов Е.Д., Мурашева Г.Ф. Спорные проблемы в Южно-Китайском море // Границы Китая: история формирования/ Под ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. – С.415–429.

5. Capt A. Deciding Sovereignty Disputes: Ownership Claims Over “Land Features” in the South China Sea// The Materials from the 4 International Workshop “The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development, 19–21 November, 2012, Vietnam.

6. Deng Y. China’s Legal Enforcement on Anti-Piracy in South China Sea, Institute for South China Sea Studies, Hainan, China, 2010.

7. Djalalm H. The South China Sea in Legal Perspective // The Materials from the 4 International Workshop “The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development, 19–21 November, 2012, Vietnam.

8. International Monetary Fund [Electronic resource]. Access mode: <http://www.imf.org>

9. Karabulatova I.S. and B.Z.Akhmetova. Characteristics of Social-Cultural Vitality of Modern Russian Settlements of the Former Gorky Line of Kazakhstan. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – pp.201–206.

10. South China Sea estimated proved and probable reserves. The US Energy Information Agency [Electronic resource]. Access mode: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=SCS>

11. The US Energy Information Agency [Electronic resource]. Access mode: http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/South_China_Sea/south_china_sea.pdf

REFERENCES AND SOURCES

1. Kanaev EA ASEAN and the Code of Conduct in the South China Sea [Electronic resource]. Access mode: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top-content (reference date 09.05.2016).

2. Pismennaya E.E., S.V. Ryazantsev, Karabulatova I.S., A.S. Lukyanets Socio-economic situation of Vietnam in the context of the development of new forms of migration // Socio-economic, humanitarian and philosophical problems of modern science. Moscow: Ufa Rostov-on-Don, 2015, Volume 2, s.138–146.

3. President of the Philippines issued a decree to rename the South China Sea in the West Philippine [Electronic resource]. Access mode: http://news.xinhuanet.com/world/2012-09/12/c_113057382.htm (reference date 09.05.2016).

4. Stepanov, E.D., Murasheva G.F. Controversial issues in the South China Sea, China // Boundaries: formation history / ed. V.S. Myasnikova and E.D. Stepanova. М., 2001. – Pp.415–429.

5. Capt A. Deciding Sovereignty Disputes: Ownership Claims Over “Land Features” in the South China Sea// The Materials from the 4 International Workshop “The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development, 19–21 November, 2012, Vietnam.

6. Deng Y. China’s Legal Enforcement on Anti-Piracy in South China Sea, Institute for South China Sea Studies, Hainan, China, 2010.

7. Djalalm H. The South China Sea in Legal Perspective // The Materials from the 4 International Workshop “The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development, 19–21 November, 2012, Vietnam.

8. International Monetary Fund [Electronic resource]. Access mode: <http://www.imf.org>

9. Karabulatova I.S. and B.Z. Akhmetova. Characteristics of Social-Cultural Vitality of Modern Russian Settlements of the Former Gorky Line of Kazakhstan. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – Pp.201–206.

10. South China Sea estimated proved and probable reserves. The US Energy Information Agency [Electronic resource]. Access mode: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=SCS>

11. The US Energy Information Agency [Electronic resource]. Access mode: http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/South_China_Sea/south_china_sea.pdf

ANALYSIS OF SITTAAN AND LABOUR MIGRATION IN MYANMAR DURING THE COLONIAL PERIOD

Nyo Nyo Khin, Dr. Professor & Head, Department of History, Mandalay University of Foreign Languages. E-mail: nyonyokhin1@gmail.com

Keywords: Sittan, Census, Labour, Migration.

Abstract. In Myanmar history Myanmar Kings used Sittan or revenue inquest or Census to determine their tax collection and military manpower. The Myanmar kings since Bagan times had graded each town and village by the taxes and levy if could rise. During reign of Min Byan Min (1352–1366) the earliest Sittan was ordered on 12 March 1359. The first nationwide census was commissioned in 1638 during the reign of King Thalun (1633–1648). During the reign of Bodawpaya the second national revenue inquest in 1783 and third national revenue inquest in 1802 was carried out to obtain a complete record of the officials, population and resources of the whole of the Myanmar Empire. These documents were stored in the Royal Treasury. The first population census in Lower Myanmar the British were held in 1872, since then censuses of regular intervals of ten years were taken till 1941. After the British occupied the Lower Myanmar, during the war, large number of people from Lower Myanmar fled to Upper Myanmar. With opening the Suez Canal, rice cultivation in Lower Myanmar took on a new character for export. The British tried to draw labours from Upper Myanmar for economic development. As the labour demand immigration from Thailand, Malaya, China and India were encouraged by the British. In 1909, most of the cultivable lands in Myanmar were owned by the Chittyars. Besides, the British enacted emigration law in 1919. It is found that British practice and divided and rule policy by employing Indian labour. This paper is focused on history of Sittan in Myanmar and why the Myanmar labours and Indian labours in Myanmar migrated.

АНАЛИЗ «СИТТАН» И ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В МЬЯНМЕ ВО ВРЕМЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Нью-Нью Хин, доктор наук, профессор, заведующая кафедрой истории Мандалайского университета иностранных языков. E-mail: nyonyokhin1@gmail.com

Ключевые слова: Sittan, перепись населения, трудовая миграция

Аннотация. В Мьянме используют Sittan или переписи, чтобы определить сбор налогов и военную живую силу. Во время правления мин Бьян мин (1352–1366) первой Sittan был заказан 12 марта 1359. Первая всеобщая перепись населения была проведена в 1638 году во время правления короля Thalun (1633–1648). Во время правления Bodawpaya в 1783 году и в 1802 году были проведены переписи, чтобы получить полную информацию о населении и ресурсах всей империи Мьянма. Эти документы хранились в Королевской сокровищнице. Первая перепись населения в нижней Мьянме была проведена в 1872 году, с тех пор регулярные переписи населения проводились с интервалом в десять лет до 1941 года. После того, как англичане оккупировали нижнюю Мьянму, во время войны, большое число людей из нижней Мьянмы бежали в верхнюю Мьянму. С открытием Суэцкого канала, выращивание риса в Нижней Мьянма приобрело новые возможности для экспорта. Англичане пытались привлечь рабочую силу из верхней Мьянмы для экономического развития. Таким обра-

зом был увеличен спрос на трудовую миграцию из Таиланда, Малайзии, Китая и Индии. В 1909 году, большинство пахотных земель в Мьянме принадлежали Chittyars. Кроме того, в Великобритании был принят закон Об эмиграции в 1919 году. Данная статья посвящена истории Sittan в Мьянме и почему рабочая сила Мьянмы и Индии прибегает к миграции.

Introduction

A country is based on the economic and social as well as human factor. The growth of population narrates the political, economic and social aspects in the past and also illustrates the development of the country of the present day. In Myanmar, Myanmar Kings used Sittans or land revenue or census. Majority of population in Myanmar were farmers as Myanmar had been an agricultural country. To expand Myanmar cultivation the British brought cheap labours from India after the annexation of Lower Myanmar. The British had exploited human resources in Myanmar. They suppressed Myanmar labour and squeezed the profit out of Myanmar economy. Hence, the desire to achieve independence of the country was deeply rooted in their hearts. In this paper a retrospective view of the Sittans or censuses and labour migration in Myanmar is presented. And then it analyzes the following research questions.

What is Sittans?

What is Census?

Why used Sittans or Census?

Why Indian labours to Myanmar immigrated?

Why Myanmar labours for going abroad not emigrated?

Material and Method

This research is presented, based on the primary sources and secondary sources. Most of the materials are collected from the universities central library, the library of National Archives Department and library of Yangon Institute of Economic. The descriptive and comparative study methods are used in this research paper.

Discussion. History of Sittan

Sittans or census or revenue inquests were used by the Myanmar Kings to determine their tax collection and military manpower. Sittan or revenue inquest collected data on the size of population, arable land, products and village by the taxes and levy it could rise [48; 19]. The earliest revenue inquest known instance of a Sittan was issued per the royal decree dated 12 March 1359 during the reign of Min Byar Min (1352–1366) [16]. During the reign of Mingyi Swarsawke (1368–1401) and king Nyaungyan (1600–1606) issued Sittans [48]. In 1593 king Nandabayin responded by sponsoring an inquest into monastic behavior designed to force all but the most pious and learned monks to become laymen. When Mon abbots objected, he exiled several of them to Upper Myanmar and the Shan country. Nandabayin also ordered an examination of lay census records in order that young men who had left their original occupation might be pressed into the army [19].

The first nationwide census was commissioned in 1638 during the reign of Thalun Min (1633–1648) [40]. He recorded local boundaries, populations and taxes [18]. Second national revenue inquest and third national revenue inquest were carried out in 1783 and in 1802 during the reign of Bodawpaya (1745–1819). It was a complete record of the officials, population and resources of the whole of the Myanmar Empire, excluding "wild tribes and recently conquered Rakhine" [38].

The police and judicial responsibilities of the royal administration in the provinces were appointed to keep the population census and other records during the reign of Myanmar Kings [9]. The documents were stored in the Royal Treasury in care of an officer of Royal Treasury. This Shwetaik Sayin, the Burmese Doomsday Book, is constancy, referred to as the "Sittan of forty-five" (1783). The duties to be discharged by Ahmudan (royal in-service) and the lands to be enjoyed by them in payment for their services were all set out in Sittan [38].

During the Konbaung period, the kings continued to maintain excellent revenue records. So these documents could offer evidence of Myanmar's history, geography, administration, economic conditions, social life and customs. During the reign of Thibaw Min (1878–1885), officials were appointed to collect Sittans. These Sittans were submitted to the Hluttaw [39]. When Rakhine was annexed from Myanmar in 1784, they immigrated into Bengal. In 1798 many Mons returned to Rakhine. The Myanmar census figures gave the population in 1802 as 248604 [15]. The Sittans or revenue inquests are fruitful materials. There are some materials or economic history in Myanmar [48].

After the British annexed the Lower Myanmar in 1852, the British took the first modern census on 15 August 1872 and then every tenth year until 1941 [47]. From 1861 to 1870 the population of Lower Myanmar grew by 595,000 as the main rice center. Between 1890 and 1900 the population grew by 987,000 [15]. Census reports of prewar period are not on the recording of population but also the historical records of Myanmar. In that period, Myanmar was a province of India; the census of Myanmar was a part of the census of India. The items included in prewar censuses are name, age, civil condition, material status, birth place, infirmities, occupation, education and literacy, religion and race. A census was conducted in 1941 [4]. The basis population statistics of censuses of Myanmar in the colonial period are as follows.

Table 1

Number of Population in Myanmar (1872–1841)

Census Date	Population (million)
15 August 1872 [33]	2. 747
17 February 1881 [34]	3. 737
26 February 1891 [38]	7. 722
1 March 1901	10. 491
10 March 1911	12.115
15 March 1921	13.212
4 March 1931 [15]	14.667
2 February 1941 [22]	16.824

After the independence in 1948, the first post war census was taken in 1953–1954. It introduced simultaneously both agricultural census and the population census for the first time [37]. The 1953–54 censuses did not cover the whole country [22]. Myanmar conducted nationwide census twice. The first one was in 1973 and the last in 1983 [9].

Table 2

Population in Myanmar (1953, 1973, 1983) [17]

Census Date	Population
1953–54	19.101
31 March 1973	28.921
1 April 1983	35,306

Since the last census was taken in 1983, no new census could be taken [44]. In 2014 the government Myanmar population and housing census would be conducted in accordance with international standard. The population of Myanmar in 2014 census was 51.4 million and from past trends in population changes show that the population of Myanmar has been growing of the rate of 0.89 percent per annum between 2003 and 2014 [42].

Labour Migration in Myanmar

Since the seventeen century, Portuguese, British, and France wanted to colonize the human resources from Myanmar in cheap labour cost [23]. After the Second Anglo-Myanmar war in 1952, the British occupied the Lower Myanmar. During the war, large numbers of the people from Lower Myanmar fled to Upper Myanmar. Most of the inhabitants in Lower Myanmar believed that the British occupation of Bago was temporary and for fear of later victimization by the Myanmar Kings, they fled to Upper Myanmar [29].

As Lower Myanmar was sparsely populated, the British government could attract immigrants [11]. The removal of restrictions on the free trade was imposed by the Konbaung Kings. So the economic conditions grew in the Konbaung era [1]. The British authorities recognized Lower Myanmar as one of the major food producing bases for India and European countries [24].

The British tried to draw labours from Upper Myanmar for the economic development. In 1857 there was a seasonal immigration of British rule. Before 1870, labour immigration from Upper Myanmar was more important than from other areas. There was a steady stream of immigration from Upper Myanmar to Lower Myanmar. Myanmar labour immigrants were also dominant among the labours who built embankment and who manned to wharves and rice mills of Yangon and Patheingyi [32].

In attracting immigrants from Upper Myanmar the British remitted poll tax or capitation tax on migrants from Upper Myanmar to Lower Myanmar for the first two years after their arrivals [14]. At that time, Upper Myanmar was economically very important for the British economic growth because it supplied labour force and was rich in natural resources. Therefore the British wanted to establish a firm economic relationship with the Konbaung Kings. In 1862, British

negotiated a treaty with King Mindon (1853–1878) to allow people to travel and trade mutually from Upper Myanmar to Lower Myanmar. This aimed to obtain labours from Upper Myanmar and to trade both sides [25].

The British adopted the laissez-faire and free trade doctrines and did pull migrants from Upper Myanmar, India and other neighbors' areas. The population increased only about one million and cultivation area also increased by about one million acres only. Although there were majority of the immigrants, they did not settle down permanently in Lower Myanmar [6]. The great of immigrants to Lower Myanmar were the labours from the dry zone region in Upper Myanmar. The dry zone's percentage of total immigrants ranged from 93 percent in 1881 to 87 percent in 1901 [1].

Moreover, the British encouraged Shan Labour immigrants. In 1871, British signed an agreement with the two companies, the Irrawaddy Flotilla company and the Burmese Steam Navigation Company. The object was to encourage the immigration of Shan cultivators for their industry [2]. The number of the Labour migration in Shan into Lower Myanmar can be seen as follows:

Table 3

**Number of the Shan Labour Migration into Lower Myanmar
In the successive Census [10]**

Census Year	Number
1881	16490
1891	22000
1901	27000
1911	17000
1921	13000
1931	9000

Although the British tried to draw labour form Upper Myanmar and Shan States in the early period of the British rule, they did not come to settle in Lower Myanmar. The labour immigration from Upper Myanmar was not as rapid as the British desired. As the labour demand, immigration from Thailand, Malaya, China and India were encouraged by the British. A few Chinese Laborers went to Lower Myanmar. The immigration of Chinese coolies was strongly opposed by the Chinese Chamber of Commerce in Yangon, whose success was demonstrated by the fact that most were engaged in mercantile activities [14].

After the First Anglo-Myanmar war in 1924–25, Indians labours immigrated to Taninthayi and Rakhine [14]. The British attempted to attract labour immigrants from India in 1874 [14]. Between 1861 and 1872, Indian labours were nearly doubled rising to 131,000. By 1872, 37500 Indians labours enumerated in Lower Myanmar composed only two percent of the total population.

The British passed the Labour Act in 1876. During 1870's Indian immigrants came to Myanmar about 15000 per year, and at the end of the century it was about 150000 [5]. In the second half of the 1890's, the average annual number of immigrants arriving by sea Myanmar's ports-over whelming India labours was

more than 147000. In the 1901 census, there were over 297,000 Indian labours in Lower Myanmar. Most Indian labour migrants to Myanmar were from districts in Madras and Bengal [7]. Over 60 percent of the Indians in Myanmar in the last decade of the nineteenth Century were from the Madrass and from 30 percent in 1880 to 25 percent to 1901 from Bengal. A small number immigrated from Bombay, Panjub, Mysore and Hyderabad to Myanmar [1].

Indian labours used three main routes, the land route from Chittagaung to the Sittwe district of Rakhine and other parts of Myanmar, the sea route from Calcutta and the sea route from the Coromandal coast [11]. The importation of Indian labours to Myanmar was increasing year after year. Altogether, in 1931, Indian labours settlers in Myanmar became to 6.3 percent of Myanmar total population 14.6 million. They shared 21 percent in Rakhine, 9.3 percent in Lower Myanmar. At Yangon Indian labours shared 52.9 percent of the total city's population. From 1930 to 1942 the average annual Indian immigrants was found to be 212000 persons [20].

There were two types of Indian labours who came to Myanmar. One type was to have permanent job and settle in Myanmar [31]. The other type of immigrants' labours was to take temporary seasonal jobs. Those who came for permanent jobs served as government servants and served in factories, economic enterprises, and cultivation. Those who came for temporary jobs came to Myanmar seasonally and went back to India. They used to work in farms for transplantation, reaping the crops. Some of them worked as labour for construction of dams, embankments and construction of roads. The Indian labours used to settle in Myanmar, particular in cities and towns situating on the railway lines, motor high ways and rivers. Some daily wage earners of farm could be seen at the places situation not far away from major communication lines [25]. Seasonal Indian labours migrated to Myanmar in November and returned to the home land in April [12].

At that time Myanmar had been ruled by the British as a province of India. Therefore it was easy for India to migrate. No passport or visa was required to migrate to Myanmar. However, the British enacted the emigration law in 1919. By this law the British restricted Myanmar labours from going abroad either permanently or temporarily for job [45].

Along with the Indian farm labours, Chittyars immigrants came to Myanmar to earn their livelihood by money lending. Most of the Chittyars who migrated to Myanmar was Chittyars from Madras in Southern India. Since 1850 they migrated to settle around Mawlamying and initiated to lend money. From there they spread widely and settled in Myanmar. They had lent the money to petty business and even to industrialists [41].

After the British annexed Upper Myanmar in 1885, the British constructed roads and railways and made the irrigation works in Mandalay, Kyaukse, Shwebo, and Minbu [24]. In establishment of Railway transportation in Myanmar, the British made use of Indian labours as they being cheap labour and had the experiences in railway service. Along with the importation of labour from India also introduced stevedores in Myanmar [20].

In 1900 the British had established 150 factories and increased 617 in 1920 [28]. During the colonial period Myanmar peasants gradually lost their holdings

and became agricultural labours and paddy fields- labours [30]. Some of the peasants labour left their natives and migrated to the urban areas and earned their livelihoods as wage earner labour [43].

The British had treated Myanmar as a country to produce raw materials to furnish the industries in their country [35]. Some Indian labours from Bangal, Chittagon and Madras had entered as subordinate services in Myanmar railways, Ayeyawady Flotilla, rice mills and saw mills etc [20]. Bengali labours migrated to Myanmar as clerks in B.O.C Oil Company in 1918–19 [18].

Some Indian labours migrated to Myanmar and they resided in Yangon. They worked labours of stevedores, the containers boats labours and daily waged labours of port Commissioners office. At Yangon port, they were contracted to unload salt and coal from the steamers at port. Some of them served as transport labours [28]. There were 617 factories and 8000 labours in Myanmar in 1920. Out of them more than 75 percent of the labours were Indians [20].

Table 4

Labours of Factories in 1911 [3]

Nationalities	Factories	Rice Mill	Saw Mill
Myanmar	3643	313	443
Indian	16586	7071	5466
Total	31798	7648	6046

After the British established Myanmar Oil Company in Chauk and Yenanchaung, American labours migrated to Myanmar as drillers in 1904 [27]. The British hired American labours on contract basis. American labours had taught their technicians to Myanmar counterpart. There were 500 American technicians [20].

The territory of Myanmar and China are adjoining. If compare with India the communication between China and Myanmar by land route was more than sea route. Chinese labours also entered Myanmar mostly by land route [20]. Chinese immigrants came to Myanmar mostly worked at mines and only few worked as carpenters. The Chinese labour took 23.6 percent of mine workers in Myanmar. Chinese labours immigrated from Yunam shared 60 percent of labour force of the mine. At Mawchi mine majority of mine labours were Nepalese and Indians and there were only few Chinese and Kayah labours [13]. There were few Chinese labours who had worked in agriculture and forest. Only 6.4 percent of Chinese labours worked in these fields [26].

Table 5

Number of the Chinese Labours in 1931 [46]

No	Kinds of Job	Numbers of Labours
1	Mineral	2940
2	Mining Business	2230
3	Banking	1060
4	Hotel and Foot Stall	7505
5	Trade	38419

By 1904 census data 36556 Chinese labours had migrated to Myanmar. Hence it increased 20 percent of immigrant Chinese when compare to 1931 Chinese immigrant population 30624 [20].

By the census of 1931 there were 438 male and 160 female Japanese migrating in Myanmar. But their job classification was not mentioned in the data of the census. Most of the Japanese labours worked as dentists or photographer, or Technician. In this way Indian, Chinese, European and Japanese immigrants mostly worked at the capital and cities and towns and manipulate Myanmar economy [26]. Myanmar's laboring force consisted of nationalities [15].

Table 6

Number of Nationalities Labours in 1921 [28]

No	Race	Total
1	European and person of mixed percentage	591
2	Chinese and Japanese	7703
3	Myanmar	25063
4	India	74513

Conclusion

During the days of Myanmar Kings, the main purpose of this Sittan was for administration and taxation only. The Census or Sittan reflects the image of nation. In Myanmar Majority of labours were Indian labours. The British imported Indian labour force to solve branches of the economy (agriculture, construction etc.). It is found in spite of cultivable lands area became increased during the colonial period; it was not beneficial for Myanmar labours. The more Nationalities immigrants' labours migrated to Myanmar and settled the less job opportunity for Myanmar labours. Besides, the British enacted emigration law in 1919. By this law the British had restricted Myanmar labour from going abroad either permanently or temporarily for job. Since Myanmar was enriched with raw materials, foods and kind of Myanmar labour in relation to foreigners it was a great opportunity for India to work in Myanmar. British preferred to use Indian labours than Myanmar labours. Therefore the conflicts between Myanmar labours and Indian labours were in the history of labour in Myanmar.

REFERENCES AND SOURCES

1. Adas, Michael. *The Burma Delta Economic Development and Social Change an change an Asian Rice Frontier 1852–1941*. London: University of Wisconsin Press, 1974.
2. Administration Report for 1871–1872. Yangon: The Secretariat Press, 1873.
3. Andrew, E.J.L. *Indian Labour in Rangoon*, London: Oxford University Press, 1933.
4. Andrus, J Russell. *Burmese Economic life*, California, Stanford University Press, 1947.
5. Aye Hlaing, Professor. Trends of Economic Growth and income Distribution in Burma. *Journal of Burma Research Society*, 1875–1940, Vol XL VII (1), June, 1964.

6. Aye Hlaing. *An Economic and Statistical Analysis of Economic Development of Burma under British Rule*, London: University of London Press, 1965.
7. Brown, Ian. *Colonial Economy in Crisis: Burma Rice Cultivators and the World Depression of the 1930's* New York Madison Ave, 2005.
8. Cady, John, F. *A History of Modern Myanmar*. New York: Cornell University Press, 1960.
9. *Census Act of Union of Burma*. Yangon: Government Print, 1973.
10. *Census of India, 1931, Vol XI, Burma, Part II, tables*, Yangon, Superintendent Government, Printing, Burma, 1933.
11. Cheng Soik- Hwa. *The Rice Industry of Burma*. Singapore: Craftsman Press, L.td. 1968.
12. Couper, T.Y. (I.C.S). *Report of Inquiry into the condition of Agriculture Tenants and Labours*. Yangon: Central Press, 1960.
13. Department of Historical Research. *History of Dobama Asiyon, Vol I*, Yangon: Sarpay Beikman Press, 1996.
14. Furnivall, J.S. *An Introduction to the Political Economy of Burma*, Yangon: Burmese Advertising Press, 1857.
15. Furnivall, J.S. *Colonial Policy and Practice*, New York: New York University Press, 1916.
16. Hervey, G.E. *History of Burma, From the Earliest Times to 10 March*, London: Frank Cass & Co.Ltd., 1824.
17. Khin Maung, M.L Smael. *Population of Burma, An Analysis of the 1973 Census*, Papers of the East-west Population Institute, Number 97. April, 1986.
18. Khin Zaw, Thakhin. *Struggle for Myanmar Independence and workers*, Yangon: Kalaung Pyain Press, 1969.
19. Lieberman, Victor.B. *Burmese Administrative Cycles Anarchy and Conquest, C. 1580–1760*, United Kingdom: Princeton University Press, 1984.
20. Lwin, Thakhin. *History of Myanmar Workers Movement*, Yangon: Bagan Press, 1968.
21. Myanmar Socialist Lanzin Party. *The Statistic of the People by the People's Force* Yangon: News of Lanzin Party, Government Press, 1973.
22. Myanmar Socialist Lanzin Party. *Census collected by the People's Force*. Yangon: Government Press, 1973.
23. Myanmar Socialist Lanzin Party. *Workers Association History, Vol.I*, Yangon: Sarpay Beikman Press, 1982.
24. Nishizawa, Nobuyoshi. *Economic Development of Burma in Colonial Times*, Hiroshima: Hiroshima University of Population ministry of Immigration and Population.
25. Pearn, B.R. *The Commercial Treaty of 1962*, Journal of Burma Research Society, Vol. 27, Part 1, 1937.
26. Pho Kyaw San. *Sittan of Myanmar Agricultural Economy*, Yangon: Department of Information, 1968.
27. *Report of a Mission from the International Labour Office, Geneva, The Trade Union Situation in Burma*, International Labour Office, 1962, PP. 27–28
28. *Report of an Enquiry into the standard of Living and cost of living of the working classes in Rangoon*. Yangon: Government Printing and Stationary, 1928.
29. *Report of Census of Burma, 1891*. Imperial Series, Vol. IX, Vol .I, Yangon: Superintendent Government printing, 1892.

30. Report of the Land and Agricultural Committee. Yangon, Government Press, 1941.
31. Report on Indian Immigration. Yangon: Supdt, Government Printing and Stationery, 1914.
32. Report on the Administration of the Province of British. Burma for the year, 1870–71. Yangon: Government Press, 1972.
33. Report on the census of Burma, 1872. Yangon: Government Print, 1875.
34. Report on the census of Burma, 1881. Yangon: Government Print, 1882.
35. Report on Wages in Rice Mills in Burma, 1931. Yangon: Supdt, Government Printing and stationery.
36. Report on Wages in Rice Mills in Burma. Vol II, Yangon, Government Press, 1941.
37. Saw Win, U. Statistical Analysis of Farm site and current expenditures, Yangon: JBRS, XL.VIII, 1965.
38. Scott, J George. Gazetteer of Upper Burma and the Shan States, Part I, Vol.II, Yangon: printed by the Superintendent, 1900.
39. Tan Tun, Dr.(1986). The Royal Order of Burma (1853–1885), Vol.9. Kyoto: Kyoto University Press.
40. Than Tun, Dr.(1986). The Royal Orders of Burma (1782–1787), Vol.4, Kyoto: Kyoto University Press.
41. Thaw, U. The Indian – Myanmar Relations Record, Yangon: Sarpay Beikman Press.
42. The 2014 Myanmar Population and Housing Census.(2015). Census Report, Volume 2, A Department
43. The Central People's Workers Council Work Executive Headquarters. History of Myanmar Workers Movement, People Workers Council Management Training, Yangon.
44. The New Light of Myanmar.2011-3-10.
45. The Workers Directorate Branch (Ministry of Workers).(1970). Notes on Workers Affairs, Yangon: Workers Branch.
46. Thompson, Virgenia.(1947). Labour Problems in Southeast Asia, Geoffrey Cambridge: Oxford University Press.
47. Trager, Frank,N & Koenig, William J.(1974). Burmese Sittans (1764–1826), Records of Rural Life and Administration, Yangon: Burma Research Society.
48. Yi Yi, Ma.(1965). Burmese source for the History of the Konbaung period (1752–1885). Journal of Southeast Asian History, Vol. 6, No.1, Singapore: Cambridge University Press.

MIGRATION IN ASIA: FOCUSING ON VIETNAMESE TO KOREA¹

Seongjin Kim, Associate Professor, Department of Political Science and International Studies, Duksung Women's University, Seoul, (South Korea) E-mail: skimgla@duksung.ac.kr

Keywords: Asia, Vietnam, Korea, migration, globalization, culture

Abstract. The purpose of this study is to explore the development of migration in Asia and changing patterns of Vietnamese migration to Korea. In particular, changing features of women migration from Vietnam to Korea constitute a main discussion. Gender approach is supposed to show the importance of cultural aspects of push-pull factors, which seems to be relevant in the discussion of women migration between Vietnam and Korea.

МИГРАЦИЯ В АЗИИ: НА ПРИМЕРЕ МИГРАЦИИ ВЬЕТНАМЦЕВ В КОРЕЮ

Ким Сеонжин, профессор, Департамент политических наук и международных исследований, Женского университета Даксана, Сеул (Южная Корея). E-mail: skimgla@duksung.ac.kr

Ключевые слова: Азия, Вьетнам, Корея, миграция, глобализация, культура

Аннотация. Целью данного исследования является изучение развития миграции в Азии и изменение структуры Вьетнамской миграции в Корею. В частности, изменяющиеся особенности женской миграции из Вьетнама в Корею составляют основное обсуждение. Гендерный подход должен показать важность культурных аспектов выталкивающих-притягивающих факторов, которые, будут актуальны в обсуждении женской миграции между Вьетнамом и Кореей.

Introduction

The purpose of this study is to explore the development of migration in Asia and changing patterns of Vietnamese migration to Korea. In particular, changing features of women migration from Vietnam to Korea constitute a main discussion. Gender approach is supposed to show the importance of cultural aspects of push-pull factors, which seems to be relevant in the discussion of women migration between Vietnam and Korea.

The size of Vietnamese migration to Korea remained small before women migration sharply increased as a result of growing international marriage in Korea. A pile of literature is available for the Vietnamese migration to Korea, together with other case studies of migrant groups of various countries of origins. As for women migration, literature seems to be focus on multiculturalism and multicul-

¹ This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2016S1A5A2A01024965). I would like to extend my special gratitude to Dr Sergei Ryazantsev for his kind invitation to the Conference.

tural policies and their impact. Literature of Vietnamese migration includes comparative analysis of women migration from China (including Korean Chinese), Vietnam, and Philippines, conflicts within multicultural families, health conditions of migrants, and disadvantages in economic and cultural opportunities of Vietnamese wives in international marriage and in education of their offspring. However, little attention has been paid to the reasons of migration, particularly of women migration between Vietnam and Korea.

In this study, a brief discussion of 'legitimacy' in the development of women migration will be made, followed by patterns of migration in Asia and Vietnam. Push and pull factors including legitimacy of women migration in Vietnam also be discussed. Finally implications of changing migration patterns will be explored as a conclusion.

Factors of Women Migration

In the study of migration, push-pull factors have long been discussed to explore the flows of migration and their socio-economic impacts on both sending and receiving societies. The IOM Moscow published a broad list of migration factors in the former Soviet space [4]. On the list, demographic, economic, and socio-cultural, and political aspects are analyzed. In particular for the socio-cultural factors, migration networks as socio-ethnic factors, psychological and professional link and emotional similarity as citizen of the same country, historical ties and common experiences as historical factors, geological vicinity and transport networks as geographic factors are listed. In addition, economic factors such as differences in wage, the size of labor market, and the recognition of professional licenses or degrees, and political factors such as Visa regime, bilateral agreement on migration, and legislation of (labor) migration are included on the list.

However, gender approaches to migration emerged in the 1970s emphasized a unique pattern of women migration and dismantled the findings of previous gender-blind approaches [4, 9]. Revealing the limits of economic factor-oriented traditional approaches, gender approaches have drawn our attention to the non-economic factors such as gender strategy, social legitimacy of sending countries, and women-migration network and women-targeted migration policies in host countries.

The influence of women-targeted migration policy is quite obvious: for instance legislations that permit women migration for house-keeping and nursing (e.g. Hong Kong in 1976, Singapore in 1978, Taiwan in 1992, and Korea in 2002 for Korean Chinese etc.) facilitated a growing numbers of women migration. Laws or administrative instructions that regulate the legal status of women migrants in various categories also have strong influence over the migration flows [8].

A fundamental and structural factor that demands our attention is cultural aspect or 'social legitimacy' of women migration, which reflects social construction of women in the society in question.

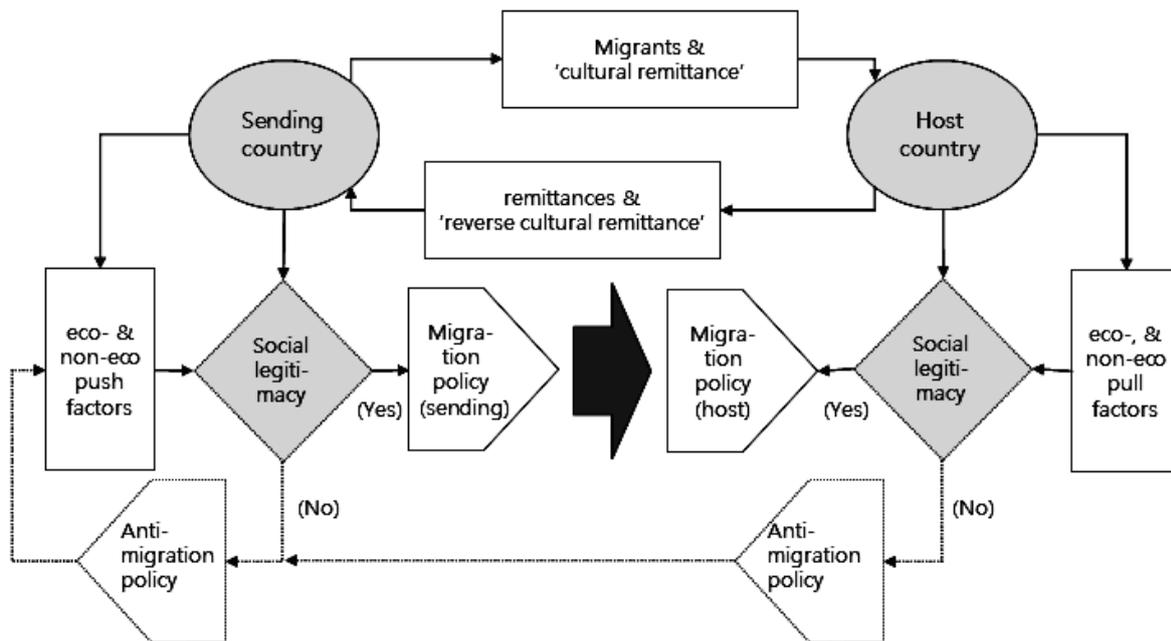

Fig 1. Migration Flows and Social Legitimacy

Source: [6]

Once social legitimacy of women migration is a reflection of social construction of the image of the women in the society, the level of gender equality grew to be a strong factor that affect the flows of women migration. In this context Oishi, in her comparative studies of women migration in Asia, argued the social perception of women in a society is a determinant of women migration [7].

Another factor that deserves our attention is cultural and psychological distances. Distance in geographic terms often involves in the availability of transportation and traveling cost. However geographical distance can be compensated by a migration network which increases opportunities of migration by providing migrants with a sort of market where prospective migrants exchange their properties with other assets that are required to go beyond their geographic reach. Beine and Salomone pointed out that safety and discrimination could have stronger influence in the process of women migration [1].

Migration in Asia

Global migration trends suggest a couple of features; expansion of migration, growth in south-south migration, feminization, and sharp increase in remittances. The tendencies are more or less the same in Asia.

In terms of arrivals, world migration recorded around 153 million in 1990, and was expanded by more than 1.5 times or around 244 million in 2015. In the same period, arrivals in Asian increased from 48 million to 75 million, account for around 30–32% of world migration.

Table 1.

Arrivals in Asia

		1990	1995	2000	2005	2010	2015
World	total	152,563.2	160,801.8	172,703.3	191,269.1	221,714.2	243,700.2
	female	74,815.7	79,064.3	84,818.5	93,402.4	107,100.5	117,584.8
	% of female	49.0	49.2	49.1	48.8	48.3	48.2
Asia	total	48,142.3	46,548.2	49,340.8	53,371.2	65,914.3	75,081.1
	female	22,130.4	21,350.7	22,492.1	23,786.0	27,709.2	31,530.7
	% of female	46.0	45.9	45.6	44.6	42.0	42.0
% of Asia	total	31.6	28.9	28.6	27.9	29.7	30.8
	female	29.6	27.0	26.5	25.5	25.9	26.8

Unit: 1,000 persons

Source: [10]

Among the features of migration in Asia, it is worthy of noting that the tendencies of feminization of migration are heavily dependent on social legitimacy or social attitude toward women in the society. Although the number of women migration has increased, the proportion of women migration to the total migration demonstrates the cultural differences among Asian countries. For instance, gender-related statistics showed differences among Asian countries. Table 3 shows differences in the attitude toward women and suggest some causal relations between gender equality and the proportion of female migration.

Table 2.

Social Indices and the Proportion of Female Migration (2000)

	% of women migration	OECD GID (2012)	UNDP ine-quality index	GNI (\$)	% of Female to Male			% of religion	
					labor participation	higher education ¹⁾	basic & middle education ²⁾	Religion	(%)
Philippines	59.9	0.120	0.477	2380	59.5	111.9	99.8	Catholic	80.9
Sri Lanka	56.3	0.280	-	2610	-	188.5	102.2	Buddhism	69.1
India	39.0	0.305	0.619	1530	40.9	72.4	78.7	Hindu	80.5
Bangladesh	42.4	-	-	870	63.0	49.4	75.5	Islam	89.5
Pakistan	39.0	0.293	0.569	1620	19.1	40.4	49.6	Islam	95.0

1) Data of 1980 for Philippines and 1990 for Pakistan

2) Data of 1990 for Philippines, Bangladesh, Sri Lanka and Pakistan

Source: [6].

Scatter distribution of migration patterns shows a clearer picture of female migration in Asian countries. Figure 2 include some Asian countries with the matrix of the proportion of migration to the total population (X-axis) and the proportion of women migration to the total migration (Y-axis). The scatter gram suggests four different types of female migration; open model, discriminative model,

women-specific model and closed model. Open model indicates relatively large proportion of migration with higher level of female migration. For instance, migrants account for around 4% of the total population and women migrants comprised of 61.1% of the total migration in Philippine. Discriminative model indicates male-dominant migration patterns that were found in Bangladesh and Pakistan.

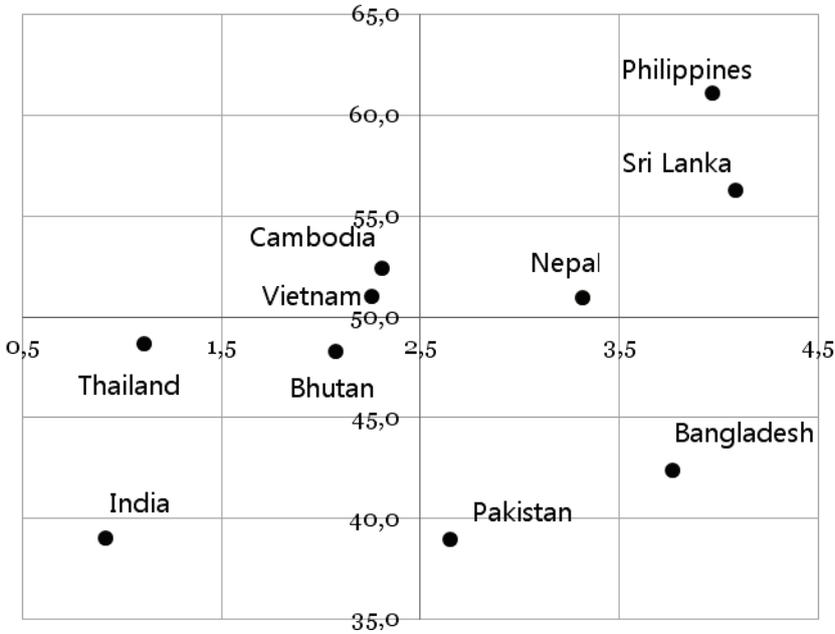

Fig. 2. Patterns of Women Migration in Some Asian Countries (2000)

Source: [6].

Migration in Vietnam

Emigration

Vietnamese migration has also doubled during the last 25 years; around 1.2 million in 1990 to 2.6 million in 2015. More than majority of migrants chose to go to the United States (50.9%), Australia (8.9%), Canada (7.2%), and Western European countries such as France (4.9%), and Germany (4.4) in 2015. Some Asian countries have also become popular destination (15.5% in 2015); for instance, the proportion of migration to Korea recorded a sharp increase from 0.02% in 1990 to 4.5% or 14 thousands people. Relatively small proportion though, a growing number of migrants arrived in Malaysia (3.4%), Japan (2.8%), the Czech Republic (1.9%) and the UK (1.3%) in 2015. In general, Vietnamese migrants had chosen ‘developed countries’ as their destinations and their proportion was constantly maintained somewhere between 87–89% of the total emigration in the period between 1990 and 2015; top five destination, i.e. the USA, Australia, Canada, France, and Korea accounted for 76.3%, and top 10 destinations including Germany, Malaysia, Japan, Czech Republic, and Cambodia for more than 90% of the total migration. By contrast, migration to Russia (-18,600 people), Thailand (-13,100 people), and Bangladesh (-12,600 people) decreased during the last 25 years.

Table 3

Destination of Vietnamese Migration (1990–2015)

Destination	1990	1995	2000	2005	2010	2015
WORLD	1,232,466	1,528,171	1,849,385	2,061,699	2,306,669	2,558,678
Africa	0.01	0.01	0.00	0.00	0.01	0.01
Asia	12.76	12.00	12.10	13.43	14.66	15.51
Central Asia	0.03	0.02	0.01	0.01	0.01	0.00
Eastern Asia	2.64	2.94	3.48	5.72	7.33	8.86
South-Eastern Asia	6.55	7.01	7.58	6.60	6.16	5.54
Southern Asia	3.48	2.03	1.03	1.11	1.15	1.10
Western Asia	0.06	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00
Europe	23.09	19.87	17.28	18.31	18.16	17.22
Eastern Europe	4.43	3.48	2.77	3.44	3.82	3.24
Northern Europe	3.47	3.35	3.07	3.06	3.13	3.21
Southern Europe	0.14	0.15	0.16	0.23	0.29	0.28
Western Europe	15.05	12.89	11.28	11.59	10.92	10.49
Latin America & the Caribbean	0.02	0.02	0.01	0.01	0.02	0.02
Central America	0.01	0.00	0.00	0.00	0.01	0.01
South America	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.01
Northern America	52.92	57.44	61.47	59.49	58.03	58.07
Oceania	11.19	10.67	9.13	8.75	9.13	9.19

Source: [10]

Although South-South migration tends to be increasing in the world, migration into Vietnam seems to be limited though the volume has expanded by 2.6 times since 1990. Original countries of migrants to Vietnam have also diversified; dominated by Cambodians in the 1990s while evenly distributed from Thailand, Myanmar, Bangladesh, and Indonesia in 2015.

Table 4.

Migration to Vietnam by Departure Countries

	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Total	28,118	51,262	56,754	51,768	61,756	72,793
Bangladesh	0.8	1.0	2.2	8.0	10.6	10.8
Cambodia	75.2	67.1	28.1	4.6	3.1	1.4
China	2.2	2.3	4.5	5.1	4.0	4.1
India	0.4	0.7	1.6	2.2	2.6	2.7
Indonesia	2.8	4.3	10.0	11.3	10.5	10.8
Japan	0.4	0.4	0.8	1.6	2.5	2.5
LAO PDR	3.7	3.7	7.0	9.5	9.7	9.6
Myanmar	3.4	5.2	12.0	15.1	15.1	15.4
Nepal	0.4	0.6	1.4	2.7	3.1	3.2
Korea	0.1	0.1	0.3	1.2	2.4	2.5
Singapore	1.0	1.0	1.8	2.4	2.3	2.4
Thailand	4.3	5.8	12.6	15.7	15.5	15.9
UK	0.9	2.4	6.4	5.4	1.5	1.5
USA	0.9	1.1	2.4	3.5	4.3	4.3

Source: [10]

Expanded migration resulted in the growth of remittances. According to World Bank data, the volume of remittances recorded \$1.34 billion or 4.0% of GDP. However, it has soared up to \$12.0 billion or 6.4% of GDP in 2014. The total sum of remittances exceeded the total sum of ODA in 2000, and FDI in 2010, constituting itself a main sources of hard currency. Considering that world statistics showed FDI has accounted larger proportion than remittances, Vietnamese experience shows stronger influence of remittances upon national economy.

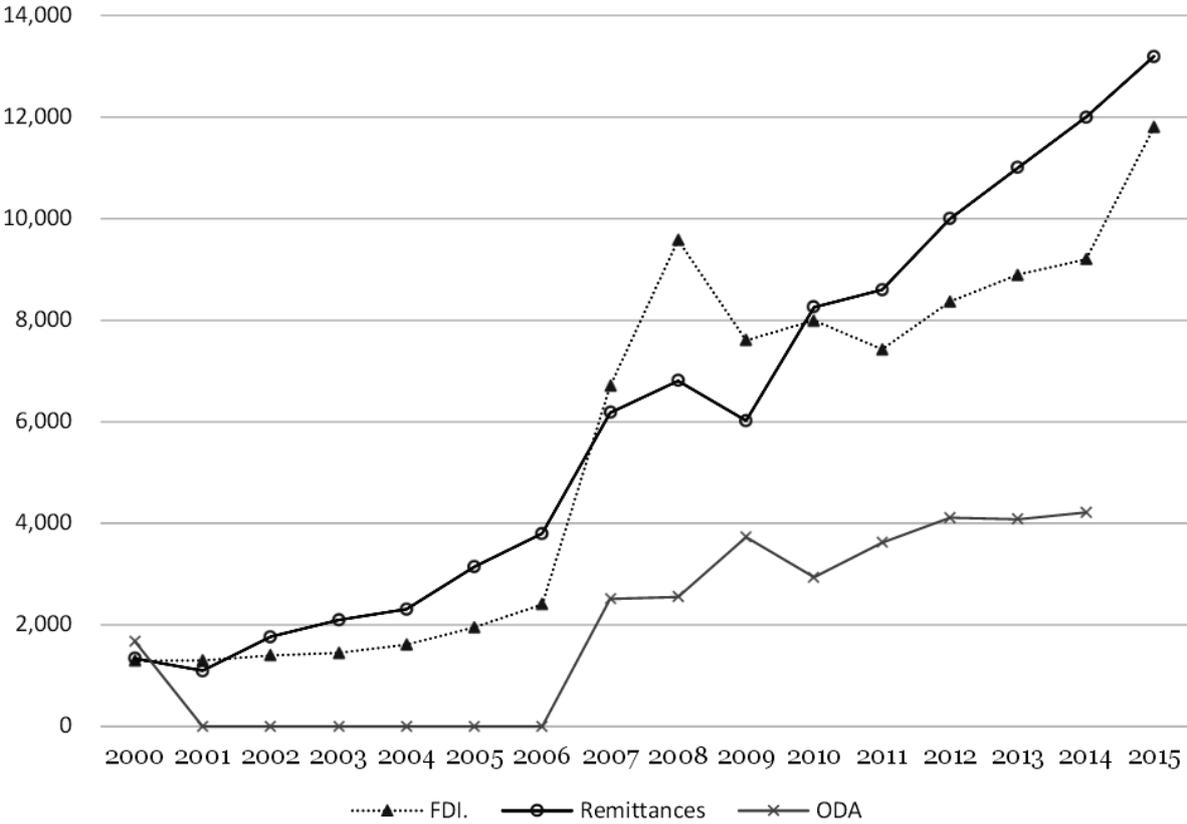

Fig. 3. FDI, ODA and Remittances in Vietnam (2000–2015)

Units: million dollars

Source: [11]

Feminization of Migration

The tendency of feminization of migration is quite clear among Vietnamese migrants. As in Table 5, numbers of women migration has more than doubled in 2015, accounting for more than 50% of total migration flows.

Destinations of female migration are more or less the same to those of male migration, with minor differences. First top ten destination is the same: USA (51.3%), Australia (9.5%), Canada (7.4%), France (5.3%), Germany (4.7%), Korea (4.5%), Japan (3.1%), Malaysia (2.5%), Czech Republic (1.5%), and Cambodia (1.3%) in 2015. Marginal number of women migrated to Bangladesh (0.3%) and China (0.6%) in 2015.

Table 5.

Women Migration from Vietnam

	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Total	1,232,466	1,528,171	1,849,385	2,061,699	2,306,669	2,558,678
Female	586,634	735,270	895,153	1,000,019	1,133,226	1,296,795
Female (%)	47.6	48.1	48.4	48.5	49.1	50.7

Source: [10]

Vietnamese in Korea.

Migration is one of the social sector that experienced a drastic change in Korea. Numbers of registered foreign population increased from around 50 thousands in 1990s to 1.14 million in 2015. Asian population led the increase; the proportion of Asian people accounted for 93.7% of total registered foreign citizen in 2016, increased by 30% during the last 25 years.

The increase of migrants has been driven by labor shortage in Korea and government policy of compatriots (H-2 visa) for their returns and supporting scheme, acknowledging ‘historical responsibility’ for Korean diaspora mostly occurred in the colonial period. Labor migration started with ‘industrial trainee system’ which established in October 1991 for export-oriented companies and then became applicable to other industries mainly in 3D sectors in 1992. After temporary halt in 1993 the scheme reinitiated in November 1993, under which 20 thousands ‘trainees’ were recruited in 1994. The number soared up 150 thousands in 2002 at its peak, and down to 55 thousands in 2005 before it was replaced by ‘Employment-Permit System’ in 2007 [2].

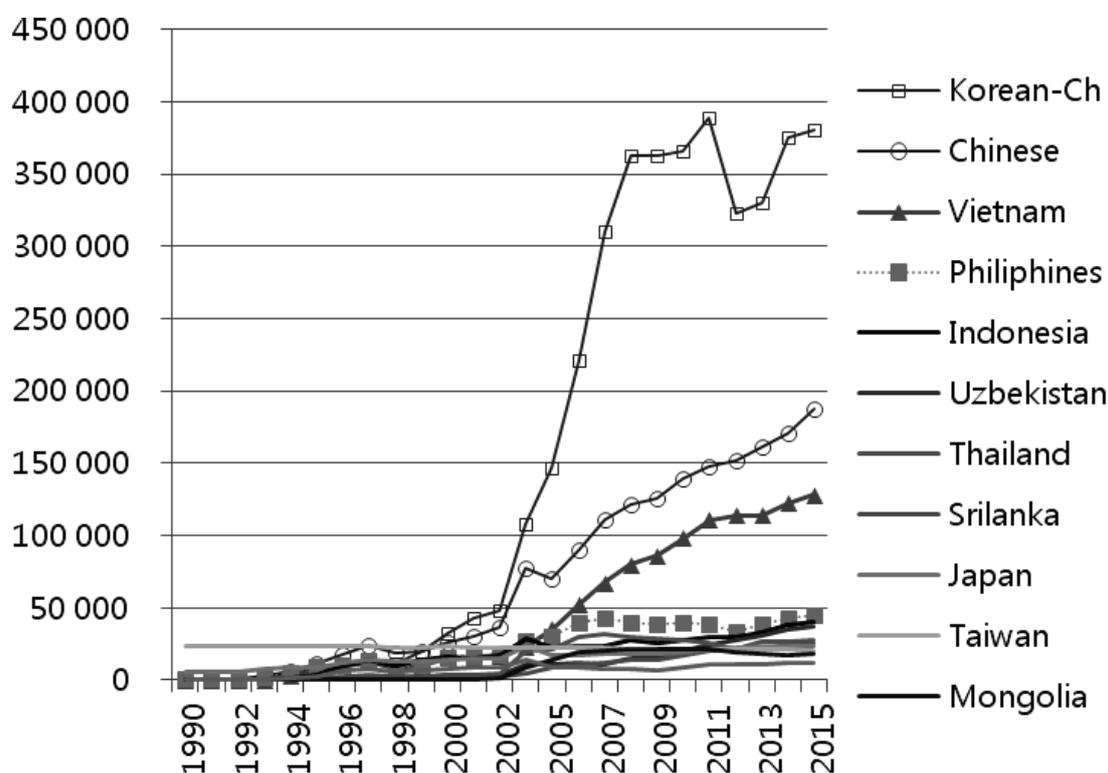

Fig. 5. Asian Migrants in Korea (1990–2015)

Apart from labor market, international marriage constituted a prime source of women migration, particularly after 2006 when local governments took the initiatives of international marriage as the tendencies of avoiding rural life among marriageable-aged females grew to be a social problem.

Among the migrant to Korea, Korean-Chinese (380 thousands), Chinese (188 thousands), Vietnamese (128 thousands), Philippines (45 thousands), Indonesia (40 thousands), and Uzbekistan (37 thousands) among those from Asian countries in 2015. The migrants from the USA counted 139 thousands, which is the single largest group other than those from Asian countries.

Vietnamese migration patterns have showed a drastic change since 1995. In 1995, nearly every Vietnamese entered into Korea as industrial trainees (D-3 visa for 98.2% male, and 97.6% of female). However, the composition of Vietnamese migrant group has changed: unprofessional workers (E-9) counted 64.2% of male, and 6.2% of female migrants. Accompanied family members comprised 16% of male and 26.6% female. Striking changes were found among women migration when marriage migrants (F-6 visa) accounted for 54.8% (or 36,317 people) of female migrants in 2015, constituting the largest single group of international marriage in Korea.

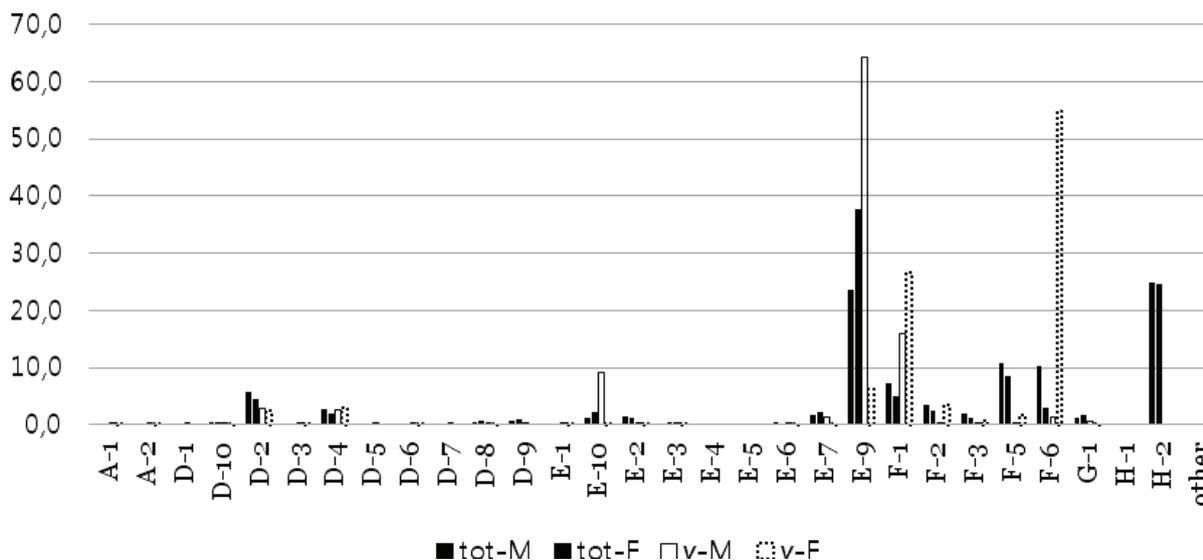

Fig. 6 Visa Categories of Registered Foreign Citizen Total and Vietnamese (2015)

Growing demands, marriage brokering, and multicultural policy of local government turned out to be a ‘game changer’ of migration together with visiting worker visa (H-2) for Korean compatriots. Government at various levels support for ‘multicultural family’. Multicultural Families Support Act came into force in 2007. In accordance with the Act, multicultural centers were established, the number of which increased from 50 in 2007 to 217 in 2015. Budget for multicultural families run by the Ministry of Gender Equality reached \$120 million [3]. Such initiatives accompanied by drives for social reconstruction of the myth of ‘single-blood nation’ that were advocated by political parties and mass media. Despite all

the efforts, however, literature reports disadvantages of ‘foreign wives’ in their social life and education of offspring that remains to be attended to.

International marriage brokering is still prevailing through internet; a simple key work search will lead to brokering homepages where information of procedures, ‘standard contract form’ and ‘happy ending stories’. The brokering fee seems moderate considering wedding cost in Korea, and the fee gets lower as brokering market turns to be more competitive. A brief internet search suggests the fee could be around \$7,000 to \$12,000 including flights and hotel, wedding and honeymoon, 3-month language tuition fees for bride, and brokering commission. Apart from the brokers, community of ‘Vietnamese wives’ tends to build a network for new comers, which will change the patterns of international marriage in the long run.

Discussion

Migration trends in Asia during the last 25 years suggest migration within Asia is prone to be expanded, and joined by more countries of departure and arrivals. Economic disparities in Asia facilitate the flows of people. Patterns and routes migration will be more complicated, particularly when a large number of refugees occur by civil war, environmental disasters etc.

Vietnamese migration tended to concentrated on a couple of countries, perhaps because of historical ‘path’. Remittances takes a large part of the GDP and house income of the families of migrants. Considering the economic implications, migration will be expanded in the future. Increasing numbers of migrants may trigger anti-migration sentiments, becoming a source of societal security threats in hosting countries, threatening the status of migrants. Cooperation between the governments are crucial to protect migrants either for labor or international marriage.

International marriage takes a large proportion of total migration between Korea and Vietnam. Migrants may easily exposed to human right abuse, and particularly so to women migration. Social legitimacy of international marriage changed in Korea. However, still reports of disadvantages of ‘foreign wives’ are found, demanding efforts to provide those wish international marriage with detailed information and proper supporting measures. International marriage brokering agencies should also be under stricter control.

Further studies of push factors and increasing role of international wives network may need to be conducted to explain the future development of Women migration in Asia

REFERENCES AND SOURCES

1. Beine, Michelm and Sara Salomone. 2013. “Network Effects in International Migration: Education versus Gender.” *The Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 115, No. 2 (April). Pp. 354–380.
2. Government Archives [Electronic resource]. Access mode: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=000275>
3. Iglauer, Philip. 2015. “South Korea's Foreign Bride Problem,” January 29. [Electronic resource]. Access mode: <http://thediplomat.com/2015/01/south-koreas-foreign-bride-problem/>

4. IOM Moscow. 2009. *The Impact of the Economic Crisis on Migration Trends and Migration Policy in the Russian Federation and the Eastern Europe and Central Asia Area*. Moscow: IOM Moscow.
5. Kim, Seongjin. "International Migration in Central Asia: Current Situation and Determinants." *Sino-Soviet Studies*, Vol. 37, No. 4 (2013/2014). Pp. 251–289 (in Korean).
6. Kim, Seongjin. 2014. "Female Migration in Central Asia: Impact of Non-economic Determinants." *Slavianovedenie*, Vol. 30, No. 1 (2014). Pp. 57–88 (in Korean).
7. Oishi, Nana. 2005. *Women in Motion: Globalization, State Policies, and Labor Migration in Asia*. Stanford: University of Stanford Press.
8. Parreñas, Rhacel Slazar. 2001. *Servants Globalization: Women Migration and Domestic Work*. Stanford: Stanford University.
9. Semyonov, Moshe, and Anastasia Gorodzeisky. 2005. "Labor Migration, Remittances and Household Income: A Comparison between Filipino and Filipina Overseas Workers." *International Migration Review*, Vol. 39, No. 1 (March). Pp. 45–68.
10. UN Population Division, Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015).
11. World Bank Indicators

VIETNAMESE COME TO CAMBODIA. CAMBODIAN GO TO THAILAND

Sam Seun, International Relations Institute of Royal Academy of Cambodia, Phnom Penh (Cambodia) E-mail: samseun77@gmail.com

Keywords: Vietnam, Cambodia, migration, globalization, labor force, human rights

Abstract. The UN Convention on Migrant Workers' Rights is the most comprehensive international treaty in the field of migration and human rights. Adopted in 1990 and entered into force in 2003, it sets a standard in terms of access to human rights for migrants. However, it suffers from a marked indifference: only forty states have ratified it and no major immigration country has done so. This highlights how migrants remain forgotten in terms of access to rights. Even though their labor is essential in the world economy, the non-economic aspect of migration – and especially migrants' rights – remain a neglected dimension of globalization.

ВЬЕТНАМЦЫ ЕДУТ В КАМБОДЖУ. КАМБОДЖИЙЦЫ ЕДУТ В ТАИЛАНД

Сеун Сам, Институт международных отношений Королевской академии Камбоджи. (Пномпень, Камбоджа) E-mail: samseun77@gmail.com

Ключевые слова: Вьетнам, Камбоджа, миграция, глобализация, рабочая сила, права человека

Аннотация. Конвенция ООН о правах трудящихся-мигрантов является наиболее полным международным договором в области миграции и прав человека. Принятая в 1990 году и вступившая в силу в 2003 году, она устанавливает стандарты в плане доступа к правам человека для мигрантов. Однако, она имеет ряд недостатков: только сорок государств ратифицировали ее и ни одна крупная страна-реципиент не сделала это. Это свидетельствует о том, что мигранты остаются обделенными в плане доступа к своим правам. Хотя их труд имеет важное значение в мировой экономике, неэкономические аспекты миграции, и особенно права мигрантов – по-прежнему игнорируемый аспект глобализации.

Narrative on Convention of Migrant Workers

The international community's concern with the rights of migrant workers began in the first part of the twentieth century. As Graziano Battistella and Patrick Taran recall, the 'protection of the interests of workers when employed in countries other than their own' was mentioned in the original Constitution of the ILO, which was drafted at the time of the creation of the League of Nations in 1919. But the beginnings were difficult: the ILO's attempts to create standards in the recruitment and treatment of foreign workers found little support in the pre-Second World War context, characterized by economic crises and strong nationalist/protectionist tendencies. In the second half of the twentieth century, the development of human rights brought new forms of protection to aliens: by definition,

human rights protect all individuals, regardless of their status, and migrants, whether in a regular or irregular situation, thus enjoy their protection. Human rights also introduced the principle of non-discrimination, which permits only reasonable differences in treatment between nationals and non-nationals (if such measures pursue legitimate state objectives and are applied proportionately to those objectives), while granting migrants many civil and political rights [7].

The International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers is an attempt to ensure that a broad range of human rights (civil and political, and economic, social and cultural) are accessible to the migrant worker, defined as ‘a person who is to be engaged, is engaged or has been engaged in a remunerated activity in a state of which he or she is not a national. While the Convention does establish a few new rights specific to the condition of migrants (such as the right to transfer remittances or to have access to information on the migration process), it mostly offers a more precise interpretation of human rights in the case of migrant workers. Most of the rights listed were formulated in earlier conventions, but their application to non-nationals had generally not been specified [8].

Vietnamese Migrants in Cambodia

Vietnamese people come to Cambodia for many reasons. Some have lived in Cambodia for generations and some just start to come to Cambodia after the collapse of Khmer Rouge in 1979 or just in the a few years. Vietnamese began migrating to Cambodia as early as the seventeenth century. In 1863, when Cambodia became a French colony, many Vietnamese were brought to Cambodia by the French to work on plantations and occupy civil servant positions. During the Lon Nol Regime (1970–1975) and Pol Pot regime (1975–1979), many of the Vietnamese living in Cambodia were killed. Others were either repatriated or escaped to Vietnam or Thailand. During the ten years of Vietnamese occupation in Cambodia from 1979 until 1989 many of the Vietnamese who had previously lived in Cambodia returned. Along with them came friends and relatives. Also, many former South Vietnamese soldiers came to Cambodia fleeing persecution from the communist government at that time (not in 2016). In the past years, due to the high unemployment rate in Vietnam, many Vietnamese come to Cambodia looking for work [5].

Substantial numbers of Cambodia's Vietnamese residents live on the water, allowing them to avoid the costs and legal problems associated with purchasing or renting property on dry land. Like their counterparts on terra firma, these floating communities are sometimes subject to the wrath of the authorities, or other Khmer neighbors. The recent campaign by the Phnom Penh government to "relocate" floating residents from the capital city caused much distress since many people in Cambodia believe that when Vietnamese people live on water, especially in Tonle Sap River will cause many troubles for Cambodia in the future, such as lack of sanitation water and types of fishes in the river will be faded away step by step.

At the present time, there are more than 100,000 Vietnamese residents go to work across the Kingdom of Cambodia, many of them working in skilled or semi-skilled areas such as construction and manufacturing. Other occupations with a significant Vietnamese presence include fishing and prostitution. Estimates of the

number of Vietnamese people living and working in Cambodia are many and varied, ranging from the hundreds of thousands up to the millions.

The first group consists of Cambodian-born Vietnamese, whose parents and grandparents were also born here. They speak and sometimes read and write Khmer language fluently. They see Cambodia as their motherland and feel well integrated into Khmer society. The second category consists of Vietnamese who came to Cambodia between 1979 and 1989. They came with relatives and friends who returned to Cambodia after the Pol Pot regime and came to work for the government (especially as soldiers) or just tried their luck to earn some money in Cambodia. This category of Vietnamese can usually speak some Khmer, although not fluently. Some married Cambodians and settled in Khmer communities. The last group are those who arrived recently. They were drawn to Cambodia by the lure of jobs following the economic boom in Cambodia in the 1990s. They came to earn money and planned to go back to Vietnam as soon as they thought they had earned enough. Most of them either do not speak Khmer at all, or speak only very basic Khmer [10].

Citizenship

Vietnamese who have lived in Cambodia for generations are deprived of citizenship, trapped in poverty, lack of access to education, live under deplorable conditions, and are shut out from economic, social, and political life, a local minority-rights advocacy group says in a new report, seeking urgent government intervention.

"The lack of identification papers is the root cause of all other difficulties faced by Vietnamese people who live in Cambodia and due to this lack of identity they face widespread discrimination and exploitation," the Minority Rights Organization (MIRO) said in the report "Limbo on Earth: The Situation of Stateless Ethnic Vietnamese in Cambodia."

"This has dire consequences on their access to healthcare, education, justice in court, social security, freedom of movement, transfer of assets, and housing," it said, citing a case study in Cambodia's central Kampong Chhnang province covering about 5,000 ethnic Vietnamese who were born in Cambodia [11].

There are thousands of Vietnamese families who have lived and fished for years in the floating villages along this stretch of the Tonle Sap River in Kompong Chhnang, there are challenges for those who live on the water. Having lived mostly unmolested by authorities since they started settling here again after the Khmer Rouge's fall in January 1979, the Vietnamese, who survive by breeding fish in cages under their homes, had no choice but to comply.

"We did not want to move. We cried and could not sleep because they separated our families," said Le Thy Le, 58, who said she was born here under King Norodom Sihanouk's reign in the 1960s. "There's nowhere for my children to dock here, as whoever moved first got all the good positions," she said of the new location.

In a small floating home she estimated had cost her about \$3,000, Ms. Le explained she had been sent back to Vietnam during the Khmer Rouge and again

when UNTAC came in 1993 but had returned back to Cambodia both times. “If we live in Cambodia, we have no land. If we live in Vietnam, we have no land. But I like it in Cambodia. Our ancestors lived and died here, and it’s usually easy. We can fish freely” [14].

Politics on Immigrants

Cambodia National Rescue Party (CNRP) that is the opposition party in Cambodia has long been tarred with allegations that its leadership has tried to shore up its support among Khmer voters by launching racially charged polemics against ethnic Vietnamese immigrants and pledging to drive Vietnamese immigrants from Cambodian soil.

Perhaps nowhere was the divide between ruling Cambodian People’s Party (CPP) and CNRP policy clearer than in the royal Cambodian government’s recent announcement that it would be offering a path to legal residency, and possibly citizenship, for the majority of the 160,000 immigrants – mainly Vietnamese – living in Cambodia without proper documentation. The CNRP response was blunt. “If they do not have the proper documents, it means they are living here illegally,” a CNRP spokesperson talked to media many times: “They should go back to their country if they come to Cambodia illegally.”

The longstanding enmity between the neighboring countries exploded into a bloody war during and after the Khmer Rouge period in Cambodia. Incensed by repeated Khmer Rouge incursions into their territory, in 1979 Vietnamese forces swept across the border and drove the regime into retreat.

Quite apart from its appeal to Khmer nativist sentiments, the CNRP’s ongoing anti-Vietnamese rhetoric also serves to remind voters that the CPP’s initial rise to power came not by the ballot box but the bayonet. The royal government of Cambodia’s subsequent attempts to legitimize his premiership have been dogged by an opposition that accuses him of dancing on Vietnamese strings [3].

The rise in popularity of the opposition Cambodia National Rescue Party, with its anti-Vietnamese rhetoric, has increased the problem. Such sentiment was not so open when the ruling Cambodian People’s Party (CPP) was still strong, but with its weakening trend this becomes more open. As the CPP’s influence weakens, then it is most likely that the anti-Vietnam sentiment increases sharply in Cambodia. And it is also likely that the Cambodian upheaval has a significant impact on Vietnamese society and undermines the Vietnamese government’s stand toward Vietnamese people who are living in Cambodia either legally and illegally. Vietnamese companies in the provinces continue to run afoul of Cambodian villagers. In the most recent case, indigenous tribes in Ratanakkiri province have accused the Vietnamese rubber company Hoang Anh Gia Lai of destroying their forests and pushing them from their homes. Such incidents reinforce the perception by many Cambodians that the government of Cambodia is under the influence of Vietnamese leaders in Hanoi, and that point is the main political propaganda of the opposition party using to criticize the ruling party of Cambodia.

Cambodian sentiment and antagonism against the Vietnamese run high, against Vietnamese illegal immigrants, over border disputes and politicians utilize

this feeling to gain support among Cambodian voters. Due to its dominance during the 19th century Vietnam regards Cambodia and Laos as vassal tributary states.

The growing anti-Vietnamese sentiment in Cambodia is attributed to many factors. It should be noted that the recent anti-Vietnamese protests in Phnom Penh did not just happen out of thin air, nor was it a spontaneous grass-roots movement to force the Vietnamese government to respect Cambodia's sovereign territory. Time and time again throughout the history of Cambodia, the notion of foreigners allegedly encroaching on Khmer territory has been brought up by politicians in power, and those hoping to grasp power in the country. The recent protests, demanding for an apology from Vietnam and the acknowledgement that Kampuchea Krom was formerly Khmer territory, is just one of many instances of the materialization of anti-Vietnamese sentiments in Cambodia [12].

The Contribution

It is very necessary for Cambodia or Cambodian politicians to move from politicization of the issue toward evidence-based and solutions-oriented dialogue. It needs to distinguish between ethnic minority groups who have lived in the Kingdom for a long time, and foreign migrants who recently moved to Cambodia to find opportunities. Therefore, there are four points that Cambodia and Vietnam should do to solve of the two countries:

- 1) There is a need for academic and policy research on all ethnic groups in Cambodia in order to better understand their livelihood, cultural identity, social structure, and their contribution to national development and collective identity construction. Cambodia needs to build a harmonious society for long-term peace and prosperity. Vietnamese Cambodians constitute the largest ethnic minority in the Kingdom. They have lived and integrated themselves into Cambodian society since the 17th century. Similar to other ethnic groups, ethnic Vietnamese have significantly contributed to Cambodia's economy and society. There is no reason to be afraid of this ethnic group. The issue, however, arises from the recent flow of Vietnamese migrants to the country. With regard to the increasing number of temporary Vietnamese migrants, more scientific research should be conducted to understand the driving forces, impacts, and characteristics of these migrant workers. Based on this, policy recommendations can be developed to reduce negative impacts of immigration and determine practical ways to transform foreign migrants into a source of national development.

- 2) There is a need to strengthen institutional capacity, facilitate inter-ministerial coordination, and promote multi-partnership to deal with illegal migration. For instance, in the recent national census raids, more than 1,000 illegal Vietnamese migrants were deported. This was a positive initial step in governing foreign migrants in the Kingdom.

- 3) Bilateral cooperation between Cambodia and Vietnam in dealing with migration issue is essential. They need to work closely together to strengthen cross-border control and cooperation in order to prevent the flow of illegal migration and human trafficking. Both Vietnam and Cambodia should encourage more investment and job creation in border areas. It can help reduce the flow of illegal migration.

The implementation of development projects in the Cambodia-Lao PDR-Vietnam Development Triangle will significantly reduce poverty along the border areas.

4) There is a need for holistic approach towards cross border migration based on the principles of national and international laws, in line with regional cooperation and integration projects and national development and poverty reduction. If well managed, regional migration would positively contribute to national and regional development and community building [2].

Peace, Security, Stability, and Prosperity will always take place for Cambodia and Vietnam since the two countries always treat each other as the very good neighbors.

Cambodian Workers Abroad

There are many Cambodian workers go to work abroad such as in Thailand, South Korea, Taiwan, Malaysia, Japan, Saudi Arabia and so on. And in Cambodia also have migrant workers who come to work in Cambodia either legally and illegally.

Cambodian migration occurred in two forms: legal and illegal migrations. General challenges faced by the two forms of migration include forced overwork, little or no rest time, untreated illnesses, torture, severe physical assault, underpayment, threats, being jailed, being forced to continue work illegally and the cut-off of relationship with family members [1].

While hardship and violations have happened on female migrant workers, the Royal Government of Cambodia decided to impose a freeze on sending of female migrant workers to Malaysia. This suspension has been regarded as a punishment on some companies and agencies which failed to be responsible for migrant workers who were sent through them and who were faced with rights violations. However, the mere announcement without establishing strict mechanisms in resolving the problems of migrant workers still working in Malaysia has caused grave concerns to their families in Cambodia, because they have not received any information about their children, spouse, or relatives working in those countries. This concern is the first reason for the increased number of complaints.

There are now more than 1 million estimated Cambodian migrant workers in Thailand. This could be a threat to Cambodia's economy and politics in the future. Cambodian migrant workers can become political targets in that country, and others, even as their absence weakens the economy at home. The exodus of over 1 million migrant workers might cause chaos in Cambodia. They could face famine and hunger, because there seem to be no temporary services to assist them. In June and July of 2014, some 200,000 Cambodian migrant workers were either expelled from Thailand or left in the wake of political unrest and a crackdown on foreign workers [6].

Challenges for Cambodian Workers

Cambodian migrant workers at a tuna processing company in Thailand have had their passports confiscated by their employers and are effectively trapped in substandard work conditions. Non-profit research organization Finnwatch said it had found a number of "problems" with working conditions at Thai Union Manufacturing (TUM), a factory in central Thailand's Samut Sakhon province that sup-

plies to big brands including John West and Petit Naview. Furthermore, all workers interviewed had been hired as day laborers and did not have a regular monthly income [9].

One of the biggest challenges to protecting Cambodian migrant workers is the sheer distance between their homeland and the countries they are working in, Ministry of Labor officials said so far. A pattern has emerged in which brokers lure more and more Cambodians away from traditional border-country migration to far-flung places like Korea and Indonesia, said Minister of Labor and Vocational Training Vong Soth during a preliminary regional conference ahead of the ASEAN forum on migrant worker protection that was held in Phnom Penh in the recent years. ASEAN “plus countries” such as Sri Lanka, Nepal, Bangladesh, Korea and Hong Kong, many of which have bilateral migrant worker agreements and frameworks with Cambodia, also sent representatives to attend in the two-day conference.

Despite steady economic growth, many Cambodians, especially young people (more than half the population is under 25), struggle to find jobs, which has driven the rise in migration to other countries for work. While Thailand has long been one of the most popular destination countries for Cambodian workers (followed by Malaysia and Korea), the numbers are steadily rising as a result of the Thai government’s introduction of a new minimum wage of 300 *baht* per day (\$10), compared to 18,000 *riel* (\$4.50) for unskilled laborers from Cambodia. While this does offer job opportunities for Cambodians, a major concern now is that a greater outflow of labor migration among young people is taking place predominantly through irregular channels which are often illegal and dangerous. These channels are low cost and fast compared to channels that use private recruitment agencies formally registered with the Ministry of Labor and Vocational Training. It is estimated that as many as 500,000 young Cambodians are working in Thailand now, and anecdotal findings indicate that this, along with movement to Malaysia, is where much of the irregular migration happens [13].

The Contribution of Cambodian Workers

There are many reasons to show that Cambodian migrant workers contribute a lot to the countries where they work and contribute or support their families via remittance to Cambodia each year.

The principal factor causing Cambodians to migrant for work is the wage differential. The majority of Cambodians are employed in the informal economy, and according to the 2008 census only 17 per cent of employed Cambodians were salaried employees. Salaried employment was significantly higher in the cities, at 52 per cent, compared with nine per cent in rural areas. A Cambodia socio-economic survey found that the daily wage for agricultural workers in Cambodia was 13,756 riels (KHR), equivalent to US\$3.44, in 2009. A 2012 wage survey carried out by the Cambodian Institute of Development Studies on plantation workers in rural Cambodia found that plantation workers earn around KHR13,136 (US\$3.28) per day on average [4].

In comparison, Thailand's daily minimum wage in seven provinces as of April 2012 was 300 baht (THB), or KHR39,380 (US\$9.78). At the same time, the minimum wage rose by 40 per cent in the other Thai provinces. While the Thai labor law and the MOU guarantee the minimum wage to migrant workers as well, they often earn significantly less. In Peninsular Malaysia, a monthly minimum wage of MYR900, or KHR1,188,000 (US\$295) came into force on 1 January 2013. This minimum wage applies to nationals and migrants alike, except for domestic workers. In the Republic of Korea, the minimum wage is approximately US\$790 per month, based on the ho[Электронный ресурс]. Режим доступа: у minimum wage and the average number of working hours in 2011.

In 2010, the World Bank estimated that Cambodian migrants sent home about US\$364 million in Remittances. In comparison, net foreign direct investment inflows were US\$0.8 billion, and net overseas development aid received was US\$0.7 billion. A 2007 ILO study of remittances from Cambodian migrant workers in Thailand revealed that the median amount sent home in the previous two-year period was about THB20,000 per worker, or THB833 per month (KHR109,338 or US\$27). This figure was lower than the amount sent by migrants from Myanmar and Lao PDR. Forty per cent of Cambodian migrant workers in Thailand reported that remittances were the main sources of income for their families, and the money was mainly spent on daily expenses, health care, and household appliances.

Conclusion

In countries where recent labor migrants make up a large part of the immigrant population, immigrants have a much more favorable fiscal position than in countries where humanitarian migrants account for a significant part of the immigrant population. Labor migrants tend to have a much more favorable impact than other migrant groups, although there is some convergence over time. On the other hand, the fiscal position of immigrants is generally less favorable in countries with longstanding immigrant populations and little recent labor immigration. Employment is the single most important determinant of migrants' net fiscal contribution, particularly in countries with generous welfare states. Raising immigrants' employment rate to that of the native-born would entail substantial changing the age pyramid of receiving countries. Migrants tend to be more concentrated in the younger and economically active age groups compared with natives and therefore contribute to reduce dependency ratios. Migrants go to work with skills and abilities, and so supplement the stock of human capital of the host countries. More specifically, evidence from the United States, South Korea, and Thailand suggests that skilled immigrants contribute to boosting research and innovation, as well as technological progress.

Few empirical studies have tried, however, to estimate the overall impact of net migration on economic growth, in part because of a shortage of harmonized comparative data on international migration by skills levels. One study that looks at the impact of migration on economic growth for developed countries between 1986 and 2006 demonstrates a positive but fairly small impact of the human capital brought by migrants on economic growth. The contribution of immigrants to human capital accumulation tends to counteract the mechanical dilution

effect (i.e. the impact of population increase on capital per worker), but the net effect is fairly small, including in countries which have highly selective migration policies.

Immigrants also bring a wave of talent and ingenuity, accounting for a disproportionate share of workers in the fields most closely tied with innovation. Immigrants, and especially of each country in the world, are generally of working age; thus, they impose relatively small costs on Social Security and Medicare, the largest components of federal non-defense spending. While immigrants' taxes help pay for defense spending, they do not generate any additional significant costs for the military, thereby somewhat reducing the federal tax burden of the average native. Immigrants in general – whether documented or undocumented are net positive contributors to the federal budget. However, the fiscal impact varies widely at the state and local levels and is contingent on the characteristics of the immigrant population – age, education, and skill level – living within each country in the world.

REFERENCES AND SOURCES

1. Adhoc 's report on Cambodian Migrant Workers , published on April 2012 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.adhoc-cambodia.org/the-report-on-the-situation-of-cambodian-migrant-workers-january-%E2%80%93april-2012/> (reference date: 9.09.2016)
2. Dr. Chheang Vannarith; tackling Vietnamese in Cambodia, released on January 27, 2015. [Electronic resource]. Access mode: <https://vannarithchheang.com/2015/01/27/tackling-vietnamese-migrants-in-cambodia/> (reference date: 9.09.2016)
3. GLOBE, race to the bottom; how Cambodia's opposition is targeting Vietnamese, released on October 21, 2016. [Electronic resource]. Access mode: <http://seaglobe.com/cambodia-opposition-cnrp-vietnamese/> (reference date: 24.10.2017)
4. ILO Asia Pacific Working Papers Series, published in October 2013, page 7
5. Joshua Project, Vietnamese in Cambodia [Electronic resource]. Access mode: https://joshuaproject.net/people_groups/12700/CB (reference date: 2.10.2016)
6. Men Kimseng, VOA Khmer, published on March 15, 2015. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.voacambodia.com/a/high-number-of-migrant-workers-create-political-economic-challenges/2667562.html> (reference date: 3.09.2016)
7. Migration and human rights, The United Nations Convention on Migrant Workers' Rights, Edited by RYSZARD CHOLEWINSKI PAUL DE GUCHTENEIRE ANTOINE PÉCOUD published in 2009, p. 6
8. Migration and human rights, The United Nations Convention on Migrant Workers' Rights, Edited by RYSZARD CHOLEWINSKI PAUL DE GUCHTENEIRE ANTOINE PÉCOUD published in 2009, p. 8
9. Open development on Cambodia, Thai factory accused of abuses, released on January 22, 2013. [Electronic resource]. Access mode: <https://opendevdevelopmentcambodia.net/news/thai-factory-accused-of-abuses/> (reference date: 1.10.2016)
10. Phnom Penh Post, Vietnamese in Cambodia and their story, released on February 4, 2000. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.phnompenhpost.com/national/vietnam-view-cambodia-2> (reference date: 20.10.2016)
11. Radio Free Asia broadcasted in Khmer

12. Reason behind anti-Vietnamese sentiment; Anti-Vietnamese sentiment of Cambodia [Electronic resource]. Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Cambodia%E2%80%93Vietnam_relations (reference date: 3.10.2016)

13. The Asia Foundation; migration puts Cambodia's youths on danger, released on June 5, 2013. [Electronic resource]. Access mode: <http://asiafoundation.org/2013/06/05/migration-puts-cambodias-youth-in-danger/> (reference date: 9.09.2016)

14. The Cambodia Daily; in Vietnamese Floating Villages, a precarious life, released on October 12, 2015. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.cambodiadaily.com/news/in-vietnamese-floating-villages-a-precarious-life-97111/> (reference date: 4.10.2016)

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель центра социальной демографии института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (университет) МИД России, Москва (Россия) E-mail: riazan@mail.ru

Вазиров Зафар Кабутович, аспирант 1-го курса экономического факультета, РУДН, Москва (Россия). E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Ключевые слова: Китай, Таджикистан, миграция, трудовая миграция, китайские мигранты.

Аннотация. В статье представлен анализ китайской миграции в Республике Таджикистан. Как известно, в последнее время Китайская народная республика (КНР) с невероятными усилиями наращивает экономическое присутствие в республиках Центральной Азии и, в частности, в Республике Таджикистан, увеличивается иммиграция из Китая в регионе. Факторы и причины всего этого – не только экономические, но и политические, социально-демографические и экономико-географические. Они и определяют основные векторы современных миграционных движений между двумя странами.

CHINESE MIGRATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics), Professor, Head of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia) E-mail: riazan@mail.ru

Zafar K. Vazirov, a graduate student of the 1st course of the Faculty of Economics, People's Friendship University of Russia, Moscow (Russia). E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Keywords: China, Tajikistan, migration, labor migration, the Chinese migrants.

Abstract. Abstract: This article presents an analysis of the Chinese migration in the Republic of Tajikistan. As it is known, in recent years the People's Republic of China (PRC), with incredible efforts is increasing its economic presence in Central Asia and, in particular, in the Republic of Tajikistan, increased immigration from China in the region. Factors and causes of all this – not only economic, but also political, social and demographic and economic – geography. They define the main vectors of contemporary migration movements between the two countries.

Традиционно к миграции относились перемещение людей, связанные с переселением на новое место жительства. В условиях глобализации перемещения стали не только более интенсивными, но и более разнообразными. Это привело к необходимости расширения рамок термина «миграция». В настоящее время к миграции все чаще относят временные перемещения населения, связанной с работой, учебой, туризмом, коммерческой деятельностью. Мигра-

ция может быть внутригосударственными и межгосударственными. К глобальным миграционным потокам отнести перемещения, которые огромны по объемам, как правило, происходят между континентами, охватывают несколько государств, оказывают существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие городов и стран. Роль миграции в формировании населения и развитие экономики все более усиливается. Учитывая это, XXI в. можно назвать «веком глобальной миграций» [5].

Таджикистан географически расположен рядом с Великим Китаем. Соседство с КНР, имеет не только самое огромное население в мире (более – 1,3 млрд ч.), но и значительно обладает трудовыми ресурсами и потенциалом мобильности рабочей силы, а значит не может не влиять на Таджикистан.

Дипломатические отношения между КНР и РТ были подписаны соответствующими договорами между министерством иностранных дел КНР и министерством иностранных дел РТ 4.01.92 г. в г. Душанбе. А в 2007 году в ходе визита президента Республики Таджикистана в КНР был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РТ и КНР. Договор рассчитан и имеет долгосрочный характер на 25 лет с правом продления срока на последующие пятилетние периоды [1]. Сегодня Китай, инвестирует в важнейшие сферы экономики Таджикистана такие, как промышленность, энергетика, аграрный сектор, строительство, коммуникация, транспорт и укрепляет свое влияние на экономику.

Собственные мигранты, количество которых больше работающих за рубежом, в самом РТ для работ на местных объектах продолжают нанимать приезжих китайцев. Все дело в том, что китайское правительство выдает кредиты для РТ на особых условиях – строительство ведут китайские компании с привлечением для работы китайских граждан.

По данным Миграционной службы Министерства труда республики Таджикистан, количество приезжающих трудовых мигрантов из Китая в Таджикистан растет и в настоящее время их количество достигло 6 тысяч человек [1].

Миграционная служба Министерства труда, миграции и занятости населения Таджикистана сообщает, что за последний год количество трудовых мигрантов из Китая увеличилось на 30% и сейчас уже достигло 6 тысяч 500 человек. В прошлом году этот показатель равнялся 5 тысячам. Китайцы в Таджикистане, в основном, заняты работой в проектах по строительству дорог, цементных заводов, месторождениях и в сельском хозяйстве [1].

Согласно квоте правительства Таджикистана на привлечение трудовых мигрантов на работу в 2016 году из общих 8 тысяч иностранных рабочих для китайцев выделено 4460 мест [1].

Китайские мигранты в Таджикистане – это не только рабочие, инженеры, техники и служащие государственных компаний, которые по контракту работают на строительных дорогах, мостов, туннелей, предприятий, это и торговцы, водители, работники сферы обслуживания (повара, официанты), которые прибывают в Таджикистан частным образом. Торговцы из Поднебесной наводнили местные рынки городов северного Таджикистана – Худжанд,

Кайраккум, Истаравшан, где местные рынки связаны с соседними крупными китайскими рынками Кыргызстана. Китайские торговцы продают огромное количество дешевых и некачественных товаров намного дешевле, нежели их коллеги из Таджикистана, так как получают поддержку от своего правительства. Местные предприниматели, не выдержав конкуренции, разоряются и не могут найти даже низкооплачиваемую черную работу у себя на Родине.

По данным опроса, которые проводили в 2014 г. Олимова С.К. и Олимов М.А. в двух вахтовых поселках на участках дороги Джиргаталь – Душанбе. Среди опрошенных китайских мигрантов было 13% женщин и 77% мужчин. Большинство трудовых мигрантов принадлежит к возрастной группе 25–34 лет – 46%. Доля молодежи в возрасте до 25 лет составляет 11%, людей в возрасте 35–44 лет насчитывается 25%, старше 45 лет – 10%. Мигранты живут в общежитие – 76%, 24% – нанимают самостоятельно частные квартиры [3]. Уровень образования респондентов достаточно высок:

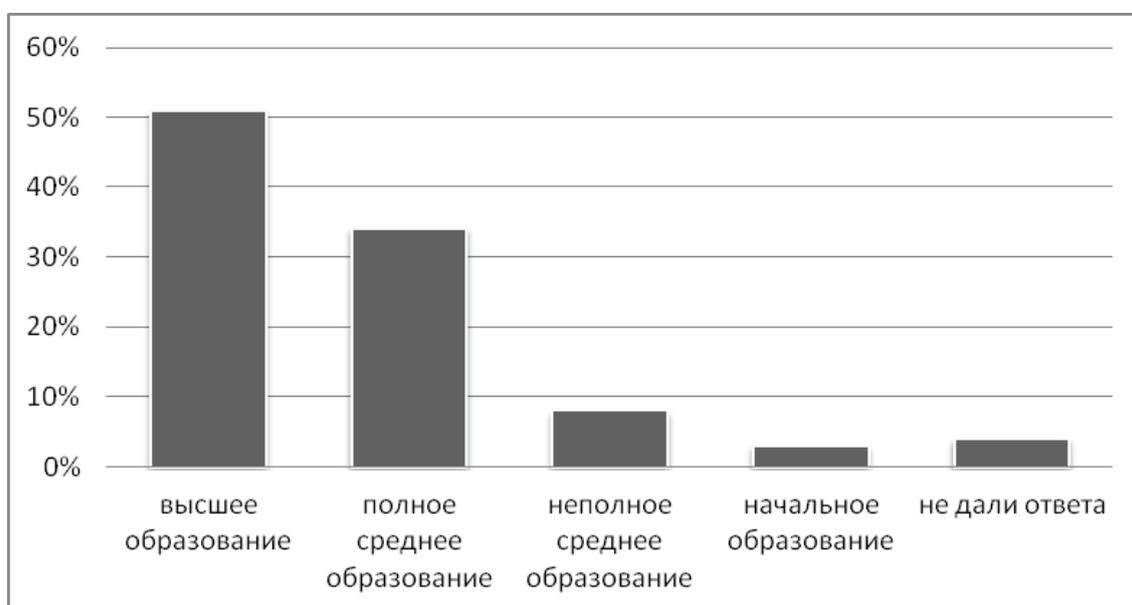

Рис 1. Уровень образования китайских мигрантов

Источник: данные опроса [3].

Китайцы стали владельцами многих стратегических промышленных объектов, арендовали сотни гектаров земель и успешно выращивают сельскохозяйственную продукцию, при этом предпочитают видеть на этих предприятиях и землях только своих граждан. На территории Таджикистана функционирует более 100 китайских предприятий, охватывающих практически все отрасли экономики. За последние шесть лет объем накопленных китайских инвестиций в экономику Таджикистана приблизился к отметке 500 млн. долларов. Лидером среди совместных предприятий является таджикско-китайское золотодобывающее предприятие «Зарафшон», которое только в 2013 году инвестировало свыше 60 млн. долларов.

По результатам многолетней работы ученых еще в советское время было выявлено, что именно на переданной территории Таджикистана (восточный

Памир) Китаю лежат большие запасы 17 видов полезных ископаемых. Так Китай прикупил у Таджикистана свинцово-цинковое месторождение «Зарнисори шимоли». В соответствии с соглашением, Китай полностью берет на себя инвестирование проекта и вложит в это дело \$200 млн. до 2018 года. Китайская компания в течение 4 лет разработает и начнет строительство двух объектов – предприятия по переработке полиметаллов на месторождении «Зарнисори шимоли» в Матчинском районе Согдийской области мощностью переработки 2 млн. тонн руды в год и металлургического завода мощностью 20 тыс. тонн свинца в год.

Для строительства таджикского участка газопровода из Туркменистана в Китай через территорию Узбекистана и Таджикистана привлечено более 10 тысяч китайских и таджикских рабочих. Количество таких специалистов определяется двусторонними межправительственными соглашениями. 4-го июня при финансовой инвестиции Китая была запущена горно-обоганительная фабрика «Покруд» в Рамитском ущелье. Из 715 рабочих этого предприятия 205 человек являются китайскими специалистами [1].

Ещё один факт – в счет погашения внешнего долга перед Пекином Таджикистан передал часть Памирского высокогорья богатого месторождениями драгоценных камней, редких минералов и урана.

Китайским фермерам выделено порядка 2 тыс. гектаров земли в Мургабском районе ГБАО, в Кумсангирском и Бохтарском районах Хатлонской области. Недавно Таджикистан передал ещё около 500 гектаров земель в районах Яван, Абдурахмон Джоми и Джалолиддин Руми сроком на 49 лет в частные руки – фермерской организации ОАО «Цинян Инхай», что уже противоречит местным законам. По словам министерство сельского хозяйства, земли передаются для развития аграрного сектора республики [2].

На кануне великого национального праздника 25-летия Государственной Независимости Республики Таджикистан, 31.08.2016 года в Дангаринском районе, Хатлонской области Основатель мира и национального единства – Лидер наций, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон принял участие церемоний открытия и сдачи в эксплуатацию первой очереди текстильного комплекса ЗАО «Джунтай – Дангара Син – Силу Текстил». Строительство и сдача в эксплуатацию первой очереди текстильного комплекса ЗАО «Джунтай – Дангара Син – Силу Текстил» в Дангаринском районе считается крупнейшей и значимой инициативой Главы государство Эмомали Рахмона на пути развития отечественного производства и создания большого количества новых рабочих мест за годы независимости. Предприятия состоит из 4-х производственных очередей, в том числе прядильной и текстильной, покрасочной и пошивной. В целом общая годовая производственная мощность предприятия составляет 52 тыс. тонны хлопка-волокна и производства 150 млн. м² хлопчатобумажной ткани. В случае полного функционирования мощностей рабочими местами будут обеспечены более 6 тыс. человек (из них 80% местные, а 20% из КНР). Данный предприятия построен в сотрудничестве с инвесторами и специалистами КНР. С целью обеспечения данного предприятия местным сырьем, в том числе высококачественным

хлопком, ныне при поддержке Правительства страны на основе плана строительства данного комплекса выделено более 14,5 тыс. га земли, на которой будет налажен сев хлопка для обеспечения данного предприятия [4].

Между тем, известно, какие технологии возрождения земель используют китайские фермеры. Это химические удобрения в больших количествах и генно-модифицированные культуры, которые загрязняют почву и подавляют жизнедеятельность почвенной флоры и фауны. Такая технология приводит землю в еще большую негодность.

Миграционное вторжение и экономическая экспансия китайцев за последние четыре года побила все рекорды. Жители дружественной страны буквально наводнили Таджикистан. Китай не только избавляется от переизбытка населения у себя на родине, но и обеспечивает своих граждан работой. Вполне понятно, что китайские инвестиции направлены на развитие местного производства в Таджикистане и создание благоприятных условий для экспорта китайских товаров, и вывоза в Китай сырьевых ресурсов. Стремительный рост китайской миграций заставило создать миграционную службу для учета всех мигрантов, прибывающих в Таджикистан, в первую очередь это касается мигрантов из Китайской народной республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Миграционная служба Министерства труда, миграции и занятости населения Таджикистан, информация получена по запросу автора 04.09.2016 г.
2. Министерство сельского хозяйства Республики Таджикистан, информация получена по запросу автора 05.09.2016 г.
3. Олимова С.К., Олимов М.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: valerytishkov.ru/document2018
4. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/node/12901>
5. Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. Мировой рынок труда и международная миграция: Учебное пособие. – Москва: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2010. – 303 с. – Высшее образование.

REFERENCES AND SOURCES

1. Migration Service of the Ministry of Labor, Migration and Employment of the population of Tajikistan, the information obtained at the request of the author 04.09.2016y.
2. The Ministry of Agriculture of the Republic of Tajikistan, the information obtained at the request of the author 05.09.2016y.
3. Olimova S.K., Olimov M.A. [Electronic resource]. Access mode: valerytishkov.ru/document2018
4. The official website of the President of the Republic of Tajikistan. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.president.tj/ru/node/12901>
5. Ryazantsev S.V., Tkachenko M.F. The global labor market and international migration: the manual. – Moscow: ZAO "Publishing house" Economy ", 2010.- 303с. – Higher education.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ И МИГРАНТЫ ИЗ АТР

Забирова Галина Александровна, социальный педагог, ГБОУ ТРОЦ «Солнышко», аспирант ИДПО, Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы г.Москвы, Москва (Россия)

Ким Леонид Иосифович, аспирант ИСПИ РАН, медико-социальная служба Акмолинского областного общества немцев «Видергебурт» г. Кокшетау, (Республика Казахстан)

Ключевые слова: общественное здоровье, местное население, мигранты, Азиатско-Тихоокеанский регион, демография.

Аннотация. Социально-демографические общности (группы и слои) образуют один из важнейших срезов социальной структуры общества. Основываясь на биологических признаках (пол, возраст, родство и семейное положение) или пространственных и экзистических характеристиках (место в системе расселения, миграционная подвижность и др.), эти общности вырабатывают и проявляют собственные ярко выраженные социальные и культурные свойства, которые устойчивым образом определяют положение людей в системе неравенства и их взаимоотношения, модели поведения, возможности удовлетворения потребностей, жизненные планы и стратегии и др.

PUBLIC HEALTH IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF RUSSIA: THE LOCAL POPULATION AND MIGRANTS FROM ASIA-PACIFIC

Zabirova Galina A., social worker, GBOU Trots "Sun", a graduate student IDPO, Institute of additional professional education social workers of Moscow, Moscow (Russia)

Kim Leonid I., PhD student ISPR RAS, medical and social services Akmola regional society of Germans "Wiedergeburt" Kokshetau, Kazakhstan,

Keywords: public health, local communities, migrants, the Asia-Pacific region, demography

Abstract. Socio-demographic community (groups and layers) form one of the most important sections of the social structure of society. Based on the biological characteristics (sex, age, kinship and marital status), or spatial and ekisticheskikh characteristics (in the settlement system, migration mobility, etc.), The community develop and show their own clearly defined social and cultural properties that in a sustainable way predetermine status people in the system of inequality and their relationships, behaviors, opportunities to meet the needs, life plans and strategies, and others.

His strategy in terms of safety and health-practices among the local population and migrants [6]. Thus, representatives of the local population, primarily guided by the medical establishment of mandatory and / or voluntary health insurance, depending on the socio-economic status and opportunities.

Социально-демографические общности (группы и слои) образуют один из важнейших срезов социальной структуры общества. Основываясь на биологических признаках (пол, возраст, родство и семейное положение) или пространственных и экзистенциальных характеристиках (место в системе расселения, миграционная подвижность и др.), эти общности вырабатывают и проявляют собственные ярко выраженные социальные и культурные свойства, которые устойчивым образом определяют положение людей в системе неравенства и их взаимоотношения, модели поведения, возможности удовлетворения потребностей, жизненные планы и стратегии и др.

Свои стратегии в плане охраны и здоровьесберегающих практик у местного населения и у мигрантов [6]. Так, представители местного населения, прежде всего, ориентируются на медицинские учреждения по обязательному и/или добровольному медицинскому страхованию в зависимости от социально-экономического статуса и возможностей. Мигранты могут обратиться за медицинской помощью либо в коммерческие медицинские учреждения, либо к своим согражданам, имеющим медицинское образование и/или практикующим в РФ. Н 2016 год сложно точно сказать, сколько мигрантов находится в России. Однако по мнению экспертов, в начале 2016 г. в РФ находилось свыше 10 миллионов иностранных граждан, причем порядка 4 миллионов из них являлись нелегалами, и еще 860 тысяч, оформив документы и обязавшись выехать из страны, до сих пор остаются в России [8].

Так, только центров традиционной китайской медицины в Москве около 50 (по данным поисковых систем Интернета, на 10.09.2016), в тоже время, поскольку вьетнамские мигранты занимают верхние строчки по представленности этноса, то количество вьетнамских медицинских центров в Москве также широко распространено. Некоторые из них образованы при непосредственном участии общества вьетнамской культуры. Например, «ВьетМед» – инновационный Центр Вьетнамской Акупунктуры, аналогичный центру акупунктуры во Вьетнаме. Центр Вьетнамской Акупунктуры открылся при Центральной Клинике Акупунктуры Вьетнама (ЦКАВ), и будет функционировать под руководством директора и опытных врачей. Центр «ВьетМед» создан в рамках совместного проекта городского комитета города Ханоя и Правительства Москвы для обмена опытом в сфере здравоохранения [10]. Министр здравоохранения Вьетнама г-жа Нгуен Тхи Ким Тянь (Nguyễn Thị Kim Tiến) посетила международную медицинскую конференцию, которая прошла накануне в рамках недели «Дней Ханоя в Москве». Госпожа Нгуен Тхи Ким Тянь также осмотрела Центр вьетнамской акупунктуры, который через несколько дней распахнет двери перед первыми пациентами [5]. А через год уже несколько центров вьетнамской традиционной медицины стали работать в Москве. Данный факт обусловлен тем, что вьетнамские трудовые мигранты широко распространены на российском рынке. Для России Вьетнам традиционно являлся важным поставщиком рабочей силы. Последнее соглашение между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией о временной трудовой деятельности вьетнамских граждан было подписано 18 августа 2003 г. Безусловным его преимуществом стала организация вьетнамской

временной трудовой миграции в координированное направление [12]. Иными словами, мы можем говорить о расширении практики предоставления медицинских услуг через и/или посредство обществ национальной культуры [7].

Медицинской науке в целом известны различия в структуре заболеваемости мужской и женской популяций [1; 3; 9]. Эти различия уже длительное время, начиная с первых систематических исследований общественного здоровья, констатируются на уровне медицинской и социальной статистики.

В общественном мнении существует стереотипное суждение, приписывающее женщинам существенные преимущества при оценке их потенциала здоровья в сравнении с мужчинами. Это суждение в самом общем виде находит «весомый» аргумент в виде данных о почти глобальном распространении тенденции сравнительно большей средней продолжительности женщин, которая в Российской Федерации превышает аналогичный показатель мужской популяции в среднем на 13,5 лет [4].

Социальная обусловленность половых различий в сфере здоровья и медицины пока недостаточно описана эмпирически и осмыслена в отечественной литературе. Поэтому область социально-научного объяснения таких различий пока остается одним из «белых пятен» в социологической проблематике [11].

Современный уровень социально-экономического, производственно-технического и политического развития общества с одной стороны демонстрирует глобальную стратегию развития человеческой цивилизации и как результат этого развития необычайную интенсификацию и ценность человеческих ресурсов, а с другой стороны – сохраняющуюся тенденцию к «травматизации» населения, сохранению старых и появлению новых (техногенных, военно-политических, террористических и других) оснований потери индивидами жизненно важных органов или нарушения их функций. В современном социуме также имеет место отчетливая тенденция появления лиц с двигательными нарушениями, в том числе и среди молодого, потенциально активного населения страны.

Исследования показывают, что здоровье нации лишь на 15% зависит от состояния системы здравоохранения, на 20% оно определяется генетическими факторами, на 25% – экологией и на 55% -социально-экономическими условиями и образом жизни человека.

АНО «Левада-центр» в 2008 году было проведено исследование «Курьер-2008-11». Как показало исследование, почти 93% респондентов определили здоровье как особенно важную цель в жизни [2].

Требует детализации соотношение таких категорий, как *здоровье, общественное здоровье, индивидуальное здоровье и здравоохранение*. Их разработка методологически связана с выбором исследовательских парадигм – базовых теоретических концепций в социологическом исследовании.

При рассмотрении общественного здоровья изучаются относительно крупные устойчивые социальные проявления здоровья и его факторы, действующие в масштабе целого общества его подсистем (социальных институтов и крупных организаций – общественного производства, власти, культуры),

то есть на макросоциологическом уровне. В случае изучения индивидуального здоровья внимание, на наш взгляд, должно быть сосредоточено на микросоциологической проблематике здоровья – в масштабе социальной микросреды – индивида и его ближайшего окружения.

Для решения проблем сохранения и воспроизводства индивидуального и общественного здоровья в обществе возникло и развивается здравоохранение как одна из подсистем общества, крупная многоуровневая специализированная социальная организация, масштаб которой соотносим с масштабом всего общества.

Отправной точкой, но далеко не единственной в развитии социологической концепции общественного здоровья может стать институциональный подход, ориентированный на изучение функций общественного здоровья и функций здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Артамонова В.Г., Шаталов Н.Н. Профессиональные болезни. М.-1996.
2. Всероссийский архив социологических данных. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sophist.hse.ru (дата обращения: 10.09.2016).
3. Грошев И.В. Пол и болезни: краткий обзор современных исследований // Социология медицины.- 2004. -№2.
4. Ефимова М.Р., Бычкова С.Г. Социальная статистика. М.: Финансы и статистика.- 2003. С. 400.
5. Здравоохранение по-вьетнамски: в Москве открывается Центр вьетнамской акупунктуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mednovelty.ru/content/alternative_medicine/7054/ (дата обращения: 10.9.2016).
6. Карабулатова И.С., Ким Л.И. Социально–экономический эффект современных инклюзивных дискурсивных практик в социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. 2015, №3 (13), сентябрь. – С. 54–59.
7. Ким Л.И., Карабулатова И.С. Интеграционные инклюзии социально-медико-психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями через общества национальной культуры // Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва – Ставрополь, 13–18 октября 2015 года) / Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. – М.: изд-во «Экон-Информ», 2015 – С.213–220.
8. Количество мигрантов на 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://topmigrant.ru/migraciya/obshhaya-informaciya/migranty-v-rossii.html> (дата обращения: 10.09.2016).
9. Медик В.А., Токмачев М.С. Руководство по статистике здоровья и здравоохранения. М.: Медицина. – 2006.
10. Открытие центра Вьетнамской Акупунктуры «ВьетМед» в Москве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fraufluger.ru/beauty/otkryitie_tsentra_vetnamskoj_akupunkturyi_vetmed_v_moskve.htm (дата обращения: 09.09.2016).
11. Решетников А. В. Социология медицины (введение в научную дисциплину). Руководство. М.: Медицина.- 2002. – С. 256–273.

12. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Вьетнамские мигранты на российском рынке труда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ryazantsev.org/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/books/1-2016.pdf> (дата обращения: 10.09.2016).

REFERENCES AND SOURCES

1. Artamonova V. Shatalov NN Occupational disease. AM-1996.
2. All-Russian Sociological Data Archive [Electronic resource]. Access mode: www.sophist.hse.ru (reference date: 10.09.2016).
3. Groshev IV Gender and disease: an overview of current research // *Sociology meditsiny*. – 2004. – №2.
4. Efimova MR, Bychkov SG *Social Statistics*. М.: Finance and statistika.- 2003. P. 400.
5. Health in Vietnamese: Center opens in Moscow Vietnamese acupuncture. [Electronic resource]. Access mode: http://mednovelty.ru/content/alternative_medicine/7054/ (reference date: 10.09.2016).
6. Karabulatova I.S., Kim L.I. Socio-economic benefits of modern inclusive discursive practices in the social rehabilitation of persons with disabilities // *Herald UGAES. The science. Education. Economy*. 2015, №3 (13), September. – S. 54–59.
7. Kim L.I., I.S. Karabulatova. Integration of inclusion of social, medical and psychological rehabilitation of persons with disabilities through a national culture society // *Migration bridges in Eurasia: Proceedings of the VII International scientific-practical conference "The role of labor migration in the socio-economic and demographic development of the sending and receiving countries (Moscow – Stavropol, October 13–18, 2015) / Ed. Corresponding Member of RAS SV Ryazantsev – М.: publishing house "Ekon-Inform", in 2015 – S.213–220.*
8. The number of migrants for 2016 [Electronic resource]. Access mode: <http://topmigrant.ru/migraciya/obshhaya-informaciya/migranty-v-rossii.html> (reference date: 10.09.2016).
9. Medic V.A., Tokmachev M.S. *Guide to Health and Health Statistics*. М.: Meditsina. – 2006.
10. Opening Vietnam Acupuncture Center "VetMed" in Moscow [Electronic resource]. Access mode: http://www.fraufluger.ru/beauty/otkryitie_tsentra_vetnamskoy_akupunkturyi_vetmed_v_moskve.htm (reference date: 09.09.2016).
11. Reshetnikov A.V. *Sociology of Medicine (introduction to scientific discipline)*. Guide. М.: Meditsina.- 2002. – S. 256–273.
12. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E. Vietnam migrants in the Russian labor market. [Electronic resource]. Access mode: <http://ryazantsev.org/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/books/1-2016.pdf> (reference date: 10.09. 2016).

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЯПОНИИ

Мацакова Анна Владимировна, соискатель кафедры МЭО на степень кандидата экономических наук в Российском университете дружбы народов (РУДН), Москва (Россия).
E-mail: a.matsakova@gmail.com

Ключевые слова: трудовая миграция, инвестиционное сотрудничество, Россия, Япония.

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам трудовой миграции России и Японии в контексте улучшения инвестиционного сотрудничества двух держав. В ней дается общий обзор инвестиционного сотрудничества России и Японии, рассматриваются проблемы и возможные пути дальнейшего стимулирования по привлечению высококвалифицированных специалистов данных государств для участия в совместных инвестиционных проектах.

LABOR MIGRATION AS A FACTOR OF IMPROVEMENT IN THE SPHERE OF RUSSIAN-JAPANESE INVESTMENT COOPERATION

Anna V. Matsakova, Ph.D. student of the Department "World economy" of RUDN University, Moscow (Russia). E-mail: a.matsakova@gmail.com

Keywords: labor migration, investment cooperation, Russia, Japan.

Abstract. This article focuses on the issues of labor migration in Russia and Japan in the context of improving the investment cooperation between these two countries. It provides an overview of the investment cooperation between Russia and Japan, focuses on the problem and possible ways to further improvement to attract highly qualified specialists of these states to participate in joint investment projects.

В настоящее время в условиях глобализации происходит усиление влияния иностранных инвестиций на национальные хозяйственные комплексы, в том числе России и Японии. Устойчивое экономическое развитие страны стало невозможным без эффективного участия в мирохозяйственных процессах, в том числе без активного привлечения иностранных инвестиций.

Как показывает мировой опыт, инвестиции со стороны иностранных государства несут в себе ряд ключевых преимуществ перед другими факторами развития экономики. Среди них можно выделить дополнительные источники капитальных вложений в производство товаров и услуг, в ряде случаев осуществляемых в виде передачи передовых технологий, ноу-хау, новейших методов управления; а также отсутствие бремени на государственном бюджете, что в конечном итоге не приводит к увеличению внешнего долга страны.

Рассматривая показатели внешнеторгового оборота России с другими странами, можно отметить, что по итогам 2015 года Япония входит в десятку стран с максимальным торговым оборотом, что составляет 21,31 млрд. долларов, общий удельный вес страны – 3,96% (табл. 1).

Таблица 1

Основные торговые партнеры России в 2015 году

№	Страна	Объем внешнеторгового оборота, млрд. долл.	Удельный вес, %
1	Китай	63,55	11,82
2	Германия	45,79	8,52
3	Нидерланды	43,92	8,17
4	Италия	30,61	5,69
5	Турция	23,36	4,35
6	Япония	21,31	3,96
7	США	20,96	3,90
8	Южная Корея	18,06	3,36
9	Польша	13,75	2,56
10	Франция	11,75	2,19
Остальные страны		244,51	45,48
Итого		537,57	100

Источник: [4].

Япония в целом является в настоящее время одним из крупнейших мировых инвесторов: объем накопленных прямых инвестиций японских компаний за рубежом увеличился за последние 10 лет в раза: с 278 млрд. долларов в 2000 г. до 831 млрд. долларов в 2015 г.

Около 20% всего товарооборота между Японией и Россией приходится на Сахалин, что составляет около 4 млрд долларов ежегодно. Также между странами прорабатывается проект создания транспортного коридора, который соединит Европу и Азию через остров Сахалин и остров Хоккайдо. Расширяется взаимодействие двух стран в нефтегазовой сфере РФ. Сотрудничество с Японией по разведке и добыче нефти и газа на Дальневосточном шельфе России традиционно осуществляет ОАО НК «Роснефть» [1, с. 35–41].

На фоне взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Японией возрастает трудовой миграционный поток, что обусловлено созданием новых рабочих мест во вновь организованных проектах, а также общей тенденцией к интеграции двух экономик. В таблице 2 представлена динамика численности российских граждан, выехавших на работу в Японию за период с 2011 по 2015 гг.

Как свидетельствуют данные таблицы 2, в настоящее время наблюдается общая тенденция к росту количества отечественных трудовых мигрантов, приезжающих для работы в Японии. При этом в 2014–2015 гг. количество трудящихся резко возросло, что вызвано внешними причинами, в т.ч. повышением роли Японии в экономическом взаимодействии России в условиях применения санкций с рядом западных государств.

**Численность российских граждан, выехавших на работу за границу,
2011–2015 гг.**

Показатель	2011	2012		2013		2014		2015	
	Чел.	Чел.	Темп роста, %	Чел.	Темп роста, %	Чел.	Темп роста, %	Чел.	Темп роста, %
Всего	70236	67 549	96,2	64370	95,3	61119	94,9	58093	95,0
Япония	720	103	14,3	100	97,1	592	592	619	104,6

Источник: [3].

Удельный вес миграционного потока в Японию в общем количестве трудовых мигрантов из России показан на рисунке 1.

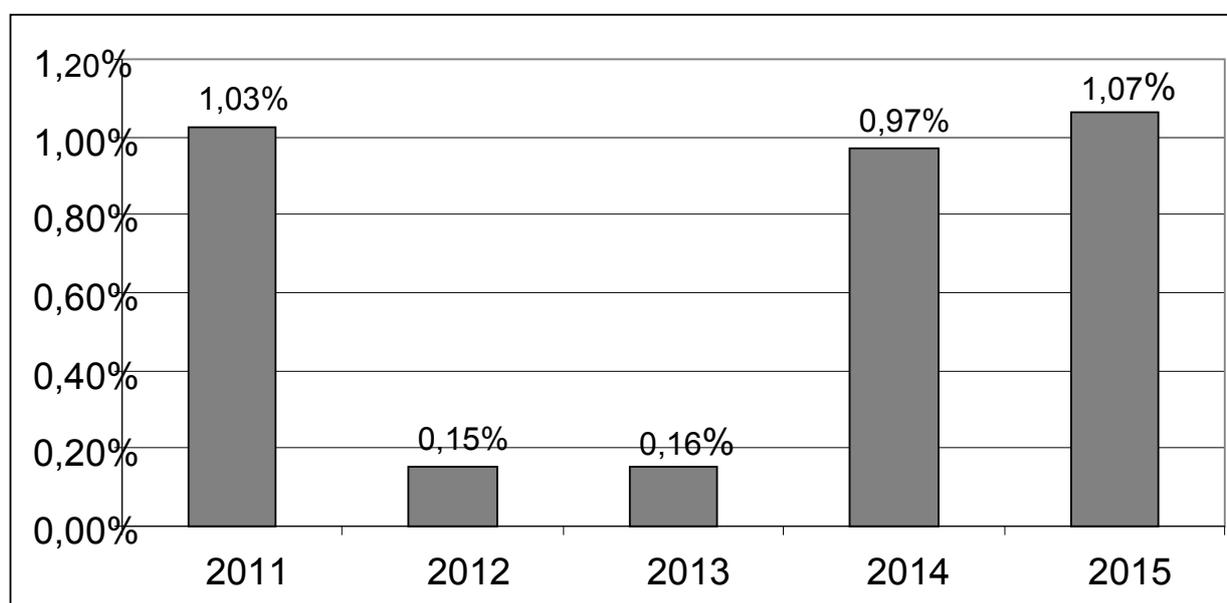

Рис. 1. Удельный вес миграционного потока в Японию в общем количестве трудовых мигрантов, 2011–2015 гг.

Также следует отметить тот факт, что согласно официальной миграционной политике Японии, в большей степени приветствуется привлечение для работы высококвалифицированных кадров, что формирует основной удельный вес миграционного потока среди программистов, инженеров и ученых [3]. Однако в условиях быстро стареющего населения Японии, нехватки рабочих кадров, а также роста совместных инвестиционных проектов можно предположить, что удельный вес технического и промышленного персонала из России увеличится.

В настоящее время миграционная политика в Японии такова, что активное привлечение трудовых мигрантов не используется в качестве способа увеличения рабочего потенциала страны. При этом население страны подвержено тенденции к старению, а также сокращению общего количества трудя-

щихся граждан. Соответственно, в рамках двустороннего сотрудничества для Японии было бы перспективным и эффективным привлечение иностранных работников, в том числе и из России.

Несколько иная ситуация наблюдается при рассмотрении обратного миграционного потока из Японии в Россию. В большей степени японцы посещают нашу страну в туристических целях, либо в рабочих целях на кратковременный срок, например, ловля рыбы в официально разрешенных российских водоемах. На сегодняшний день официальная статистика количества японских трудовых мигрантов в России отсутствует, по оценкам экспертов их количество составляет от 200 до 400 человек в год.

Продолжительное время существовали миграционные правила, которые служили крупным демотивирующим фактором в области трудовой миграции, а именно в привлечении японских специалистов в Российскую Федерацию. Внутренний рынок трудовых ресурсов не мог удовлетворить спрос особенно в высокотехнологичных отраслях, где существовала потребность в профессионалах со специализированным опытом. В 2010 году Минэкономразвития России выступило с инициативой внести поправки в миграционное законодательство. Таким образом, была проведена комплексная работа по упрощению миграционных процедур для высококвалифицированных специалистов.

Также важным аспектом является тот факт, что безработица в России носит структурный характер, соответственно, существуют определенные ниши на рынке труда, не пользующиеся спросом со стороны россиян. В условиях низкого уровня безработицы в Японии необходимо создавать привлекательные условия для осуществления труда японцев в России, т.е. под конкретные инвестиционные проекты.

Следует отметить, что в отличие от проблем, связанных с трудовой миграцией выходцев из стран СНГ и некоторых стран Азии (например, Китай), японские трудящиеся крайне редко не имеют правильно оформленных документов для работы в России. В целом регулирование внешних трудовых миграций, в последние годы ставших неотъемлемой чертой российской действительности и предметом дискуссий, в настоящее время является широко обсуждаемым вопросом.

В целом можно говорить о том, что на сегодняшний день российский рынок является привлекательным для японского бизнеса, что способствует расширению не только экономических, но и миграционных процессов, в том числе в целях осуществления трудовой деятельности. На встрече В.В. Путина и японского премьер-министра С. Абэ как в 2007 году, так и в 2016 году были озвучены договоренности о расширении сфер взаимодействия в энергетике, транспорте, в сфере информации и связи и других. При этом данное взаимодействие направлено, в том числе, на привлечение японских специалистов для осуществления трудовой деятельности на территории России. Таким образом, можно говорить о том, что с расширением российско-японского сотрудничества количество трудовых мигрантов из Японии может увеличиться, при этом направление миграционного потока будет носить пригласительный характер со стороны России.

Также сдерживающим фактором в развитии российско-японского сотрудничества в целом является «неурегулированность» территориального вопроса. Однако обе страны заинтересованы в плодотворном сотрудничестве в различных сферах экономики, реализации новых крупных инвестпроектов, добрососедских отношениях, взаимодействию в сфере науки и технологий, а также обмену трудовыми ресурсами. Все это побуждает глав обоих государств к поиску наиболее рационального способа решения вопроса мирного договора. Но поскольку этот вопрос как минимум среднесрочного будущего, то Токио вряд ли поможет в создании новых рабочих мест в ближайшее время, например, на Дальнем Востоке. Значительное усиление позиций китайских инвесторов на территории Дальневосточного региона РФ также может явиться фактором для более поступательных шагов со стороны Японии в решении вопросов двустороннего взаимодействия.

Помимо этого Япония является одним из стратегических партнеров России в сфере туризма, благодаря территориальной близости к ряду регионов, в частности Приморскому краю, и стремлением сторон развивать всестороннее международное сотрудничество. Приморский край уже на протяжении нескольких лет поддерживает дружественные отношения с такими японскими префектурами как, Тоттори, Акита, Тояма, Симанэ, Ниигата и Хоккайдо. Активно развиваются побратимские связи между городами Приморья и Японии, в результате чего повышается взаимный интерес сторон и увеличивается туристический поток. Усиление туристических связей и заинтересованность японской стороны создают благоприятную почву для развития ряда туристических инвестиционных проектов.

В условиях расширения интеграционных процессов между Россией и Японией, безусловно, важнейшим аспектом является усиление миграционных потоков, однако в данном ключе можно предполагать, что произойдет односторонний рост миграционного потока в Японию в силу нехватки рабочей силы в стране и внешней привлекательности работы за границей. В данных условиях необходимо активно прорабатывать политику иностранного инвестирования в отечественные проекты со стороны Японии, а также привлечения японских специалистов с целью использования передового опыта и успешных практик. С этой целью возможно создание в России специальных рабочих мест для японской рабочей силы в рамках инвестиционных проектов, разрабатываемых сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волков С.В. Япония во взаимоотношениях России и США // Вестник МГИМО Университета, 2015. – № 1 (40). – с. 35–41.
2. Мирзаян Г. Азиаты не делают резких движений // Эксперт. – 2016. – №35 (998). – С.34–36
3. Официальный сайт ГУ МВД России РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mvd.ru
4. Официальный сайт Таможенной службы РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.customs.ru

5. Простакишина Н.П., Ковалева А.А. Россия и Япония: предпосылки для развития взаимоотношений в сфере туризма (на примере Приморского края) // Молодой ученый. – 2014. – №1. – С. 303–306.
6. Труд и занятость в России. 2015: Стат.сб./Росстат. – М., 2015. – 274 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. Volkov, S.V. Japan in the relationship between Russia and the US // MGIMO University Bulletin, 2015. – No. 1 (40). Pp. 35–41.
2. Mirzayan G. Asians do not make sharp movements // Expert-2016. – №35 (998). Pp. 34–36.
3. The official website of the GU MVD of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access mode: www.mvd.ru
4. Official site of the Customs Service of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access mode: www.customs.ru
5. Prostakishina NP, Kovaleva AA Russia and Japan: preconditions for the development of mutual relations in the sphere of tourism (Primorsky Territory example) // Young Scientist. – 2014. – №1. – Pp. 303–306.
6. Work and employment in Russia. 2015: Statistical compilation / Rosstat. –М., 2015. – 274 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КИТАЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ МИГРАЦИИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург (Россия). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Ключевые слова: риски, китайская миграция, Россия, Средний Урал.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы сельскохозяйственной миграции из Китая в Россию. Рассмотрено и уточнено понятие «сельскохозяйственный мигрант». Выявлены основные каналы въезда китайских граждан в Российскую Федерацию с целью работы в сельском хозяйстве. Детально рассмотрена география распределения китайских рабочих занятых в сельском хозяйстве в Свердловской и Челябинской областях. Выявлены основные проблемы и последствия от хозяйственной деятельности китайских мигрантов для сельского хозяйства России.

SOCIO-ECONOMIC RISKS OF THE DISTRIBUTION OF CHINESE AGRICULTURAL MIGRATION IN THE MIDDLE URALS

Kseniya G. Muratshina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, "Ural Federal University named of the first President of Russia Boris N. Yeltsin", Yekaterinburg (Russia). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Keywords: risks, Chinese migration, Russia, Middle Urals.

Abstract: The article deals with the issue of agricultural migration from China to Russia. The concept of "agricultural migrant" is considered and clarified. The main channels for the entry of Chinese citizens into the Russian Federation for the purpose of working in agriculture have been identified. The geography of the distribution of Chinese workers employed in agriculture in the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions is examined in detail. The main problems and consequences of economic activity of Chinese migrants for Russian agriculture have been revealed.

Широкое распространение сельскохозяйственной миграции из Китая, особенно нелегальной, – явление, лишь сравнительно недавно ставшее объектом пристального наблюдения и исследования в российской научной среде. Однако масштабы негативных последствий и рисков, связанных с ним, – экономических, экологических, демографических, криминальных, – очевидны уже сейчас. Явление можно назвать достаточно массовым, основные черты проблемы схожи по всей стране, от приграничных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока до Московской области и областей Центральной

России [6]. Средний Урал – не исключение. Постараемся кратко осветить проблему применительно к Свердловской и Челябинской областям.

Для начала уточним, что сельскохозяйственным мигрантом является рабочий-гражданин КНР, приехавший легально или нелегально в Россию на заработки на определенный срок и ведущий легальную или нелегальную хозяйственную деятельность: аренда или организация тепличного хозяйства, выращивание овощей в теплицах или в открытом грунте. Попутно китайские сельхозработчие занимаются торговлей, рубкой леса, строительными работами. Как правило, при их устройстве на работу воплощается одна из нескольких схем: либо работник устраивается легально по квоте на сельхозработчих в хозяйство, принадлежащее российскому или китайскому предпринимателю, либо въезжает в Россию как турист или по квоте на строительных рабочих и нелегально идет в наемные сельхозработчие. При этом земля может быть оформлена на подставное российское лицо, принадлежать совместному предприятию или находиться в аренде у китайской компании (как правило, компании со 100%-ным китайским капиталом встречаются в дальневосточных регионах России [8, с. 52]), которая набирает в провинциях КНР желающих поехать в Россию на сезонные заработки, а они, к слову, для китайской глубинки считаются немалыми, да и на российском рынке труда, особенно среди мигрантов, зарплата среднего китайца является отнюдь не минимальной [22, с. 47]. И, хотя цифр по переводам именно сельхозмигрантов из Китая в открытом доступе нет, можно отметить, что в целом в Китай физическими лицами (резидентами и нерезидентами) из России, например, в 2011 г. было перечислено более 73 млрд рублей [7], а в 2015 г. – более 100 млрд рублей [27].

После распада СССР и приобретения регионами РФ большего числа полномочий, роста открытости российских городов и областей, а также вступления крупных городов в официальные отношения сотрудничества с китайскими городами и провинциями началась волна миграции из КНР, в том числе и на Средний Урал. К середине первого десятилетия XXI в. можно говорить о складывании в регионе китайской диаспоры со своими институтами и развитой инфраструктурой [11, с. 28–30]. К этому же времени относится и масштабное проникновение в Свердловскую и Челябинскую области китайских сельхозмигрантов, нанимаемых, как правило, желавшими быстро разбогатеть российскими бизнесменами. Основной поток приходится на расположенную южнее и обладающую более теплым климатом Челябинскую область. Точные цифры количества китайских мигрантов региональными контролирующими службами не обнародуются, но известно, что в область каждый год только по официальным заявкам приезжают как минимум по 500 китайских сельхозмигрантов. Кроме того, есть еще тысячи нелегалов, которые попали в страну по квотам на строительных рабочих [12]. В одном только 2011 г. на учет в Челябинской области было поставлено более 8,5 тысяч китайцев [10].

Теплицами китайских мигрантов и посадками в открытом грунте в области заняты тысячи гектаров в Еткульском, Аргаяшском, Красноармейском и других районах. Последствия их хозяйствования – такие же, как и в других российских регионах: широкое неконтролируемое использование ядохимика-

тов, несанкционированные свалки, уничтожение плодородного слоя почвы, загрязнение водоемов, вследствие чего в отдельных районах были случаи гибели домашней птицы местных жителей [30]. Кроме того, контролирующими органами фиксировались нарушения санитарно-эпидемиологических норм, миграционного законодательства, правил эксплуатации жилых помещений [2].

В Свердловской области площади, занятые китайскими теплицами, меньше, однако скандалы все равно происходят каждый год. Так, китайские сельхозработники самовольно занимали земли для выращивания овощей с применением запрещенных химикатов в Алапаевском районе и в Горноуральском городском округе в районе деревни Соседкова и села Новая Башкарка [28], в Нижнесергинском районе отказывались платить за аренду земли ее российским владельцам, вели несанкционированные строительные работы, производили нелегальные вырубку леса [20], в Режевском районе использовали в огромных количествах такие опасные для здоровья химикаты, как хлороталонил (вызывает появление дерматитов), квинтозен (применение на территории РФ запрещено), циперметрин (превышение предельно допустимой концентрации в 49 раз, сверхтоксичный инсектицид, выявив применение которого в тепличном хозяйстве, даже выдавшие виды специалисты Россельхознадзора разводят руками: «По сравнению с этим химикатом dust – обычный порошок») [19]. Сбыт выращенных китайцами овощей производится в обход санитарных норм через различные оптовые и розничные торговые точки, как на месте, так и с вывозом в крупные города региона. Низкая себестоимость потенциально опасной для здоровья, но тем не менее распространяемой продукции ухудшает ситуацию на рынке для российских фермеров, поскольку закупочные цены на овощи понижаются [29]. А доведенные до отчаяния местные жители порой идут на открытый конфликт с китайцами: так, в Челябинской области китайские теплицы поджигались [4], а в Свердловской области сельчане резали шланги с водой, которые китайские рабочие использовали для полива, и приезжали к мигрантам с палками, пытаясь самостоятельно (в условиях бездействия местных властей) решить вопрос с сохранением экологии на своей земле [21].

Стоит отметить, что КНР на современном этапе стоит в одном ряду с такими «поставщиками» мигрантов на Урал, как Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан. Если рассматривать демографический состав миграционных потоков, то из Китая в основном едут мужчины в возрасте от 20 до 40 лет [23]. Пожалуй, наиболее тревожным в данной ситуации является то, что, если раньше увеличение китайской миграции на Урал и в другие российские регионы определялось в большей степени активностью недобросовестных российских предпринимателей и стихийно распространявшейся практикой, то в настоящее время лидирующая роль в этом процессе перешла к китайской стороне, которая активно стимулирует своих граждан к миграции в Россию, специально к этому готовит (!) [5] и, если можно применить такой термин, массово популяризирует основные направления миграции, в том числе – сельскохозяйственную [17]. А летом 2016 г. общественность Свердловской области всколыхнула появившаяся в одной из крупных региональных газет заказная статья китайского консула, в которой доказывалось,

что сельхозмиграция из КНР – это якобы полезно и необходимо для России, а случаи применения опасных для здоровья методов хозяйствования – будто бы единичны [3].

Однако решение проблемы становится возможным благодаря постепенному изменению позиции местных властей: если раньше меры, принимаемые по отношению к мигрантам, ограничивались тем, что глава поселка «вызывал к себе собственника и рекомендовал ему следить за тем, что творится на его земле» [13], губернатор Челябинской области хвалился дешевыми овощами перед всеми остальными российскими регионами [15], а инспекторы свердловского Росреестра, приехав к китайцам с проверкой, боялись выходить из машины [26], то сейчас действия контролирующих органов стали более скоординированными и жесткими, Россельхознадзор и Роспотребнадзор работают в плотной связке с полицией и ФСБ [1]. Кроме того, на Урале отмечается тенденция к ограничению потока иммигрантов в целом, прежде всего, путем квотирования. Если одно время областное правительство увеличивало квоты трудовым мигрантам [18], то например, в 2015 г. заявки целого ряда компаний-работодателей на дополнительные квоты на прием на работу иностранных граждан были отклонены в связи с «нарушениями трудового, налогового и миграционного законодательства» [24]. И, хотя в подобных сообщениях практически всегда не конкретизируется страна происхождения и сфера работы мигрантов, мы можем считать эту тенденцию ответом на те социально-экономические вызовы, которые ранее сопутствовали увеличению количества трудовых мигрантов в регионе в целом.

Другие российские регионы, столкнувшиеся с последствиями хозяйствования китайских рабочих, еще раньше начали ограничивать их въезд в Россию [14], либо заменять трудовыми мигрантами из других стран [16], серьезно задумываться и сравнивать потенциал китайских рабочих с мигрантами из других стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Средней Азии [9, с. 125], либо, что еще недостаточно распространено, но тем не менее присутствует и является чрезвычайно важным прецедентом, стимулировать фермерство среди местных жителей – российских граждан [25]. Надо думать, что позиция российских граждан, фермеров, местных жителей может быть услышана, особенно в тех условиях, когда сельскому хозяйству, тем более в условиях импортозамещения, будет уделяться больше внимания, как сфере государственной продовольственной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. 13 китайских нелегалов из тепличного хозяйства под Режем отправятся на родину // Е1. Городской портал Екатеринбурга. 29.05.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-444805.html (дата обращения: 29.05.2016).

2. В Еткульском районе проверили китайцев. Обнаружены нарушения // Информационное агентство «Новый регион». 23.03.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/chel/325298.html> (дата обращения: 5.11.2012).

3. «В России много хорошей земли». Генеральный консул КНР в Екатеринбурге Тянь Юнсян уверен, что сотрудничество между Китаем и Свердловской областью в сфере сельского хозяйства выгодно для обеих сторон // Областная газета. 30.06.2016.
4. В Челябинской области сгорели китайские теплицы // Урал-Пресс. 28.09.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uralpress.ru/news/2012/09/28/v-chelyabinskoj-oblasti-sgoreli-kitayskie-teplicy> (дата обращения: 3.11.2012).
5. В Южном Китае остановлена «кузница» для тысяч нелегальных мигрантов, направляющихся в Россию // Интернет-журнал «Южный Китай». 3.12.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://south-insight.com/node/217799> (дата обращения: 17.01.2016).
6. Гельбрас В.Г. Китайская трудовая миграция в Россию: что она сулит нашей стране // Азия и Африка сегодня. 2016. № 5. С. 50–54.
7. Денежные переводы перешли границу // Коммерсант. 14.06.2012.
8. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 51–59.
9. Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сёл Приморского края // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 120–127.
10. Иностранцы стали чаще приезжать в Челябинскую область // Информационное агентство «Новый регион». 9.02.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/chel/371904.html> (дата обращения: 5.11.2012).
11. Каменских М.С. Становление и развитие китайской этнической группы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, 2011. 34 с.
12. Китайская капуста // Эксперт-Урал. 28.06.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.expert-ural.com/archive/25-426/kitayskaya-kapusta.html> (дата обращения: 16.09.2014).
13. Китайская свалка по самые помидоры // Челябинск.ру. 25.09.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chelyabinsk.ru/text/news/568954.html> (дата обращения: 3.11.2012).
14. Китайские овощеводы жалуются на запрет работать в Красноярском крае // Информационный портал «СибНовости. Самые актуальные новости Красноярска». 11.07.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krsk.sibnovosti.ru/society/199082-kitayskie-ovoshevody-zhaluyutsya-na-zapret-rabotat-v-krasnoyarskom-krae> (дата обращения: 1.07.2014).
15. Китайские теплицы выйдут из подполья? // Челябинск.ру. 8.08.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chelyabinsk.ru/text/news/421988.html> (дата обращения: 3.11.2012).
16. Китайцы пашут российские поля // Иносми.ру. 16.10.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20121016/200996877.html> (дата обращения: 5.11.2012).
17. Китайцы снимут фильм о Челябинской области // Информационное агентство «Новый регион». 13.09.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/chel/403617.html> (дата обращения: 5.11.2012).
18. Мигранты в Свердловской области в 2013 году получают больше рабочих мест // Коммерсант – Екатеринбург. 7.07.2012.

19. На Среднем Урале в тепличных хозяйствах нашли опасные химикаты // Новости Mail.ru. 11.07.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/inregions/ural/66/incident/18844059/?frommail=1> (дата обращения: 11.07.2014).
20. На Урале началась китайская экспансия // Информационное агентство «Новый регион». 15.10.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/ekb/144974.html> (дата обращения: 5.11.2012).
21. На Урале снова заработали опасные китайские теплицы // NewVesti.info. 21.04.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newvesti.info/na-urale-snova-zarabotali-opasnye-kitajskie-teplicy/> (дата обращения: 17.09.2014).
22. Рязанцев С.В. Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайцев в России // Служба занятости. 2014. № 7. С. 44–49.
23. Свердловская область остается популярной у мигрантов // IslamNews. 29.12.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-106041.html> (дата обращения: 5.11.2012).
24. Свердловское правительство отклонило заявки работодателей на дополнительные квоты по мигрантам // Новости Mail.ru. 20.04.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.mail.ru/inregions/ural/66/economics/21783882/?frommail=1> (дата обращения: 20.04.2015).
25. Семейные теплицы вместо китайских овощей // БайкалПресс.ру. 29.07.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikalpress.ru/number1/2009/30/002016.html> (дата обращения: 17.09.2014).
26. «Страшно из машины выйти». В теплицах под Сысертью всю зиму жил клан китайцев – без электричества, канализации, зато под охраной больших псов // E1. Городской портал Екатеринбурга. 21.03.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-402906.html (дата обращения: 21.03.2014).
27. Трансграничные переводы физических лиц в 2015 году // Центробанк России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?prtid=svs&ch=par_17101#checkeditem (дата обращения: 13.06.2016).
28. Урал: под Нижним Тагилом китайцы «захватили» земли для выращивания рассады овощей // Информационное агентство «Новый регион». 17.05.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/ekb/331815.html> (дата обращения: 5.11.2012).
29. Уральские овощеводы вынуждены продавать капусту вчетверо дешевле // Агро – XXI. Новости сельского хозяйства. 12.09.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/novosti/kitaiskie-fermery-obrushili-sverdlovskii-rynok-ovoschei.html> (дата обращения: 9.09.2014).
30. Утка по-пекински // Информационное агентство «Новый регион». 14.08.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/chel/399357.html> (дата обращения: 5.11.2012).

REFERENCES AND SOURCES

1. 13 Chinese illegal immigrants from the hothouse economy near Rezh will go to their homeland // E1. City portal of Yekaterinburg. 05/29/2016. [Electronic resource]. Access mode: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-444805.html (reference date: 29.05.2016).
2. In the Etkul region checked the Chinese. Violations were detected // News agency "New Region". 23.03.2011. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nr2.ru/chel/325298.html> (reference date: 5.11.2012).

3. "There is a lot of good land in Russia". Tian Yongxiang General Consul of China in Yekaterinburg is sure that cooperation between China and Sverdlovsk region in the field of agriculture is beneficial for both sides // Region newspaper. 06.30.2016.
4. Chinese greenhouses burned in the Chelyabinsk region // Ural-Press. 28.09.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://uralpress.ru/news/2012/09/28/v-chelyabinskoy-oblasti-sgoreli-kitayskie-teplicity> (reference date: 3.11.2012).
5. In South China, a "smithy" for thousands of illegal migrants going to Russia was stopped // The Internet magazine "Southern China". 3.12.2015. [Electronic resource]. Access mode: <http://south-insight.com/node/217799> (reference date: 17.01.2016).
6. Gelbras V.G. Chinese labor migration to Russia: what does it promise to our country // Asia and Africa today. 2016. № 5. P. 50–54.
7. Money transfers crossed the border // Kommersant. 14.06.2012.
8. Zuenko I.Yu. The Chinese Presence in the Agriculture of the Far East: Some Aspects of the Problem // Izvestiya Vostochnogo Instituta. 2015. № 2 (26). Pp. 51–59.
9. Ivanov S.A. Chinese capital as a factor in the ethnization of cities and villages of Primorsky Krai // Bulletin of Tomsk State University. History. 2015. No. 5 (37). Pp. 120–127.
10. Foreigners began to come more often to the Chelyabinsk region // News agency "New Region". 9.02.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nr2.ru/chel/371904.html> (reference date: 5.11.2012).
11. Kamenskikh M.S. Formation and development of the Chinese ethnic group in the Middle Urals in the late XIX – early XXI century. Author's abstract. diss. for the academic degree of Cand. east. sciences. Ekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. 34 p.
12. Chinese cabbage // Expert-Ural. 28.06.2010. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.expert-ural.com/archive/25-426/kitayskaya-kapusta.html> (reference date: 16.09.2014).
13. Chinese dump for the most tomatoes // Chelyabinsk.ru. 25.09.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://chelyabinsk.ru/text/news/568954.html> (reference date: 3.11.2012).
14. Chinese vegetable growers complain about the ban on working in the Krasnoyarsk region // SibNews. The most current news of Krasnoyarsk. " 11.07.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://krsk.sibnovosti.ru/society/199082-kitayskie-ovoschevody-zhaluyutsya-na-zapret-rabotat-v-krasnoyarskom-krae> (reference date: 1.07.2014).
15. Will Chinese greenhouses come out of the underground? // Chelyabinsk.ru. 08/08/2011. [Electronic resource]. Access mode: <http://chelyabinsk.ru/text/news/421988.html> (reference date: 3.11.2012).
16. The Chinese plow the Russian fields // Inosmi.ru. 10.16.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://inosmi.ru/russia/20121016/200996877.html> (reference date: 5.11.2012).
17. The Chinese will make a film about the Chelyabinsk region // News agency "New Region". 13.09.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nr2.ru/chel/403617.html> (reference date: 5.11.2012).
18. Migrants in the Sverdlovsk region in 2013 will get more jobs // Kommersant-Yekaterinburg. 7.7.2012.
19. In the Middle Urals, hazardous chemicals were found in hothouse farms // News Mail.ru. 11.07.2014. [Electronic resource]. Access mode: <http://news.mail.ru/in-regions/ural/66/incident/18844059/?frommail=1> (reference date: 11.07.2014).

20. The Chinese expansion began in the Urals // The New Region news agency. 15.10.2007. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nr2.ru/ekb/144974.html> (reference date: 5.11.2012).
21. Dangerous Chinese greenhouses in the Urals have started to work again // NewVesti.info. 04.21.2014. [Electronic resource]. Access mode: <http://newvesti.info/nature-snova-zarabotali-opasnye-kitajskie-teplicity/> (reference date: 17.09.2014).
22. Ryazantsev S.V. Socio-economic adaptation and migration patterns of Chinese in Russia // Employment Service. 2014. No. 7. P. 44–49.
23. Sverdlovsk region remains popular with migrants // IslamNews. 12.29.2011. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.islamnews.ru/news-106041.html> (reference date: 5.11.2012).
24. Sverdlovsk government rejected applications of employers for additional quotas for migrants // News Mail.ru. 04.20.2015. [Electronic resource]. Access mode: <https://news.mail.ru/inregions/ural/66/economics/21783882/?frommail=1> (reference date: 20.04. 2015).
25. Family greenhouses instead of Chinese vegetables // BaikalPress.ru. 29.07.2009. [Electronic resource]. Access mode: <http://baikalpress.ru/number1/2009/30/002016.html> (reference date: 17.09.2014).
26. "It's scary to get out of the car." In the greenhouses near Sysert, the clan of the Chinese lived all winter long – without electricity, sewage, but under the protection of large dogs // E1. City portal of Yekaterinburg. 03/21/2014. [Electronic resource]. Access mode: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-402906.html (reference date: 21.03.2014).
27. Cross-border transfers of individuals in 2015 // Central Bank of Russia. [Electronic resource]. Access mode: http://www.cbr.ru/statistics/?prtid=svs&ch=par_17101#checkeditem (reference date: 13.06. 2016).
28. Ural: near Nizhny Tagil, the Chinese "seized" the land for growing seedlings of vegetables // News agency "New Region". 05.17.2011. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nr2.ru/ekb/331815.html> (reference date: 5.11.2012).
29. Ural vegetable growers are forced to sell cabbage four times cheaper // AgroXXI. News of agriculture. 12.09.2013. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/novosti/kitaiskie-fermery-obrushili-sverdlovskii-rynok-ovoschei.html> (reference date: 9.09.2014).
30. Duck in Beijing // News agency "New Region". 14.08.2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nr2.ru/chel/399357.html> (reference date: 5.11.2012).

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ВЬЕТНАМА В АСЕАН И СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ

Нгуен Кань Тоан, доктор экономических наук, профессор, Институт Европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам). E-mail: okabc007@yahoo.com

Ключевые слова: трудовая миграция, Вьетнам, АСЕАН, Северо-Восточная Азия.

Аннотация: Эмиграция вьетнамцев в АСЕАН и Северо-Восточную Азию с целью учебы и работы является распространенным социальным явлением во Вьетнаме и масштабы которой из года в год увеличиваются.

Изучение текущего состояния и перспектив международной трудовой миграции будет служить предложением Правительству Вьетнама в планировании и совершенствовании миграционной политики под девизом "Государству благоприятно, людям выгодно, международная интеграция и солидарность укреплены" в стратегии социально-экономического развития Вьетнама.

В рамках данной статьи рассматривается деятельность вьетнамских рабочих и специалистов, выезжающих на кратковременную работу за рубеж.

LABOUR MIGRATION IN VIETNAM ASEAN AND NORTHEAST ASIA: STATUS AND PROSPECTS

Toan NGUYEN CANH, Doctor of Economics, Professor, Institute for European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam) E-mail: okabc007@yahoo.com

Keywords: labor migration, Witten, ASEAN, North-East Asia.

Abstract: The emigration of Vietnamese to ASEAN and Northeast Asia for study and work is a widespread social phenomenon in Vietnam and is becoming stronger. The study of the current state and prospects of this migration flow will serve as a proposal to the Government of Vietnam in the planning and improvement of migration policy under the motto "The state is favorable, people are profitable, international integration and solidarity is strengthened" in the strategy of social and economic development of Vietnam. In the framework of this article, we are mainly talking about activities related to Vietnamese workers and specialists traveling for short-term work abroad.

Текущее состояние. В 2016 году численность населения Вьетнама составляла 94,1 млн. человек. Занятыми числились 52,9 млн. человек, что составляло 56,2%. Изменение структуры занятости по экономическим секторам в 2015 году таково: на долю сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства приходилось 18,12%; на долю промышленного и строительного сектора – 38,50%; на долю сектора услуг – 43,30%. Уровень безработицы в трудоспособном возрасте оставался стабильно низким. В 2015 году данный показатель составлял 2,31%.

По статистическим данным Главного управления по труду за рубежом, за 7 месяцев 2016 г. трудилось 65 766 граждан, что на 4,02% меньше, чем за

первые 7 месяцев 2015 г. Общее количество граждан Вьетнама, временно работающих в промышленной сфере и строительстве за пределами страны (за исключением сфер управления, обучения, лечения, туризма) составляло более 0,5 млн. человек или 11,2% от общего числа вьетнамских граждан проживающих за рубежом, общая численность которых оценивается в более чем 4,5 млн. человек.

По данным Международной организации по миграции (МОМ) с 1990 по 2015 год из Вьетнама за границу выехало около 2,56 млн. человек.

Исследования рынка рабочей силы по регионам мира показывают, что вьетнамские рабочие эмигрируют с целью трудоустройства преимущественно в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. По разным экспертным оценкам в 2016 г. Численность трудовых мигрантов в указанных регионах составляли более 200 000 человек, в том числе на долю Тайваня приходится 42,82% (85 650 чел.), Южной Кореи – 30% (60 000 чел.). Остальные трудовые мигранты относительно равномерно распределены между Малайзией, Японией, Брунеем, Сингапуром, Лаосом, Камбоджей.

С 2006 г. по июнь 2016, в среднем ежегодно из Вьетнама уезжает с целью трудоустройства более 80 000 человек, что составляет около 5% от общей численности трудоспособного населения. В период с 2009 г. по 2016 г. в среднем за пределами Вьетнама трудились около 500 000 человек, работающих в 40 странах в различных сферах экономики. Доля женщин в миграционном потоке составляет 49%, которые в основном работают в сферах социального обслуживания, легкой промышленности, а также в индивидуальных домохозяйствах.

В последние годы география въезда трудовых мигрантов из Вьетнама постоянно расширяется. Примером являются такие рынки труда, как Бруней, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты. Отдельным направлением трудовой эмиграции из Вьетнама являются развитые страны с высокими доходами, такие как Австралия, Соединенные Штаты, Канада, Финляндия и Италия.

Таблица 1.

Миграция рабочей силы из Вьетнама

Годы Years	Количество(чел.) Number (pers.)	Рост (%) Growth (%)
1991	503	-
1992	482	- 4,2
1993	1.228	154,8
1994	3.949	221,6
1995	4.380	10,9
1996	7.110	62,3
1997	14.056	97,7
1998	9.094	- 35,3
1999	16.522	81,7
2000	28.203	70,7
2001	26.759	- 5,1

Годы Years	Количество(чел.) Number (pers.)	Рост (%) Growth (%)
2002	42.189	57,7
2003	60.370	43,1
2004	61.000	1,0
2005	70.000	14,8
2006	78.885	12,7
2007	80.000	1,4
2008	87.000	8,8
2009	70.000	-19,5
2010	85.586	22,3
2011	81.475	-4,8
2012	85.190	4,6
2013	88.155	3,5
2014	106.480	20,8
2015	115.980	8,9
2016 (7 месяцев)	65.776	-

Источник: Вьетнам. Общее статистическое управление и Департамент по управлению трудовыми мигрантами во Вьетнаме при Министерстве труда, социального развития и по делам инвалидов.

С 2008 года ежегодно Южная Корея принимает 12 000 новых вьетнамских рабочих и 6 000 мигрантов, ранее работавших в этой стране на сезонных работах. В связи с этим количество вьетнамских рабочих в этой стране увеличилось до 50 тысяч человек.

В отличие от Тайваня и Малайзии, где рынки труда считаются традиционными и менее требовательными к уровню квалификации трудовых мигрантов, рынок труда Япония является более требовательным к квалификации. Тем не менее, благодаря двухсторонним соглашениям между странами и программам сотрудничества число вьетнамских граждан, проходящих обучение и стажировку в Японии увеличивается. В 2011 г. в Японии проходило обучение и стажировку около 35000 человек, что является вторым показателем после Китая.

В 2015 г. согласно прогнозам предполагалось, что миграционный поток трудовых эмигрантов будет на уровне 95 000 человек. Тем не менее по состоянию на конец декабря 2015 г. поток трудовой эмиграции составил 110 000 человек, что на 15% больше прогнозного значения. При этом в 2014 г. выехало 106 000 человек с целью трудоустройства.

Согласно статистическим данным Главного управления по труду, в первые два квартала 2016 года из Вьетнама с целью трудоустройства за рубежом выехало 54 131 человек (из которых 19 792 женщины) в том числе на Тайвань 29 292 человек (10 210 женщин), в Японию – 15 662 человек (7 137 женщин), Южную Корею – 4 040 человек, (289 женщин), Малайзию – 1 624 человек (875 женщин), Саудовскую Аравию – 1 749 человек (1129 женщин), Макао –

161 работников (128 женщин) и другие внешние рынки труда. Это составило 54,13% от прогнозного значения на 2016 год.

Количество работников, отправленных на работу на Тайвань и в Японию, продолжает расти, а вопросы законности и прав работников за рубежом решаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Главное статистическое бюро Вьетнама <http://www.gso.gov.vn/>
2. Данные Федеральной службы государственной статистики России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/07-55.htm
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р)
4. Министерство образования и науки Российской Федерации (2007), «Экспорт российских образовательных услуг», Статистический ежегодник, Москва, с.120
5. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 12 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2015. – 196 с.
6. Доклад о положении в области международной миграции в Восточной и Юго-Восточной Азии, Бангкок, 2013, 320 с.
7. Статистический справочник Вьетнама 2013, Статистический издательский дом, Ханой, 2014, 820 с.

REFERENCES AND SOURCES

1. General Statistics Office Of Vietnam. <http://www.gso.gov>.
2. The data of the Federal State Statistics Service of Russia. [Electronic resource]. Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/07-55.htm
3. The Concept of Long-term Socio – Economic Development of Russia up to 2020 (Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of November 17th, 2008, No.1662-r).
4. Ministry of Education and Science of the Russian Federation (2007), “Export of Russian Educational Services”, Statistical Yearbook, Moscow, p.120.
5. Education of Foreign Citizens in the Higher Educational Institutions of the Russian Federation: Statistical Collection. Issue 12 / Ministry of Education and Science of The Russian Federation. – M.: Center of Sociological Researches, 2015. – 196 p
6. Situation Report on International Migration in East and SouthEast Asia, Bangkok, 2013, 320 p.
7. Statistical Handbook of Vietnam in 2013, Statistical Publishing House, Hanoi, 2014.820 p.

РУССКОГОВОРЯЩИЕ СООБЩЕСТВА И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭКОНОМИКА В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель центра социальной демографии института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (университет) МИД России, Москва (Россия) E-mail: riazan@mail.ru

Ключевые слова: эмиграция, адаптация, русские, "русскоговорящие общины", российские граждане, Россия, Юго-Восточная Азия (ЮВА).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эмиграции российских граждан в страны Юго-Восточной Азии на основе отечественной и зарубежной статистики. Выявлены особенности их расселения и экономической активности российских граждан в ключевых странах региона: Таиланде, Вьетнаме, Камбодже. Предлагается типология русскоговорящих мигрантов в странах ЮВА. Выявлено, что в российской внешней политике и внешнеэкономической деятельности фактор "русскоговорящей экономики" пока не нашел должного отражения. Хотя уже совершенно очевидно, что "русскоговорящая экономика" представляет собой не только серьезное социальное, но и экономическое явление со значительным потенциалом развития. И кроме того, может способствовать продвижению экономических и геополитических интересов России в ЮВА.

RUSSIAN-SPEAKING AND RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY ECONOMY IN SOUTHEAST ASIA

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics), Professor, Head of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia) E-mail: riazan@mail.ru

Keywords: emigration, adaptation, Russian, "Russian-speaking communities", Russian citizens, Russia, South-East Asia (Southeast Asia).

Abstract. The article examines the peculiarities of the emigration of Russian citizens to the countries of South-East Asia on the basis of domestic and foreign statistics. The peculiarities of their resettlement and economic activity of Russian citizens in key countries of the region are revealed: Thailand, Vietnam, Cambodia. A typology of Russian-speaking migrants in the Southeast Asian countries is proposed. It was revealed that in the Russian foreign policy and foreign economic activity the factor of the "Russian-speaking economy" has not yet been adequately reflected. Although it is already quite obvious that the "Russian-speaking economy" is not only a serious social, but also an economic phenomenon with a significant development potential. And besides, it can promote the economic and geopolitical interests of Russia in Southeast

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 16-18-10435

Тенденции и формы эмиграции российских граждан в страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Миграция российских (точнее, тогда советских) граждан в страны ЮВА началась еще в 1960–1970-е годы – период активных контактов СССР со странами, которые провозгласили идею строительства социализма или активно сотрудничали с Советским Союзом – Вьетнам, Лаос и Камбоджа. Несколько тысяч советских специалистов помогли восстанавливать разрушенное войной хозяйство Вьетнама после войны с США, дали толчок промышленному развитию этой страны. Во Вьетнаме было создано совместное советско-вьетнамское, а затем российско-вьетнамское предприятие “Вьетсовпетро” по добыче нефти на прибрежном шельфе, в районе города Вунгтау. Сюда направлялись на работу советские специалисты разных профессий, главным образом связанные с нефтедобывающей отраслью. Длительная работа специалистов из СССР сопровождалась “оседанием” некоторых соотечественников на длительное или постоянное жительство. Также большое количество студентов из стран ЮВА обучалось в вузах СССР и России. Это увеличило количество межнациональных браков – многие бывшие студенты вернулись домой с русскими женами. Масштабы этих волн миграции оценить трудно, поскольку в СССР эта статистика была закрытой. После распада СССР появились новые формы эмиграции, которые существенно увеличили количество русскоговорящего населения в странах ЮВА.

Исследование “русскоговорящей миграции” в ЮВА нами было проведено в рамках проекта РГНФ количественными и качественными методами и включало материалы официальной статистики и интервью с “русскоговорящими мигрантами”, собранные в ходе экспедиций в ноябре-декабре 2013 года в Камбодже, в Таиланде, во Вьетнаме; в ноябре 2014 года – в Малайзии, в Сингапуре, на Филиппины, во Вьетнаме; в июне 2015 года – во Вьетнаме.

Прежде всего, остановимся на количественной характеристике эмиграционных потоков российских граждан в страны ЮВА.

Первый миграционный поток – это временные трудовые мигранты, которых фиксирует *Федеральная миграционная служба (ФМС)*. Однако учет этой категории мигрантов неточный, поскольку статистика “видит” только тех мигрантов, которые трудоустроились через фирмы, имеющие лицензию ФМС на трудоустройство российских граждан за рубежом. Но многие российские граждане находят работу за границей самостоятельно, напрямую выходя на работодателей, не попадая в данные ФМС. По данным ФМС в 2014 году более 58 тыс. российских граждан выехали на работу за границу. Сопоставление данных ФМС России с данными принимающих стран свидетельствует, что трудовая эмиграция россиян гораздо больше: трудовая эмиграция может составлять около 150–200 тыс. человек ежегодно [7]. Некоторые страны ЮВА входят в список лидеров по численности российских трудовых эмигрантов: в 2014 году в Камбоджу выехали на работу 1383 российских гражданина, в Сингапур – 738 человека, в Таиланд – 23 человека. В ситуации с Камбоджей – в большинстве своем это моряки и технический персонал морских судов, приписанных к камбоджийским портам, но фактически принадлежащих владельцам из разных стран. После распада СССР многие моряки из России и

стран СНГ оказались востребованными на иностранных судах как квалифицированная и недорогая рабочая сила. Это также подтверждают данные отечественной ФМС: в 2014 году 92,3% российских трудовых эмигрантов работали в транспортной и рыболовной отраслях до выезда из России, а после переезда в другую страну – 94,4% российских мигрантов стали работать на транспорте и в рыболовной отраслях принимающих стран. Временная трудовая миграция имеет тенденцию к переходу в постоянную миграцию – многие трудовые мигранты со временем “оседают” в принимающих странах.

Второй эмиграционный поток – *выезд на постоянное место жительства за рубеж*. Эти сведения собираются Федеральной службы государственной статистики России через систему регистрации по месту жительства и включают тех, кто снялся с регистрационного учета в связи с выездом на постоянное место жительства за рубеж. Но они не полны по причине того, что формы эмиграции существенно трансформировались. Многие российские граждане, даже уехав постоянно жить за границу, зачастую на протяжении многих лет сохраняют недвижимость в России и фактически “невидимы” для системы миграционного учета как эмигранты. Например, по данным Росстата 2014 года в пять стран ЮВА выехали на постоянное место жительства 3,6 тыс. человек (наибольшее число во Вьетнам – 3282 человека и Таиланд – 169 человек) [4].

Третий миграционный поток – это *туризм, который хотя и носит временный характер, но зачастую становится первым шагом для временной трудовой эмиграции или эмиграции на постоянное место жительства* в страны ЮВА. Туристические поездки россиян за рубеж стали гораздо более доступными в 1990–2000-е годы после открытия границ и развития торгово-экономических отношений с разными государствами. По данным Пограничной службы ФСБ России ежегодно примерно 20 млн. раз российские граждане выезжают за границу. Согласно данным российской официальной статистики самым популярными направлениями выезда российских туристов в 2014 году являлись Турция, Египет, Греция.

Факторами, притягивающими российских туристов в страны ЮВА, являются упрощенный порядок въезда (безвизовый режим, виза при въезде), жаркий климат, море, экзотическая атмосфера, дешевизна отелей и питания, туристический сервис. По данным Всемирной туристской организации (ВТО) существует сильная степень корреляции между правилами въезда и туристическим потоком в страну. Несмотря на географическую удаленность, некоторые страны ЮВА входят в список наиболее посещаемых государств российскими туристами, а туризм стал серьезным компонентом торгово-экономических отношений между Россией и странами ЮВА.

Прежде всего, это Таиланд, который стоит на четвертом-пятом местах в списке наиболее популярных туристических направлений для российских граждан. В 2013 году в Таиланд российские граждане выехали 1453 тыс. раз, в том числе 1035 тыс. с туристическими целями. Однако, учитывая несовершенство российской пограничной статистики с точки зрения фиксации целей выезда можно предположить, что практически все выезды россиян в Таи-

ланд включали туристические поездки. Экономический кризис в 2014 году несколько снизил поток российских граждан в Таиланд до 1306 тыс. поездок, в том числе туристических до 933 тыс. раз. В первом квартале 2015 года россияне выехали в Таиланд 265 тыс. раз, в том числе с туристическими целями 185 тыс. раз (второе место в списке стран выезда по туристическим целям) [3]. Нужно отметить, что с 2015 года в связи с сокращением потока туристов в Россию прекратила полеты крупнейшая таиландская авиакомпания “Тай Эйрвэйз”.

Динамично развивается российский туризм во Вьетнам. Рост численности туристов был отмечен в статье В.В.Путина перед визитом во Вьетнам 12 ноября 2013 года: “О желании ближе познакомиться с богатейшей историей, культурой вьетнамского народа свидетельствует и число россиян, посещающих Вьетнам. В прошлом (2012 году оно увеличилось вдвое, а за девять месяцев этого (2013) года выросло ещё на 66%, превысив отметку в 200 тыс. человек. Полагаем, что эта тенденция сохранится и впредь, учитывая то, насколько успешно совершенствуется туристическая инфраструктура во Вьетнаме” [3]. В 2013 году 284 тыс. раз российские граждане выезжали во Вьетнам, в том числе 213 тысяч раз с туристическими целями. Вьетнам занял по итогам 2013 года двадцатое место в списке стран. В 2014 году Вьетнам был уже на пятнадцатом месте – 368 тыс. поездок, в том числе 277 тыс. с туристическими целями. В 2015 году Вьетнам вышел на шестое место – 75 тыс. поездок с целью туризма [2].

Третьей по значимости страной для туризма российских граждан в регионе является Гонконг (Сянган). Здесь туризм сочетается с деловыми поездками, поскольку город является крупным деловым и финансовым центром. В 2013 году Гонконг с 67 тыс. туристических поездок занимал тридцатое место в списке стран, в которые выезжали российские граждане. Общее количество поездок россиян в Гонконг составило 83 тыс. Экономический кризис снизил масштабы перевозок. В 2014 году в Гонконг приехала 51 тыс. российских туристов, а в первом квартале 2015 года – 12 тыс. В результате Гонконг вышел на двадцать четвертое место в списке стран, активно посещаемых российскими туристами [2].

Отмечается новая тенденция перехода временного туризма в постоянный, т.е. когда россияне регулярно (из года в год, или несколько раз в год) приезжают на отдых, часто в одно и то же место. Кроме того, появляется феномен “оседлого” туризма, когда россияне приобретают недвижимость в странах ЮВА (главным образом, в Таиланде и Камбодже), специально для того, чтобы отдыхать здесь регулярно. А в последнее время это является еще важным атрибутом причастности к обеспеченному слою населения в России.

Таким образом, эмиграция из России в страны ЮВА получила широкое распространение и происходит в самых разнообразных формах (временная трудовая миграция, туризм, инвестиционная миграция, сезонная миграция, миграция на постоянное место жительства), но не фиксируется точно современными статистическими инструментами и нуждается в серьезном

совершенствовании. Мотивация эмигрантов в различных потоках отличается, но применительно к странам ЮВА имеет некоторые общие аспекты и проявляется в формировании следующих “притягивающих” факторов.

Во-первых, Сингапур, Гонконг, Малайзия, как наиболее развитые в экономическом отношении страны привлекают российских специалистов высоким уровнем доходов и качеством жизни. Кроме того, страны активно развиваются, имеют большие возможности для профессионального развития. В этих странах открыто большое число офисов крупных национальных и международных компаний, банков, финансовых организаций, которым требуются высококвалифицированные специалисты. В результате много выходцев из стран бывшего СССР работают в них. А, например, в Малайзии даже сформировалась чеченская община, которая специализируется на торгово-финансовой деятельности.

Во-вторых, страны ЮВА, имеющие не столь высокие доходы и уровень жизни привлекают российских мигрантов своими возможностями для инвестиций, развития бизнеса, покупки недвижимости. Российские агентства недвижимости все более активно предлагают приобрести недвижимость за рубежом. Об этом существует много объявлений в российских журналах (например, в журнале “Недвижимость и цены” существует раздел “Недвижимость за рубежом”, где часть объявлений посвящена ЮВА, прежде всего, Таиланду). Множество риэлтерских компаний предлагают российским туристам, находящимся на отдыхе в Таиланде, вложить деньги в строительство или приобрести готовое жилье в различных регионах страны. Например, в каждом крупном торговом центре или на улицах Паттайи можно найти представителей риторических компаний, предлагающих рекламные проспекты и оказывающих практические консультации по данному вопросу. Практически это стало значительным сегментом “русскоговорящей экономики” в Таиланде.

В-третьих, многие государства ЮВА имеют низкую стоимость жизни. По нашим оценкам базовые цены на продукты питания и жилье в сопоставимых сегментах, например в Таиланде, в 2–3 раза ниже, чем в российской провинции. Если же проводить сравнение стоимости жизни в крупнейших российских мегаполисах, таких как Москва или Санкт-Петербург, то соотношение цен может достигать до 4–5 раз “в пользу” Таиланда. Это привлекает эмигрантов разных социальных групп из России, в частности представителей среднего класса, молодежь, пенсионеров. Зачастую это сопровождается сдачей жилья в России и практически постоянным проживанием в странах ЮВА. Особенно данные практики распространены в Таиланде, Камбодже, Вьетнаме. Возможно, они будут распространяться в ближайшей перспективе на Индонезию, Филиппины, Лаос.

В-четвертых, русских в странах ЮВА привлекают природно-климатические условия, в том числе “постоянное лето”, экзотическая природа, морское побережье, тропические фрукты, разнообразные развлечения. Для многих граждан России переезд в тропический климат из более суровых климатических условий является привлекательным фактором для временной или постоянной эмиграции.

Миграционно-визовые режимы и их влияние на миграцию российских граждан в страны ЮВА. Нужно отметить, что немаловажным стимулирующим миграцию фактором является либеральный миграционно-визовый режим стран ЮВА в отношении российских граждан. Причем ослабление визовых барьеров и упрощения въезда стало доминирующим вектором развития миграционно-визовых режимов в регионе именно в 2000-е годы, когда из России стал увеличиваться поток туристов. Многие государства ЮВА, прагматически просчитав эффекты от российского туризма, в одностороннем порядке стали отменять визы для российских граждан. Наиболее преуспел в этом Таиланд, который в 2007 году отменил визы для россиян и в настоящее время имеет максимальное количество туристов из России (более 1 миллиона в год) [7].

Можно выделить несколько типов миграционно-визовых режимов в отношении российских граждан в странах ЮВА. Первый тип – *максимально либеральные миграционно-визовые режимы с ассиметричными визовыми отношениями.* Характеризуются безвизовым пребыванием россиян в стране, как правило, на ограниченный срок, а граждане этих стран при въезде в Россию должны получать визу. Режим пребывания россиян в этих странах также достаточно либеральный, существует возможность продления пребывания в упрощенном режиме. К этой группе относится Вьетнам и Лаос, которые в одностороннем порядке отменили визы для российских граждан.

Вьетнам в одностороннем порядке с 1 января 2009 года отменил визы для граждан России на срок не более 15 дней виза вне зависимости от цели поездки. При этом должны быть соблюдены следующие требования: 1) наличие действительного загранпаспорта, выданного компетентным органом Российской Федерации, срок действия которого должен истекать не менее чем через три месяца после въезда на территорию Вьетнама; 2) наличие обратного билета либо билета для выезда в третью страну; 3) въезжающий российский гражданин не должен относиться к категории лиц, въезд которым на территорию Вьетнама запрещен законодательством СРВ; 4) с момента последнего выезда из Вьетнама должно пройти не менее 30 дней (**условие введено с 1 января 2015 года**). За превышение срока пребывания без визы сверх 15 дней или за нарушение срока действия визы, вьетнамскими законами предусмотрен штраф размером 5 долларов США за каждый день.

При въезде через аэропорты Ханоя, Хошимина, Дананга, визу можно получить непосредственно по прилету. Для этого требуется специальное подтверждающее письмо (“Approval Letter”) или разрешение на получение визы. Его выдает Управление иммиграции Социалистической Республики Вьетнам по обращению приглашающей вьетнамской стороны (фирмы, учреждения, гражданина). Этот документ также стал доступен для иностранцев онлайн, через сервис “Visa Approval Service”. Приглашение предъявляется в пункте пограничного контроля и с ним можно получить визу непосредственно по прилету. Для граждан Российской Федерации виза по прилету бесплатна, для граждан большинства других стран стоимость визы составляет 25 долларов США (однократная, месячная), 50 долларов США (многократная, на один, три, шесть месяцев) и до 100 долларов США (многократная, годовая).

Если российскому гражданину после въезда на территорию Вьетнама потребуется остаться на срок более 15 дней, то при наличии письменного ходатайства вьетнамского учреждения, организации или частного лица в Министерство общественной безопасности или Министерство иностранных дел вопрос о выдаче выездной визы либо увеличении срока пребывания на территории Вьетнама может быть рассмотрен в зависимости от цели продления срока пребывания во Вьетнаме. Продление визы осуществляется через отделы Министерства общественной безопасности в Ханое, Хошимине и ряде других городов. Визу обычно продлевают на 30 дней, а сбор составляет 20 долларов США. Также существует возможность получения “возвратной визы” (“Re-Entry Visa”) в случае необходимости покидания Вьетнама при наличии однократной визы (цена от 20 до 25 долларов США).

Владельцам общегражданских загранпаспортов, срок действия которых превышает три месяца, разрешен безвизовый въезд и пребывание во Вьетнам на период до пятнадцати дней (при наличии обратного билета). В случае необходимости продления срока пребывания во Вьетнаме иностранный гражданин обязан предоставить в территориальный отдел управления въезда и выезда Министерства общественной безопасности Вьетнама паспорт, заполненную анкету и фотографии. Рассмотрение данных документов осуществляется вьетнамскими властями в срок до пяти рабочих дней.

В Лаосе срок пребывания по туристической визе российским гражданам ограничен 30 сутками и может быть двукратно продлен в иммиграционной полиции на период до 15 суток. Стоимость туристической визы составляет 30 долларов США. Частная виза выдается в целях посещения проживающих в Лаос родственников. Также существует привилегированная виза, которая оформляется иностранным гражданам, следующим в Лаос для осуществления проектов помощи, членам делегаций, следующих в Лаос в соответствии с двусторонними договоренностями для осуществления культурных обменов или развития спортивных связей, и выдается без взимания сборов при визовой поддержке со стороны принимающей государственной организации Лаос. Также существует коммерческая виза, которая позволяет иностранным гражданам находиться на территории Лаос сроком от трех месяцев до одного года в зависимости от целей визита и наличия визовой поддержки со стороны Министерства планирования и инвестиций Лаоса. Она оформляется принимающим предприятием либо коммерческой организацией, зарегистрированной на территории Лаоса. Коммерческая виза позволяет получить иностранному гражданину разрешение на работу в Лаос. Для обладателей дипломатических и служебных паспортов во взаимных поездках граждан России и Лаоса установлен безвизовый режим.

Второй тип стран ЮВА имеет *относительно либеральные миграционно-визовые режимы с симметричными визовыми отношениями*. Страны характеризуются взаимными безвизовыми отношениями с Россией, российские граждане могут въезжать и пребывать на территории данных стран определенное количество дней, но получение разрешения на работу, вида на жительство затруднено. Сюда можно отнести Таиланд, Филиппины, Гонконг и Макао.

При посещении Филиппин с туристическими целями на срок до 21 дня российским гражданам – владельцам общегражданских загранпаспортов необходимо при въезде предъявить билет на выезд из страны в течение указанного срока. При пересечении границы в паспорт ставится штамп, предоставляющий право свободного нахождения и перемещения по всей территории страны в течение 21 дня. При желании дальнейшего пребывания на Филиппинах существует возможность с разрешения Бюро иммиграции страны каждые три месяца продлевать свое пребывание на островах до двух лет, оплачивая государственную пошлину в размере около 65 долларов США. Для владельцев служебных и дипломатических паспортов на основании двухстороннего соглашения безвизовый срок пребывания в стране не превышает 90 дней.

Таиланд имеет безвизовый режим для российских граждан на срок до 90 дней. Причем граждане России имеют право въезжать в Таиланд без виз на срок до 30 дней неограниченное число раз, но срок действия паспорта должен составлять не менее 6 месяцев от даты въезда. Иммиграционная служба Королевской полиции Таиланда уполномочена отказать во въезде любому лицу при подозрении в том, что действительная цель посещения страны не соответствует заявленной, или въезжающее лицо представляет угрозу национальной безопасности и общественному порядку. Безвизовый въезд разрешает туризм, транзитный проезд, участие в деловых переговорах, образовательных, культурных и спортивных мероприятиях. Однако он не дает право работать, и нарушители подлежат преследованию по закону (арест, судебное разбирательство, штраф и, возможно, депортация с последующим запретом на въезд в Таиланд). Граждане России также вправе обратиться в дипломатические или консульские представительства Таиланда за туристической визой, которая может быть однократной или двукратной и дает право въехать в Таиланд в течение трех или шести месяцев от даты ее выдачи и находиться в стране до 60 дней (при каждом въезде – если виза двукратная). Туристическая виза ограничивает цель посещения туризмом и аналогично безвизовому въезду запрещает работать в стране. Виза дает право совершать поездки в Таиланд в течение длительного периода времени с пребыванием до 90 дней при каждом въезде (многократные) или служат основанием для получения разрешения на длительное пребывание в стране (однократные).

Третий тип – *страны с условно либеральными миграционно-визовыми режимами в отношении российских граждан*. С ними у Российской Федерации сохраняются визовые отношения, но процесс получения визы для россиян достаточно прост. В этих странах также возможно продление визы, получение разрешения на работу и вида на жительство. К ним относятся Индонезия, Камбоджа и Малайзия.

Индонезия имеет визовый режим с Россией, но российские граждане могут получить визу непосредственно по прибытии в аэропорты и морские порты. Правом получения такой визы пользуются приезжающие с туристическими и деловыми целями, включая переговоры, а также в порядке культурных, научных, спортивных и других обменов. Виза выдается на 30 дней и стоит 25 долларов США, она может быть продлена еще на 30 дней. Другие типы

виз (рабочая, студенческая, частная), предусматривающие более длительное пребывание на территории Индонезии, выдаются консульскими отделами индонезийских посольств. Общим условием для выдачи этих виз является наличие приглашения от принимающей стороны.

Миграционно-визовый режим Камбоджи в отношении россиян условно либеральный. Деловая виза может быть однократной или многократной и оформляется в камбоджийских диппредставительствах, а также на пунктах въезда в страну. Начальный срок действия визы составляет 30 дней с возможностью продления сначала на 3 месяца, а потом на 6 или 12 месяцев. Для оформления визы требуется письменное приглашение от имени частного или юридического лица, постоянно проживающего или осуществляющего предпринимательскую деятельность в Камбодже. Туристическая виза действительна для однократного въезда и пребывания в Камбодже в течение 30 дней. В случае необходимости может быть единожды продлена, но не более чем на 30 дней. Оформляется туристическая в камбоджийских диппредставительствах, а также на пунктах въезда в страну. Существует возможность оформления электронной туристической визы через веб-сайт Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Камбоджа. Также существует безвизовый режим для дипломатов и владельцев, служебных паспортом, а также ускоренный порядок выдачи виз в особых случаях. Столь либеральный визовый режим в сочетании с ростом туризма в соседний Таиланд, благоприятно повлиял на увеличения количество российских туристов в Камбоджу. Туристические фирмы в Таиланде, активно предлагают туры в Камбоджу для российских туристов, главным образом в Сиам-Реап.

Малайзия с 1998 года ввела безвизовый режим для российских граждан, которые могут въезжать и находиться на территории страны без виз до 30 дней. При пересечении границы необходимо предоставить действующий паспорт с заполненной иммиграционной карточкой. В паспорт проставляется социальная отметка (“Social Visit Pass”) без оплаты, которая позволяет находиться в стране с туристическими целями, но не разрешает вести деловую, профессиональную и политическую деятельность. Также существует деловая отметка (“Business Visit Pass”), которая ставится иностранцам по прибытию для изучения возможностей ведения бизнеса, бухгалтерской проверки компаний, проведения деловых переговоров, участия в семинарах, выставках продукции, спортивных мероприятиях. При этом социальная отметка может быть переведена в данную категорию, но для этого необходимо подать в Департамент иммиграции соответствующие аппликационные формы и рекомендательное письмо из Министерства международной торговли и промышленности Малайзии. Еще существует профессиональная отметка (“Professional Visit Pass”), которая ставится в паспорт иностранцам, приглашенным малазийской стороной для участия в конференциях, проведения обучающих курсов, экспертной оценки. Иностранцы, желающие работать в Малайзии, должны получить разрешение на работу (“Employment Pass”).

Четвертый тип – *страны с жесткими миграционно-визовыми режимами в отношении российских граждан*, которые характеризуются не только

наличием виз, но и сложной процедурой их получения. Кроме того, усложнены процедура получения разрешения на работу, а вид на жительство российским гражданам здесь получить практически невозможно. К этой группе можно отнести только три страны – Сингапур, Мьянму и Бруней.

Сингапур имеет визовый режим в отношении российских граждан с обычными заграничными паспортами, но виза не требуется владельцам дипломатических и служебных паспортов, прибывающим в Сингапур на срок до 30 дней. С 1 декабря 2009 года посольство Сингапура в России не принимает документы на оформления виз, за исключением служебных и дипломатических. Для въезда в Сингапур по российскому обычному загранпаспорту требуется электронная виза, которую выдает иммиграционная служба Сингапура. Подача документов на электронную визу осуществляется либо через компании-партнеры, либо через контактное лицо в Сингапуре (гражданин, постоянный резидент Сингапура). Въездная виза выдается на срок от пяти недель до двух лет и обычно бывает многократной. Однако обладатель въездной визы имеет право находиться в Сингапуре не более 30 дней подряд, но в случае необходимости этот срок может быть продлен до 90 дней в Иммиграционной службе Сингапура. Российские граждане, которые все чаще приезжают на работу, учебу или как члены семьи в Сингапур должны получить разрешение на долгосрочное пребывание в Иммиграционной службе Сингапура – студенческую визу, визу сопровождающего члена семьи или в Министерстве труда – разрешение на работу. Иностранцы инвесторы, которые вложили не менее 2 миллионов сингапурских долларов в создание компании, венчурный капитал и/или частную недвижимость, имеют возможность получить вид на жительство в Сингапуре. В случае транзита российские граждане могут находиться в Сингапуре без визы в течение 96 часов. Например, этим правом часто пользуются российские туристы, посещающие Индонезию, Филиппины, Австралию. В этом случае при въезде в Сингапур сотруднику Иммиграционной службы необходимо предъявить паспорт с визой в страну следования после Сингапура и подтвержденный авиабилет.

В Мьянме въезд/выезд, пребывание и транзитный проезд иностранцев до сих пор регулируются Законом об иммиграции в редакции 1947 года. Для въезда в страну необходима виза. Деловая виза разрешает пребывание в стране с торговыми и деловыми целями до одного года и может быть многократной. Туристическая виза выдается на срок 28 дней, но срок ее действия может быть продлен дополнительно до двух недель. Транзитная виза выдается для следования транзитом через территорию Мьянмы в третьи страны и позволяет делать 24-часовую остановку в стране. Находясь внутри страны свыше срока действия визы, иностранные граждане и лица без гражданства должны оформить разрешение на пребывание. Оно бывает двух типов: на срок от одного дня до трех месяцев, а также на срок от трех месяцев до одного года. В случае пребывания в стране свыше указанных сроков, иностранный гражданин обязан уплатить штраф в размере 3 долларов США за каждый день пребывания сверх нормы, если этот срок не превышает 90 дней и 5 долларов США за каждый день, если свыше 90 дней.

Между Россией и Мьянмой подписано Соглашение о безвизовом режиме для владельцев дипломатических и служебных паспортов.

Более жестким миграционным режимом в отношении российских граждан отличается Бруней. Для въезда в страну россиянам требуется виза, которую можно получить в Посольстве Брунея в Москве, ее стоимостью составляет 15 долларов США, но оформление может занимать до трех месяцев. При выдаче визы сотрудники посольства могут потребовать предъявить авиабилет с подтвержденной датой обратного вылета. Существует возможность получения транзитной визы по прибытии в столицу государства – Бандар-Сери-Бегаван – самолетом. Для этого пункт дальнейшего следования должен отличаться от пункта вылета в Бруней, а само пребывание в султанате не должно превышать 48 часов. Транзитные визы по прибытии могут также получить пассажиры круизных судов. Как показывает практика, транзитная виза по прибытию для лиц, пребывание которых в Брунее не превышает 72 часа при наличии у них действующего авиабилета на вылет в третью страну, отличную от той, из которой они прибыли, выдается не автоматически по усмотрению конкретного сотрудника иммиграционной службы. Приоритетом при получении транзитной визы обладают путешественники, имеющие билеты и гарантийные письма авиакомпании “Роял Бруней Эйрлайнз”.

Была разработана методика и произведена оценки степени благоприятности миграционно-визовых режимов стран ЮВА в отношении российских граждан на основе семи критериев по десятибалльной шкале (10 баллов – наиболее благоприятный и 0 – наименее благоприятный миграционно-визовый режим) (табл. 1).

Таблица 1.

Оценка степени благоприятности миграционно-визовых режимов стран ЮВА в отношении граждан Российской Федерации

	Въезд	Пребывание (регистрация)	Разрешение на работу по найму	Покупки недвижимости	Инвестиции в бизнес	Вид на жительство	Гражданство	Итоговая оценка
Бруней	2	3	1	0	0	0	0	6
Вьетнам	9	7	8	6	7	3	2	42
Гонконг	7	6	5	9	9	7	5	48
Индонезия	6	6	4	5	6	5	4	37
Таиланд	9	6	5	9	9	6	2	46
Камбоджа	6	6	6	5	8	7	7	45
Лаос	8	8	6	3	4	4	4	37
Малайзия	7	5	8	5	8	4	3	41
Мьянма	3	3	2	2	2	1	0	13
Сингапур	5	6	8	9	9	7	6	50
Филиппины	7	6	6	4	6	5	4	38

Примечание: наиболее благоприятный миграционно-визовый режим – 10 баллов; наименее благоприятный миграционно-визовый режим – 0 баллов.

Первый критерий – *“Въезд”* – включал оценку простоты въезда, наличие безвизового режима, доступности визы. Максимально благоприятными для российских граждан по данному критерию можно считать Вьетнам и Таиланд, которые имеют безвизовый режим для краткосрочных поездок россиян. Второй критерий – *“Пребывание”* – степень доступности процедур регистрации, их простоту и возможность продления визы. Максимально благоприятны в этом отношении для российских граждан Лаос и Вьетнам. Третий критерий – *“Разрешение на работу”* – доступность разрешения на работу, возможность выхода российских граждан на национальный рынок труда. Максимально благоприятный режим во Вьетнаме, в Малайзии и Сингапуре. Четвертый критерий – *“Покупка недвижимости”* – доступ россиян на национальный рынок недвижимости, отсутствие на нем барьеров и ограничений, возможность получить вид на жительство в связи с приобретением недвижимости в стране. Максимальную оценку получили Гонконг и Таиланд. Пятый критерий – *“Инвестиции в бизнес”* – возможность вложений и открытия бизнеса в странах ЮВА, отсутствие барьеров и коррупционных препятствий для российских граждан. По данному критерию максимальна оценка у Гонконга, Таиланда, Малайзии, Макао, Камбоджи. Шестой критерий – *“Вид на жительство”* – возможность получения российскими гражданами вида на жительство в стране. Максимальная степень доступности отмечается в Гонконге, Камбодже и Сингапуре. Седьмой критерий – *“Гражданство”* – доступ российских граждан к получению гражданства страны. Максимальная доступность в Сингапуре и Камбодже, где это увязано с инвестициями в экономику.

В результате максимально благоприятным миграционно-визовым режимом для российских граждан обладает Сингапур (50 баллов из 70 возможных). И хотя он имеет визовый режим с Россией, но по остальным критериям он превосходит многие безвизовые страны. Далее следуют Гонконг (48 баллов), Таиланд (46 баллов) и Камбоджа (45 баллов). Минимально благоприятен для российских граждан Бруней – набравший только 6 баллов из 70 возможных.

“Русскоговорящие общины” и “русскоговорящая экономика” в странах ЮВА: география, численность, структура.

Эмиграция из стран бывшего СССР в 1990–2010-е годы в самых разных формах привела к формированию крупных “русскоговорящих общин” в ЮВА. “Русскоговорящие общины” очень значимым социально-экономическим феноменом в количественном и качественном отношении в Таиланде, Камбодже, Вьетнаме, Индонезии, Малайзии. Они разнообразны в социально-экономическом и демографическом отношении и включают представителей среднего класса, бизнесменов, предпринимателей, профессионалов, инвесторов, пенсионеров, “дауншифтеров”. Однако, российские данные и сведения принимающих стран относительно численности русскоязычного населения весьма ограничены. Российские посольства владеют информацией только частично, поскольку проживающие в странах российские граждане обращаются к ним лишь по мере необходимости (обмен паспорта, заверение документов,

справки о подтверждении информации и пр.). Оценки численности русских со стороны посольств носят весьма приблизительный характер. Статистика принимающих стран зачастую не выделяет российских граждан или русскоговорящих мигрантов в отдельные статистические категории.

Возможно максимальная численность русскоговорящего населения сосредоточена в Таиланде. По данным российского посольства длительно проживают в Таиланде более 100 тыс. российских граждан. Но, скорее всего, данная оценка занижена из-за отсутствия контакта посольства со всеми российскими гражданами в Таиланде. Не исключено, что их реальная численность в 1,5–2 раза больше. Также одновременно здесь обычно находится до 40 тыс. российских туристов, а в пиковые моменты – 50–60 тыс. человек. Таким образом, реальная численность российских граждан в Таиланде может составлять единомоментно примерно 240–260 тыс. человек, включая временно находящихся и длительно проживающих.

Численность временно пребывающих и постоянно проживающих российских граждан и русскоговорящих мигрантов во Вьетнаме может составлять около 50–60 тыс. человек [8]. Русскоговорящие мигранты живут в Нячанге, Вунгтау, Камране, Далате, Муйне, Ханое, Хошимине. Уникальный пример представляет собой русский поселок в городе Вунгтау на юге Вьетнама. Здесь было создано совместное предприятие “Вьетсовпетро”, на котором работают сотрудники из двух компаний: российской ОАО “Зарубежнефть” и вьетнамской КНГ “Петровьетнам”. В 2012 году суммарная добыча нефти достигла 200 млн. тонн. Общая выручка составила более 60 млрд. долларов США, из них СП “Вьетсовпетро” отчислило в государственный бюджет Вьетнама около 39 млрд. долларов США. В настоящее время здесь работает около 1,2 тыс. граждан России. В 2000-е годы активно увеличивается численность российских граждан в туристических районах Вьетнама. Например, Начанг превратился в один из крупных центров туризма российских граждан. Многие россияне здесь открыли собственный бизнес. Многие торговые места, даже не принадлежащие русским стали ориентироваться на русских туристов. Рестораны предлагают меню на русском языке, вывести магазинов дублируются на русский язык, ассортимент товаров и услуг ориентирован на русских покупателей.

В Камбодже проживает порядка 45–50 тысяч российских граждан. В большинстве своем они российские граждане живут в Камбодже в зимний период времени или постоянно, снимая виллы, получая доходы в России. В Камбодже наиболее ярко проявляется феномен российского “дауншифтерства”. Сдав в аренду обычную квартиру в хорошем районе Москвы можно безбедно жить на вырученные деньги в Камбодже. Часть российских граждан открыли собственный бизнес, приобрели недвижимость, работают в Суакнуквиле и Сиам Реапе в туризме, гостиничной сфере, ресторанном деле, торговле. Некоторые мигранты, имев сложности с законом в России и странах бывшего СССР или в соседнем Таиланде, переехали в Камбоджу, вложив средства в недвижимость или бизнес. Наиболее ярким представителем этой части русскоговорящей миграции можно назвать российского бизнесмена С.Полонского, которого недавно власти Камбоджи экстрадировали в Россию.

Русскоговорящая миграция в Сингапур кардинально отличается от других стран ЮВА. Сингапур, будучи одним из наиболее высокоразвитых государств не только региона, но и мира, имеет очень высокие цены на жилье, развитую сферу услуг и транспортную инфраструктуру. По оценкам российского посольства численность российских граждан может составлять около 2–3 тыс. человек. В большинстве своем “русскоговорящая община” состоит из квалифицированных специалистов. Также около до 3 тыс. российских туристов в год посещают Сингапур [2]. Появились российские студенты и аспиранты в университетах Сингапура. Назвать общиной российских граждан в Сингапуре очень сложно, поскольку в они не очень склонны к социальной консолидации. Здесь в гораздо меньшей степени практически отсутствуют ярко выраженные русские места.

Можно выделить несколько групп русскоговорящих мигрантов в странах ЮВА.

Первая группа – мигранты, целенаправленно переехавшие на постоянное место жительства в страны ЮВА, как правило, открывшие собственный бизнес. Иногда в их мотивации присутствует сочетание “притягивающих” факторов в принимающих странах и “выталкивающих” в России. Обычно, это представителей среднего класса, людей с активной жизненной позицией, имевшие опыт предпринимательской деятельности, но решившие начать “новую” жизнь за рубежом. Достаточно много респондентов происходит из регионов российского Дальнего Востока, хотя география эмиграции расширяется.

Интервью 1. Николай и Марина, пенсионеры из Владивостока, живут во Вьетнаме. Мы приехали во Вьетнам из Владивостока. Устали бороться с бюрократией, выборами чиновников. Продали квартиру, два магазина во Владивостоке. Переехали во Вьетнам, живем в Нячанге. Открыли здесь русский ресторан и туристический центр (фирму). В основном наши клиенты – русские туристы, еще вьетнамцы, которые учились в Союзе или в России. На жизнь нам хватает денег, тем более мы на пенсии. Главное, что здесь спокойнее жизнь. Все проще и понятнее с точки зрения организации бизнеса. Заплатил налог и работаешь спокойно. Никто тебя не трогает, не вымогает денег, как в России. Дети в России остались. Но они уже взрослые, работают там. Сюда приезжают, мы иногда ездим туда.

Интервью 2. Сергей, 35 лет, предприниматель, из Москвы, живет в Таиланде. Родился я на Украине, но долго жил и работал до приезда в Таиланд в Москве. В Таиланде живу уже лет семь, в Паттайе. А мы работали с Таиландом по некоторым поставкам. Оставил все и уехал. Открыл свой торговый бизнес в Таиланде. В Паттайе мне правда не очень нравится. Деревня деревней. Да и много русских, которые не умеют себя вести. Но бизнес мой идет нормально – у меня торговая компания, работаю с Россией, туда поставляем фрукты, некоторые продукты и товары. Хочу перебраться в Бангкок. Тут и люди другие и город лучше. К родителям иногда езжу на Украину, но редко.

Интервью 3. Наиль, предприниматель из Узбекистана, живет в Камбодже. Выехал из Узбекистана. Создал с нуля свой бизнес в Камбодже. Сейчас сын получил гражданство камбоджийское. Служит в полиции.

Интервью 4. Ашот, владелец ресторана “Армения” в Начанге, во Вьетнаме. Сначала переехал в Муйне, а потом переехал в Начанг в начале 2015 года с женой и двумя детьми. Открыл здесь ресторан. Наши посетители в основном русские туристы, соотечественники. Есть сложности в ведении бизнеса, но в целом здесь лучше, чем в Армении.

Вторая группа – это временные трудовые мигранты, которые, как правило, работают по найму, хотя они находятся по несколько лет в ЮВА, как правило, они привязаны исключительно к работе и в перспективе собираются вернуться в Россию. Как правило, это профессионалы и специалисты, востребованные в совместных или иностранных компаниях. В последнее время, в связи с развитием туризма, особенно в Таиланде, Вьетнаме, Камбодже появилось очень много русских гидов, переводчиков, которые работают с туристами из России. Хотя, например, по законам Таиланда, запрещено нанимать в качестве туристических гидов иностранцев, российские фирмы научились обходить местное законодательство разными способами, в том числе нанимая гидов как переводчиков.

Интервью 5. Маргарита, 49 лет, из Москвы, сотрудник международной организации, живет в Таиланде. Сама я из Москвы, у меня российское гражданство, но дипломатический паспорт. Я работаю в системе ООН много лет. Муж мой американец, тоже сотрудник ООН. В Бангкоке живем уже почти семь лет. Мне здесь нравится. Но все зависит от работы, конечно. Если переведут в другое место, должна поехать туда. Русских здесь не очень много в международных организациях, больше бизнесменов, предпринимателей живет. Знаю, что наши соотечественники стали покупать активно жилье в Таиланде, особенно в Паттайе.

Третья группа – временные мигранты, которые несколько месяцев живут в ЮВА и периодически возвращаются в Россию. Среди них есть те, кто приезжает только на время русской зимы, а затем выезжает домой, в Россию на лето. Есть те, кто живет достаточно долго, в дистанционном режиме работая на российских работодателей (программисты, специалисты в сфере компьютерных технологий, консультанты и пр.). Также есть своеобразная категория “дауншифтеров”, которые сдают жилье в крупных городах России. Как правило, эта категория временных мигрантов из России покупает или арендует на долгий срок жилье в курортных зонах в Таиланде, Камбодже, Индонезии.

Интервью 6. Елена, 48 лет, из Москвы, жена бизнесмена, периодически живет в Таиланде. Постоянно мы живем в Москве. Но несколько лет назад мы купили виллу в Паттайе. Но Вы знаете, наверное, что в Таиланде нельзя купить землю в собственность, только недвижимость. Для нас это не очень большая проблема. Правда мы теперь “привязаны” к Таиланду, приходится только сюда летать. Но нам нравится. Приезжаем регулярно отдыхать с детьми. Зимой здесь в доме у нас живут родители мои и родители

мужа. Они пенсионеры. В последние годы здесь, в Паттайе, стало очень много русских.

Интервью 7. Александр, 28 лет, из Минска, предприниматель, периодически живет в Таиланде. Я гражданин Беларуси, сам из Минска. Здесь, в Таиланде, я “зимую”. В Беларуси холодно зимой, а здесь тепло. Покупаю билет, обычно летаю “Аэрофлотом”. Остаюсь на 2–3 месяца. Несколько раз оформлял визу в Москве в посольстве Таиланда. Там есть русская девушка, которая помогает с визами для долгосрочного проживания. Но вообще это не проблема. Если надо продлить визу, то можно поехать в соседнюю Камбоджу, пересечь границу и вернуться в этот день или на следующий день. И снова пошли твои 30 дней. Цены тут, в Таиланде, дешевле, есть фрукты, тепло. Мне работа позволяет здесь быть 2–3 месяца. Потом полечу в Белоруссию. Потом опять вернусь сюда.

Наконец, четвертая группа – это российские женщины, вышедшие замуж за Таиланда, Вьетнама, Камбоджи и других стран ЮВА – бывших студентов, обучавшихся в СССР и России. Их культурная адаптация не всегда успешна.

Интервью 8. Сок, 35 лет, гражданин Камбоджи, преподаватель университета, живет в Пномпене, в Камбодже. Я учился в Воронеже. У меня русская жена и двое детей. В настоящий момент они в Воронеже. Сын заканчивает там школу. Жена здесь была, жила долго, но потом вернулась в Россию. Она любит культуру и театр. К сожалению, в Камбодже этого нет. Я регулярно посылаю деньги, обеспечиваю семью. Иногда приезжаю в Россию, примерно один раз в год. В Пномпене у меня долго жил сын, но потом опять вернулся в Россию, чтобы закончить образование там. Но думаю, что после этого он придет жить ко мне, в Камбоджу. Он говорит на кхмерском языке. У меня здесь дом, но постоянно жить моя жена здесь не хочет. Так и живем на две страны.

На основе миграции из России в странах ЮВА сформировался интересный феномен, который можно назвать “русскоговорящей экономикой” [6]. Под “русскоговорящей экономикой” можно понимать систему экономических институтов и отношения в основе которых лежит русский язык, являющийся основным интеграционным фактором и движущей силой ее развития. В странах ЮВА “русскоговорящая экономика” имеет ярко выраженный характер в силу того, что русскоговорящим мигрантам практически невозможно полностью интегрироваться (“раствориться”) в принимающих сообществах из-за культурно-бытовых, языковых, этнических, религиозных, социальных отличий [6].

Масштабы “русскоговорящей экономики” находятся в тесной зависимости от миграции из России, а ее географическая локализация проявляется в формировании районов компактного проживания “русскоговорящих общин” и деловой активности на русском языке [5]. В некоторых странах ЮВА возникли и успешно функционируют ярко выраженные “русские районы”: в Паттайе в Таиланде; в Вунгтау, Нячанг и Муйне во Вьетнаме; в Суакнуквиле в Камбодже. “Русскоговорящая экономика” поддерживается благодаря актив-

ным экономическим связям с Россией, в том числе обслуживает российских туристов, торгово-экономические отношения и торговлю. В 2013 году экспорт российских товаров в Гонконг составил 3026 млн. долларов, в Сингапур – 1886 млн., во Вьетнам – 1374 млн., в Таиланд – 1273 млн. долларов [1].

Феномены “русскоговорящих общин” и “русскоговорящей экономики” в ЮВА требует дальнейшего исследования. Если сейчас крупные “русскоговорящие общины” сформировались пока только в Таиланде, Вьетнаме, Камбодже, то развитие туристических и экономических связей с Индонезией, Филиппинами, Сингапуром и другими государствами может привести к увеличению “русскоговорящих общин” в них уже в ближайшие годы. Кроме того, в мае 2015 года были подписаны соглашения об интеграции Вьетнама в Евразийского экономического сообщества, что также может усилить динамику развития “русскоговорящей экономики” в этой стране. В российской внешней политике и внешнеэкономической деятельности фактор “русскоговорящей экономики” пока не нашел должного отражения. Хотя уже совершенно очевидно, что “русскоговорящая экономика” представляет собой не только серьезное социальное, но и экономическое явление со значительным потенциалом развития. И кроме того, может способствовать продвижению экономических и геополитических интересов России в ЮВА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Внешняя торговля Российской Федерации со странами дальнего зарубежья. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rossta>
2. Данные Федерального агентства по туризму (Ростуризм) на основе сведений, собираемых Пограничной службой Федеральной службы безопасности (ФСБ) России и Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russiaturism.ru>
3. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm
5. Ryazantsev S.V., Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community, Canberra, Australian National University, College of Arts & Social Sciences, Vol. 4, № 5, 2013, 98 p.
6. Ryazantsev S.V., The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies, Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol. 6, № 3, May 2015, Rome, MCSER Publishing, pp. 155–163.
7. Situation Report on International Migration in east and South-East Asia, Regional Thematic Working Group on International Migration including Human Trafficking, Bangkok, ESCAP, 2008, 320 p.
8. Statistical Yearbook of Vietnam 2013, Hanoi, General Statistics Office of Vietnam, 2014, 845 p. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gso.gov.vn>

REFERENCES AND SOURCES

1. Russian Federation foreign trade with countries far abroad. – Moscow: Federal State Statistics Service (Rosstat). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rossta>
2. Data of the Federal Agency of Tourism (Rosturizm) on the basis of information collected by the Border Guard Service of the Federal Security Service (FSB) of Russia and the Federal State Statistics Service (Rosstat). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.russiaturism.ru>
3. Russian Federation President's missive to the Federal Assembly of December 12, 2012. [Electronic resource]. Access mode: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>
4. Number and migration of the population of the Russian Federation in 2014. – Moscow: Federal State Statistics Service (Rosstat). [Electronic resource]. Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm
5. Ryazantsev S.V., Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community, Canberra, Australian National University, College of Arts & Social Sciences, Vol. 4, № 5, 2013, 98 p.
6. Ryazantsev S.V., The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies, Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol. 6, № 3, May 2015, Rome, MCSER Publishing, pp. 155–163.
7. Situation Report on International Migration in east and South-East Asia, Regional Thematic Working Group on International Migration including Human Trafficking, Bangkok, ESCAP, 2008, 320 p.
8. Statistical Yearbook of Vietnam 2013, Hanoi, General Statistics Office of Vietnam, 2014, 845 p. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gso.gov.vn>

«АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР» МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ¹

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель центра социальной демографии института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (университет) МИД России, Москва (Россия) E-mail: riazan@mail.ru

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия) E-mail: nikitaR@list.ru

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО (университет) МИД России, Москва, (Россия) E-mail: artem_ispr@mail.ru

Шимон Пажневски, Институт исследований разнообразия Университета Бирмингема, B15 2SQ, Бирмингем, (Великобритания) E-mail: s.parzniewski@gmail.com

Ключевые слова: миграционная политика, трудовая миграция, «азиатский вектор», Восточная и Юго-Восточная Азия, Вьетнам, Китай, Россия, политические отношения, социально-экономическое развитие

Аннотация. После украинских событий 2014–2015 годов и роста напряженности между Россией и Западом, существенной активизировался «азиатский вектор» российской внешней политики – устремления России на Восток, в сторону Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии. «Азиатский вектор» российской внешней политики может постепенно изменить и географические приоритеты российской миграционной политики миграционную политику Российской Федерации. В настоящее время основными странами, посылающими трудящихся мигрантов являются Китай, Вьетнам, КНДР, Турция. Значительна роль Китая, Вьетнама и других стран Азии в потоках образовательных мигрантов в Россию. На фоне осторожного отношения к китайским мигрантам и высокой степени «китаефобии» в российских регионах, миграция из Вьетнама может рассматриваться как наиболее реальная альтернатива китайской миграции в Россию. Вьетнам имеет значительный демографический потенциал, чтобы стать региональным лидером в Юго-Восточной Азии в области миграции в Россию в среднесрочной перспективе. Население Вьетнама отличается молодой половозрастной структурой, которая представляет хорошую основу для экспорта трудовых ресурсов и учебных мигрантов. Пока же миграционная политика Российской Федерации по отношению к Вьетнаму является «асимметричной»: Россия не отменила визы для вьетнамских граждан (даже для краткосрочных поездок) и рассматривает Вьетнам как «миграционноопасную страну». Это отражается на визовых процедурах: вьетнамцам требуется получить российскую визу только на основании приглашений, оформленных через ФМС приглашающей организацией или лицом. В случае привлечения вьетнамских трудовых мигрантов работодателю необходимо получать квоту на право привлечения иностранной рабочей силы, но процедура сильно бюрократизирована, непрозрачна и дорога. Хотя миграционный потенциал во Вьетнаме значителен, без концептуального изменения миграционной политики в отношении Вьетнама, а также без перехода к активному формированию миграционных потоков во Вьетнаме, Россия не сможет привлечь и получить вьетнамских мигрантов на рынок труда и в университеты. Миграционная политика России должна быть более открытой к обра-

¹ Исследование проведено при поддержке грантов РФФИ № 16-33-00051_a1

зовательным мигрантам, предпринимателям, бизнесменам и инвесторам из Вьетнама и других стран Азии. Инновационный подход к российской миграционной политике может помочь в социально-экономическом развитии и демографической стабилизации в регионах Дальнего Востока, которые испытывают на протяжении последних двадцати пяти лет экономический спад и теряют население. Российский Дальний Восток благодаря азиатской и вьетнамской миграции может стать геополитический и экономическим коридором для выхода России в динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион.

"ASIAN VECTOR" OF RUSSIA'S MIGRATION POLICY²

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics), Professor, Head of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia) E-mail: riazan@mail.ru

Elena E. Pis'mennaya, Dr. (Sociology), Professor of the Department of Theoretical Sociology of the Financial University under Government of the Russian Federation (Moscow, Russia) E-mail: nikitaR@list.ru

Artem S. Lukyanets, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre of Social Demography of the Institute of Socio-Politic Research of the RAS (Moscow, Russia) E-mail: artem_ispr@mail.ru

Szymon Z. Parzniewski, Institute for Diversity Research, University of Birmingham, B15 2SQ, Birmingham, (United Kingdom) E-mail: s.parzniewski@gmail.com

Keywords: migration policy, labor migration, "Asian vector, East and South-East Asia, Vietnam, China, Russia, political relations, socio-economic development

Abstract: After the Ukrainian events of 2014–2015 and the growing tensions between Russia and the West, the "Asian vector" of Russian foreign policy, the aspiration of Russia to the East, towards China, Korea, and the countries of South-East Asia, became more active. The "Asian vector" of Russian foreign policy can gradually change the geographical priorities of the Russian migration policy to the migration policy of the Russian Federation. Currently, the main countries that send migrant workers are China, Vietnam, North Korea, Turkey. Significant role of China, Vietnam and other Asian countries in the flow of educational migrants to Russia. Against the backdrop of a cautious attitude towards Chinese migrants and a high degree of "Chinese phobia" in Russian regions, migration from Vietnam can be seen as the most realistic alternative to Chinese migration to Russia. Vietnam has significant demographic potential to become a regional leader in Southeast Asia in the field of migration to Russia in the medium term. The population of Vietnam is characterized by a young age and sex structure, which represents a good basis for the export of labor resources and educational migrants. Meanwhile, the migration policy of the Russian Federation vis-a-vis Vietnam is "asymmetric": Russia has not canceled visas for Vietnamese citizens (even for short trips) and regards Vietnam as a "migratory dangerous country". This is reflected in the visa procedures: Vietnamese are required to obtain a Russian visa only on the basis of invitations issued through the FMS by the inviting organization or person. In case of attracting Vietnamese labor migrants, the employer needs to receive a quota for the right to attract foreign labor, but the

² The study was conducted with the support of the RFBR № 16-33-00051_a1

procedure is highly bureaucratic, opaque and expensive. Although the migration potential in Vietnam is significant, without a conceptual change in the migration policy towards Vietnam, and without moving to an active formation of migration flows in Vietnam, Russia will not be able to attract and receive Vietnamese migrants to the labor market and to universities. Russia's migration policy should be more open to educational migrants, entrepreneurs, businessmen and investors from Vietnam and other Asian countries. An innovative approach to Russian migration policy can help in socio-economic development and demographic stabilization in the Far East regions, which have been experiencing an economic slowdown over the past twenty-five years and are losing their population. The Russian Far East, thanks to Asian and Vietnamese migration, can become a geopolitical and economic corridor for Russia's entry into a dynamically developing Asia-Pacific region.

Отношения между Россией и Западом после кризиса на Украине достигли точки охлаждения. Российские лидеры находятся в поиске политических и экономических альтернатив традиционному западному партнерству в целях обеспечения социально-экономического развития страны. Об этом свидетельствует визит в ноябре 2014 года президента России В.В. Путина и в апреле 2015 года премьера-министра России Д.А. Медведева во Вьетнам, в ходе которых обсуждались вопросы об укреплении партнерства, развитии политических отношений и торгово-экономических связей. Вьетнам отличается удобством географического положения, занимая стратегическое положение в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, располагая выходом в море. Обладая дешевыми трудовыми ресурсами Вьетнам является удобным местом для производства различных товаров для стран Северо-Восточной Азии, Европы и Америки. За последние пятнадцать лет внимание к этому региону постепенно, но постоянно увеличивалось [2]. После украинских событий 2014–2015 годов и роста напряженности между Россией и Западом, существенной активизировался «азиатский вектор» российской внешней политики – все более сильны устремления России на Восток – в сторону Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии.

«Азиатский вектор» российской внешней политики будет оказывать существенное влияние и на миграционные процессы и миграционную политику Российской Федерации. Несколько азиатских стран (Китай, Турция, КНДР, Вьетнам) традиционно входили в список ключевых поставщиков иностранной рабочей силы в Россию. В последние годы в число крупных поставщиков трудящихся-мигрантов на российский рынок труда вошли такие «экзотические» азиатские страны как Филиппины, Индия и Таиланд (рис. 1).

Численность студентов из азиатских стран в российских университетах также постоянно росла. Традиционно Китай, Индия и Вьетнам были крупными поставщиками абитуриентов и студентов в Россию. В 2013 году также студенты из Монголии, Малайзии, Сирии, Республики Кореи, Мьянмы и Турции также входили в число стран-лидеров иностранных образовательных мигрантов в Российской Федерации (рис. 2).

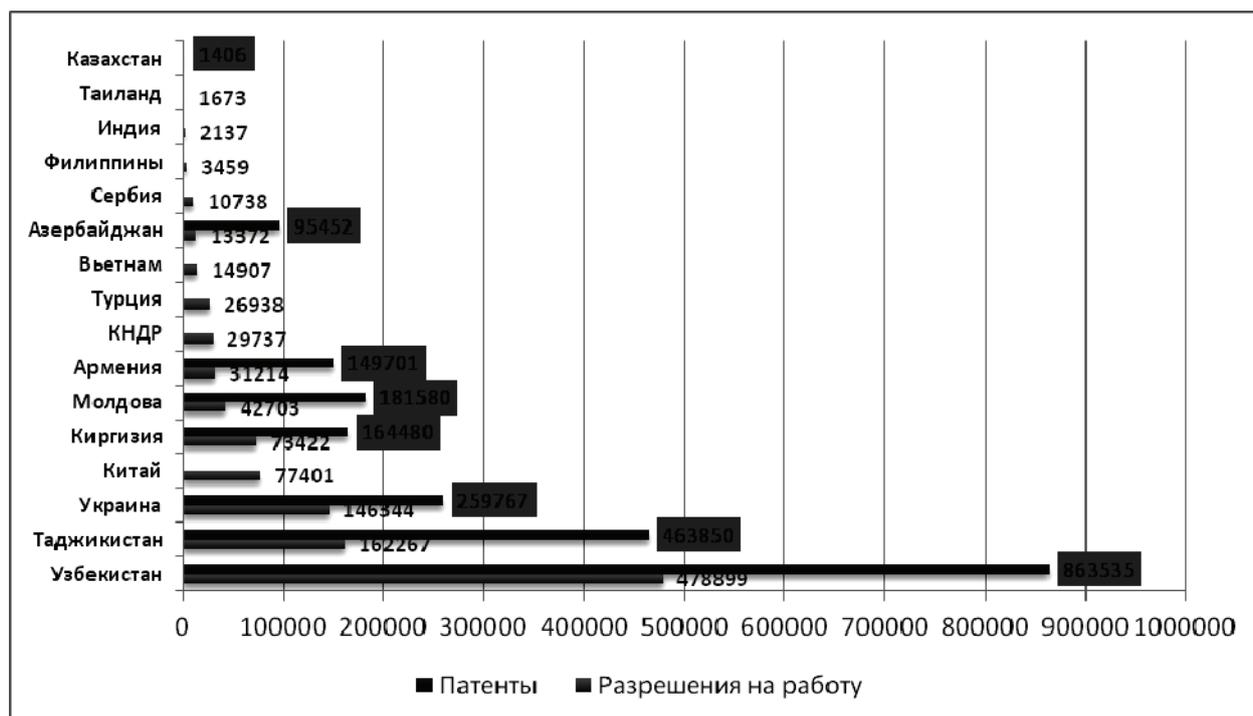

Рис. 1. Количество трудящихся-мигрантов в Российской Федерации по странам происхождения и типам разрешительных документов в 2014 году, человек (Данные ФМС России)

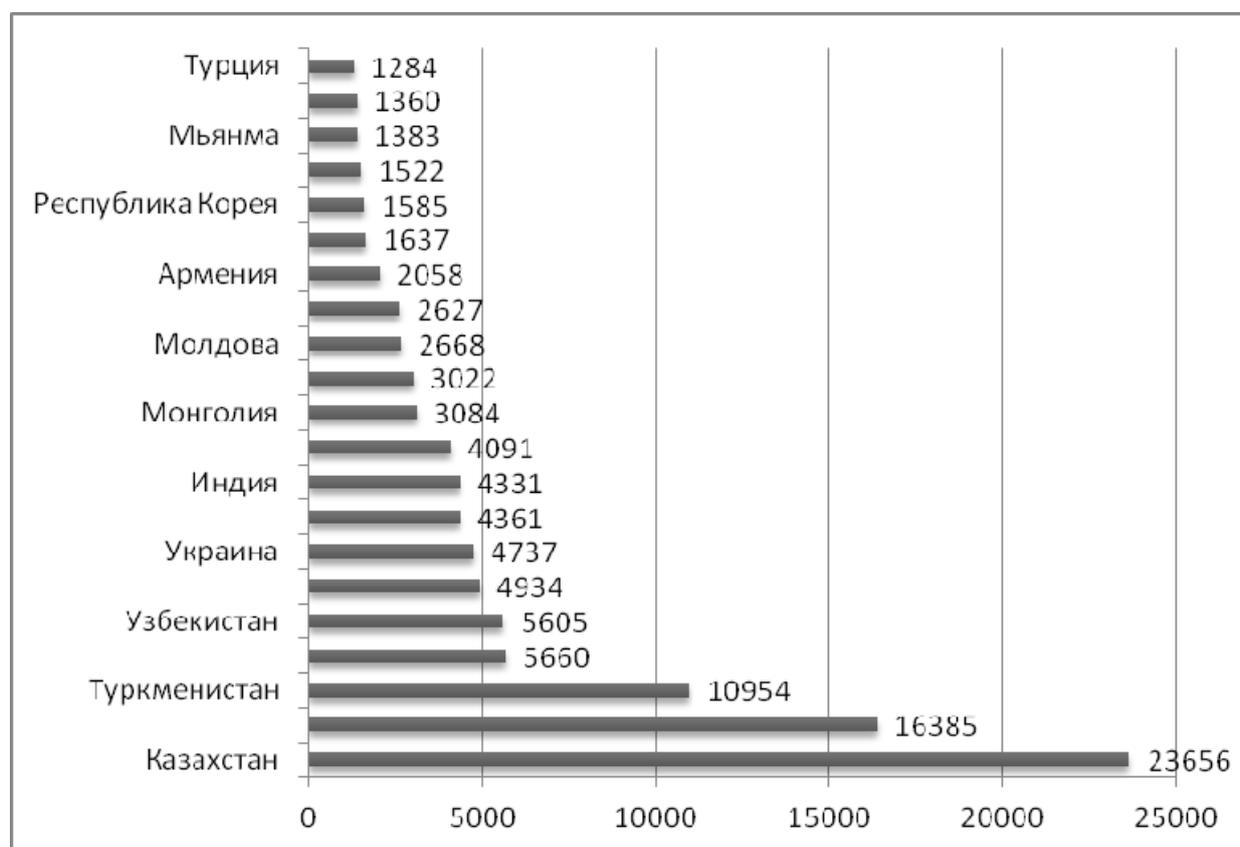

Рис. 2. Количество образовательных мигрантов в Российской Федерации по странам происхождения в 2012–2013 учебном году, человек (Данные Минобрнауки РФ)

Китай занимал четвертое место по количеству трудящихся-мигрантов, которым было выдано разрешение на работу в Российской Федерации – 77,4 тысячи разрешений на работу (2014 год) и второе место по числу иностранных студентов в России – 16,4 тысячи человек (2013 год). Китайская рабочая сила имела важное значение для российского рынка труда, особенно в приграничных регионах Дальнего Востока, а китайские студенты для некоторых российских вузов. И хотя перепись населения 2010 года зафиксировала только 29 тысяч этнических китайцев и 28 тысяч китайских граждан в Российской Федерации [6]. Однако, данные цифры были явно занижены, как минимум, по трем причинам. Во-первых, официально переписывалось только постоянное население, то есть проживающие в России более 1 года. Многие мигранты из Китая, как правило, находятся в России меньшее время, работают временно. Во-вторых, в переписи населения 2010 года был существенный недоучет мигрантов, связанный с невозможностью сбора информации в местах их работы и проживания (на рынках, строительных объектах, сельских районах и др.). В-третьих, недокументированные трудовые мигранты специально избегали переписи, поскольку боялись любого контакта с представителями власти.

Исследования свидетельствуют – китайские трудовые мигранты достаточно хорошо адаптировались на российском рынке труда [7]. Особенно успешной можно назвать социально-экономическую составляющую их адаптации – имеют работу и относительно высокий среди трудовых мигрантов уровень доходов. Однако, социально-психологическая составляющая их адаптации гораздо менее эффективна и успешна. Китайская община является достаточно замкнутой, локализованной, не склонной к ассимиляции в российское общество. Многие китайцы живут очень изолированно, слабо владеют русским языком, не стремятся получать российское гражданство. Все это закрепляет в массовом сознании китайских мигрантов идею временности их пребывания в России. На фоне отсутствия нормальных отношений с государством и властями, значительной коррупции в миграционной сфере, это приводит к усилению изоляции китайских мигрантов. Кроме того, в России очень сильны антикитайские настроения на разных уровнях. И даже разворот российской политики на Восток отнюдь не способствовал снятию страхов относительно «китаизации» российских территорий на Дальнем Востоке. Наличие и развитие относительно стабильных политических и экономических отношений между Российской Федерацией и странами Азии, предопределяет постоянный рост потоков миграции. В этом контексте миграция из Вьетнама могла бы стать для России наиболее реальной альтернативой китайской миграции. Вьетнам имеет сильный потенциал чтобы стать региональным лидером в области миграции в Россию в скором будущем. Это требует координации миграционных политик обеих стран, наряду с традиционными акцентами на военном и техническом сотрудничестве. Фактически Россия должна постепенно встроиться в архитектуру интеграционных процессов в регионе Юго-Восточной Азии [9].

Численность населения Вьетнама в 2014 году составила 90,7 миллионов человек, увеличившись с 1950 года более чем в 2,7 раза. Вьетнам находится на четырнадцатом месте в мире по численности населения, являясь наряду с

Сингапуром и Филиппинами одной из самых густонаселенных стран Юго-Восточной Азии. Общая численность трудовых ресурсов в 2013 году составила 53,3 миллионов человек. Ежегодно с 2000 по 2013 годы численность трудовых ресурсов Вьетнама увеличивалась в среднем на 1 миллион человек, что было примерно в два раза выше темпов роста общей численности населения. Вьетнам является трудоизбыточной страной и значительную часть трудовых ресурсов традиционно экспортирует за рубеж.

Масштабы легальной эмиграции из Вьетнама на протяжении последних пяти лет оставались стабильными и составляли от 80 до 88 тысяч человек (табл. 1). Основными странами эмиграции вьетнамских граждан традиционно были Тайвань, Республика Корея, Малайзия, Япония, Лаос, Камбоджа, Макао. В последние годы активизировалась миграция в страны Персидского залива – ОАЭ, Катар, Бруней. Миграция в Восточную Европу и Российскую Федерацию напротив сокращается.

Таблица 1.

Эмиграция из Вьетнама за границу, тысяч человек (данные МОТ)

	2008	2009	2010	2011	2012
Общая эмиграция, в том числе	87,0	73,0	85,5	88,3	80,3
Распределение эмигрантов по полу					
- мужчины	58,4	51,0	57,0	56,3	53,5
- женщины	28,6	22,0	28,5	32,0	26,8
Распределение эмигрантов по странам выбытия					
- Тайвань	31,6	21,7	28,5	38,8	...
- Республика Корея	18,1	7,6	8,6	15,2	...
- Малайзия	7,8	2,8	11,7	10,0	9,3
- Япония	6,1	5,5	4,9	7,0	...
- Саудовская Аравия	3,0	2,5	2,7	3,6	...
- Лаос	3,1	9,1	5,9	4,3	6,2
- Камбоджа	0,8	1,8	3,6	2,8	5,2
- Макао	3,0	3,3	3,1	2,0	...
- ОАЭ	2,8	4,7	5,2	1,2	...
- Бруней	0,3	0,0	0,1	0,1	0,1
- Сингапур	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
- Катар	1,6	0,1	0,3
- Чехия	1,4	0,1
- Другие страны	6,9	13,7	10,6	3,3	59,4

Эмиграционный поток из Вьетнама представлен несколькими категориями мигрантов. Во-первых, это *временные трудовые мигранты*. Данный миграционный поток фиксирует и регулирует Министерства труда, инвалидов войны и социальной защиты населения Вьетнама. В большинстве своем легальные трудовые мигранты направлялись на работу в Малайзию (34%), Тайвань (27%), Республику Корея (14%), Катар (7%), Япония (5%), Макао

(3%), другие страны (11%). Активизируется поток вьетнамских трудовых мигрантов в страны Персидского залива.

Для Российской Федерации Вьетнам традиционно являлся важным поставщиком рабочей силы. По итогам 2013 года он занимал одиннадцатое место в списке стран – поставщиков иностранной рабочей силы. Последнее соглашение между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией о временной трудовой деятельности вьетнамских граждан было подписано 18 августа 2003 года. Безусловным его преимуществом стала попытка ввести вьетнамскую временную трудовую миграцию в организованное русло. Также данное соглашение также сделало важный шаг в отношении легализации многочисленной категории вьетнамских недокументированных мигрантов в России. Оно признало законность пребывания граждан Вьетнама, прибывших по соглашению от 2 апреля 1981 года, при условии их регистрации в Посольстве Социалистической Республики Вьетнам и получении разрешения на работу в Российской Федерации. Важной частью соглашения является определение самостоятельности нахождения работы вьетнамским гражданином на территории России (статья 2 протокола Соглашения). Но недостатком соглашения можно считать отсутствие списка конкретных регионов, отраслей и численности трудовых мигрантов из Вьетнама необходимых экономике России.

В результате, несмотря на наличие соглашения о трудовой миграции, приток трудовых мигрантов из Вьетнама в Россию на протяжении 2000–2010-х годов устойчиво снижался (табл. 2). Пик абсолютной численности вьетнамских рабочих пришелся на 2009 год, когда было выдано около 98 тысяч разрешений на работу в Российской Федерации. В 2004 году вьетнамцы составляли 10% всех иностранных рабочих на российском рынке труда. В 2011–2013 годах численность документированных вьетнамских трудовых мигрантов сократилась до 10–12 тысяч человек. Это было обусловлено кризисными явлениями в российской экономике, а также ужесточением российской миграционной политики. В 2014 году количество разрешений на работу, выданных гражданам Вьетнама на российском рынке труда составило около 15 тысяч, в том числе около 3,7 тысяч вьетнамских граждан получили разрешение на работу как высококвалифицированные специалисты.

Основными отраслями трудоустройства вьетнамских граждан в России в 2014 году являлись сфера услуг (около 40%), а также торговля и строительство (примерно по 10%). Большая часть официально зарегистрированных вьетнамских рабочих работает в Москве (3,7 тысяч), Московской области (2,7 тысяч), Тульской области (1,5 тысяч), Владимирской области (1,2 тысячи), Свердловской области и Хабаровском крае (по 1 тысячи), Рязанской и Псковской областях (по 0,5 тысяч) и некоторых других регионах. Как правило, это молодые люди из северных провинций Вьетнама, которые работают в России от трех до пяти лет и затем возвращаются на родину.

Во-вторых, *“бизнес-миграция”*, *“инвестиционная миграция”* и *“коммерческая миграция”*. Предприимчивые вьетнамские бизнесмены и коммерсанты довольно активно эмигрируют в США, Австралию, страны Европы и Азии для развития бизнеса и предпринимательства. Вьетнамцы открыли достаточно

много предприятий и компаний за пределами Вьетнама. В Российской Федерации вьетнамские предприниматели и бизнесмены открыли швейные производства, строительные компании, сельскохозяйственные предприятия, рестораны. Они активно используют в основном труд вьетнамских рабочих.

Таблица 2.

**Миграция граждан Вьетнама в Российскую Федерацию
(Данные ФМС России, Минобрнауки России, Ростуризма)**

	Трудовая миграция			Образовательная миграция, тысяч студентов	Туризм, тысяч въездов
	Разрешения на работу, тысяч единиц	% от общего числа	Высококвалифицированные специалисты, тысяч разрешений		
2002	13,3	6,2
2003	35,2	9,3
2004	41,8	9,1
2005	55,6	7,9	37,0
2006	69,1	6,8	...	4,9	37,0
2007	79,8	4,6	...	4,6	38,0
2008	95,2	3,9	...	4,0	59,0
2009	97,5	4,4	41,0
2010	46,0	2,5	51,0
2011	11,0	0,6	...	3,6	...
2012	12,1	0,6
2013	10,3	0,5	...	2,9	...
2014	14,9	0,3	3,7

В-третьих, *образовательная и учебная миграция*. Правительство Вьетнама в организованном порядке активно отправляет на обучение и стажировки за границу студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, научных работников. До 1990-х годов основными странами назначения были СССР и Восточной Европы – партнеры по социалистическому блоку. После 1990-х годов география обучения вьетнамских граждан существенно расширилась. В настоящее время значительное количество вьетнамских студентов обучается в США, Канаде, Австралии, Республике Корея, Тайване, Китае, Японии, Сингапуре, Малайзии. В Российской Федерации в 2013 году обучалось только около 3 тысяч вьетнамских граждан, что гораздо меньше, чем во времена СССР.

В-четвертых, *брачная эмиграция и трафик (торговля женщинами)*. Довольно много вьетнамских женщин выходят замуж за иностранных граждан и выезжают на постоянное место жительства в Китай, Тайвань, Японию, Республику Корею. На женщин приходится третья часть эмиграционного потока из Вьетнама. Зачастую женщины из Вьетнама становятся жертвами торговли людьми, попадают в рабство, эксплуатируются своими мужьями или организаторами трафика, попадают в проституцию и сферу развлечений, подвергаются насилию в семье или сфере сексуальных услуг.

В-пятых, *миграция с целью воссоединения семей*. Данный вид миграции связан с переплетением личной и экономической мотивации. Многочисленная вьетнамская диаспора притягивает новых мигрантов из Вьетнама. Например, в США существует специальная иммиграционная программа воссоединения семей, которой активно пользуются вьетнамцы. Еще во время вьетнамской войны от американских солдат родилось много детей во Вьетнаме. По американским законам они имеют право на получение гражданства США. Это служит основной для миграции по линии воссоединения семей.

В-шестых, *вынужденная миграция*. В разное время эмигранты из Вьетнама рассматривались рядом принимающих стран в качестве беженцев. В общей сложности в рамках организованных программ порядка 2 миллионов вьетнамцев получили статус беженцев в США, Австралии, Канаде, Японии и странах Западной Европы. В ближайшей перспективе существует значительный риск возникновения вынужденной экологической миграции из некоторых провинций Вьетнама в связи с глобальным изменением климата [5].

В контексте «азиатского вектора» российской миграционной политики следует рассмотреть миграционную политику в части регулирования миграционных потоков между странами. Прежде всего, это визовый режим. Вьетнам в одностороннем порядке с 1 января 2009 года отменил визы для граждан России на срок не более 15 дней (вне зависимости от цели поездки). При этом должны быть соблюдены следующие требования: 1) наличие действительного загранпаспорта, выданного компетентным органом Российской Федерации, срок действия которого должен истекать не менее чем через три месяца после въезда на территорию Вьетнама; 2) наличие обратного билета либо билета для выезда в третью страну; 3) въезжающий российский гражданин не должен относиться к категории лиц, въезд которым на территорию Вьетнама запрещен законодательством СРВ; 4) с момента последнего выезда из Вьетнама должно пройти не менее 30 дней (**условие введено с 1 января 2015 года**). Отмена виз благоприятно повлияла на увеличение потока российских туристов, облегчила въезд бизнесменам и ученым во Вьетнам.

При въезде через аэропорты Ханоя, Хошимина, Дананга, визу можно получить непосредственно по прилету. Для этого требуется специальное подтверждающее письмо (“Approval Letter”) или разрешение на получение визы. Его выдает Управление иммиграции Социалистической Республики Вьетнам по обращению приглашающей вьетнамской стороны (фирмы, учреждения, гражданина). Этот документ также стал доступен для иностранцев онлайн, через сервис “Visa Approval Service”. Приглашение предъявляется в пункте пограничного контроля и с ним можно получить визу непосредственно по прилету. Для граждан Российской Федерации виза по прилету бесплатна, для граждан большинства других стран стоимость визы составляет 25 долларов США (однократная, месячная), 50 долларов США (многократная, на один, три, шесть месяцев) и до 100 долларов США (многократная, годовая).

Если российскому гражданину после въезда на территорию Вьетнама потребуется остаться на срок более 15 дней, то при наличии письменного ходатайства вьетнамского учреждения, организации или частного лица в

Министерство общественной безопасности или Министерство иностранных дел вопрос о выдаче выездной визы либо увеличении срока пребывания на территории Вьетнама может быть рассмотрен в зависимости от цели продления срока пребывания во Вьетнаме. Продление визы осуществляется через отделы Министерства общественной безопасности в Ханое, Хошимине и ряде других городов. Визу обычно продлевают на 30 дней, а сбор составляет 20 долларов США. Также существует возможность получения “возвратной визы” (“Re-Entry Visa”) в случае необходимости покидания Вьетнама при наличии однократной визы (цена от 20 до 25 долларов США).

Владельцам общегражданских загранпаспортов, срок действия которых превышает три месяца, разрешен безвизовый въезд и пребывание во Вьетнам на период до пятнадцати дней (при наличии обратного билета). В случае необходимости продления срока пребывания во Вьетнаме иностранный гражданин обязан предоставить в территориальный отдел управления въезда и выезда Министерства общественной безопасности Вьетнама паспорт, заполненную анкету и фотографии. Рассмотрение данных документов осуществляется вьетнамскими властями в срок до пяти рабочих дней. За превышение срока пребывания без визы сверх 15 дней или за нарушение срока действия визы, вьетнамскими законами предусмотрен штраф размером 5 долларов США за каждый день.

К сожалению, российская миграционная политика в отношении вьетнамских граждан является “асимметричной”: Российской Федерации не только не отменила визы для вьетнамских граждан (даже для краткосрочных поездок), но и рассматривает Вьетнам как “миграционноопасную” страну. Это отражается на визовых процедурах: вьетнамцам требуется получить российскую визу только на основании приглашений, оформленных через ФМС приглашающей организацией или лицом. В случае привлечения вьетнамских трудовых мигрантов работодателю необходимо получать квоту на право привлечения иностранной рабочей силы, но процедура сильно бюрократизирована, непрозрачна и дорога. Без визы в Россию возможен въезд вьетнамских граждан только с дипломатическими и служебными (официальными) паспортами.

Следует обратить внимание на миграционный потенциал населения Вьетнама как один с ресурсов развития «азиатского вектора» миграционной политики России. Население Вьетнама отличается молодой половозрастной структурой, которая представляет хорошую основу для экспорта трудовых ресурсов и учебных мигрантов [4]. Оценка миграционного потенциала населения Вьетнама может быть произведена на основе комбинирования данных социологических опросов и официальных статистических данных. Результаты социологического опроса 2009 года, проведенного на основе репрезентативной выборки, показали, что 13% трудоспособного населения Вьетнама имели опыт работы и учебы за границей. Около 36% респондентов высказывали желание работать за рубежом, в том числе немногим более 3% – в Российской Федерации. Расчеты показывают, что Вьетнам обладает значительным миграционным потенциалом – около 2,6 миллионов человек. Реализация потенциальных миграционных установок вьетнамцев будет зависеть от целого ряда

факторов как во Вьетнаме, так и в принимающих странах. Вьетнамская экономика в настоящее время активно развивается и “поглощает” значительную часть трудовых ресурсов. Страны, которые привлекают трудовых мигрантов из Вьетнама, имеют разные экономические и геополитические приоритеты, которые могут меняться. Кроме того, многое будет зависеть от миграционной политики принимающей страны, от активности государственных структур, компаний, частных агентств занятости.

Миграционный потенциал во Вьетнаме, ориентированный на Россию составляет около 85 тысяч человек. В провинциях северного Вьетнама миграционный потенциал составляет около 24 тысяч человек, в том числе 6 тысяч человек в Ханое. Однако, Россия практически исчерпала возможности для приема вьетнамских мигрантов при нынешнем уровне миграционной политики. В “пиковый”, 2009 год, в России приходилось около 100 тысяч трудовых и учебных мигрантов из Вьетнама, а затем их численность стала сокращаться. Основными причинами стали экономический спад и жесткость миграционной политики России (в частности, Вьетнам в некоторых ведомственных документах рассматривается как “миграционноопасная” страна). И хотя миграционный потенциал во Вьетнаме значителен, без концептуального изменения миграционной политики в отношении Вьетнама, а также без перехода к активному формированию миграционных потоков во Вьетнаме, Россия не сможет привлечь и получить вьетнамских мигрантов на рынок труда и в университеты.

Российская Федерация не имеет чёткого определения стратегических интересов в сфере формирования миграционных приоритетов и регулирования миграции из Азии и Вьетнама в интересах социально-экономического развития страны. Учитывая тренд на «азиатский вектор» внешней политики, миграционная политика России должна также стать более ориентированной на социально-экономический и демографический (миграционный) потенциал Вьетнама как стратегического партнера Российской Федерации в азиатском регионе. Можно обозначить несколько перспективных аспектов «азиатского вектора» внешней политики России и усиления вьетнамского направления российской миграционной политики.

Во-первых, Восточная и Юго-Восточная Азия является не только регионом интенсивной экономической динамики, но и отличается высокой степенью самодостаточности и устойчивости на фоне проблем мировой экономики. Подводя итоги азиатского финансового кризиса, российский исследователь А.А. Байков подчёркивает, что “психологически и политически он оказался рубежным” [1]. Хорошим примером является отказ от расчёта в долларах во взаимной торговле между странами региона. Конечно пока еще рано говорить об формировании конкурирующей системы для традиционного использования американского доллара в качестве ключевой валюты. Но создание реальной альтернативы даёт хорошую основу для развития более тесного экономического сотрудничества между Россией и странами Азии. В условиях роста напряжённости на глобальном уровне может способствовать формированию устойчивого партнёрства России со странами региона на долгосрочную перспективу.

Во-вторых, учитывая растущую экономическую роль и политические амбиции Вьетнама, как страны, которая претендует на лидирующие позиции в регионе Юго-Восточной Азии, Российской Федерации необходимо разработать и принять государственную стратегию сотрудничества с Вьетнамом в области привлечения потоков трудовых мигрантов различной квалификации. Развитие сотрудничества между Россией и Вьетнамом в миграционной сфере является благоприятным фактором роста влияния и значимости Вьетнама как успешной экономической державы как на региональном, так и на мировом уровнях. Также это позволит Российской Федерации закрепить ранее достигнутые устойчивые позиции в регионе Юго-Восточной Азии.

В-третьих, необходимость активизации сотрудничества России с Вьетнамом в миграционной сфере следует рассматривать не только в контексте нынешних трудностей в сотрудничестве с западными государствами, но и как противовес в отношении растущей мощи и влияния Китая. Следует обратить внимание на то, что нынешние отношения между Вьетнамом и Китаем весьма напряженные и в этой ситуации Российская Федерация должна очень тонко формулировать свою позицию в регионе.

В-четвертых, для усиления инновационного потенциала и конкурентоспособности российской экономики и российского рынка труда необходимо развивать и поддерживать приток социально-экономических инициатив, инноваций, инвестиций и предпринимателей с Востока. В этом контексте миграционная политика России должна быть более открытой к образовательным мигрантам, предпринимателям, бизнесменам и инвесторам из Вьетнама и других стран Азии. Инновационный подход к российской миграционной политике может помочь в социально-экономическом развитии и демографической стабилизации в регионах Дальнего Востока, которые испытывают на протяжении последних двадцати пяти лет экономический спад и теряют население. Российский Дальний Восток благодаря азиатской и вьетнамской миграции может стать геополитический и экономическим коридором для выхода России в динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Байков А.А. Модели интеграционной экспансии в зарубежной Европе и Восточной Азии// Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. № 4. 2011. С. 28–35.
2. Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015 гг.)// Сравнительная политика. № 1. 2015. С. 32–54.
3. Кузнецов Н.Г., Рязанцев С.В. Как использовать российский миграционный потенциал Вьетнама (Часть 1). [How to use the Russian migration potential of Vietnam]// Азия и Африка сегодня. № 6. 2011. С. 36–42.
4. Лукьянец А.С., Нгуен К.Т. Демографический потенциал Вьетнама: общая характеристика// Миграционные мосты в Евразии: Сборник материалов VI международной научно-практической конференции/ Под ред. С.В. Рязанцева. М.: ИСПИ РАН. 2014. С. 256–260.

5. Письменная Е.Е., Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Маньшин Р.В. [Pismennaya E.E., Karabulatova I.S., Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Man'shin R.V.] Влияние изменения климата на миграцию из Вьетнама в Россию, как фактор трансформации геополитических отношений [Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a Factor of Transformation of Geopolitical Relations]// Средиземноморский журнал социальных наук [Mediterranean Journal of Social Sciences]. Выпуск 6. № 3. 2015. С. 202–207.
6. Рязанцев С.В., Маньшин Р.В., Нгуен К.Т. Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию// Миграционное право. № 1. 2013. С. 5–10.
7. Рязанцев С.В., Ян Х. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия, подходы к регулированию. М. Экономическое образование. 2010. 256 с.
8. Статистический ежегодник Вьетнама 2013 [Statistical Yearbook of Vietnam 2013], Ханой [Hanoi], Главный статистический офис [General Statistics Office of Vietnam]. 2014. 845 р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gso.gov.vn>
9. Тран П.Т., Виейра А.В.Г., Феррейра-Перейра Л.С. [Tran P. T., Vieira A. V. G., Ferreira-Pereira L. C.] Стратегическое хеджирование Вьетнама визави Китаю: роль Европейского Союза и России [Vietnam's strategic hedging vis-à-vis China: the roles of the European Union and Russia]// Бразильский журнал международной политики [Rev. Bras. Polít. Int.]. Выпуск 56. № 1. 2013. С. 163–182.

REFERENCES AND SOURCES

1. Baykov A.A. Models of integration expansion in foreign Europe and East Asia. Vestnik Moskovskogo universiteta. International relations and world politics. 2011. Vol. 25. No. 4. Pp. 28–35.
2. Voskresenskiy A.D. Russian-Chinese relations in the context of the Asian vector of Russian diplomacy (1990–2015). Sravnitel'naya politika. 2015. №1. Pp. 32–54.
3. Kuznetsov N.G., Ryazantsev S.V. How to use the Russian migration potential of Vietnam (Part 1). Asia and Africa today. 2011. No. 6. Pp. 36–42.
4. Lukyanets A.S., Nguen C.T. The demographic potential of Vietnam: general characteristic. Ryazantsev S.V. (Ed.) International Symposium 'Migration bridges of Eurasia' in the Institute of Socio-Political Studies of Russian Academy of Sciences. 2014. – Pp. 256–260.
5. Pismennaya E.E., Karabulatova I.S., Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Man'shin R.V. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a Factor of Transformation of Geopolitical Relations. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 3. Pp. 202–207.
6. Ryazantsev S.V., Man'shin R.V., Nguyen C.T. Comparative analysis of the Vietnamese and Chinese migration to Russia. Migratsionnoe pravo. 2013. No. 1. Pp. 5–10.
7. Ryazantsev S.V., Yang H. Chinese migration to Russia: trends, implications and approaches to regulation. Moscow. Ekonomicheskoe obrazovanie. 2010. 256 p.
8. Statistical Yearbook of Vietnam 2013, Hanoi, General Statistics Office of Vietnam, 2014, 845 p. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gso.gov.vn>
9. Tran P.T., Vieira A.V.G., Ferreira-Pereira L.C. Vietnam's strategic hedging vis-à-vis China: the roles of the European Union and Russia. Rev. Bras. Polít. Int. 2013. Vol. 56. No. 1. Pp. 163–182.

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ «РАБОЧАЯ СИЛА» И «ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ» НА ПРИМЕРЕ КНР

Сахарова Лариса Анатольевна, профессор (Ph.D) ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» г. Владивосток (Россия) E-mail: lolasakharova@yandex.ru

Фокина Елена Кимовна, доцент ФГБОУ ВПО «Дальрыбвтуз» г. Владивосток (Россия) E-mail: elfok2009@mail.ru

Перминова Галина Иосифовна, доцент, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» г. Владивосток, (Россия) E-mail: 1406perminova@mail.ru

Ключевые слова: экономическая категория, рабочая сила, трудовые ресурсы, Китай.

Аннотация: В статье анализируются трудовые ресурсы Китая, дается характеристика численности и структуре населения страны и его трудовых ресурсов. Выявлены основные проблемы рынка труда и факторы их обуславливающие. Рассмотрены организационные вопросы формирования рынка труда Китая, такие как возраст, уровень квалификации и др. Выявлены приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере.

FORMING OF ECONOMIC CATEGORIES "WORKING POWER" AND "LABOR RESOURCES" ON THE EXAMPLE OF CHINA

Larisa A. Sakharova, Professor (Ph.D) FGAOU VO "Far Eastern Federal University" Vladivostok (Russia) E-mail: lolasakharova@yandex.ru

Elena K. Fokina, Associate Professor of Far-Eastern State Educational Institution of Higher Professional Education Dalrybvtuz, Vladivostok (Russia) E-mail: elfok2009@mail.ru

Galina I. Perminova, Associate Professor, FGAOU VO "Far Eastern Federal University" Vladivostok, (Russia) E-mail: 1406perminova@mail.ru

Keywords: economic category, labor force, labor resources, China.

Abstract: The article analyzes the labor resources of China, describes the size and structure of the population of the country and its labor resources. The main problems of the labor market and their factors are identified. The organizational issues of forming the labor market of China, such as age, skill level, etc. are considered. Priorities of Chinese youth in the professional sphere are revealed.

Количественные и качественные характеристики трудовых ресурсов страны имеют большое значение. Они являются индикатором развития экономики, качества уровня жизни, а также результативности социально-экономической политики, проводимой в стране. Китай – это страна, которая лидирует по количественным показателям экономически активного населения, в связи с этим требуется тщательная качественная, экономическая

и социологическая оценка трудовых ресурсов данной страны. Что впоследствии позволит спрогнозировать их эволюцию. Китай (Китайская Народная Республика, КНР) – социалистическое (коммунистическое) государство в Восточной Азии. Крупнейшее по численности населения государство мира; занимает третье место в мире по территории, уступая России и Канаде. Является великой державой – кандидатом-сверхдержавой, постоянный член Совета безопасности ООН. Одна из ведущих космических держав мира, обладает крупнейшей в мире армией по численности военнослужащих, ядерным оружием. С декабря 2014 года является первой экономикой мира по ВВП (ППС). С 2010 года китайская экономика обогнала японскую и стала второй экономикой мира по номинальному ВВП [2]. КНР является мировым лидером по производству большинства видов промышленной продукции, в том числе по производству автомобилей и потребительскому спросу на них. Крупнейший мировой экспортёр («фабрика мира»). Располагает наибольшими в мире золотовалютными резервами. Китай состоит в таких международных организациях, как ООН, АТЭС, G20, Всемирная торговая организация (ВТО; с декабря 2001 года), а также ШОС и БРИКС [5].

По данным сайта Национального бюро статистики Китая общая численность населения на 2015 год составляла 1360720 тысяч человек. Из них мужское население 697280 тысяч человек, а женское – 663440 тысяч. Процентное соотношение женского и мужского населения наглядно представлено на рисунке 1.

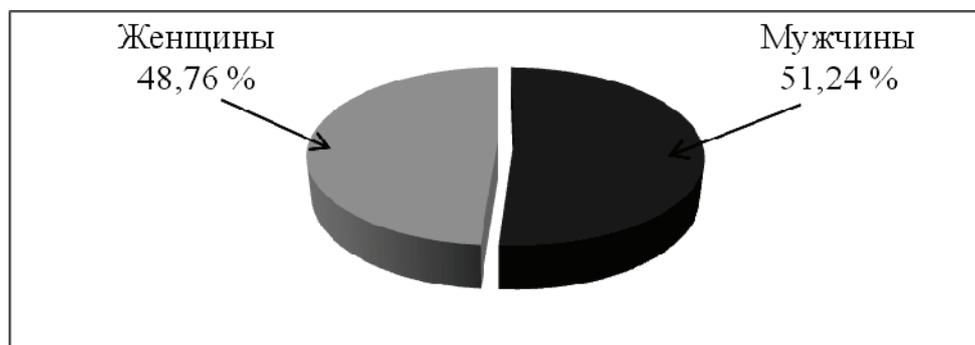

Рис.1 Соотношение мужского и женского населения в Китае

Источник: [6]

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод, что количество мужчин на 2,48% больше чем женщин, что составляет 33,84 млн. человек. Если обратиться к более подробной характеристике – половозрастной структуре, представленной на рисунке 2, то можно сделать следующие выводы:

- доля мужского населения преобладает над женским в широкой возрастной группе от 0 до 55 лет;
- в возрасте 55–70 лет доля мужского населения резко уменьшается и количество женщин в данном возрастном промежутке больше количества мужчин;
- начиная с 70-летнего возраста, количество женского и мужского населения уравнивается.

Рис. 2. Половозрастная структура населения Китая

Источник: [6]

С точки зрения социально-экономического прогноза важнейшими возрастными группами следует считать группы в возрасте 0–14, 15–64 и 65 и более лет, которые позволяют выделить население трудоспособного возраста [3]. Обращаясь к совокупной возрастной характеристике Китая, можно отметить, что доля трудоспособных в возрасте от 15 до 64 лет составляет большую часть от всего населения страны и равна 72,9% или 1005820 тыс. человек. По данным выборочного исследования доля мужчин в трудоспособном возрасте составляет 51,08%, доля женщин 48,92%. Численность населения, не достигшего трудоспособного возраста (от 0 до 14 лет), составляет 223290 тыс. человек или 16,4%. На долю населения старше 65 лет приходится 9,67%. Общая возрастная структура населения изображена на рисунке 3.

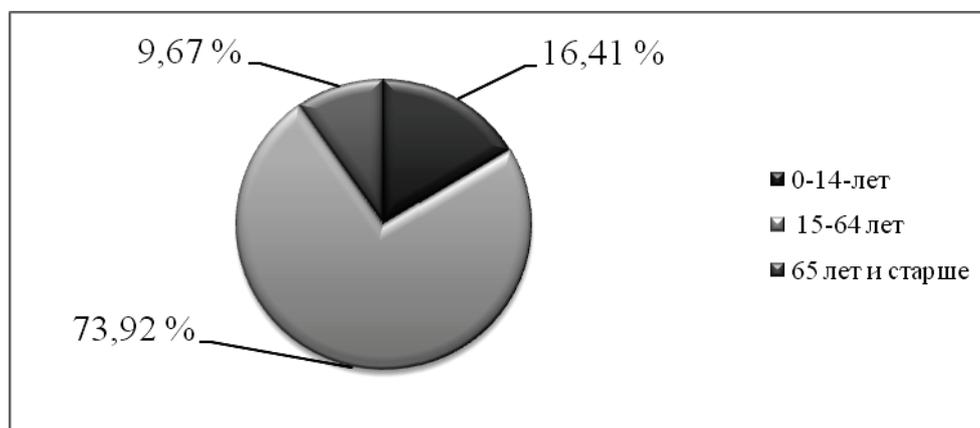

Рис. 3. Возрастная структура населения Китая

Источник: [6]

Количество населения Китая, насчитывающее более 1 млрд. 300 тыс. человек, придает всем проблемам, связанным с рынком труда Китая, масштабность, глубину и напряженность. Численность населения Китая растет быстрыми темпами, что приводит к напряженной ситуации на рынке труда, когда предложение рабочей силы в несколько раз превышает спрос на нее. Рост населения становится проблемой в случае экономического кризиса, стагнации или медленного экономического развития, так как данные явления увеличивают количество безработных и ситуация на рынке труда становится более напряженной. Регулированию роста населения в Китае уделяется особое внимание, поскольку прирост даже на 1% обуславливает увеличение населения страны на 12 млн. человек. В мировом масштабе население КНР занимает одну четвертую долю от всего населения планеты.

Одной из важных характеристик населения является соотношение жителей сельской и городской местности. Для Китая данный показатель имеет особое значение. Долгое время количество сельского населения было значительно больше городского. Внутренняя миграция из села в город была ограничена особой системой регистрации, что способствовало расслоению общества и усилению дискриминации. В последнее десятилетие ограничение миграции было ослаблено, что позволило сельским жителям жить и работать в городах. Увеличение численности городского населения является естественным процессом экономического развития Китая. Создание на базе городов промышленного производства, осуществление экспортоориентированной стратегии экономического развития, рост инвестиционных вложений в городскую инфраструктуру способствует ускорению урбанизации Китая [1].

Однако сельская промышленность играет большую долю в экономике Китая, являясь самым масштабным источником занятости и наиболее привлекательным сектором для инвестиций, а также основным каналом китайского экспорта.

Проводимая в КНР политика реформ и открытости повлияла на трудоспособное население сельских районов в двух направлениях:

- возможности свободного выбора профессий и автономного ведения хозяйственной деятельности;
- разрешения ведения бизнеса в городской местности.

В итоге было трудоустроено около 125 млн. работников на предприятиях сельской местности. В города переехало около 60–80 млн. сельских жителей. Соотношение городского и сельского занятого населения сравнялось лишь в 2010 году. Однако, как говорилось выше, возможности переселения сельского населения в город долгое время контролировались системой «Хукоу» [4].

В конце 1990-х началась программа по ослаблению системы «Хукоу», поскольку было признано, что она является препятствием для экономического развития. Вступление Китая в ВТО также обусловило освобождение движения рабочей силы. Сельским жителям была предоставлена возможность легальной работы в городах с помощью покупки временного разрешения на проживание в городе. КНР является лидером по абсолютной численности

экономически активного населения, которая составляет 793 млн. человек. Можно выделить следующие специфичные для работоспособного населения Китая характеристики:

- масштабность и быстрый рост;
- значительная доля в общей численности населения;
- длительный период продолжающегося роста [5].

Большое число трудоспособного населения не является проблемой, если в стране имеются все ресурсы для создания условий продуктивного трудоустройства. Уровень социально-экономического развития Китая пока не позволяет в полной мере обеспечить страну необходимым количеством рабочих мест.

На протяжении многих лет экономический рост происходил экстенсивным путем, то есть приращением количества рабочей силы и объемов инвестиций, при этом производительность труда оставалась на невысоком уровне. Причины, объясняющие такое развитие, заключаются в слабом поощрении квалифицированных специалистов, способных предоставлять более высокие результаты труда. В действительности личные связи играют в Китае большую роль при трудоустройстве, при этом профессионализм и квалификация отходят на второй план. Происходит нерациональное использование трудовых ресурсов, что в свою очередь снижает конкурентоспособность человеческого капитала страны. Если не стимулировать развитие работников и не полностью использовать человеческий капитал, фирмам не удастся добиться высоких экономических результатов.

В среднем в трудовые отношения в Китае вступают в 20 лет, около 80% молодежи от 17 до 23 лет выходят на рынок труда, однако сталкиваются со сложностями трудоустройства. Приблизительно каждый седьмой в возрасте до 22 лет долго не может трудоустроиться, однако переходя 23-летний рубеж, молодежь с легкостью находит работу. Около 70% работают на производстве или в сфере услуг. Почти половина работающей молодежи занята на частных предприятиях – 47%, 35% – на государственных.

Часто молодые люди заняты трудом, не требующим специальных знаний и навыков, однако с приобретением необходимого опыта, число работающих на административных и управленческих должностях увеличивается. Молодые сотрудники чаще всего сталкиваются с отсутствием социальных гарантий, ненормированным рабочим днем (средняя продолжительность рабочей недели составляет 48 часов, в возрасте 15–19 лет, в сельской местности – 53 часа), низкой оплатой труда и неофициальным трудоустройством [4].

В сфере высоких и информационных технологий позиции молодых специалистов существенно лучше: обследование 2000 крупных фирм в данной отрасли показало, что 57% руководителей, 62% менеджеров среднего звена и 56% первоклассных специалистов (уровня заместителя руководителя) не достигли возраста 35 лет. Дифференциация заработной платы по отраслевому фактору также заметна. Наиболее высокие доходы отмечаются в областях логистики и транспорта, далее в сфере информационных технологий, средств массовой информации, культуры и спорта, энергетики, финансовых услуг и

производства; самая низкая стартовая заработная плата зафиксирована в сфере образования и медицины.

Сотрудники иностранных компаний имеют доходы выше, чем сотрудники государственных предприятий, а на коллективных и частных фирмах заработные платы ниже, чем в среднем по стране.

Согласно результатам опроса, проведенного среди студентов 26 вузов Пекина, при выборе работы основными ориентирами молодежи являются карьерные перспективы, стабильность и уровень дохода. Из рисунка 4 видно, что возможность работы по специальности и небольшие нагрузки на работе не являются решающими факторами при выборе работы. Как и во всех экономически развитых странах в Китае, крупнейшем по численности населения государстве, рынок труда играет одну из ключевых ролей. С одной стороны это основной источник заработка, социальной защищенности и материального благополучия человека. С другой – способствовать к развитию производства и росту экономики. Социально-экономические преобразования, проводимые в Китае с 1979 года, превратили КНР из отсталой, нищей страны в процветающую державу. Успех политики реформ и открытости отчасти объясняется тем, что с самого начала она была ориентирована на решение насущных для народа проблем и прежде всего проблемы занятости.

Рис. 4 Приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере
Источник: [6]

Но проводимые ранее реформы не искоренили проблемы занятости населения как таковой. В последние годы проблема занятости вновь оказалась на переднем плане, поскольку она затрудняет экономическое развитие и повышение жизненного уровня народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Изотов, Д.А, Мотрич, Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР / Изотов Д.А, Мотрич Е.Л. // Россия и АТР. – 2014. – №3. – С. 61–83
2. Классификация безработицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economicportal.ru/ponyatiya-all/klassifikaciya-bezraborticy.html>
3. Спиридонов, С.П. Обеспечение занятости экономически активного населения – необходимое условие улучшения качества жизни / С.П. Спиридонов // Век качества. – 2010. – № 1. – С.14–15.
4. Троцук, И.В., Скрынникова, М.В., Цзиньфэн Цзи Приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере и положение молодых специалистов на рынке труда КНР / И.В. Троцук, М.В. Скрынникова, Цзи Цзиньфэн // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С.41–46.
5. Чэнь, Вэй Современный Китай: проблема занятости / Вэй Чэнь // Вестник РУДН, серия Международные отношения – 2009. – № 3. – С. 61–75.
6. International labor organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_369792/lang--ru/index.htm

REFERENCES AND SOURCES

1. Izotov D.A., Motrich E.L. Demographic Challenges for the Economy of China / Izotov DA, Motrich EL // Russia and the Asia-Pacific Region. – 2014. – №3. – Pp. 61–83.
2. Classification of unemployment [Electronic resource]. – Access mode: <http://economicportal.ru/ponyatiya-all/klassifikaciya-bezraborticy.html>
3. Spiridonov S.P. Providing employment of economically active population is a necessary condition for improving the quality of life / S.P. Spiridonov // The Age of Quality. – 2010. – No. 1. – Pp.14–15.
4. Trotsuk I.V., Skrynnikova M.V., Jinfeng Ji Priorities of Chinese youth in the professional sphere and position of young specialists in the labor market in China/ I.V. Trotsuk, M.V. Skrynnikova, Ji Jinfeng // Theory and practice of social development. – 2014. – No. 12. – Pp.41–46.
5. Chen, Wei Modern China: the problem of employment / Wei Chen // Bulletin of the RUDN University, series International Relations – 2009. – No. 3. – Pp. 61–75.
6. International labor organization. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_369792/lang--ru/index.htm

Раздел 2.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ ВО ВЬЕТНАМЕ**

Section 2.

**DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES
IN VIETNAM**

INTERNATIONAL MIGRATION OF THE VIETNAMESE IN THE NEW WORLD CONTEXT: AN OVERVIEW

Nghiem Tuan Hung, Institute of World Economic and Politics, Vietnam Academy of Social Sciences

Keywords: the migration of Vietnamese, Socialist Republic of Vietnam, developing countries, differentiation, globalization.

Abstract. International migration is not a new phenomenon and the Vietnamese also has a long tradition of migration. However, Vietnam has seriously considered this issue for recent years, when new international context provide favorable conditions for international migration in general and the Vietnamese migrants in particular. This paper aims to evaluate international conditions and legal frameworks as well as outline some type of Vietnamese migrant abroad.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В НОВОМ МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ОБЗОР

Нгием Туан Хунг, Институт мировой экономики и политики Вьетнамской академии общественных наук.

Ключевые слова: миграция вьетнамцев, Социалистическая Республика Вьетнам, развивающиеся страны, дифференциация, глобализация.

Аннотация. Международная миграция – это явление не новое, и вьетнамцы имеют давнюю традицию миграции. Тем не менее Вьетнам уделяет серьезное внимание этому вопросу в последние годы, когда новые международные реалии обеспечивают благоприятные условия для международной миграции в целом и вьетнамских мигрантов в частности. Данная работа посвящена оценке международных условий и правовых рамок, а также некоторых видов вьетнамской миграции за рубеж.

Favorable conditions in the international system for migration

First, globalization of the labor market is the first important condition to promote international migration. According to Immanuel Wallerstein's World Systems Theory, migration is a natural result and also inevitable in the development process of capitalism. Accordingly, international migration has associated with the formation of capital markets in the developing countries or the penetration of capitalist economy into the market of emerging economies; at the same time, the flows of international migrant workers have been following the lines of international goods, services and capital. Globalization appears to be an inevitable trend of history, is a phenomenon that attracts the countries and other international actors into its context.

Globalization is taking place primarily in the economic sphere. This new era has created opportunities and challenges for all communities and societies around the world, reflecting the obvious link between migration and development as well

as the opportunities it provide for the development of economic conditions and society in both either sending or receiving countries. In the era of globalization, migration is changing along with the transformation of labor markets and societies which have become “more global”. The global economic system has included the OECD countries, Latin American and the Caribbean economies, parts of Africa and Asia. With the current trend of globalization, a global labor market is possible. Technological development will play an important role; knowledge-based economy will promote creativity and enhance the global markets.

Second, the development process has increased the development gap between the richest and poorest countries in the world. The number of poor people living on less than 1.25 USD per day is about 1.2 billion, which reflects an increase compared to the period the 1980s and 1990s. The most significant setback occurs in African countries because 29 of the 34 poorest countries in the world are there, where epidemics are threatening people and worsens their bad economic situation. Uneven development made unbalanced impact to the North and the South. While the United States or Western Europe continues life of wealth, the situation of some Eastern European countries seems to go down. Status differentiation is taking place in the countries of the southern hemisphere, because many countries gradually escape from poverty when dozens of countries today are poorer than 20 years ago. While China and Southeast Asia and some Latin American countries gradually get out of difficulties, many African countries sink deeper and deeper into poverty. The uneven development process has created winners and losers, billions of the poorest people are suffering the negative effects. In this situation, an obvious North – South divergence is furthering the causes related to socio-economic issues and creating conditions for international migration.

Third, despite facing many problems, many countries have policies to attract international migrants on labor demand and economic development objectives by easing legal regime, creating more favorable conditions for immigration and returnees. Many countries have carried out the immigration policy with different migration flows through the diverse entry visa system. For migrants, this is also a way to lower the operating costs for the move. Besides, many governments also sought to attract expatriates and remittances; the developing countries often seek to make use of the new initiatives to attract talents oversea. By creating the legal framework to accept dual citizenship, the developing countries are attracting an increasing numbers of immigrants and returnees. In particular, the regulation on dual citizenship benefits for migrants as they are allowed to keep their existing citizenship or be treated like real citizens. This regulation also helps migrants who maintain a feeling of closeness with their homeland.

Fourth, the end of the Cold War did not mean the end of the civil war and regional conflicts. In many developing countries, poor living condition of the people is a rude and indisputable fact. It is the poor economic conditions which create the foundation for increased violent conflict. The economic inequality and poverty is the expression for the injustice and abuse which vulnerable people suffer; that is the reason for the poor to make decision to find a safer place for their lives. It is civil war or regional conflicts that make social and economic situation in

many countries becomes difficult, and therefore, people often try to find a safe place to live and stable development.

Fifth, the revolution in communications and the strong development of multimedia communication are also a condition to encourage the phenomenon of international migrants from the Third World countries. Through the global media, the opportunities and the attractions of advanced industrialized economies are transmitted to people in developing countries, making them ready to face the challenges, risks of the exodus. Communications development also helps migrants do not feel separated from the homeland. In the era of information technology, the distance is easily blurred by the devices of modern communications. The development of transport also helps people move more easily between regions. For short distance, international migrants can choose trains or/and cars with a relatively cheap costs, whereas air traffic is growing rapidly with many airlines which have gradually increased the number of flights with reasonable routes. In addition, the competition between the airlines make, to some extent, increasingly, flight fare become cheaper. Obviously, the development of technology and transportation has become an important condition added to the driving forces of international migration.

Six, along with the process of globalization in the fields of economy and labor market, international crime organizations have emerged with many forms of activity. According to the United Nations, transnational crime will be one of the biggest problems that the world will have to face in the 21st century, like toe Cold War in the 20th century and the imperialism of the 19th century. International crime touches all areas of international relations from the social structures, political and financial systems of many countries due to the increase in the economic power of international organized crimes. The development of forms of transnational crime is one cause for the rapid increase of illegal trafficking across the border and the number of illegal migrants, especially when the migrants do not meet the minimum immigration requirements.

Finally, the emerging Globalism in both theory and practice of international relations and a change in the concept of human rights and the humanitarian assistance program can also be considered as a condition affecting the development of international migration. From the view of Globalism, the emergence and rise of global issues makes the approach to solve the problem at national level is no longer suitable; thus, a global-level approach is more appropriate; meanwhile, Globalism emphasize common interests and the necessity of non-state actors in solving the problem. Obviously, the practice of international migration today is not the issue of any individual country, and can not be addressed by single efforts. The countries have become more aware of the cooperation for migration management to exploit the benefits and minimize the drawbacks.

The emergence of international organizations at the global level, which are responsible for the management and protection of migrants with humanitarian assistance programs, is a clear evidence for the importance and the role of global governance, at least in this area. With the development of human rights, the rights of international migrants, especially legal migrant workers, are assured. ILO, IOM,

UNHCR, etc. is the international organizations of which main function is to ensure the rights of migrants, and their actual activities are more or less effective. The cooperation between the countries in securing the rights and interests of migrants in their home country, such as the right to vote, to participate in political activities, etc. or cooperation programs to facilitate immigrants is an important condition to help migrants feel safer, more secure.

Vietnam's labor export policy and legal frameworks

In order to address socio-economic difficulties and promote labor export, in September 1998, the Politburo of the Communist Party of Vietnam issued the Directive 41/CT-TW on labor export and experts. Accordingly, the labor export enterprises do not force migrant workers to pay too much deposit.

In November 9th, 1991, the Government issued Decree No. 370-HĐBT of regulation on sending laborers to work oversea for a definite time, allowing the economic organizations to be established and granted license to operate in the fields of labor exports.

In 1995, Decree 370 was replaced by the Decree 07/CP regarding to the detailed regulations of articles of the Vietnam's Labor Code related to sending laborers to work overseas for a definite time.

In 2006, the Law on Vietnamese guest workers to work abroad under contracts was officially passed by the 11th National Assembly of Vietnam (No. 72/2006/QH11 dated November 29, 2006). This Law was issued on December 12th, 2006 and took effect since July 1st, 2007. In 2007, many Decrees regarding the clarification and guidance on the Law on Vietnamese guest workers were issued, including:

- Decree 126/2007/ND-CP: Detailing and guiding the implementation of some articles of the Law.
- Decree 144/2007/ND-CP: Provisions sanctioning of administrative violations in the activities of sending Vietnam's laborers to work abroad.

There were also a number of decisions on the establishment, management and use of funds to support oversea employment. The state agency also enacted programs providing necessary knowledge for workers before going to work abroad and regulations on the organization of a specialized labor export as well as issued certificates on necessary knowledge for workers before going to work abroad.

In 2008, the Government of Vietnam approved the project "Promoting labor export, contributing to sustainable poverty reduction in the poor districts, 2009–2015", which combines the businesses supporting workers with training fees, accommodation, travel, working procedures in foreign countries for preferential credit policies.

In 2009, the Government approved the project "Assistance for poor districts to boost labor export contributing to sustainable poverty reduction in the period 2009–2020" which was implemented in 62 poor districts nationwide.

Major types of Vietnamese migrant abroad

There must be conditions under which a foreigner can immigrate to, live or operate economic activities in the territory of the country. Those conditions create different types of international migrants. Immigrants to countries usually participate into the labor market, but it does not mean that immigrants are workers only. This article uses the categorization of immigration policy of member countries of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). This sort is based on the purpose of migration.

Migration for settlement purposes: Australia, New Zealand, Canada, United States and some other developed countries in Europe are receiving countries and give migrants the right of permanent residence. Immigrants are often given the equivalent socio-economic benefits to the local population and will possibly be granted citizenship after a period of continuous residence. In these countries, the proportion of immigrants from the developing countries is very high. Most immigrants to the developed countries have to meet the standards, such as relatives already living in that country (guarantees to family reunification), qualified or skilled workers or humanitarian reasons. There is a current increasing trend of Vietnamese migrant is cross-border family relations and transnational marriages. “Although Vietnamese women have married foreigners from some 50 different countries and territories, the majority have wed South Korean and Taiwanese men. After getting married, Vietnamese brides accompany their husbands to live abroad”. Besides, “Vietnamese children are adopted by citizens of many countries around the world, especially in the 10 countries that have signed agreements on child adoption with Viet Nam (Belgium, Canada, Denmark, France, Ireland, Italy, Spain, Sweden, Switzerland and the United States).

Labor migration for economic purposes: Many countries allow foreigners to immigrate into the country with the sole purpose of labor or engage in economic activities. Typically, migrant workers are allowed to stay and work in a certain time period. These types of jobs that immigrants do is often limited. Migrant workers is usually tied to a specific job and an employer for the duration of their presence in that country. The unskilled workers are simply temporary residence and not allowed to bring relatives or family to come along. These qualified workers and skilled workers, who are long-term residents, are allowed to bring the most beloved ones, such as the wife / husband and children. For years, the country has taken the programs to develop various types of migrant workers. Besides the type of labor migration under the contract as traditional forms, there are other types such as: the trainees (foreigners) who are trained at the workplace; employers who work less than a year but more than one month per year; the ones who are allowed to work (in a certain time period) in the country when they arrive in; the ones who are working for transnational companies and often change their work place. According to a report by Ministry of Foreign Affairs, “there are currently about 500,000 Vietnamese nationals in more than 40 countries and territories, working in about 30 different types of occupations and ranging from low to highly skilled labourers and professionals.”

Migration for study and research: Many countries around the world have attracted foreigners into the educational programs and training. Number of stu-

dents who are taking courses abroad increased rapidly. Great Britain, France, United States, are the countries with the high level development of education and training and have longtime tradition in attracting foreign students. Since the 1990s, Australia, China, Japan, Singapore, Korea, etc. are newly preferred destinations for students. “As of the end of 2010, the countries hosting the most Vietnamese students were: Australia (25,000); China (13,500); France (5,500); Japan (3,500); Russia (5,000); Singapore (7,000); the United Kingdom (6,000); and the United States (12,800).

Victims of human trafficking: In recent years, the situation of trafficking in persons, especially women and children has taken place in complex and diverse ways. The nature, scale and tricks of crime are increasingly sophisticated, cunning, tightly organized. The lines of transnational human trafficking appeared in many areas at the local level, and there is close cooperation between local criminals and foreigners to put the victim through the border legally or illegally. Vietnam is one of the countries which the type of crime of trafficking in persons, especially women and children developed relatively complex, especially in the context of open and integration. “Trafficking in women and children is concentrated around certain hot-spots, such as the Viet Nam-China border provinces, which account for 65 per cent of total cases. The Viet Nam-Cambodia border areas make up an additional 10 per cent of total cases [...] Women and children are mainly sold to prostitution establishments in Cambodia; some are sold in Macau (China), Malaysia, Singapore and Thailand before being transferred to other destination countries”.

Conclusion

There are new favorable conditions adding to the driving forces of international migration. As a part of the world community, the Vietnamese has made used of those condition and moving abroad. Additionally, in order to go beyond domestic difficulties for economic growth, the Communist Party of Vietnam issued guidelines and the State of Vietnam has carried out policies to boost labor export. Those conditions and activities contribute to the diverse sort of Vietnamese’s international migration recently. Actually, this is a complex issue that must be evaluated in further studies.

REFERENCES AND SOURCES

1. Age-Sex Structure and Marital Status of the Population in Vietnam, Vietnam Population and Housing Census 2009, Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, Hanoi, 2011, 168 p.
2. Department of Overseas Labour. Compilation of Vietnamese Legal Documents on Vietnamese Workers Abroad. Labour and Social Publishing House. Hanoi, 2012.
3. Dinh Quang Ha. Spontaneous migration in Vietnam. Situations and solutions // Vietnam Journal of Social Sciences. – 2013. – No 11 (72). – Pp. 66–74.
4. International Labour Organisation (ILO). Analytical report on the international labour migration statistics database in ASEAN: Improving data collection for evidence-based policy-making. Bangkok, 2015.

5. Le Van Son. Internal labour migration in Vietnam. Vietnam Journal of Social Sciences. No 11 (74) – 2014, pp. 57–65.
6. Nguyen-Hoang, Phuong and McPeak, John G., Leaving or Staying: Inter-Provincial Migration in Vietnam. Asian and Pacific Migration Journal, Vol. 19, No. 4, 2010, pp. 473–500
7. Tran Nguyet Minh Thu. Role of spontaneous labour rural-urban migration in supporting household economy // Journal of Sociology. – 2013. – No. 2 (122).
8. World Bank. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook (Migration and Development Brief No. 26). Washington, D.C., 2016.

THE IMPACT OF MIGRATION CHILDREN ON THE HEALTH OF THE ELDERLY LEFT BEHIND

Tran Thi Truc, Lecturer at the Academy of Policy and Development, under the Ministry of Planning and Investment of Vietnam (Hanoi, Vietnam).

Keywords: Aging, migration children, the elderly's health.

Abstract. In the context of the rapid population aging of Vietnam and the insufficient social pension systems for the old people, the lives of the elderly, especially in rural areas, have greatly changed with a lot of socio-economic risks, as well as the strong rural-urban mobility trend, the study aims to investigate comprehensively the impact of the children migration on the health of the elderly left behind in terms of poor mental health, self-rated health situation, illness during the previous 12 months, the treatment sought for the most recent illness, at least one chronic disease and having health insurance. Using the Vietnam Aging Survey in the year 2011, the author hopes to shed a light on the changes in the elderly' health in the context of rapid economic development.

ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ ДЕТЕЙ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ВО ВЬЕТНАМЕ

Tran Thi Truc Тран Тхи Трук, преподаватель Академии политики и развития при Министерстве планирования и инвестиций Вьетнама (Ханой, Вьетнам).

Ключевые слова: старение, миграция детей, здоровье пожилых людей.

Аннотация. В условиях быстрого старения населения Вьетнама и недостаточно развитой социальной системы и пенсионного обеспечения пожилых людей жизнь старшего поколения, особенно в сельской местности, сильно изменилась. Возникло множество социально-экономических рисков. Целью настоящей работы является изучение комплексного воздействия миграции детей на здоровье их пожилых родителей, оставленных ими на родине. Проведенное автором в 2011 г. исследование процессов старения во Вьетнаме позволяет пролить свет на возможные изменения состояния здоровья пожилых вьетнамцев в условиях быстрого экономического развития.

Introduction

Vietnam is at the start of the rapid aging process due to some main causes namely the fertility decline as a result of the controlling policies of birth, the mortality fall caused by the improvement in people's living standard and the life-expectancy increase. In comparison with industrialized countries, the aging speed of Vietnam will be more twice higher than those of Western countries in approximately continuous four decades. Particularly, the rate of elderly (people at the age of from 60 onwards) would be double only after 30 years, while Western countries had taken from 75 to 100 years to reach this number [8]. The aging trend in combination with the fast industrialization and urbanization process made the elderly, especially the rural elderly living arrangement changing rap-

idly. Previously, the traditional multi-generation families existed commonly in rural areas, in which several generations lived together and shared economic resources with each other. However, recently this family type has significantly changed into nuclear families, especially the families of only elderly couple or grandparents living with grandchildren .

One of the main reasons making the lives of the rural elderly changed is the mobility of their children at the working age from rural to urban areas to find out economic development opportunities. In Vietnam, the migration, especially from rural to urban areas, has been sped up rapidly since 1986. According to General Office of Statistics – GSO (2012), during the period of 1999–2009, the interregional migration workers increased by 1.5 time (particularly, from 19 people per 1000 citizen in 1999 to 30 people per 1000 citizen in 2009), and this number has kept increasing recently.

There have been a number of studies of the impact of migration children on the health of the elderly left behind. Some of them showed that the children migration had a good impact on the health of the elderly left behind. Particularly, Chandore (2009) [7] studied the case of Cambodia by surveying 265 elderly aged of from 60 to 70 in Traeng and Talos communes of Battambang province, in which each individual had at least 4 children and they had at least one child migrating outside to earn for living. The author concluded that the remittance from their migration child(ren) helped the elderly left behind be likely to use the health services and seek treatment for their illness. HelpAge International in Moldova (2010) [6] did a survey in Chisinau and Balti of Moldova with the sample of 1,205 households (in which 610 households with at least one child migrating outside and 595 without any migrating child or not receiving the remittance). The study showed that the migrating children had been making the elderly worried and lonely at the present, but the remittance from the children would bring more safety to their lives in the future. Good impacts of the migrating children on the health of the elderly left behind have been also found in other studies such as Kuhn et al (2011) [10] for the case of Indonesia, Ramesh et al (2011) [9] for Thailand, Xiang Biao (2006) [11] studied for the case of China.

However, other number of studies illustrated a contrast result of that the elderly with the migrating children would be likely to have a poor health in at least one symptom of mental or physical health. Remarkably Chun-Wing Tse (2013) [1] studied for the case of Chin and discovered that the migration of children would have a negative effect on the health of the elderly left behind in terms of metal health, physical health, memory, especially they often got sick as their child(ren) migrated out. However, the study further argued that the migration of daughter(s) often had a higher impact on the elderly' health than those of son(s) because the daughter often cared much more for their parents when they were at home than the son(s), so as the daughter migrated, their parents had to suffer much more. Some other studies of Mexico, namely Antman (2010) [3], Antman (2013) [4], and Erika Arenas et al (2011) [2] also gave the same conclusion.

In Vietnam, despite of the important incidence of children internal mobility to the elderly left behind, the studies on the impact of the migration children on the

health of the elderly left behind have been thin and gloomy. Typically, the General Statistic Office of Vietnam in collaboration with the United Nations Population Fund (2005) [12] used the Migration Survey of Vietnam in the year of 2004 to analyze the impact of the migration of children on the health of the elderly left behind in terms of the migrant's support in the health improvement given to the elderly through the remittance and the migrant's assessment on the health of the elderly after the children migration. The study concluded that there were 15.8% of the migrant sending the remittance accounted for about 33.3% of the total remittance to their family member left behind for improving the health of the family members. The study discussed further that 19.3% of the migrant assessing that the health of their family member left behind was better than the period of before their migration, while 74.5% of the migrant assessing that the health of their family member left behind was unchanged. The migrant at middle age often had more positive effect on the health of the family member left behind than the migrant at young age, and the children migrating to Hanoi were more able to take care of the elderly left behind than migrating to other areas. Barbieri (2006) [8] used the Survey of Population and Housing of Vietnam in 1999 and the Survey of Household Living Standard Survey in 1998 to prove that the migration children left the elderly in rural areas in the situation of lacking of people who took care of the elderly in terms of mental and physical health.

In the context of the rapid population aging of Vietnam and the insufficient social pension systems for the old people, the lives of the elderly, especially in rural areas, have greatly changed with a lot of socio-economic risks, as well as the strong rural-urban mobility trend, the study aims to improve the existing studies and investigate comprehensively the impact of the children migration on the health of the elderly left behind in terms of poor mental health, self-rated health situation, illness during the previous 12 months, the treatment sought for the most recent illness, at least one chronic disease and having health insurance. Using the Vietnam Aging Survey in the year 2011, the author hopes to shed a light on the changes in the elderly' health in the context of rapid economic development.

The paper has been organized into four main sections, consisting of this Introduction. The data source description, methodology will be written in section 2. The results will be presented in section 3, while section 4 will express some conclusions.

Data and Methodology

Data

In order to analyse the impacts of the migrating children on the health of the elderly left behind, the study used the data from the Vietnam Aging Survey (VNAS) of 2011 [12]. The survey was conducted based on the results drawn from the Survey of Population and Housing of Vietnam in 2009, therefore, the respondents were representative for the Vietnamese aged from 50 and over living in both rural and urban areas.

VNAS 2011 [12] was surveyed for over 4000 people at the age of 50 or more. In which, there were 2,789 people aged 60 and over with 1,683 women and 1,106 men, there were 2,050 elderly living in rural areas and 739 ones living in urban areas.

VNAS 2011[12] gives the information of (1) socio-demographic characteristics, (2) household living arrangement, (3) contribution of the elderly to their families and communities, (4) housing condition, (5) the previous and present career, (6) assets, financial supports, income supports for their daily lives, (7) social lives, (8) citizen right understanding, as well as the health status of the elderly.

Methodology

The author used the invariable analysis through the tabulation to compare the difference between the health symptoms of the elderly with migration child(ren) and the elderly without migration child(ren) in terms of poor mental health, self-rated health situation, illness during the previous 12 months, the treatment sought for the most recent illness, at least one chronic disease and having health insurance.

All health terms in the paper are defined based on Ramesh et al (2011)[9] as follows:

– **Poor mental health** means the elderly experienced poor mental health during the month previous the survey, which includes i) feeling moody, ii) feeling stress iii) feeling down/unhappy, iv) feeling useless, v),feeling lonely, and vi) feeling hopeless.

– **Self-rated health** means that individuals in the survey said that their health was good or bad in the question of “How has your health been recently?”.

– **Chronic diseases** was the symptom that respondents had gotten at least one or more symptoms such as heart disease, hypertension, diabetes, stroke, cancer or paralysis.

– **Illness during the previous 12 months** means the elderly with the migrating children had gotten sick during the 12 months previous the survey.

– **Treatment sought for the most recent illness** is defined that the elderly who got sick during the five years before the survey seeking the treatment for the recent illness.

– **Health insurance** means the elderly with migrating children are able to have the health insurance.

The terms of socio-demographic characteristics and household living arrangement are determined as follows:

– **Age:** the variable can impact on the ability individuals receiving the support from migrating children in terms of remittance for health improvement. In this case, the elderly are divided into three age groups, which includes the elderly aged of from 60 to 69, those aged of from 70 to 79 and those aged from 80 or more.

– **Sex:** identifies the potential gap in the probability of receiving the support for the health between the male and female elderly.

– **The household living arrangement:** the elderly are divided into four groups, which include the elderly living with at least one child, the elderly living with spouse, the elderly living alone and others.

– **Education:** the elderly are divided into four sub-groups: (i) the first is the elderly who have not completed primary school level; (ii) the second is the elderly who have completed from the primary school level; (iii) the third is the elderly

who have finished the secondary school level and (iv) the last is the elderly who have completed from high school and over.

– **The residential regions:** in Vietnam, the residential location (urban or rural) is often significantly related to poor health situation and the place of sending the worker to urban areas. Therefore this term means the rural and urban areas.

– **The number of children:** the elderly are divided into 6 sub-groups of: (i) having no child; (ii) having one child; (iii) having two children; (iv) having three children; (v) having four children; and (vi) having five or more children.

– **Migration of children:** the elderly are divided into two groups of: (i) having at least one child migrating and (ii) the elderly not having any child migrating.

Results

The characteristics of socio-demographics and living arrangements of the elderly of Vietnam

Table 1 shows that nearly 46% of the elderly aged from 60 to 69, the elderly at the age of 70–79 accounted for about one third of the total. The female elderly rate is 57% and the majority of the elderly reside in the rural area. The elderly have two children accounted for 36% and 67.2% of those said that they live with at least one child. There are nearly 90% of the elderly having at least one child migrating, while only 17% living with their spouse. A half of them have low educational level.

Table 1.

The characteristics of socio-demographics and living arrangements of the elderly of Vietnam

Characteristics	Percent (weighted)
Age	
60–69	45.6%
70–79	31.3%
Trên 80	23.1%
Sex	
Nữ	57%
Nam	43%
Place of residence	
Rural	67.1
Urban	32.9
Number of children	
non	32.9%
One	17.5%
Two	36%
Three	6.1%
Four	5.6%
Five and more	1.9%
Mean number of children	1.3
Living arrangement	
Living with at least a child	67.2%
Living alone	5.3%

Characteristics	Percent (weighted)
Living with spouse only	17%
Others	10.5%
Migration of children	
No	17.1%
Yes	82.9%
Educational levels	
No schooling/uncompleted primary school	50.1%
Primary school	17.9%
Secondary school	16.3%
High school and over	15.7
Household income during the preceding 12 months	
Less than 10 million VND	19%
10 to less than 100,000 million VND	69.7%
More than 100,000 million VND	11.3%

Source: calculated from VNAS 2011[12]

Health situation and health-care seeking

Table 2 presents that the rate of the elderly with migration child(ren) has no poor mental health is 4% higher than their counterparts (the elderly without migration child(ren)), while the proportion of elderly without migration child(ren) having poor mental health is 4% higher than the elderly with child migrant. In addition, nearly two third of the elderly with migrant child(ren) rated their health as poor, 5% higher than those of the elderly without child migrant. In terms of chronic diseases, the rate of elderly with migration child(ren) has at least one chronic disease higher than their counterpart, particularly over 73% and about 67% respectively. The proportion of the elderly with migration child(ren) get sick in the period of 12 months previous the survey is nearly 5% higher than those of the elderly without migration child(ren), while the rate of the elderly without child migrant seeking the treatment for their recent illness is 3.8% higher than those of the elderly with migration child(ren). However, interestingly in terms of health insurance, the elderly with migration children are likely to use the health insurance than the elderly without migration children.

Table 2

Health situation and healthcare-seeking behavior among the elderly based on child(ren) migration status

Variables	Without migrant child(ren)	With migrant child(ren)	Total
Symptoms of poor mental health			
No	77%	81%	80.37%
Yes	23%	19%	19.63%
Self-rated health			
Poor	60.3%	65%	64.2%
Good	39.7%	35%	35.8%

Variables	Without migrant child(ren)	With migrant child(ren)	Total
Number of chronic diseases			
No	33.2%	26.8%	27.9%
1 disease	26%	28.7%	28.2%
2 diseases	19.2%	20.3%	20.1%
3 diseases	21.7%	24.2%	23.8%
Illness during the previous 12 months			
No	67.5%	62.7%	63.5%
Yes	32.5%	37.3%	36.5%
Treatment sought for the most recent illness+			
No	7.7%	11.5%	10.9%
Yes	92.3%	88.5%	89.1%
Health insurance			
No	33.6%	24.9%	26.4%
Yes	66.4%	75.1%	73.6%

Source: calculated from VNAS 2011[12]

Conclusion and discussion

Having compared the health symptoms of the elderly with migration children and the elderly without migration children by analysing the data from the Vietnam Aging Survey, the study investigated that the rate of the elderly with migration children having at least one poor mental health symptom is 4% lower than those of elderly without migration children. This finding is suitable with Chandore (2009) [7], due to the fact that in developing countries, the elderly in rural areas often have to take care of their children, so they are often worried if the children do not have jobs and income.

However, the proportion of elderly with migration children self-assessed their health as poor is higher than those of their counterpart, particularly, 65% of the elderly with migration children said they had poor health and the rate for the elderly without migration children is slightly over 60%. This argument is also proved in Antman (2013) [4]. This In terms of chronic diseases, the rate of elderly with migration child(ren) has at least one chronic disease higher than their counterpart. The proportion of the elderly with migration child(ren) get sick in the period of 12 months previous the survey is higher than those of the elderly without migration child(ren), while the rate of the elderly without child migrant seeking the treatment for their recent illness is higher than those of the elderly with migration child(ren). However, interestingly in terms of health insurance, the elderly with migration children are likely to use the health insurance than the elderly without migration children.

REFERENCES AND SOURCES

1. Chun-Wing Tse. Migration and Health outcomes of left-behind elderly in Rural China, 2013. [Electronic resource] // <http://ssrn.com/abstract=2440403>

2. Erika Arenas and Jenjira Yahirun. *Left Behind: The Effects of Offspring's Migration on Parental Mental Health in Mexico*, 2011.
3. Francisca M. Antman. *Adult child migration and the health of the elderly parents left behind in Mexico*, 2010.
4. Francisca M. Antman. *How Does International Migration Affect the Health of Elderly Parents Left Behind? Evidence from Mexico: Working Paper*, 2013.
5. Heckman J., R. Lalonde and J. Smith (1999). *The Economics and Econometrics of Active Labor Market Programs in A. Ashenfelter and D. Card (eds.): Handbook of Labor Economics. – Vol. 3. – Amsterdam: North-Holland.*
6. HelpAge International and UNICEF. *Staying behind: the effects of migration on older people and children in Moldova*, 2010.
7. Khuon Chandore. *Impact of migration on older age parents: Preliminary findings from two communes of Battambang province. – Cambodia*, 2010.
8. Magali Barbieri. *Doi Moi and the Elderly: Intergenerational support under the strain of reforms: Paper prepared for presentation at the 2006 Population of America Association Meeting. – Los Angeles*, 2006.
9. Ramesh Adhikari, Aree Jampaklay, Aphichat Chamrathirong. *Impact of children's migration on health and health care-seeking behavior of elderly left behind*, 2011.
10. Randall Kuhn, Bethany Everett and Rachel Silvey. *The effects of children's migration on Elderly kin's health: a counterfactual approach*, 2011.
11. Xiang Biao. *How far is the left-behind left behind? A preliminary study in rural China*, 2007. *Population, Space and Place* published online 7 December 2006 in Wiley InterScience.
12. Tổng cục Thống kê và Quỹ Dân số Liên hợp quốc. *Điều tra di cư Việt Nam năm 2004: Di dân và Sức khỏe*, 2005.

INTERNATIONAL LABOUR MIGRATION FROM VIET NAM TO OTHER ASEAN RECEIVING COUNTRIES – CURRENT ISSUES AND CHALLENGES¹

Vu Ngoc Binh, Senior Adviser, Institute for Population, Family and Children Studies (IPFCS) (Hanoi, Vietnam). E-mail: ngocbinh55@gmail.com.

Keywords: labour, migration, gender, human rights, laws, policies.

Abstract. The paper discusses the problems faced by Vietnamese migrant workers in their countries of destination, as well as the problems they face in Viet Nam in the process of migration and upon their return. The paper describes the needs, challenges and vulnerabilities of Vietnamese international migrant workers (IMWs), with an emphasis on the violations and abuses of their human rights within global and ASEAN contexts from gender and human rights perspectives, as well as the benefits and the opportunities for IMWs in terms of their financial situation, their contribution, and professional and personal development.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ВЬЕТНАМА В ДРУГИЕ СТРАНЫ АСЕАН: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Бин Ву Нгок, старший советник Института исследований проблем народонаселения, семьи и детей (Ханой, Вьетнам). E-mail: ngocbinh55@gmail.com.

Ключевые слова: трудовая миграция, гендерная проблематика, права человека, законодательство, политика.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются вьетнамские трудовые мигранты в странах – реципиентах рабочей силы и на родине в процессе миграции и после возвращения. Особое внимание уделено тем трудностям, которые встают на пути трудовых мигрантов из Вьетнама в странах АСЕАН, вопросам нарушения их прав, в том числе в гендерном аспекте, правозащитной деятельности, а также преимуществам и возможностям, которые дает миграция для улучшения финансового положения, профессионального и личностного развития.

Trends and drivers

The Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs (MOLISA) in Viet Nam estimated that there were approximately 500,000 Vietnamese men and women working on contract overseas in approximately 50 countries and territories all over

¹ Paper presented by **Mr. Vũ Ngọc Bình**, Senior Adviser, Institute for Population, Family and Children Studies, Viet Nam at the International Conference on “Migration between the Russian Federation, the Socialist Republic of Vietnam and ASEAN in the context of the new geopolitical realities and economic integration” organized by the Russian Academy of Sciences (ISPR) and the the Vietnam Academy of Social Sciences (VASS), with support from the Russian Foundation for Humanities (RFH), IOM, UNFPA and UNHCR in Ha Noi on 3 November 2016.

the world in about 30 different types of occupations and ranging from low to highly skilled labourers and professionals. The majority of them were young men and women from rural areas who obtain low-skilled employment in manufacturing, construction, fishing, agriculture, domestic work, and other service industries. Those migrant workers have made a significant contribution to the economic development of Viet Nam through remittances, providing a major source of foreign exchange income [11]. For the last 15 years, there were around 80,000–100,000 contract workers sent overseas for employment each year [9].

Tens of thousands of other migrant workers also worked for construction contractors, on overseas investment projects or as individual contract holders in other ASEAN destinations including Malaysia, Singapore, Brunei, Thailand, Lao People's Democratic Republic, and Cambodia [11]. However, it is widely accepted that the actual numbers are much higher, due to the extent of irregular migration as many men and women migrate outside legal channels. The following official figures do not include the number of undocumented/irregular migrants many of whom are women.

Table 1

**Number of Vietnamese contracted migrant workers during 2000–2015
in other countries**

Year	Number of Vietnamese contracted migrant workers	Women	Men
2000	31,500	9,065	22,435
2001	36,168	7,704	28,464
2002	46,122	10,556	35,566
2003	75,000	18,118	56,822
2004	67,447	37,741	29,706
2005	70,594	24,605	45,989
2006	78,855	27,021	51,623
2007	85,020	27,873	55,323
2008	86,990	28,598	58,392
2009	73,028	22,020	51,008
2010	85,546	28,573	56,973
2011	88,298	31,990	56,308
2012	80,320	26,784	53,536
2013	88,155	31,769	56,386
2014	106,840	40,063	66,777
2015	119,530	36,840	82,690

This is a stock estimate collected by the Department of Overseas Labour (DOLAB) in MOLISA. This technical department collects data on outflows or deployment of temporary contract-based migrant workers. Agreements between Viet Nam and these four top countries concur on the export-import of labour and establish annual quotas of migrant workers [11].

The legal status of migrant workers from Viet Nam has also become more varied, with a sizeable number employed irregularly outside the parameters of bilateral agreements and labour migration MOUs, including in Cambodia, Lao People's Democratic Republic (Lao PDR), China, Thailand, Angola, Russia and Cyprus. At the same time, there have been concerns about the rising number of Vietnamese workers overstaying their visas and therefore becoming irregular migrant workers in Republic of Korea, Taiwan and Malaysia. The irregular status of these migrants increases their vulnerability to exploitation and limits the channels available for seeking assistance. Irregular migration is punishable by fines and other sanctions in Viet Nam as well as in destination countries.

Migrant workers have driven more recent growth in the Vietnamese diaspora. The years of emigration, which date to the end of the Viet Nam War in 1975, have yielded a global diaspora estimated at 4 million in 103 countries all over the world, a small percentage of Viet Nam's estimated 2015 population of 93.45 million [15].

A choice and reasons for labour out-migration

Various factors, such as globalization, poverty, unemployment or low wages, family obligations, natural disasters or wars and internal military conflicts, limited social and economic opportunities and the desire to expand their horizons, determine labour migration in the country. Economic and social upheaval can also provide the impetus to leave. In the coming decades, demographic forces, globalization, and climate change will increase migration pressures both within and across borders.

In the past, labour migration from Viet Nam was dominated by men. The usual explanation for recent growth of female labour migration is because of gendered cultural practices and gender-based violence, or to flee abusive marriages and patriarchal traditions that limit their opportunity and freedom. Discrimination against certain groups of women – single mothers, unmarried women, widows or divorcees – also drives many to move elsewhere. For educated women unable to overcome employment discrimination in their own country, migration may offer an opportunity to find work that is more likely to better utilize their skills in the ASEAN regional integration context. However, the number of women migrating has increased steadily over the last decade though reliable data on the destinations and occupations of women and men migrating are still inadequate and many people migrate through irregular channels.

While economic factors may be key reasons for migration, state-sponsored overseas employment, historical legacy of women's mobility, and global economic restructuring ushered in Vietnamese women's migration. In addition, gender ideology and gendered practices in recruitment and deployment process in both destination countries and Viet Nam likewise trigger migration. The main destinations in Asia for Vietnamese women have been traditionally Taiwan, Malaysia, South Korea, Macao, China, Laos, Japan and Cambodia [21].

Mostly driven by economic reasons, many women go abroad, often not knowing what lies ahead. They are married or single, divorced or widows, and homosexuals, mothers and daughters, girls and older women. They are many but they are invisible as there is not enough data or sex-disaggregated statistics on migrant

women. Stories of abuse and harassment, of being trafficked into prostitution have not dissuaded others from trying their luck.

The dream of a better life after their contract overseas has kept the numbers growing. They work hard, often under conditions that are difficult and significantly different in terms of culture and work practices. At the same time, they risk separation and alienation from their families, a condition that goes against the grain of traditional Vietnamese values. It is considered sacrifice to provide a better future for the future. In addition, there have been more and more private recruitment agents, overseas employment promoters, human resource suppliers and other legal and illegal intermediaries that have greatly facilitated international female labour migration.

While most women historically migrate for marriage or family reunification, the past decades have seen an increase in women – married and unmarried – who migrate alone or in the company of other women or fellow migrants outside of their family circle. While women increasingly migrate alone or as the primary income earners, their labour migration is often under-reported. Women who migrate for the purpose of marriage, domestic work, or to work in the entertainment and sex industries are particularly vulnerable to exploitation and social isolation, as are those who are trafficked. Such problems are reinforced when those Vietnamese women do not know the language of the country they are living in or do not have access to supportive social networks or legal aid in case of need [21].

Economic contributions of migrant workers to Viet Nam and countries of destination

Migrant remittances in many countries, including Viet Nam are now more important than official development aid (ODA), and despite the global economic crisis, remain the second largest financial flow to developing countries after foreign direct investment (FDI). In 2015, the World Bank estimated that more than US\$12 billion was sent home by Vietnamese migrants, ranking the country 11th in the world in remittance inflows. This figure constitutes over six per cent of Viet Nam's annual gross domestic product (GDP), placing the economic importance of its remittances second only to the Philippines in Southeast Asia. Remittances which flow to Viet Nam are expected to continue growing despite the current global economic weakness, and in fact have jumped dramatically from US\$ 135 million in 1991 to USD 13.2 billion in 2015. However, the amount does not include cash and objects that is sent directly and does not go through the banking system [33]. For the last four years, remittances have significantly increased. From 1991 to 2014, remittances were over US\$ 90 billion, equivalent to eight per cent of GDP. It followed FDI, but was higher than ODA. In 2011, the figure was US\$9 billion, in 2012 US\$10 billion, in 2013 US \$11 billion, in 2014 US\$12 billion and last in 2015 US\$13 billion. Remittances likewise provided the much-needed cushion to the economy during the recent global financial crisis.

In 2015, the World Bank estimated that approximately US\$12 billion was sent home by Vietnamese migrants, ranking the country 11th in the world in remittance inflows. This figure constitutes over six per cent of Viet Nam's annual

GDP, placing the economic importance of its remittances second only to the Philippines in Southeast Asia.

Remittances from overseas migrants and migrant workers continue to play an important role in Viet Nam's development, as do remittances from internal migrants [24]. Every year, Vietnamese international migrant workers (IMWs) send home around US\$1.6–2 billion, though the real cash inflow from them is much higher than the official figure as there is data available on the money that comes through other official channels. At present, Viet Nam receives close to more than US\$3 billion a year from more than 30 bilateral and multilateral donor institutions and foreign assistance represents only about 15 percent of total public spending.

The positive impact of migration in the country is now well-recognized, including the opportunity for men and women to send income to family members back home, the valuable social and cultural contributions migrants make to their country, and the chance for Vietnamese IMWs to gain independence and autonomy, becoming positive role models for others [22].

The IMWs contribute to the economic and social development of their country of destination and their country of origin through their financial contributions from remittances, the improvement of their own skills and their contribution to the improvement of the education and skills of the next generation. The impacts are felt in three principal areas: financial contributions through financial and social remittances, investments by diasporas, and human capital gains when they return.

“Social remittances” – the skills, know-how, networks and other less tangible resources that IMWs contribute to their families and communities – also have a direct impact on the prospects of individuals and their extended families in achieving development targets. Therefore, there is a strong case for factoring migration into plans to achieve the Sustainable Development Goals [11].

Although not much is known about differences in remitting behaviour between male migrant workers and IMWs, some evidence suggests that the latter remit more of their income to their families than male migrants, perhaps because of gender expectations regarding family contact and filial obligations. The higher share of income that women remit appears to be the case for both international migrants and domestic migrants. When women migrate of their own account in order to increase their income, the money that they send back home has a multitude of impacts on household finances – whether on savings or on the purchase of goods and services – on the sexual division of labour and on gender relations; in addition, there is an impact on social stratification and the regional and national economy of the place of origin.

As the migrant workers constitute a significant contribution to poverty reduction and development in Viet Nam, it is essential to investigate more thoroughly the role of remittances, their use, impact and possible dependency on them, where they play a central role in the economy and the earning of foreign exchange. There is also a need to identify and assess the contribution of IMWs to the economic development of the country. It is an important oversight, one that has broad consequences not only for the women who migrate, but also for families and communities left behind [21].

Pre-departure

In pre-departure training, before signing their contracts, IMWs need to pass vocational skills and language training and pass medical check ups. All documented migrants are assumed to have been trained and educated by the recruitment agencies in Viet Nam. They also need to pass the examination and training before being able to sign contracts.

Before departure from their home country, many IMWs are however often uninformed about their rights and the obligations of their sponsors, regardless of whether they enter as family members or through labour channels. Many perceive overseas migration as the only way out of poverty or to assist relatives with education, debts or health problems and information about their rights is often considered of secondary importance. Many of them commit to working abroad without being completely aware of the conditions abroad and sometimes without knowing where to get appropriate information about working abroad. In addition, they are often poorly informed about the skills required in other countries. Many of them are only educated to junior high school level or less, with many required to obtain further training and education appropriate to the needs of overseas employers. Many set out with virtually no knowledge of the language of their destination country, and without any training for the work they are expected to do. Domestic workers from poor backgrounds, for example, will find it difficult to work in affluent homes equipped with modern household labour-saving devices.

As a result, they do not fully understand about work and life overseas and may react or behave in ways that are not compliant with the laws or cultures of the receiving countries. Consequently a large number of these workers are subjected to maltreatment, physical assault and non-payment of wages by employers. Combined with little knowledge of conditions abroad and their own rights, this means that labour migrants often choose to remain silent about abuses.

Programmes aimed at informing them of their rights would help prepare them for migration. This education and training can assist in raising an awareness of their rights. In fact, some pre-departure programmes have been implemented, mainly on private household services, as a way of upgrading the skills of IMWs. While offering skills upgrading to IMWs, it is important that training programmes not only aim to strengthen their skills in low-wage sectors, but are also offered in other areas such as language and technical skills.

Furthermore, attention should be given to the quality and affordability of such programmes as pre-departure training for IMW by some recruitment agencies² is even superficial or of poor quality. Better pre-departure training for them that will enable them to qualify for higher paid positions in receiving countries would also help diminish their vulnerability to abuse. Access to training in the

² “Recruitment agency” is an enterprise licensed to recruit and send individuals abroad for employment under contract or a state-owned non-profit organization permitted under Vietnamese law to recruit and send workers abroad under contract. The term “recruitment agency” also refers to private migrant labour recruitment companies, commonly described elsewhere as manpower agencies, placement agencies or private employment agencies.

language of the receiving country is particularly important for the economic success of women and their ability to access jobs in the formal economy. In turn, employment in the formal economy is likely to help them avoid exploitation at the workplace. An adequate level of education and training is crucial in providing protection for labour migrants abroad. When IMWs are placed overseas, they can encounter a number of situations that they need to be able to handle in order to successfully complete their contract. This includes familiarizing themselves with the local culture and working conditions, language skills, awareness of their rights and particular skills needed to carry out the work tasks. Many of them expect to benefit significantly from migration.

Vulnerabilities to discrimination, exploitation and abuse in receiving countries

Labour migration from Viet Nam is mostly on fixed term contracts representing temporary migration. Female labour migration is not the exception as it involves mostly less skilled workers, with most IMWs engaged in jobs that are concentrated at the bottom of the employment ladder. A large number of them are found in agriculture, construction, labour-intensive manufacturing and cleaning services. For many of them, domestic work is one of the primary employment opportunities available in the global labour market.

Like internal migration within Viet Nam, IMWs in other countries also tend to work in sex-segregated sectors. Women typically work as domestic workers within households, as workers in factories manufacturing garments or electronics, or in agriculture.

Though the gender structure of labour migration from Viet Nam was characterized by a predominance of males in the past, the number of IMWs is increasing while their protection and empowerment has been rather neglected in reality. Their specific rights and needs have not received a great deal of attention and have not been well institutionalized in policy, law and related service provision. More than male migrant workers, IMWs are particularly vulnerable to multiple violations based on their gender and their status. Gender-based discrimination and limited work options due to low skill levels contribute greatly to this situation. Many IMWs find it difficult to earn enough money due to the excessive pre-departure costs. Human trafficking has been closely associated with people seeking better employment opportunities and government agencies are placing increasing priority on combating unsafe migration and on counter trafficking.

Several distinct categories of IMWs migrate for work purposes, differentiated by their skills, the permanence of their residence in the host country and their legal status. At the lower end of the skills spectrum, they pick fruits and vegetables, manufacture garments and other items, process meat and poultry, work as nursing home and hospital aides, clean restaurants and hotels and provide a myriad of other services. Many IMWs end up at the lower end of the job market. Considered as second class citizens, often relegated to 3D (dirty, dangerous, difficult) jobs in their countries of destination, they are particularly vulnerable to violence and sexual abuse, especially that work as indentured servants, domestic workers,

and sex workers and mostly migrating alone, they are more susceptible to incidences of rape, physical and mental abuse, economic hardships, health hazards, discrimination, and labour inequalities.

Migration can be a positive and empowering experience for many international migrant workers themselves – women as well as men, and for both the home and host societies, as it leads to a better life, to improvement of their economic and social position, and the labour migration process can enhance their earning opportunities, autonomy and empowerment. But for many IMWs, the reality is discrimination, marginalization, exploitation and abuse.

They experience these problems differently from men, and face additional risks related to their gender, including gender-based violence. This disadvantage is grounded in gender inequality and gender stereotypes, and exacerbated for IMWs in the informal sector due to little or no legal protection. They are particularly vulnerable to multiple violations based on their gender and their status. They may be victims of violence at home, within their families, in their hosting communities and as migrant workers. Those women can be especially vulnerable to abuse in destination countries due to the gendered patterns of employment in private households as care-givers and nursing assistants, and there are reports of unethical practices by recruitment agencies and employers in those receiving countries. In many contexts, their rights are frequently violated, often with impunity. Continued discrimination, violence and exploitation of IMWs drain economic resources and impede productivity and economic growth. But most importantly, they are gross violations of women's human rights.

Simply as females, often IMWs face disproportionate obstacles and risks, including discrimination in all stages of migration. Poor and unskilled international migrant workers, both women and men face more challenges and problems, and their problems start right at the recruitment stage when they frequently fall prey to corrupt and illegal employment agents, to be vulnerable to incomplete or deceitful information by recruiters, to contract substitution, to excessive fees and to the promise of non-existing jobs. Outside of the “regulated” labour migration, a large and growing undocumented flow is managed by illegal agents or “snake-heads” or smugglers who recruit potential migrants, targeting migrants from communities. Many potential IMWs are then provided with forged documents and transported to transit stops, and then to the intended country of destination. There are many reports of unethical and illicit or unlawful practices by recruitment agencies and employers.

Currently, there is no effective system in place to protect their rights of those IMWs, especially in receiving countries. From the time they leave Viet Nam to the time they reintegrate into their societies, those IMWs are faced with challenges not often encountered by their compatriots who stay behind. They are often vulnerable to abusive, poor and unacceptably harsh working/living conditions, required to work long hours, lack social security and health protection, and experience maltreatment and violence. Cases of false or misleading contracts or contract violation/substitution have frequently been reported. Other major problems also include delayed or non-payment of salaries/wages, immigration docu-

ment-related problems, and health/medical problems. Another unfortunate trend in some destination countries is the denial of entry to workers on the basis of HIV/AIDS tests. Such tests are mainly done for purposes of exclusion, and not for the benefit of IMWs, who often are not even informed of the results.

Although many IMWs experience good working conditions in their destination countries, they are at higher risk of discrimination, exploitation and abuse than male migrants or other female workers. Whether they are labour migrants, family migrants, trafficked persons or refugees, they face the triple burden of being female, foreign and, often, working in dangerous occupations. They are outside their own countries, but they may not be entitled to the full range of protections afforded by the host country to its citizens. In addition, it is important to keep in mind that gender intersects with race, ethnicity and religion and can result in differential access to opportunities – among women as well as between women and men. Since many of them are of a different race, ethnicity and religion than their host population, they may face additional discrimination on those bases.

Migration can profoundly affect the health and well-being of both stay at home and migrating women. Determining the extent to which women's health is affected is complex. It involves an interaction of broader determinants of health (including access to health-care services) and the types of illnesses to which they are exposed. Those factors are, in turn, affected by the ways in which they migrate and their legal status. WMWs who work in hazardous jobs face occupational health problems. For example, unprotected exposure to pesticides has led to increased pregnancy-related complications, including miscarriages, among IMWs in agriculture. Lack of healthy, regulated working conditions in manufacturing enterprises and/or the garment industry may cause IMWs to experience occupational health concerns. Mental health problems, such as depression, may result from the traumas that accompany migration.

The widespread and illegal practice of confiscation of passports and identity papers by employers constitutes an added infringement to the freedom of employees. This is a practice that restricts worker mobility in a major way since it ties the worker to the same employer. IMWs without proper documentation, a common occurrence when employers take their workers' documents upon arrival, are often subject to penalties. Regulations require foreign migrant workers to carry their original documentation at all times. If they do not carry appropriate documentation, IMWs are subject to arrest and deportation. In other countries, IMWs are unable to receive medical attention without the proper documentation. Some countries give IMWs only single entry visas, making it impossible for women to return home for holidays.

Furthermore, IMWs move between two cultures, that of their home country, and that of the receiving country. For them, adjustment to the new culture can be a difficult process. Barriers to successful adjustment include those within the host society as well as individual or personal ones. Among the former are racial intolerance and sexual and cultural discrimination against foreign women. Many migrants are of a different race from the majority of the population of their new country. IMWs may face the dual problem of racial and sexual discrimination in

seeking employment, training or otherwise participating in the activities of the new country.

Different values, norms and customs, and usually languages, usually cause them psychosocial stress, and often contribute to marginalization and discrimination against themselves in the host society. Added to this is another phenomenon present in the host country, even more so when there is no experience of large-scale immigration: xenophobia and racism. As regards gender, it has been stressed that IMWs face multiple forms of discrimination, in that the factors of class, race/ethnicity, and legal status intersect with their status as women.

The global economic and financial crisis has exacerbated the vulnerability of IMWs. They are frequent targets of hate speech, harassment and violence. They are unfairly blamed for crime and economic difficulties, and are subjected to widespread discrimination. Many countries of destination have tightened restrictions on migration and adopted stronger measures to combat irregular migration. Such measures can increase the risk of exploitation and abuse. They may also reinforce the impression that migrants are partly to blame for the effects of the crisis, fuelling anti-immigrant and xenophobic attitudes. There is also an increasing global trend to frame migration policies solely within a security and border control framework. This is exacerbated by policies which criminalise irregular migrants, and subject them to administrative detention regimes which are punitive in nature and often lack adequate safeguards. Vulnerable IMWs can be detained for months and even years in immigration detention, in overcrowded and unsanitary conditions. In many countries of destination, labour laws often ignore or explicitly exclude domestic work and workers in ways that contribute to exploitative labour practices and limit avenues for legal redress in cases of violations.

Despite substantial contributions with billions of dollars in cash and services to both their families at home and communities abroad, their needs continue to be overlooked and ignored, and policymakers continue to disregard both their contributions and their vulnerability – even though they tend to send a much higher proportion of their lower earnings back home than their male counterparts.

At the same time, poor and unskilled overseas migrant workers face many similar kinds of problems and rights violations throughout the migration process. Violations include exploitative recruitment and job placement fees, deception about the type of job, contract substitution and other contract violations, low wages, or dismissal and deportation if they are undocumented, pregnant or socially stigmatized if they contract HIV/AIDS.

In receiving countries, many IMWs experience discrimination in the labour market and find themselves in a situation of ‘brain waste’, when they have to take jobs for which they are over-qualified. Many are professionals who take on jobs that do not utilize their full potential. There is often a downgrading or waste of human capital and deskilling; IMWs often take up jobs mismatched with their educational or skill qualifications. As with male migrants, professional women may find that their credentials are not recognized or valued in the new country. For better income but lower status abroad, the women understate their qualifications in order to secure a job abroad.

Several distinct categories of IMWs migrate for work purposes, differentiated by their skills, the permanence of their residence in the host country and their legal status. Others are recruited into woman-specific skilled and unskilled jobs in the formal and informal service and manufacturing sectors.

As strangers to a society, many IMWs are frequently unfamiliar with the national language, laws, customs and practice, and may lack social networks to rely on. They are usually recruited for work and then excluded from the community without knowledge of resources that may help them combat the abuse and inequality they may face. This makes them less able than others to know and assert their rights. Human rights violations against them, including denial of access to fundamental economic and social rights such as the right to education or the right to health, are often closely linked to discriminatory laws and practice, and to deep-seated attitudes of prejudice and xenophobia against WMWs. Irregular IMWs are particularly vulnerable, and their invisibility in society often means that they are unable to report such abuses.

Exploitation exists where, for example, such treatment incurs very serious pecuniary or other consequences; IMWs are specifically subjected to unacceptably harsh working and living conditions or are faced with dangers to their personal security or life; they have transfers of earnings imposed on them without their voluntary consent; they are enticed into employment under false pretences; they suffer degrading treatment or are abused or forced into prostitution; they are made to sign employment contracts by go-betweens who know the contracts will generally not be honoured upon commencement of employment; they have their passports or other identity documents confiscated; they are dismissed or blacklisted when they join or establish workers' organizations; they suffer deductions from wages without their voluntary consent which they can recuperate only if they return to their country of origin; they are summarily expelled as a means to deprive them of their rights arising out of past employment, stay or status.

IMWs' legal status is an important factor influencing the ease with which they will be able to protect themselves from exploitation. Immigrants admitted legally for permanent residence generally enjoy all the rights of other residents. Those who move within regions as temporary contract labourers often have rights that are more restrictive. They may be required to leave if they complain about wages or working conditions. Those who enter without authorization or documentation, who are ineligible for any legal status, are in a still more precarious state, unable to work legally or to access services. In some countries, legislation allows women migrant workers to be transferred from one sponsor to another for payment. The practice often subjects women to different jobs and conditions than they had agreed upon when they migrated. IMWs who work for employers who are immune from criminal penalties in the host country may find it impossible to seek remedies for abuses at the hands of those employers.

Current interventions in countries of destination are usually embedded in market-oriented, morality, law and order, national security/sovereignty paradigms marked by class, gender, ethnic, and nationality biases. They are restrictive, punitive and violating human rights.

Vietnamese IMWs are primarily located in some certain receiving countries that are known for their restrictive policies on women and even so for IMWs. Like most destination countries, they have not acceded to the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families (ICMW) and ILO Convention 189 but are signatories to the International Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW). Countries with shortage of brides also become pull factors in Vietnamese women's migration. Marriage migration and the au pair system are examples of this. This could potentially result in trafficking and illegal recruitment.

Emerging problems at home during IMWs' absence

In Viet Nam, when men migrate, leaving their families behind, there appears to be evidence that the women-headed households adjust rapidly to the situation. Women continue their usual activities, but they also take on new roles in the absence of their spouses. Men retain their role as breadwinner, albeit at a distance. Little information is available on the reintegration process when men return, tensions are likely to arise as women and children readjust to their presence. By contrast, women's migration results in more profound changes in family relationships. The migration of women who are young affects their life cycle trajectories, for example, they may delay marriage and having children. Men do not necessarily take up new domestic roles although some become full-time caregivers. They often continue to work for pay outside the home. Grandmothers, older daughters or other family members typically assume responsibility for childcare and other household activities. Sometimes the children are left behind because the working conditions for the women preclude their having accompanying family members or they have no access to childcare. In Viet Nam, caring for women migrant workers' children is normally the responsibility of other women in the family (grandmothers, sisters, older daughters). Without their contribution, it would not be possible for the women to migrate. The children are left with grandparents or other relatives also because the parents prefer a more traditional environment for the children. The impact on the migrating mother who leaves family behind is hard to quantify, but it is likely to involve emotional and social costs which can be a traumatic experience for both the women and their families. The migration of mothers can have a more severe impact on children left behind than the migration of fathers. Children are found to drop out of school or have poor grades, have emotional problems, be drawn into substance abuse, be forced to enter the labour force early, suffer physical or sexual abuse.

When women migrate for work overseas, the families who are left behind also have their share of suffering, not just because of anxiety over loved ones abroad, but also in terms of family displacements and juvenile delinquency. Separated spouses form other relationships that may eventually break up homes and families. In addition to a cold reception from family members, who have been estranged from their over long periods, when they return, IMWs often suffer suspicion and hostility on the part of their home community, loneliness and anxiety over the families back home. Those in risky occupations like domestic helpers.

Frequently also experience physical and/or sexual abuse and serious attacks on their reputation, self-esteem and morale.

There is also an impact on IMWs' children themselves who remain behind with other family members in the country. Some of the pertinent questions are: how does the greater income from remittances sent by mothers offset their physical, and sometimes, emotional absence?; what is the impact on educational opportunities and performance of sons and daughters?; and is there an increased likelihood that they themselves will migrate?

Domestic work and other informal sectors

WMWs in the informal sector may be particularly at risk of isolation or harassment, while those in the formal sector may be particularly vulnerable to poor working conditions. Moreover, as the interest in benefiting from economic opportunities in other countries increases, especially from the rural poor who are unable to afford the fees, the possibility of an increase in illegal migration and trafficking also rises. Poor women in particular are vulnerable to being trafficked through illegitimate labour export companies.

Many Vietnamese IMWs work in the private sphere as domestic workers – a group that needs special attention and protection. Once they have reached the home of their new employer, such women are often engaged in poorly remunerated labour that isolates them and places them in a subordinate position in a private realm, exposing them to the expropriation of their economic gain. Their common experiences include low wages, long working hours, no time off, loneliness, verbal abuse, being forced to wear uniforms and act in roles of servitude, heavy work demands, homesickness, the denial of a family life of one's own, racism, and vulnerability to sexual abuse and HIV. They are often hired without written contracts or with contracts in languages they cannot understand. Their passports may be retained by their employer or recruitment agent. In some situations they are denied any free time and are forbidden from leaving their place of work without the permission of the household that employs them. They may also be subjected to physical, psychological and sexual abuse. They may be employed outside of the home in family businesses within ethnic enclaves, and may not be paid a salary for such work, but they are nevertheless contributing to the economic viability of the family enterprise. Working in such situations has disadvantages, particularly for IMWs who do not speak the language of the host country. It also presents opportunities for abuse, however, since there is little if any regulation of the working conditions.

Many IMWs work as domestic workers in unregulated informal sectors that do not fall under national labour laws. On arrival in their host countries their problems often multiply: many of them are saddled with huge debts; they find themselves without legal papers and with no jobs; employers frequently withhold their passports; many are prevented from moving freely outside the house in which they work; their working hours are often ill-defined and very long, with very few days off; salaries are sometimes non-existent and often are low and paid erratically; their living conditions are unsanitary and degrading; they have no social security

protection; and many suffer psychological, physical and sexual abuse and harassment. Others routinely lack access to social services and legal protection and are subjected to abuses such as harsh working conditions, low wages, illegal withholding of wages and premature termination of employment. The worst abuses force women into sexual slavery. These risks and vulnerabilities are further aggravated because they may fear deportation if they contact State authorities to seek protection from an abusive employer.

Some domestic workers may find responsible employers, who treat them well, pay them regularly and ensure appropriate working conditions – those workers fuel the widespread perception in their home communities of lucrative and exciting jobs abroad. Unfortunately, finding recent work is often a matter of luck and is not guaranteed, and those who are not so fortunate may risk becoming trapped in highly exploitative situations with few exit options.

Domestic service is a common occupation for many IMWs. They may migrate through official contract labour programmes that match workers and employers, or they may obtain such employment after migrating, often through informal networks. In some countries, many IMWs are admitted as temporary workers, and they are granted work authorization for specified periods. They have no right to remain in the destination country beyond the period of authorized employment. As domestic workers and sex workers, they suffer gross human rights violations as they are vulnerable to abusive working conditions, they are required to work long hours, they experience non-payment or deferred payment of salary, they lack social security and health protection, and they experience maltreatment and violence. As women, they are particularly vulnerable to violence and sexual abuse, especially that work as indentured servants, domestic workers, and sexual workers and mostly migrating alone, they are more susceptible to incidences of rape, physical and mental abuse, economic hardships, health hazards, discrimination, and labour inequalities. Those low-wage unskilled workers usually cannot afford to maintain their families in their countries of employment.

Growth in irregular/undocumented migration

Unauthorized IMWs can be found in almost as diverse a range of jobs and industries as authorized workers, with agricultural and food processing jobs light manufacturing and service jobs being the most common types of employment. Unauthorized IMWs are also smuggled into countries by professional traffickers. While some IMWs know and accept the expectations of the traffickers, many others have been recruited to work in legitimate occupations and then find themselves trapped into forced prostitution, marriages, domestic work, sweatshops and other forms of exploitation.

The most alarming development in the migration process in terms of its impact on the protection of migrants' rights is the rising share of "undocumented migration" – commonly referred to as "illegal", "irregular" or "clandestine" migration. Since these migrant workers have no legal status in the host countries, their rights are subject to abusive conditions under the threat of repatriation. Incidents of abuse are widespread, but estimating their prevalence is difficult given the lack

of reporting mechanisms and restrictions on the freedom of movement of domestic workers. Never the less, Vietnamese embassies and consulates in countries of destination receive many such complaints per years. The authorities do not have a full account of the number of Vietnamese citizens cheated by individuals or organisations seeking overseas jobs using tourist visas.

The main causes of undocumented migration from Viet Nam are: extreme poverty and unemployment problems resulting in acute emigration pressures; restrictive immigration policies in labour-shortage receiving countries; cumbersome and costly official bureaucratic procedures which push potential migrants into informal and irregular channels; ineffective border controls in some receiving countries; malpractices of private recruitment agencies, and activities of criminal gangs and traffickers.

Crackdowns on undocumented workers, incarceration, deportations, caning of undocumented workers are being reported. This does not necessarily reduce irregular flows, but prompts more risky movement.

The situation of undocumented IMWs is another matter of concern as “illegal” women workers. They courageously leave all that is familiar to them to face unknown risks. They are especially vulnerable to deprivation, hardship, discrimination and abuse. They face discrimination owing to their status as to migrants as well as to their status as women. They have limited access to employment and generally earn less than men and native-born women. Legally, many of them vulnerable if their residence is dependent upon a relationship with a citizen or “primary migrant”.

Return

Reintegration is also often difficult for IMWs because they often return to unstable families, due to the fact that in their absence the family failed to take over domestic duties. Some women suffer forms of stigmatization from their families upon return if they have suffered exploitation or abuse abroad and often no redress is available. There is often also no protection against reprisal from exploitative recruiting agents.

Often there is a lack of control over income and remittances. Some employers send women’s wages directly to husbands or fathers in Viet Nam. Even women who receive their salaries often send them to their husbands. There is no guarantee that, upon return, WMWs will be able to enjoy the use of their savings, or that they will not be deprived of their savings/assets in the instance of divorce, desertion or spousal death.

All too often, throughout the migration cycle, IMWs encounter the denial of their rights, exclusion from labour and social protections and a lack of legal assistance. Many migrant workers consistently lack access to justice, especially where they have suffered human rights violations and need to remain in countries of destination to seek redress. When IMWs can access justice at all, it generally takes the form of either 1) access to assistance from Vietnamese representative missions in the destination country, and/or 2) access to redress upon return home.

Through increased understanding of the process for lodging complaints, and the obstacles to access and just outcomes that occur for IMWs attempting to navigate the system, policy-makers, service providers, non-governmental organizations and employers will be better able to make informed adaptations of policies and programmes. In fact, the complaint mechanisms available for IMWs in Viet Nam are complex and often inadequate. Challenges remain in providing for fair hearing and resolution of grievances. Coordination with the criminal system and judiciary branch is not clearly defined in law, and the investigation of brokers remains difficult within the framework of the mechanisms available. Much needs to be done to improve the effectiveness, expand the coverage and strengthen the complaint mechanisms available to migrant workers as part of efforts to make the recruitment process safer. This includes evaluating the compensation process for complainants and punitive actions taken against recruitment malpractice. Complaints relating to the recruitment of IMWs have been documented, but few studies have been able to review the data related to outcomes of complaints and bring together interview research with legal analysis [4].

The need for data collection, research, monitoring, gender-responsive and rights-based laws and policies

At present in Viet Nam, there are no comprehensive figures on labour migration available and generally the issue of labour migration from Viet Nam has been the subject of limited research only in recent years. National official statistics on labour migration from Viet Nam has been recently in place and a dearth of data on migrant workers makes it difficult to assess the full implications of migration and mobility for women. Data on international migration are lacking in terms of availability, quality and comparability. Statistics on international migration are far from reaching universal coverage and are often published without a classification by sex and age though government agencies collect data as part of their administrative management of migration. Data on certain categories of migrants, for example those who cross borders without the authorization of host countries, are particularly difficult to collect. Many of these migrants without legal status are fearful of stepping forward for censuses and surveys. Quantifying the scale of the movement, however, is made difficult by the limited information on the movements to and from the country, and the fact that there are substantial undocumented flows in and out of Viet Nam. Often the data on departures from the country do not match the data on entry into countries of destination, but it is difficult to determine the reasons for the disparities.

Recent efforts and actions

In recent years, the issue of international labour migration is taking on greater importance in Viet Nam and “labour exporting” has been considered as a major national policy for the past few years. Identified in the recent National Social and Economic Development Plans as a solution to unemployment, labour export is not only seen as a source of income generation but also job creation, foreign exchange, and a way to improve economic, cultural, science, and technology

relation between Viet Nam and destination countries, given increasing importance in the future as a way of poverty reduction and a family survival strategy (World Bank and MPI 2016). Viet Nam also currently views “labour export” as a cost-free way of getting its workers trained in both technical and foreign language skills while “labour exporting” is lucrative for the country and the foreign partners who will have access to cheap labour, but also for Vietnamese international migrant workers who will earn higher income overseas. The 62 poorest districts have been encouraged to send their people for overseas employment [12].

Like other sending countries, Viet Nam however is generally confronted with the dilemma between the promotion of labour emigration and the protection of their national workers abroad, the safety and welfare of the Vietnamese migrant workers are now a source of increasing concern to their National Assembly and the Government, both as a practical and a political necessity, with recent efforts in strengthening their protection.

The Law on Vietnamese Guest Contract Workers was passed in 2006 with its accompanying implementation guidelines to promote and better regulate such “labour exporting” companies and make overseas work contracts and fees more transparent, as well as to restrict the number of workers taking illegal jobs abroad for higher pay, and address international community concerns over a lack of worker protections afforded to Vietnamese international migrant workers [21].

At present, all laws and policies concerning international labour migration are being reviewed to strengthen the protection and promotion of the rights of Vietnamese international migrant workers.

Significant efforts are being made to develop a strong legal and policy framework for sending workers abroad, addressing the regulation of labour sending enterprises, the provision of pre-departure orientation training for workers and protections in cases of contract and rights violations [32]. The Labour Code which has been recently revised again has provisions that allow workers to negotiate settlements from labour export companies in cases of fraud or abuse, although precise statistics on these actions is not available.

In Viet Nam a legal aid system was set up in 1997 to ensure the rights to access to legal aid, in particularly for the most poor and vulnerable. A number of legal aid providers exist, including a National Legal Aid Agency (NLAA) under the Ministry of Justice (MOJ), and provincial legal aid centres (PLACs) under the provincial departments of justice. Despite these developments, the system needs to be considerably improved, both through the legal framework in which it operates, and in regards to its implementation including the capacity of providers to reach target groups. The 2006 Law on Legal Aid lists categories of people who are eligible for legal aid. However, migrant workers are not explicitly mentioned on the list of legal aid beneficiaries which includes (a) poor people; (b) people with meritorious services to the revolution; (c) lonely elderly people, disabled people and helpless children, and (d) ethnic minority people permanently residing in areas with exceptionally difficult socio-economic conditions. Given that many international migrant workers are among Viet Nam’s most poor and vulnerable, there is an urgent need to discuss how they can access legal support.

Making access to justice a reality also involves dedicating human and financial resources to build capacity and increase awareness on multiple issues, including gender, of all relevant stakeholders and actors. Ultimately, access to justice goes beyond ensuring the right to make legal claims in courts and tribunals. It involves the economic, socio-cultural, political and personal empowerment of migrant workers.

Several government ministries have a role in labour migration, of which the Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs (MOLISA) and its Department for Overseas Labour (DOLAB) administers the international labour migration programme. MOLISA has stationed more labour attaches or labour management boards in the key receiving countries to look after the welfare of migrant workers or to assist in resolving workplace disputes [13].

The National Assembly and the Government have also increased their oversight of recruitment practices, pre-departure orientation/training, agency fee, deposit for labour export companies, and the role and responsibilities of relevant ministries, and imposed penalties and sanctions against companies and agencies that violated labour laws or regulations. Efforts to enhance research and analysis on the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families have been initially promoted. The possibility of ratifying this human rights convention has been initially discussed³ [28].

Recommendations for actions to be undertaken by relevant government agencies and other organizations

- Strengthen and engender the knowledge base on labour migration through data collection, research and dissemination of good practices to inform policy and strategy development;
- Mainstream gender-related migration concerns into national development plans, policies and strategies; and advocacy for policy/legal and institutional reforms as per international human rights standards;
- Research and disseminate good practices to inform policy and strategy development.
- Advocate for policy and legal reforms that empower, protect IMWs and reduce their vulnerabilities;
- Strengthen laws, policies, regulations, procedures and practices on recruitment of IMWs for overseas deployment, and on the protection of rights and the handling of rights violation, including a right to access to justice for IMWs;

³ Viet Nam has ratified the following related international human rights: the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW), the International Covenant on Civil and Political Rights, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the International Covenant on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, the Convention on the Rights of the Child and its two optional protocols. Viet Nam has also ratified the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and 21 ILO conventions, including five core conventions (P. 29, 100, 111, 138, 182) and three governance conventions (P. 81, 122, 144).

- Curb illegal recruitment, trafficking and irregular migration and promote regulation of recruitment;
 - Promote dialogue and partnerships between government agencies, NGOs, the private sector and other stakeholders through national consultations to exchange learnings and build consensus on key issues and to address national multi-sectoral dimensions of migration and to ensure ownership and sustainability of initiatives; promote regulation of recruitment;
 - Facilitate training and service provision for potential IMWs from the pre-recruitment to reintegration stage to diminish their vulnerability to abuse and exploitation, using CEDAW General Recommendation No. 26 as basis for the pre-employment to reintegration programmes and practices;
 - Provide legal, educational and social outreach to IMWs and raise awareness of the issues and change perceptions among them, other key stakeholders and the general public;
 - Encourage IMWs themselves to build up their own support structures and networks;
 - Strengthen IMWs' capacity to control and use their savings and remittances as they wish and to deal with family issues surrounding migration;
 - Scale up and expand government's pre-employment orientation programmes via social media and mobile application. Potentially, this can prevent illegal recruitment and trafficking and result in informed decisions to migrate.
 - Train and involve NGOs more fully and effectively, in activities such as providing pre-departure orientations, networking, and spreading information about protection of IMWs;
 - Raise awareness and training embassy personnel, immigration officials, trade unionists on rights and gender.
 - Establish an accessible and straightforward grievance redress mechanism for IMWs;
 - Guarantee the availability and access to timely and effective redress mechanisms and legal remedies for IMWs;
 - Ensure that complaint mechanisms are responsive to the vulnerability of IMWs;
 - Strengthen the complaint redress mechanisms and legal assistance systems for addressing the needs of IMWs who seek redress and access to justice;
 - Explore dispute resolutions, mediation, and other alternative dispute settlement mechanisms before administrative or judicial litigation processes;
 - Adopt state measures to protect IMWs, including those in irregular situations, against all forms of discrimination and violence;
 - Standardize and regulate the administrative mediation procedures;
 - Support the development of "one-stop" service centre like the Migration Resource Centres (MRC) for migrant workers that facilitates access to complaint mechanisms and assistance, including through interpretation and free legal counseling/referral;
 - Ensure that complaint redress services are accessible to all IMWs and use new, web-based technology;

- Promote dialogue and partnerships between government agencies, NGOs, the private sector and other stakeholders through national and sub-national consultations to exchange experiences, good practices and build consensus on key issues on access to justice;
 - Ensure and strengthen the roles of labour attaches and embassies officials to include support services on complaint mechanisms and procedures for IMWs; and
 - Promote inter-country trade unions collaboration to support IMWs in case of complaints.

REFERENCES AND SOURCES

1. Asia-Pacific Forum. Promotion and Protecting the Rights of Migrant Workers – the Role of National Human Rights Institutions. – Sydney, 2012.
2. CEDAW Committee. General Recommendation No. 26 on Women Migrant Workers. – Geneva, 2009.
3. Department of Overseas Labour (DOLAB). Compilation of Vietnamese Legal Documents on Vietnamese Workers Abroad. Labour and Social Publishing House. – Hanoi, 2012.
4. Institute of Labour Science and Social Affairs (ILSSA). Policy Report of the Situation of Returning Migrant Workers in Viet Nam. – Hanoi, 2011.
5. International Labour Organisation (ILO). ILO Multilateral Framework on Labour Migration. Non-binding principles and guidelines for a rights-based approach to labour migration. – Geneva, 2006.
6. International Labour Organisation (ILO). International Standards on Migrant Workers' Rights: Guide for Policy Makers and Practitioners in Asia and the Pacific. – Bangkok, 2007.
7. International Labour Organisation (ILO). Gender and Labour Migration in Asia. – Geneva, 2009.
8. International Labour Organisation (ILO). International labour migration – a rights-based approach. – Geneva, 2010.
9. International Labour Organisation (ILO). Analytical report on the international labour migration statistics database in ASEAN: Improving data collection for evidence-based policy-making. – Bangkok, 2015.
10. Ministry of Foreign Affairs (MOFA). Viet Nam Migration Profile. – Hanoi, 2011.
11. Ministry of Foreign Affairs (MOFA). Review of Vietnamese Migration Abroad. – Hanoi, 2012.
12. Ministry of Foreign Affairs (MOFA). Viet Nam Migration Profile 2015. – Hanoi, 2016.
13. Ministry of Planning and Investment (MPI). Socio-Economic Development Strategy 2011–2020. – Hanoi, 2010.
14. UN Women and FES. Gender Dimensions of the ASEAN Economic Community. – Bangkok, 2015.
15. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA). World population prospects: The 2015 revision. New York, 2015. [Electronic resource] // <http://esa.un.org/unpd/wpp/>.

16. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP). Asia-Pacific Migration Report 2015 Migrants' Contributions to Development. – Bangkok, 2015.

17. United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN Women). Gender, Migration and Development – Emerging Trends and Issues in East and South-East Asia. – Bangkok, 2011.

18. United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN Women). Gender-sensitive legal mechanisms and access to justice for women migrant workers (Phnom Penh, Cambodia. Presentation delivered at the Regional Conference on Human Rights Instruments, International Labour Standards and Women Migrant Workers' Rights, UN Women and the Royal Government of Cambodia, in collaboration with the ILO). – Bangkok, 2012.

19. United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN Women). Progress of the World's Women 2015–2016: Transforming Economies, Realizing Rights. – New York, 2015.

20. United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN Women). Towards Gender Equality in Viet Nam: Making Inclusive Growth Work for Women. – Hanoi, 2016.

21. United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN Women) and the Department of Overseas Labour (DOLAB). Women in International Labour Migration from Viet Nam: A Situation Analysis. – Hanoi, 2012.

22. United Nations in Viet Nam. Viet Nam Common Country Assessment 2015. – Hanoi, 2015.

23. United Nations International Research and Training Institute for the Advancement of Women (UN-INSTRAW) and the United Nations Development Programme (UNDP) // Migration, Remittances and Gender-Responsive Local Development. – Santo Domingo, 2010.

24. United Nations-Government of Viet Nam Joint Programme on Gender Equality Viet Nam. Gender and Remittances from Internal Migrants. Evidence from a Survey in Hanoi. – Hanoi, 2011.

25. Vu Ngoc Binh. Compilation of international standards and ASEAN instruments related to the protection and promotion of the human rights of women migrant workers. – Hanoi, 2012a.

26. Vu Ngoc Binh. The International Women Labour Migration in the World, ASEAN and from Viet Nam – Laws, Policies and Practices from Rights and Gender Perspectives (presented at the International Conference on Gender and Migration – An Asian Dimension organized by Ho Chi Minh City University of Sciences and Humanities and Rosa-Luxemburg-Stiftung in Ho Chi Minh City on 24–25 May 2012). 2012b.

27. Vu Ngoc Binh. Strengthening National Vietnamese Legislation and Policies on International Labour Migration (presented at the International Conference on Gender and Migration: Assessing Labour Export Policies – Sharing Vietnamese and International Experiences on Rights-based Approaches and Gendered Dimensions organized by Ho Chi Minh City University of Sciences and Humanities and Rosa-Luxemburg-Stiftung in Ho Chi Minh City on 27–28 August 2013). 2013.

28. Vu Ngoc Binh. The International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families – towards Viet Nam's possible participation (presented at the National Seminar on “Viet Nam with the participation and implementation of human rights treaties” organized by the Law Faculty of Hanoi National University in Vinh Phuc, 28 November 2014). 2014.

29. World Bank and Ministry of Planning and Investment (MPI). Viet Nam 2035 Toward Prosperity, Creativity, Equity, and Democracy. – Hanoi, 2016.
30. World Bank. Vietnam Country Gender Assessment. – Hanoi, 2006.
31. World Bank. Fact Sheet: The international migration of women. 2010. [Electronic resource] // <http://go.worldbank.org/SE29Y07880> (last accessed 28 June 2010).
32. World Bank. Vietnam Country Gender Assessment. – Hanoi, 2011.
33. World Bank. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief No. 26. – Washington: D.C., 2016.

THE DETERMINANTS OF INTERNAL MIGRATION IN VIETNAM IN 2005–2014: PREMILINARY RESULTS FROM A GRAVITY MODEL

Vu Quoc Huy, Institute of Regional Sustainable Development (IRSD) of the Vietnam Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam).

Luong Thuy Duong, Institute of Regional Sustainable Development (IRSD) of the Vietnam Academy of Social Sciences (Hanoi, Vietnam).

Keywords: migration, Vietnam, globalization, world economy, factors.

Abstract. Migration, both internal and external in Vietnam has been a permanent phenomenon in modern history of Vietnam. As a country, which has been experiencing a number of dramatic changes by wars, socio-political and economic transformations, Vietnam is among highly migrated countries in the world. Migration in Vietnam has many different forms, ranging from humanitarian migration in the past to planned re-settlement led by the Government and mostly economic migration today.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ В 2005–2014 гг.: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГРАВИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Хай Ву Квуок, Институт регионального устойчивого развития (CIRSD) Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам).

Дуонг Луонг Зуй, Институт регионального устойчивого развития (CIRSD) Вьетнамской академии общественных наук (Ханой, Вьетнам).

Ключевые слова: миграция, Вьетнам, глобализация, мировая экономика, факторы.

Аннотация. Миграция, как внутренняя, так и внешняя, является уже постоянным явлением в современной истории Вьетнама. Как страна, которая переживает ряд драматических изменений, войн, социально-политических и экономических преобразований, Вьетнам относится к числу стран с высоким уровнем миграции. Миграция во Вьетнаме имеет много различных форм, начиная от гуманитарной миграции в прошлом планового переселения во главе правительства и в основном экономической миграции сегодня.

Introduction

During the period 2005–2014, Vietnam continues to enjoy relatively high economic growth but the pattern of growth and development has not been differed much from that in the previous period. Jobs have mostly been created in the urban areas and the share of agriculture in total GDP continues to sink despite the sector's relatively high growth rate. Regional disparities and the urban-rural gap continue to widen. This triggers and sustains growing internal migration between geographical and administrative boundaries within Vietnam since people are seeking better opportunities for income-generating activities and living environment in another

places. This paper will highlight major trends in internal migration in Vietnam in the period 2005–2014 and reveal key determinants of migration flows in this period using a gravity model. It has been found that distance is no longer a gravity force that influences on migration flows and pull and push factors of internal migration may act differently under different circumstances. The paper is organized as follows. In the first Section, a brief literature review and historical perspective of internal migration in Vietnam will be presented. Sector II will describe major trends of internal migration in Vietnam in three points of time, 2005, 2010 and 2014 using data from Vietnam Population Change Surveys (PCS). In Section III, a gravity model is used to estimate key determinants of internal migration in Vietnam.

Internal Migration in Vietnam: A brief literature review and historical perspective

Migration, both internal and external in Vietnam has been a permanent phenomenon in the country's modern history. Migration in Vietnam has many different forms, ranging from humanitarian migration in the past to planned re-settlement and mostly economic migration today. Dang (2006) [2] argues that most of migration before the 1990s were planned resettlements where people often moved from highly populated areas to less-populated ones under a Government-led program to create new economic regions. After Vietnam adopted market-oriented and open economic policies, migration starts taking a form of voluntary or spontaneous movement by mostly economic considerations. Urbanization and industrial development are considered a major pull factor of massive migration flow from less developed, mostly rural to urban areas or newly emerging industrial zones [2, 3, 16, 9]. At the same time, rural-to-rural migration remains also an important trend in internal migration, as people continues to move rural areas with better opportunities for income-generating activities and living environment. Central Highland, for example continues to be an important rural destination from many migrants from other parts of Vietnam, in particular from Northern Mountainous Region because this region has advantages in growing profitable perennial crops such as coffee, cacao for exports. [18]. Overall, during the period 2004–2009, around 3.4 millions people, equivalent to 4.3% of total population have changes their residency across provincial boundaries. Number of migrants in 2009–2014 consists of 2.6 millions accounting for 3.1% of total population [13].

Internal migration can be seasonal, temporary or permanent [17]. Seasonal migration tends to involve rural households sending migrants during the agricultural off-season to supplement income while temporary migration can range in duration from weekly commuting to migrating for a few years with the intention of returning. Permanent migration, on the other hand involves those households or individuals who decided to reside permanently in a new place. Sometimes, it is not easy to distinguish between temporary and permanent migration, because the decision to stay or return can change. Migration can be individual-based or household-based. In the first case, an individual moves from one place to another by him/herself and in the second case, a whole family moves together to the new place following a decision of some key members of the family. In most cases, the main reason for migra-

tion remains similar: seeking better opportunities for working and living for themselves and for the family. Economic motives are believed to account for the moves of more than 70% of all types of migrants in 2004, [15].

Migration can bring benefit to migrants and other involved. It also poses enormous challenges to individuals, household and communities. Most studies recognize the benefits of migration to migrants themselves as well as to sending and receiving communities/areas in the form of better income, salaries, remittances, bringing knowledge and labor force to new places of residency [17, 3, 6]. At the same time, migration also poses a number of challenges, putting pressure on infrastructure and urban services in new urban destinations. Rural massive migration into Central Highland led to overexploitation of soil and environmental damages [3, 9, 17].

Major trends in internal migration in Vietnam in 2005–2014

The next three Tables will show inter-regional migration flows in Vietnam in three separate points of time, namely the year of 2005, 2010 and 2014. As it shown, the number of migrants is almost doubled from 2005 to 2010 and remains quite stable to the year of 2014. It is interesting to note that Southeast Region has always been the biggest destination for migrants. This is because the region is the largest and fastest-growing industrial hub in Vietnam with high demand for labor, so people moves there for job opportunities. In 2005, Southeast Region is the only region, which had net-inflow of migrants. All other regions are net-outflows, of which Northern and Coastal Central Region has the highest number of out-migrants. It is interesting to note that, except in the Red River Delta, migration in 2005 was mostly *inter*-regional rather than *intra*-regional: people move mostly across regional boundaries for new place of residency (Table 1).

Table 1

Inter-regional migration flows in 2005 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	11.2	16.4	1.8	1.6	8.8	0.1	40.0
Red River Delta (RRD)	11.3	52.1	4.6	6.3	34.9	0.8	110.0
Northern and Coastal Central (NCC)	2.8	15.1	26.8	11.3	61.8	2.8	120.6
Central Highlands (CHL)	2.0	3.3	11.9	3.0	9.5	0.6	30.3
Southeast (SE)	2.4	9.1	19.0	5.0	29.9	12.7	78.2
Mekong Delta (MRD)	0.1	1.8	1.1	1.3	49.2	36.5	90.0
Total	29.9	97.8	65.2	28.5	194.1	53.5	469.1
NET-OUTFLOWS	10.1	12.2	55.4	1.8	-115.9	36.6	

Source: Authors' calculation, based on GSO's data.

In the year 2010, the structure of migration exhibits some changes. Red River Delta becomes a net-inflow destination, albeit with a marginal net-inflow. Migration in Southeast region becomes more intra-regional and the region re-

ceived a big amount of immigrants, mostly from rural Mekong Delta and Northern and Coastal Central. It is worth noting that there were significant number of people moving back from this fast-growing region into less developed regions in Mekong Delta and Northern and Coastal Central. Without micro-data at the individual or household levels, it is impossible to know who are these people and why they moved. This additional information is very important to understand the result of regression that will be presented in the next Section.

Table 2

Inter-regional migration flows in 2010 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	17.1	35.8	4.6	7.4	18.6	3.1	86.5
Red River Delta (RRD)	17.9	71.1	9.6	5.2	24.3	2.4	130.5
Northern and Coastal Central (NCC)	2.4	21.1	50.5	11.8	126.9	4.5	217.2
Central Highlands (CHL)	2.0	2.3	9.3	4.0	17.9	0.1	35.6
Southeast (SE)	3.6	8.0	34.5	4.1	70.0	20.8	141.1
Mekong Delta (MRD)	0.3	1.3	1.6	1.3	172.2	52.2	229.0
Total	43.3	139.6	110.1	33.8	429.9	83.2	839.9
NET-OUTFLOWS	43.2	-9.0	107.1	1.7	-288.8	145.8	

Source: Authors' calculation, based on GSO's data.

Table 3 shows migration flows between regions in 2014. It seems that the pattern of migration looks more similar to the 2005 pattern rather than that in 2010. The Southeast region continues to be the most important destination for migrants and inter-regional migration dominates intra-regional one. Again, migration flows from Southeast region to Mekong Delta and Northern and Coastal Central tend to intensify although migration in the opposite direction still dominates.

Table 3

Inter-regional migration flows in 2014 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	18.5	31.2	2.7	6.3	9.6	0.4	68.6
Red River Delta (RRD)	19.1	68.1	29.4	4.7	20.0	1.0	142.3
Northern and Coastal Central (NCC)	2.8	18.7	51.2	16.9	96.5	2.6	188.8
Central Highlands (CHL)	1.2	2.0	11.2	6.5	18.1	1.0	40.0
Southeast (SE)	2.5	11.6	56.3	11.4	69.4	33.1	184.2
Mekong Delta (MRD)	0.2	1.1	3.1	3.0	147.2	50.2	204.8
Total	44.3	132.7	153.9	48.8	360.7	88.3	828.7
NET- OUTFLOWS	24.3	9.6	34.9	-8.8	-176.5	116.5	0.0

Source: Authors' calculation, based on GSO's data.

Finally, Table 4 shows the list of top five net-outflows and top five net-inflows. Provinces in Southeast regions are on the top list of net-inflows while provinces in Mekong Delta and Coastal Central are on the top list of in-flows. One exception in the top net-inflows list is Nghe An, which was a net-outflow in 2010 but became a net-inflow in 2014. Recent surge in investment projects in Nghe An may explain this change in migration pattern.

Table 4

Top and bottom-five in migration flows 2010 and 2014

| Top net <i>outflows</i> in 2014
(thousand person) | | | Top net <i>inflows</i> in 2014
(thousand person) | | |
|--|------|------|---|-------|------|
| Province | 2010 | 2014 | Province | 2010 | 2014 |
| Dong Thap | 11.2 | 22.0 | Binh Duong | 117.9 | 96.5 |
| Ca Mau | 33.1 | 16.6 | Ho Chi Minh city | 135.2 | 43.4 |
| Thanh Hoa | 21.0 | 15.4 | Dong Nai | 41.6 | 33.7 |
| Bac Lieu | 9.2 | 12.4 | Nghe An | -22.2 | 28.1 |
| Soc Trang | 13.0 | 11.3 | Dac Nong | 2.1 | 20.1 |

Source: Authors' calculation using data from GSO (2015) [13]

DETERMINANTS OF INTERNAL MIGRATION IN VIETNAM IN 2005–2014: PRELIMINARY RESULTS FROM A GRAVITY MODEL

Model specification

The gravity model has been widely used to understand the factors behind migration, both internal and external [7, 11, 1, 12, 14, 8]. In this Section, we will use a modified gravity model to reveal possible determinants of internal migration in Vietnam.

Standard gravity model can take the following form [14]

$$Y^* = \beta_0^* + X_o \beta_o + X_d \beta_d + \gamma d + \varepsilon$$

where: $Y^* = \ln(Y)$, Y – vector of flow values from n origin regions to n destination regions,

X_o , X_d are matrices of explanatory variables values respectively for origin regions (push factors) and destination regions (pull factors),

d is a vector of distances between regions, β_o , β_d and γ – structural parameter vectors,

β_0^* is constant and ε is spatial noise.

Apart from the gravity components, population and distance, a number of economic, living conditions and policy variables have been used as explanatory variables in various gravity models [1,12, 11]. Different modifications and departures from the standard gravity model have also been adopted. Jandová and Tomáš Paleta (2015) [8] for example using differences in explanatory variables of origin and destination regions as new variables for a modified gravity model.

Pietrzak et al. (2013) [12] applied this model to investigate determinants of both inter- and intra-regional migration in Poland in 2002–2010, using GDP, investments outlays in enterprises per capita, average monthly gross wages and salaries and registered unemployment rate as key explanatory variables. This study found that except for the unemployment rate the other three factors are positively influence on regional migration. In the case of inter-regional migration, interpretation of results is more complicated, all three factors in both origin and destination regions have positive and statistically significant impact on migration flows but the ‘pull effect’ is stronger than the ‘push effect’ meaning regions characterized by a relatively good economic situation attract more migrants and have net migrant inflows. Distance has negative effect on migration flows as expected [12]. Drobne et al. (2013) [4] working on migration in Slovakia, however discovered that better transport and working conditions maker people prefer commuting to work in another place instead of migrating. It implies that distance does not seem to play as important role as before. Bunea (2012) [1] used a standard gravity model with fixed effects and dynamic setting to investigate on the potential determinants of internal migration in Romania using county data for the period 2004–2008. This study finds significant impacts of population size, real gross product per capita, amenity index, road density and crime rate on migration flows. The previous migration ratio also has positive impact on the current migration. Jandová and Tomáš Paleta (2015) [8] applying a modified gravity model to the case of Czech Republic found that differences in wage, unemployment rate and job vacancies between the origin and destination regions were statistically significant in determining migration flows in the Czech Republic in 1991–2012. Phuong and McPeak (2010) [11] used a gravity model and PCS data for 2004 and 2005 to estimate ‘gravity force to inter-provincial migration in Vietnam. The authors find that the distance matters and the income in both sending and receiving provinces are positive and statistically significant to migration flows.

Our estimated regression equation is as follows:

$$\log(MF_{ij}) = \beta_0 + \gamma \log(D_{ij}) + \beta_1 RatioX_{ij} + \beta_2 \log(Z_j) + \varepsilon$$

where

MF_{ij} is migrant flows from province i to province j

D_{ij} is distance between province i and province j

$RatioX_{ij}$ is ratio between values of indicator X in province i and province j

Z_j is log-level of possible pull factor j

β_0, γ, β_1 and β_2 are estimated coefficients/vectors

In our model, four explanatory variables are estimated in ratios ($RatioX_{ij}$). They are income per capita, paddy yield, number of schools and urbanity, measured by the share of urban population in total population. Other two explanatory variables, industrial output and FDI committed capital in province-destinations are estimated in log-level. For the urbanity variable, we adopt a dual measure, using both ratio and log-level of province-destination. In an extended version of this regression, a lagged migration flow is included in the list of explanatory variables.

Data

This paper used migration data exclusively from the annual Population Change Survey (PCS), which is conducted every year and represents a useful information source on internal migration as it includes a question on the movement of residents over the year preceding the survey. The survey is designed to be representative at the provincial level [13]. This survey, as mentioned by UN (2010) [17] may fail to capture the shorter-term movements, especially seasonal movements that occur within a year. As long as the longer terms movements concern this data is suitable for our analysis. Other data such as GDP per capita, number of schools in provinces, foreign direct investment, industrial output, agriculture area and paddy yields are taken from the official sources, published by GSO. Distances between provinces are calculated as follows. First, we collect the shorted path between adjacent provinces (available in goggle map) and then apply the network shortest path algorithm to derive distances by road between all pairs of provinces [5]. An alternative indicator of distance measured by an average time of travel by road between provinces using the same network shortest path algorithm is also derived and used for robustness check.

Preliminary results

In this paper, we use a modified gravity model to reveal potential determinants of internal migration in Vietnam in 2005–2014. Two separated data-points are used for separate regression. They are migration flows in one year recorded in 2010 and 2014 by PCSs. The year of 2010 is chosen because it may reflect some shifts in migration patterns as a result of macroeconomic turbulences in Vietnam from 2006–2008 and subsequently the global financial crisis in 2009. We suggest that these external shocks may alter people's decision to move as well as the migration direction.

Table 5

Preliminary results of gravity models for migration flows in 2010 and 2014

	Migration flow in 2010		Migration flow in 2014	
	Model A	Model B	Model A	Model B
Distance	-0.007	0.046	-0.012	-0.031
Migration flow in 2010				0.494 (***)
Migration flow in 2005		0.657 (***)		
Relative Income per capita	-0.085	-0.495 (***)	0.502 (**)	0.733 (***)
Number of school per capita	-0.413 (**)	-0.552 (***)	0.163	0.476 (***)
Industrial Output	0.152 (***)	0.187 (***)	0.057	0.012
FDI capital committed	-0.001	-0.028 (*)	0.014	0.009
Relative Paddy Yield	-0.330 (**)	-0.393 (**)	-0.016	0.324 (***)
Relative urban index	3.930 (***)	1.566 (**)	2.938 (**)	1.493 (***)
Urbanity	-0.319 (***)	0.019	-0.595 (**)	-0.623 (***)
Constant term	-3.155	-1.190 (***)	-2.263 (**)	-0.698
Number of observations	1753	1050	1468	1108
F-statistics	52.070	106.890	28.880	112.930
R-squared	0.193	0.480	0.137	0.481

Note: (*) Significant at 5% level.

(**) Significant at 1% level.

We apply some departure from the standard gravity model as in (Phuong and McPeaks, 2011) [11]. *First*, we follow Jandova et al. approach, allowing a dynamic setting into model and using ratio variables. In particular, we use migration flows in 2005 as an additional explanatory variable for migration flows in 2010 and use the latter for regression equation for the 2014 migration flows. For the urbanity variable (i.e the ratio of urban residents in total population in each province) we use both ratio between destination and origin provinces and the urbanity of province-destinations. *Second*, we don't use population as a gravity variable to avoid possible endogeneity problem. In a robustness testing, we include this variable into regression equation but main results remain unchanged. For robustness check, we use both static and dynamic setting (with and without lagged migration variable (Model A and Model B, respectively)). The results are presented in Table 5.

It can be seen for this Table that past migration flows have significant and positive effect on migration suggesting that migrants may be easier to realize their decision to move if they have connections with those who moved before. This result is consistent with other studies using micro data at household level. Coxhead et al. (2015) [6] for example find that individuals are significantly more likely to move from households with previous migrants, and) from communes with great outmigration rates. Concerning the gravity factor, unlike Phuong and McPeaks results (2010) [11] showing that distance is a significant constraint for migration, this regression shows no role of distance in determining migration flows. Using an alternative measure of distance by time of travel between provinces doesn't change the results. Distance does not matter for migration. This result is consistent with Drobne's suggestion that when communication improves, distance becomes less relevant for people's decision to move. On the other hand, four main explanatory variables in the regression equations, namely income per capita, paddy yield, number of schools and urbanity are all statistically significant. The sign of urbanity is consistent in two regressions but all other three significant factors, income per capita, paddy yield, number of schools have opposite signs in two regressions. In addition, industrial output turns out to be significant and positive in the 2010 equation but not in the 2014. Regression results for the 2014 data seem to be consistent with the standard gravity model. It implies that people tend to move to provinces, which have higher income, more schools for the children, higher agriculture productivity and rapid urbanization. Industrial development and presence of foreign direct investment seems to be of secondary importance for migrants. Another way to interpret these insignificant results is that the impact of these factors may be well captured in other variables already mentioned in province-destinations. The regression results for the 2010 on the other hand go at odds with the conventional wisdom. These results may suggest that serious shifts may take place in 2010 when migration flows may reverse or adjusted in response to external shocks. The macroeconomic troubles may put migrants, especially temporary back to their home at least for a while. This phenomenon was observed and documented by Chalamwong (1998) [19] at the time of the Asian Financial Crisis when a lot of people chose to return to the rural areas, as job opportunities in the metropolitan areas were

drying up. Whether this is applied to Vietnam during the period around 2010 remains an open question and additional investigation is needed. Table 2 shows no evidence to support the crisis-induced migration reversal hypothesis.

Concluding remarks

Internal migration in Vietnam is a permanent phenomenon in socio-economic life of the country. People move from one to another place in search of a better life. Migration continues to be part of socio-economic life of a country until there are conditions for people to do so. Evidence has shown that internal migration can be an important opportunity for more even and widespread development, benefiting not just only those who migrate but also their families and communities through various channels. Understanding different factors that determine magnitude and direction of migration is important to facilitate this migration process making it a relevant socio-economic development contributor, helping migrants to achieve their goals. This study has shown that migration's pull and push factors may act differently in different circumstances, affecting people's decision where to move. This preliminary finding should be further complemented with micro-data at the individual and household levels

REFERENCES AND SOURCES

1. Bunea D. Modern Gravity Models of Internal Migration. The Case of Romania Theoretical and Applied Economics. – Vol. XIX (2012). – No. 4(569). – Pp. 127–144.
2. Dang Nguyen Anh. Migration policies in socio-economic development in mountainous provinces. – Hanoi: World Publishing House, 2006.
3. Dinh Quang Ha. Spontaneous migration in Vietnam. Situations and solutions // Vietnam Journal of Social Sciences. – 2013. – No 11 (72). – Pp. 66–74.
4. Drobne R., Rajar T., and Lisec A. Dynamics of Migration and Commuting to the Urban Centres of Slovenia, 2000–2011 // Geodetski vestnik. – 2013. – 57/2. – Pp. 333–353.
5. Hirotaka Miura. Stata graph library for network analysis // The Stata Journal. – 12. – No. 1. – Pp. 94–129.
6. Ian Coxhead, Nguyen Viet Cuong and Linh Hoang Vu. Migration in Vietnam: New Evidence from Recent Surveys // Vietnam Development Economics Discussion Paper 2. – Vietnam: World Bank. – November 2015.
7. Ivan Aleshkovski, Vladimir Iontsev. Mathematical model of migration. System Analysis and Modelling of Integrated World Systems. – 2005.
8. Jandová M. and Paleta T. Gravity Models of Internal Migration – The Czech Case Study Review of Economic Perspectives // Národohospodárský Obzor. – 2015. – Vol. 15. – Issue 1. – Pp. 3–14,
9. Le Van Son. Internal labour migration in Vietnam // Vietnam Journal of Social Sciences. – 2014. – No. 11 (74) – Pp. 57–65.
10. McKenzie D. and Sasin M. J. Migration, Remittances, Poverty, and Human Capital: Conceptual and empirical challenges. – World Bank Policy Research Working Paper 4272. – July 2007.
11. Nguyen-Hoang, Phuong and McPeak J. G. Leaving or Staying: Inter-Provincial Migration in Vietnam // Asian and Pacific Migration Journal, – 2010. – Vol. 19. – No. 4. – Pp. 473–500.

12. Pietrzak M. B., Wilk J. and Matusik S. Gravity model as the tool for internal migration analysis in Poland in 2004–2010 // Institute of Economic Research Working Papers. – 2013. – No. 28.
13. Population Change Census 2014: Key results. General Statistical Office, 2015. – Hanoi: Statistical Publishing House.
14. Ramos R. and Suriñach J. A gravity model of migration between ENC and EU. Regional Quantitative Analysis Research Group // Working Paper. – 2013/09.
15. The 2004 migration survey: internal migration and related life course events. General Statistical Office. – Hanoi: SAVINA Printing Company, 2006.
16. Tran Nguyet Minh Thu. Role of spontaneous labour rural-urban migration in supporting household economy // Journal of Sociology. – 2013. – No. 2 (122).
17. United Nation. Internal Migration: Opportunities and Challenges for Socio-Economic Development of Vietnam, 2010.
18. Vietnam Household Living Standard Survey 2010: Key results. General Statistical Office. – Hanoi Statistical Publishing House, 2011.
19. Yongyuth Chalamwong. The Impact of the Crisis on Migration in Thailand // Asian and Pacific Migration Journal. – 1998. – Vol. 7. – No. 2–3. – Pp. 297–312.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ВЬЕТНАМЕ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ ГРАЖДАН СРВ

Нгуен Куок Хунг, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики Российской академии наук (Москва, Россия).
E-mail: hunghoiluatgia@gmail.com.

Ключевые слова: интеграционные процессы, миграция, Вьетнам.

Аннотация. В статье последовательно рассматриваются основные социальные сферы общества Вьетнама. Дана характеристика численности и плотности населения Вьетнама, выявлена трудовая активность населения. Установлены основные направления работы правительства Вьетнама по сокращению бедности населения и повышению занятости молодежи. Дана оценка масштабов внутренней и внешней миграции населения. Проведен исторический анализ формирования волн эмиграции из Вьетнама.

TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF INTEGRATION PROCESSES IN VIETNAM: INTERNAL AND EXTERNAL MIGRATION OF CITIZENS OF VIETNAM

Nguyen Quoc Hung, Ph.D., researcher at the Center of the Russian strategy in Asia Institute of the Russian Academy of Sciences, Economics (Moscow, Russia). E-mail: hunghoiluatgia@gmail.com.

Keywords: integration processes, migration, Vietnam.

Abstract. In the article, the basic social spheres of the Vietnamese society are consistently examined. The characteristics of the population and density of the population of Vietnam are given, the labor activity of the population is revealed. The basic directions of work of the government of Vietnam on poverty reduction of the population and increase of employment of youth are established. The scale of internal and external migration of the population is estimated. A historical analysis of the formation of waves of emigration from Vietnam is carried out.

Население Вьетнама. Численность населения Вьетнама в 2015 г. достигла 91,7 млн человек. С 2010 по 2015 гг. среднегодовой рост населения был равен 1,07%, в том числе городского – 3,26%, сельского – 0,25%. Средняя продолжительность жизни с 2011 г. по 2015 г. выросла с 73 лет до 73,3 лет. Одной из главных причин низкой рождаемости во Вьетнаме стала государственная политика регулирования рождаемости (в семье – не более двух детей), что в результате привело к появлению большого числа стариков и к нагрузке на госбюджет из-за замедления роста численности работающих [14].

За период с 1975 по 2010 гг. общий коэффициент рождаемости снизился почти вдвое – с 33 до 17% [9].

В 2014 г. в среднем по стране общий коэффициент смертности составил 6,9%, в том числе детской – 14,9%.

Все указанные факторы влияют на сокращение естественного прироста населения: с 20,4% в 1990–1995 гг. до 10,3% в 2014 г. [9].

Вьетнам – густонаселённая страна в сравнении с его территорией (330,9 тыс. кв. км). В среднем по стране на 1 кв. км территории в 2015 г. приходилось 277 человек, но по крупным регионам она значительно выше (994 человека на 1 кв. км в дельте реки Красная, 684 человека – на Юго-Востоке, в том числе в г. Хошимине – 3 888 человек). Самым малочисленным регионом является Центральный Высокогорный район (103 человека на 1 кв. км) [15].

Индустриализация во Вьетнаме вызвала изменения в соотношении городского и сельского населения, но в сельских районах проживала в 2015 г. бóльшая часть жителей (60,58 млн человек или 66%).

Практически за 10 лет (с 2005 по 2015 гг.) не изменилось соотношение численности мужчин и женщин. В 2005 г. доля мужчин составляла 49,18% (40,5 млн), в 2015 г. – 49,3% (45,2 млн) [16]. Женщины Вьетнама – не только значительный трудовой ресурс, но и активная сила в общественно-политической жизни страны.

Трудовая активность населения. Социальная политика. Одним из преимуществ Вьетнама перед другими членами АСЕАН является большой рынок труда и возможность перетока сюда прямых инвестиций из стран с более высокими заработками занятых, тогда как СРВ сохраняет более низкие заработки. Это объясняется низким объёмом ВВП в целом, в том числе на душу населения.

Несмотря на высокие годовые темпы роста ВВП в 2011–2015 гг. (в среднем за год 5,91%), в том числе в промышленности – 7,22%, в сфере услуг – 6,68% и сельском хозяйстве – 3,12%, ВВП на душу населения в СРВ составил в текущих ценах 2 109 долл. США (2015), а по паритету покупательной способности – 5 629 (2014)¹.

Преимущество Вьетнама – также хорошая возрастная категория работающего населения. Численность занятого населения в возрасте 15+ в 2015 г. достигла 52,8 млн человек. Во Вьетнаме низкая безработица, которая в 2015 г. составила 2,33%. Активно ведётся государственная политика борьбы с бедностью в депрессивных районах проживания нацменьшинств, в результате процент бедности в 2015 г. сократился до 7%. 93% всех жителей страны были обеспечены питьевой водой [17].

Государственные и социальные программы начали разрабатываться в начале XXI в. Основной упор в них был сделан на стратегию подъёма депрессивных районов страны, где проживает бóльшая часть бедного населения.

¹ ВВП в текущих ценах в 2014 г. был равен в развитых странах АСЕАН: в Таиланде – 5 977 долл., Сингапуре – 56 285 долл., Малайзии – 11 307 долл., Индонезии – 3 492 долл. США // Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – P. 842.

Особенности демографической структуры были приняты во внимание в двух государственных социальных программах. Начиная с 1999 г. успешно стартовала Программа 135. Она включала 2 362 поселковые коммуны, 316 уездов, ряд некрупных городских поселений. Программа 135 охватила этнические группы в горных районах, жителей приграничных и отдаленных районов [13].

Координацию выполнения Программы 135 в указанный период осуществлял Комитет этнических и горных регионов (Committee of Ethnicities and Mountainous Regions). Под его патронажем были реализованы (включая 2003 г.) шесть инвестиционных проектов.

1. Проект развития инфраструктуры, включая ирригацию, строительство водных каналов, очистку питьевой воды.

2. Проект создания центров кластеров коммун, включая школы, больницы.

3. Проект планирования хозяйственной деятельности населения в охваченных программой 135 регионах, внутренней миграции, сохранения национальной культуры в районах проживания нацменьшинств, приграничных, прибрежных районов.

4. Проект поддержки традиционных для этих районов сельского и лесного хозяйства, их развитие и по необходимости создание зон переработки.

5. Проект повышения уровня обучения, культуры, профессионализма, включая коммуны, деревни, малые поселения в горных районах и районах проживания нацменьшинств. Проект пропагандировал экономическую политику партии и реформу управления.

6. Проект государственного и местного финансирования мероприятий, направленных на искоренение голода и снижение уровня бедности в районах, включенных в Государственную программу 135 [12].

В конце 1990-х гг. всеобщим бесплатным медицинским страхованием было охвачено 8–9% населения или 6 млн человек. Многие жители Вьетнама, особенно проживающие в сельских районах, не могут оплатить лечение в больницах за свой счет при отсутствии страховки. Почти во всех деревенских коммунах есть пункты здравоохранения, но в среднем на каждые десять тысяч человек в них приходится менее одного медицинского работника [3].

Постепенно медицинское страхование должно стать обязательным для занятых в госсекторе, в негосударственных структурах работники могут приобрести медицинскую страховку только добровольно. Органы социального страхования выделяют деньги на покупку карточек государственного медицинского страхования для бедных и для жителей труднодоступных горных районов в рамках вышеназванной национальной программы по борьбе с бедностью (раньше частично эти средства выделялись через Общественный фонд медицинского страхования для бедных). Начиная с 2009 г., помимо обязательного медицинского страхования всех детей в возрасте до 6 лет, государство должно было обеспечивать половину стоимости социальной страховки для той части населения, которая только недавно вышла из группы нуждающихся.

Низкий уровень доходов, ущемление значительной части населения в социальном обеспечении нередко приводят к недовольству и даже к забас-

товкам на государственных, частных и иностранных предприятиях, где трудятся вьетнамские граждане.

В 2010 г. была принята вторая государственная программа поддержки отсталых районов. В правительственном постановлении «О направлениях устойчивого снижения бедности на период 2011–2020 гг.» предусмотрено оказание материальной помощи 2,5 млн человек из малоимущих слоев населения, организация новых рабочих мест, профессионального обучения и переподготовки кадров с упором на развитие общин и уездов в горных, прибрежных, островных и отдаленных районах страны.

Отсутствие всеобщего государственного пенсионного обеспечения и всеобщего страхования медицинских услуг усиливает социальное неравенство и вызывает недовольство во вьетнамском обществе.

Внутренняя и внешняя миграция. Вьетнам находится в зоне активной миграции населения. Миграция началась в стране задолго до воссоединения Севера и Юга, теперь ею охвачена вся территория страны.

Во *внутренней миграции* участвуют все районы, но активнее всего этот процесс развивается в депрессивных районах проживания нацменьшинств – в горных и высокогорных районах северного и южного Вьетнама, где проживают 14–16% от общей численности населения. Удельный вес бедных семей в горных районах северного Вьетнама в 1990-х гг. составлял 70%, на плато Тэйnguэн – 90%, в приграничных с Камбоджей провинциях проживания кхмеров – 5%.

До принятия государственной программы миграции населения этот процесс развивался стихийно: вьеты (основная народность СРВ) активно захватывали земли для выращивания технических культур: кофе, каучука, чая, орехов и другой продукции. В 1970-х гг. был проведен опыт по организованному переселению бедного населения Севера на Юг, в район джунглей на плато Тэйnguэн, для создания там так называемых новых экономических районов. Но местная администрация не озаботилась созданием в новых экономических районах сносных условий для проживания: строительством жилищ, дорог, детских учреждений, медицинских центров и др. Люди были поставлены в тяжелые условия самообеспечения, многие переселенцы вернулись обратно на Север, а государственная программа заселения новых районов в результате провалилась.

Стихийная внутренняя миграция создала давление на рынок труда и вызвала трудности, связанные с внедрением новых форм вероисповедания, нового для вновь прибывших образа жизни и поведения, что привело к межэтническим противоречиям и даже стычкам. По выводам представителей «модернизированных» окраин, это может стать фактически подрывом самобытности и существования многих малых народностей, их социальной организации и образа жизни, культуры и целостности вплоть до полной ассимиляции и уничтожения [3].

После освобождения Юга и государственного воссоединения в 1976 г. имели место три главных потока *эмиграции из Вьетнама*.

Первый – после окончания вьетнамской войны в 1975 г. («лодочная миграция»), *второй* – в результате пограничной войны между СРВ и КНР вес-

ной в 1979 г. (бегство из Вьетнама этнических китайцев), *третий* – в результате легализации вьетнамской миграции на Западе, прежде всего в рамках программ воссоединения семей и обучения студентов. Основным миграционным потоком третьей волны стала трудовая миграция вьетнамцев в различных формах.

По выводам вьетнамских исследователей, среди «выталкивающих» с точки зрения предложения труда факторов можно выделить:

- высокие темпы роста населения в трудоспособном возрасте и собственно незанятой рабочей силы;
- снижение роли государственного сектора в структуре занятости, численность высвобождаемой рабочей силы из которого не может быть полностью поглощена предприятиями других форм собственности;
- демобилизация из армии. С начала 1990-х гг. демобилизовывались ежегодно около 130–140 тыс. военнослужащих;
- возвращение мигрантов и беженцев в результате региональных конфликтов и кризисов в других странах. К 1998 г. в страну возвратилось около 75 тыс. беженцев и лиц без статуса;
- наличие проблемы инвалидов, прежде всего военных (4,5–6,0 млн человек), на конец 1990-х гг.;
- существенное аграрное перенаселение;
- потребность в подготовке кадров высокой квалификации за рубежом [5].

Среди факторов спроса на вьетнамскую рабочую силу на международном рынке труда, в первую очередь, выделяется относительная ее дешевизна. Расчёты показали, что в середине 1990-х гг. средний трудовой доход во Вьетнаме составлял не более 5% от уровней доходов в Республике Корея и Тайване, 2% – от уровня США и Германии [1].

В целом, сочетание обеих групп факторов определяет как величину, так и структурные особенности «миграционного давления» на международный рынок труда вьетнамских граждан. Его величину можно оценить в 300–350 тыс. человек. В то же время суммарная величина трудовых мигрантов и временно занятых за границей (т. е. на срок до трех месяцев) составляла к началу XXI в. 1% от совокупной рабочей силы СРВ, что явно не соответствует потенциальным возможностям вьетнамского рынка труда за рубежом [4].

К концу XX в. за границей легально, согласно официальным данным, было занято свыше 250 тыс. вьетнамцев, суммарный доход от деятельности которых составлял не менее 1 млрд долл. США в год (денежные переводы в страну только в прямой форме оценивались в 250–300 млн долл. США, т. е. это равнялось 6–7% стоимости вьетнамского товарного экспорта). Хотя реально они были значительно выше. Важное значение имели и денежные переводы родственникам от этнических вьетнамцев, постоянно проживающих за границей [4].

Серьезной проблемой остаётся нелегальная трудовая миграция, которая, согласно оценкам специалистов, составляла в начале XXI в. не менее

150 тыс. человек. Основные потоки нелегальных мигрантов направлялись в Китай, Россию, Германию, Польшу. Для решения этой проблемы на двусторонней основе разрабатывались механизмы репатриации нелегальных мигрантов, но они были малорезультативны. Существенную роль стал играть процесс «утечки мозгов», когда не все направляемые за границу на учебу или стажировку возвращались на Родину, что наносило существенный ущерб, усиливая дефицит квалифицированных кадров в самом Вьетнаме [2].

Сдерживает вьетнамскую трудовую миграцию низкая трудовая дисциплина, игнорирование трудового законодательства страны пребывания, незнание иностранных языков и прочие факторы.

Проблемой является освоение рынка труда вьетнамскими мигрантами с высоким профессиональным уровнем, поскольку такие развитые страны, как США, Австралия, Канада, Япония предъявляют очень высокие требования к качеству зарубежной рабочей силы.

Высокие доходы иностранные специалисты могут получать в США, Австралии, Канаде, Сингапуре. Освоить их на рынке без специально разработанной государственной программы по подготовке высококвалифицированных кадров для работы за границей Вьетнаму очень сложно.

Для Российской Федерации Вьетнам традиционно является важным поставщиком рабочей силы. «С 2011–2012 гг. в миграционных потоках в ДФО более существенную роль стал играть Вьетнам. Дальний Восток является одним из основных районов расселения вьетнамцев в России. И, если во многих регионах РФ в последнее десятилетие численность вьетнамцев сокращалась, то в регионах Дальнего Востока прирост составил около 20%. Наибольшее количество вьетнамцев проживает в Хабаровском и Приморском краях. В основном это жители северных провинций Вьетнама. Многие вьетнамские мигранты, длительное время проживающие в РФ, хорошо владеют русским языком и интегрированы в принимающее общество; часть – получили образование в российских вузах. Согласно официальным статистическим данным, в настоящее время в регионах ДФО проживают около 3,5 тыс. вьетнамцев, примерно треть из которых – трудовые мигранты. Существенная часть трудовых мигрантов сосредоточена в Хабаровском крае и Сахалинской области» [7].

По итогам 2013 г. Вьетнам занял 11-е место в списке стран – поставщиков иностранной рабочей силы в РФ (10,3 тыс. человек).

Объемы образовательной миграции из Вьетнама в ДФО пока невелики. «В Российской Федерации в 2013/2014-м учебном году в России обучались только около 3 тыс. вьетнамских граждан, что гораздо меньше, чем во времена СССР. Сейчас Вьетнам занимает только десятое место в списке основных стран, обеспечивающих Россию студентами» [8].

В 2014 г. количество разрешений на работу, выданных гражданам СРВ на российском рынке труда, составило 16 тыс., в том числе их получили 376 человек как высококвалифицированные специалисты.

Иммиграция во Вьетнам. По данным Всемирного банка, в 2010 г. во Вьетнам из-за рубежа въехали 70 тыс. человек. Согласно оценке МОТ, в

2013 г. на вьетнамском рынке труда работали 52 тыс. иностранцев в иностранных и совместных компаниях, международных организациях из соседних государств Юго-Восточной Азии: Камбоджи, Лаоса, Таиланда, Мьянмы, а также граждане из Японии, Кореи, США, стран ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Леженина Т.В. Трудовая миграция Вьетнама за рубежом: прошлое, современные состояния и некоторые проблемы // Экономика Дальневосточного федерального округа России и трудовая миграция в регионах из Китая и Вьетнама. – М.: Изд-во ИЭ РАН, 2010. – С. 182–196.
2. Леженина Т.В. Формирование рынка труда во Вьетнаме. Миграционная политика государства // Исследование ключевых основ социальной политики России, Китая и Вьетнама (сравнительный анализ). – М.: Изд-во ИЭ РАН, 2012. – С. 163.
3. Мазырин В.М. Реформа переходного периода во Вьетнаме (1986–2006). – М., 2007.
4. Нгуен Ан Ха. Рынок труда Вьетнама в процессе международной интеграции в начале XXI века // Экономика Дальневосточного федерального округа России и трудовая миграция в регионах из Китая и Вьетнама. – М.: Изд-во ИЭ РАН, 2010. – С. 167–181.
5. Нгуен То Зяо. Внешний фактор в развитии рынка труда во Вьетнаме // Углубление экономической реформы во Вьетнаме. – М., 1999. С. 93–102.
6. Рязанцев С. В., Лукьянец А. С., Нгуен Кань Тоан. Демографические процессы во Вьетнаме в контексте глобального потепления // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2013. – № 5. – С. 65–72.
7. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Туан Куонг, Ху Ву Куок. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2016. – № 3. – С. 23–32.
8. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Нгуен Кань Тоан, Лукьянец А.С. Миграционный потенциал Вьетнама в контексте образовательной миграции в Россию // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2015. – № 2. – С. 55–65.
9. Современный Вьетнам: Справочник. – М.: Форум, 2015. – С. 213.
10. Тригубенко М. Е. Новый этап экономического сотрудничества России с Вьетнамом // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2015. – № 1. – С. 5–9.
11. Тригубенко М.Е., Леженина Т.В. Основные направления внешней и внешнеэкономической политики Вьетнама в условиях новых вызовов и угроз XXI века // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2015. – № 2. – С. 101–107.
12. Committee of Ethnicities and Mountainous Regions. – Hanoi, June 2003.
13. Program 135 in Vietnam: Result and Orientation // Vietnam economic Review. – 2003. – No. 6. – P. 37–39.
14. Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – P. 27.
15. Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – Pp. 85–86.
16. Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – Pp. 87.
17. Vietnam Economic Performance. – 2011–2015.

REFERENCES AND SOURCES

1. Lezhenina T.V. Labor migration of Vietnam abroad: the past, modern conditions and some problems // The economy of the Far Eastern Federal District of Russia and labor migration in regions from China and Vietnam. – M.: Publishing house IE RAS, 2010. – Pp. 182–196.
2. Lezhenin T.V. Formation of the labor market in Vietnam. Migration Policy of the State // A research of the key foundations of the social policy of Russia, China and Vietnam (comparative analysis). – M.: Publishing house IE RAS, 2012. – P. 163.
3. Mazyrin V.M. Reform of the Transitional Period in Vietnam (1986–2006). – M., 2007.
4. Nguyen An Ha. The labor market of Vietnam in the process of international integration in the beginning of the XXI century // The economy of the Far Eastern Federal District of Russia and labor migration in regions from China and Vietnam. – M.: Publishing house IE RAS, 2010. – Pp. 167–181.
5. Nguyen Too Ziao. External Factor in the Development of the Labor Market in Vietnam // Deepening Economic Reform in Vietnam. – M., 1999. Pp. 93–102.
6. Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Nguyen Kan Toan. Demographic Processes in Vietnam in the Context of Global Warming // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. – 2013. – No. 5. – Pp. 65–72.
7. Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Khramova M.N., Bui Tuan Kuong, Hu Vu Quoc. Migration of the population as a key component of the demographic development of the Russian Far East // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. – 2016. – No. 3. – Pp. 23–32.
8. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Nguyen Kan Toan, Lukyanets A.S. Migration Potential of Vietnam in the Context of Educational Migration to Russia // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. – 2015. – No. 2. – Pp. 55–65.
9. Modern Vietnam: A Handbook. – Moscow: Forum, 2015. – P. 213.
10. Trigubenko M. Ye. New stage of economic cooperation between Russia and Vietnam // Scientific review. Series 1: Economics and Law. – 2015. – No. 1. – Pp. 5–9.
11. Trigubenko M.E., Lezhenina T.V. The main directions of foreign and foreign economic policy of Vietnam in the face of new challenges and threats of the XXI century // Scientific review. Series 1: Economics and Law. – 2015. – No. 2. – Pp. 101–107.
12. Committee of Ethnicities and Mountainous Regions. – Hanoi, June 2003.
13. Program 135 in Vietnam: Result and Orientation // Vietnam economic Review. – 2003. – No. 6. – Pp. 37–39.
14. Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – P. 27.
15. Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – Pp. 85–86.
16. Statistical Yearbook of Vietnam. – Statistical Publishing House, 2015. – Pp 87.
17. Vietnam Economic Performance. – 2011–2015.

ВЬЕТНАМ В ПРОЦЕССАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ¹

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: riazan@mail.ru.

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия). E-mail: manshin@list.ru.

Ключевые слова: Вьетнам, эмиграция, иммиграция, туризм, миграционная политика, трудовая и образовательная миграция.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы миграции в контексте социально-экономического развития Вьетнама. Вьетнам находится на четырнадцатом месте в мире по численности населения, являясь одной из самых густонаселенных стран Юго-Восточной Азии, обладает уникальными природно-климатическими условиями, богатой историей, удобным транспортно-географическим положением. Вьетнам является трудоизбыточной страной и значительную часть трудовых ресурсов традиционно экспортирует за рубеж. Вьетнам активно развивается. В нем формируется средний класс, который готов обучать детей за рубежом и хочет путешествовать за границу в качестве туристов. Вьетнам становится все более активным участником миграционных процессов, а также популярным туристическим направлением в глобальной экономике.

VIETNAM IN THE INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics), Professor, Head of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: riazan@mail.ru.

Roman V. Manshin, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: manshin@list.ru.

Keywords: Vietnam, emigration, immigration, tourism, migration policy, labor and educational migration.

Abstract. The article examines the migration in the context of socio-economic development of Vietnam. Vietnam is on the fourteenth place in the world in terms of population, being one of the most densely populated countries in Southeast Asia, has unique natural and climatic conditions, rich in history, convenient transportation and geographical location. Vietnam is a labor-surplus country and a considerable part of the labor force has traditionally exported abroad. Vietnam is actively developing. It formed the middle class who is willing to teach their children abroad and wants to travel abroad as tourists. Vietnam is becoming a more active participant in the migration

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 16-22-09002

process, as well as a popular tourist destination in the global economy. Vietnamese authorities are paying considerable attention to the facilitation of the passport and visa requirements for foreign citizens, primarily tourists.

Социалистическая Республика Вьетнам – страна с населением более 91 млн человек, расположенная в Юго-Восточной Азии, обладающая уникальными природно-климатическими условиями, богатой историей, удобным транспортно-географическим положением. Страна находится на четырнадцатом месте в мире по численности населения, являясь наряду с Сингапуром и Филиппинами одной из самых густонаселенных стран Юго-Восточной Азии. Общая численность трудовых ресурсов в 2015 г. составила почти 54 млн человек. Ежегодно с 2000 по 2014 гг. численность трудовых ресурсов Вьетнама увеличивалась в среднем на 1 млн человек, что было примерно в два раза выше темпов роста общей численности населения. Вьетнам является трудоизбыточной страной и значительную часть трудовых ресурсов традиционно экспортирует за рубеж. Вьетнам активно развивается. В нем формируется средний класс, который готов обучать детей за рубежом и хочет путешествовать за границу в качестве туристов. Вьетнам становится все более активным участником миграционных процессов, а также популярным туристическим направлением в глобальной экономике.

Эмиграция из Вьетнама. Согласно данным статистики, в международном миграционном обмене Вьетнам является в большей степени отправляющей (посылающей) мигрантов страной. Масштабы легальной эмиграции из Вьетнама на протяжении последних пяти лет оставались стабильными и составляли от 80 до 88 тыс. человек. Основными странами эмиграции вьетнамских граждан традиционно были Тайвань, Республика Корея, Малайзия, Япония, Лаос, Камбоджа, Макао. В последние годы активизировалась миграция в страны Персидского залива – ОАЭ, Катар, Бруней. Миграция в Восточную Европу и Российскую Федерацию, напротив, сокращается. Так, по данным пограничной службы ФСБ России, из Вьетнама в Россию в 2014 г. въехало 75 840 человек (точнее – столько было пересечений границы России), а по данным Ростуризма, в этом же году было совершено 49 тыс. туристских поездок из Вьетнама [1].

Эмиграционный поток из Вьетнама представлен несколькими категориями. Во-первых, это *временные трудовые мигранты*, которые выезжают на работу за границу. Данный миграционный поток фиксирует и регулирует Министерства труда, инвалидов войны и социальной защиты населения Вьетнама. В большинстве своем легальные трудовые мигранты направлялись на работу в Малайзию (34%), Тайвань (27%), Республику Корея (14%), Катар (7%), Японию (5%), Макао (3%), другие страны (11%). В последние годы также активизируется поток вьетнамских трудовых мигрантов в страны Персидского залива.

Для Российской Федерации Вьетнам традиционно являлся важным поставщиком рабочей силы. По итогам 2015 г. он занимал десятое место в списке

стран – поставщиков иностранной рабочей силы. Если рассматривать страны дальнего зарубежья, то Вьетнам занимает четвертое место после Китая, Северной Кореи и Турции. Последнее соглашение между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией о временной трудовой деятельности вьетнамских граждан было подписано 18 августа 2003 г. Безусловным его преимуществом стала попытка ввести вьетнамскую временную трудовую миграцию в организованное русло. Также данное соглашение также сделало важный шаг в отношении легализации многочисленной категории вьетнамских недокументированных мигрантов в России. Оно признало законность пребывания граждан Вьетнама, прибывших по Соглашению от 2 апреля 1981 г., при условии их регистрации в посольстве Социалистической Республики Вьетнам и получении разрешения на работу в Российской Федерации. Важной частью соглашения является определение самостоятельности нахождения работы вьетнамским гражданином на территории России (ст. 2 протокола Соглашения). Но недостатком Соглашения можно считать отсутствие списка конкретных регионов, отраслей и численности трудовых мигрантов из Вьетнама необходимых экономике России.

В результате, несмотря на наличие Соглашения о трудовой миграции, приток трудовых мигрантов из Вьетнама в Россию на протяжении 2000–2015-х гг. устойчиво снижался. Пик абсолютной численности вьетнамских рабочих пришелся на 2009 г., когда было выдано около 98 тыс. разрешений на работу в Российской Федерации. В 2004 г. вьетнамцы составляли 10% всех иностранных рабочих на российском рынке труда. В 2011–2015 гг. численность документированных вьетнамских трудовых мигрантов сократилась до 10–12 тыс. человек. Это было обусловлено кризисными явлениями в российской экономике, а также ужесточением российской миграционной политики. В 2015 г. количество разрешений на работу, выданных гражданам Вьетнама, на российском рынке труда составило 12,5 тыс., в том числе около 3,6 тыс. вьетнамских граждан получили разрешение на работу как высококвалифицированные специалисты (16% от всех ВКС).

Основными отраслями трудоустройства вьетнамских граждан в России в 2014 г. являлись сфера услуг (около 40%), а также торговля и строительство (примерно по 10%). Большая часть официально зарегистрированных вьетнамских рабочих работает в Москве (3,7 тыс.), Московской области (2,7 тыс.), Тульской области (1,5 тыс.), Владимирской области (1,2 тыс.), Свердловской области и Хабаровском крае (по 1 тыс.), Рязанской и Псковской областях (по 0,5 тыс.) и некоторых других регионах. Как правило, это молодые люди из северных провинций Вьетнама, которые работают в России от трех до пяти лет и затем возвращаются на родину.

Во-вторых, «бизнес-миграция», «инвестиционная миграция» и «коммерческая миграция». Предприимчивые вьетнамские бизнесмены и коммерсанты довольно активно эмигрирует в США, Австралию, страны Европы и Азии для развития бизнеса и предпринимательства. Вьетнамцы открыли достаточно много предприятий и компаний за пределами Вьетнама. В Российской Федерации вьетнамские предприниматели и бизнесмены открыли швейные производ-

ства, строительные компании, сельскохозяйственные предприятия, рестораны. Они активно используют в основном труд вьетнамских рабочих.

В-третьих, образовательная и учебная миграция. Правительство Вьетнама в организованном порядке активно отправляет на обучение и стажировки за границу студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, научных работников. До 1990-х гг. основными странами назначения были СССР и Восточной Европы – партнеры по социалистическому блоку. После 1990-х гг. география обучения вьетнамских граждан существенно расширилась. В настоящее время значительное количество вьетнамских студентов обучается в США, Канаде, Австралии, Республике Корея, Тайване, Китае, Японии, Сингапуре, Малайзии. В Российской Федерации в 2014/2015-м учебном году обучалось только 3,1 тыс. вьетнамских граждан, что гораздо меньше, чем во времена СССР.

В-четвертых, брачная эмиграция и трафик (торговля женщинами). Довольно много вьетнамских женщин выходят замуж за иностранных граждан и выезжают на постоянное место жительства в Китай, Тайвань, Японию, Республику Корею. На женщин приходится третья часть эмиграционного потока из Вьетнама. Зачастую женщины из Вьетнама становятся жертвами торговли людьми, попадают в рабство, эксплуатируются своими мужьями или организаторами трафика, попадают в сферы проституции и развлечений, подвергаются насилию в семье или сфере сексуальных услуг.

В-пятых, миграция с целью воссоединения семей. Данный вид миграции связан с переплетением личной и экономической мотивации. Многочисленная вьетнамская диаспора притягивает новых мигрантов из Вьетнама. Например, в США существует специальная иммиграционная программа воссоединения семей, которой активно пользуются вьетнамцы. Еще во время вьетнамской войны от американских солдат родилось много детей во Вьетнаме. По американским законам они имеют право на получение гражданства США. Это служит основной для миграции по линии воссоединения семей.

В-шестых, вынужденная миграция. В разное время эмигранты из Вьетнама рассматривались рядом принимающих стран в качестве беженцев. В общей сложности в рамках организованных программ порядка 2 млн вьетнамцев получили статус беженцев в США, Австралии, Канаде, Японии и странах Западной Европы. В ближайшей перспективе существует значительный риск возникновения вынужденной экологической миграции из некоторых провинций Вьетнама в связи с глобальным изменением климата.

В-седьмых, выезды с туристическими целями. Количество туристов, выезжающих за пределы Вьетнама, за период с 2000 г. увеличилось более, чем в четыре раза (в 2015 г. – 430 тыс.) [5]. Экономическое развитие и формирование среднего класса во Вьетнаме усиливает туризм вьетнамских граждан за границу. В 2015 г. в Российскую Федерацию из Вьетнама въехали 60,8 тыс. человек, в том числе 10,2 тыс. вьетнамцев приехали с туристическими целями [1]. Значительное количество вьетнамцев также путешествует в страны Юго-Восточной Азии, Европы, Австралию, США и Японию.

Иммиграция во Вьетнам. Вьетнам становится все более популярной страной для иммиграции. По данным Всемирного банка, в 2010 г. во Вьет-

нам въехало около 70 тыс. человек, в том числе 63% – мужчины. Согласно данным Международной организации труда, в 2013 г. более 52 тыс. иностранных граждан работали на вьетнамском рынке труда. Главным образом это трудовые мигранты из соседних государств Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Таиланд, Мьянма), а также граждане Японии, Кореи, США, стран Европы, которые работали в иностранных и совместных компаниях, международных организациях. В настоящее время во Вьетнаме реализуется более 3,2 тыс. экономических проектов с иностранными инвестициями с общим капиталом 5,7 млрд долл. США.

В последние годы Вьетнам активно принимает иностранных туристов. Активно развивая туристическую инфраструктуру, страна смогла резко увеличить численность иностранных туристов. С 2000 по 2014 гг. количество въехавших иностранных граждан увеличилось почти втрое, а въехавших с туристскими целями – в 4,5 раза, составив в 2014 г. более 8,5 млн человек. Особенно бурным рост численности туристов был в 2010–2014 гг. – период активного социально-экономического роста. Основной поток иностранных туристов во Вьетнам происходит из Европы, стран Восточной и Юго-Восточной Азии, США.

Для российских граждан Вьетнам также становится все более популярным направлением для туризма. На фоне увеличения общего потока россиян, въехавших во Вьетнам с 2012 по 2014 гг., более чем в 6 раз (это 370 тыс. человек) поток туристов увеличился за этот же период еще более значительно – в 24 раза (277 тыс. человек). В результате Вьетнам в рейтинге наиболее популярных туристических направлений россиян поднялся с 42-го в 2012 г. до 15-го места в 2014 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Данные Федерального Агентства по туризму Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika>
2. Кузнецов Н.Г., Рязанцев С.В. Как использовать российский миграционный потенциал Вьетнама (Часть 1) // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 6. – С. 36–42.
3. Лукьянец А.С., Нгуен К.Т. Демографический потенциал Вьетнама: общая характеристика // Миграционные мосты в Евразии: Сб. материалов VI международной научно-практической конференции. / Под ред. С.В. Рязанцева. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 256–260.
4. Рязанцев С.В., Маньшин Р.В., Нгуен К.Т. Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию // Миграционное право. – 2013. – № 1. – С. 5–10.
5. Статистический ежегодник Вьетнама – 2015. – Ханой: Главный статистический офис, 2016. – С. 845. [Электронный ресурс] // <http://www.gso.gov.vn>.
6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году: Стат. бюллетень. – М. Росстат, 2015. – С. 125.

REFERENCES AND SOURCES

1. Data of the Federal Agency for Tourism of the Russian Federation [Electronic resource] // <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika>
2. Kuznetsov N.G., Ryazantsev S.V. How to use the Russian migration potential of Vietnam (Part 1) // *Asia and Africa today*. – 2011. – No. 6. – Pp. 36–42
3. Lukyanets A.S., Nguyen K.T. The demographic potential of Vietnam: a general characteristic // *Migration bridges in Eurasia: Sat. materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. / Ed. S. V. Ryazantsev. – Moscow: ISPI RAS, 2014. – Pp. 256–260.
4. Ryazantsev S.V., Manshin R.V., Nguyen K.T. Comparative analysis of Vietnamese and Chinese migration to Russia // *Migration Law*. – 2013. – No. 1. – Pp. 5–10.
5. *Statistical Yearbook of Vietnam – 2015*. – Hanoi: Chief Statistical Office, 2016. – P. 845 [Electronic resource] // <http://www.gso.gov.vn>.
6. The number and migration of the population of the Russian Federation in 2014: *Stat. newsletter*. – M. Rosstat, 2015. – P. 125

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ВЬЕТНАМЦЕВ НА ОБУЧЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ: ИМЕЕТ ЛИ РОССИЯ ШАНСЫ ПОЛУЧИТЬ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ?¹

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: riazan@mail.ru.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: nikitaR@list.ru.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, миграционная политика, студенты, эксперты, приоритетные направления образовательной миграции, развитие российско-вьетнамских отношений, социологический опрос.

Аннотация. В статье представлены итоги совместного исследования ИСПИ РАН, Института европейских исследований ВАОН и Университета внешней торговли Вьетнама по выявлению установок вьетнамской молодежи на обучение за рубежом, в том числе в российских университетах. Исследование опирается на два социологических опроса 2016 г. (молодежи и экспертов), итоги которых представлены в докладе. Согласно им около половины опрошенных вьетнамских школьников и студентов хотели бы учиться за рубежом. Приоритетными направлениями образовательной миграции являются страны, проводящие активную политику привлечения потенциальных студентов из Вьетнама – Австралия, США, Франция, Великобритания, Япония и Южная Корея. Дана характеристика российской политики в этой сфере как неадекватной стоящим задачам. Россия не входит в число приоритетных направлений для обучения молодых вьетнамцев и существенно проигрывает в конкурентной борьбе другим государствам. Приведен анализ национальной стратегии развития молодежи во Вьетнаме, открывающей уникальный шанс для России при разумном подходе войти во Вьетнам с настоящим масштабным языковым проектом. Авторы делают вывод, что Россия имеет необходимые условия для привлечения вьетнамских студентов в свои университеты и должна вырабатывать новую «внешнюю» миграционную политику.

MIGRATION ATTITUDES OF YOUNG VIETNAMESE TO STUDY ABROAD: HAS RUSSIA A CHANCE TO GET THE VIETNAMESE STUDENTS?

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. (Economics), Professor, Head of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Chair of Department of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: riazan@mail.ru.

¹ Исследование проведено в рамках проекта РГНФ № 15-23 09001_м(а)

Elena E. Pismennaya, Dr. (Sociology), Professor of the Department of Theoretical Sociology of the Financial University under Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: nikitaR@list.ru.

Keywords: Vietnam, Russia, migration policy, students, experts, educational migration priorities, the development of Russian-Vietnamese relations, an opinion poll.

Abstract. The report presents the results of a joint study with the ISPR and Institute for European Studies VASS and the University of Vietnam's foreign trade to identify Vietnamese youth facilities to study abroad, including – in Russian universities. The study is based on two sociological survey in 2016 (young people and experts), the results of which are presented in the report. According to them, about half of the respondents of Vietnamese pupils and students would like to study abroad. The priority areas of educational migration are countries implementing an active policy to attract potential students of the Vietnam – Australia, USA, France, UK, Japan and South Korea.

The characteristic of Russian policy in this area as the task was inadequate. Russia is not among the priorities for the training of young Vietnamese and essentially loses in the competition to other states.

The analysis of the national youth development strategy in Vietnam, offers a unique chance for Russia with a reasonable approach to enter Vietnam with a truly ambitious language project. The author concludes that Russia has the necessary conditions to attract Vietnamese students in their universities and must develop a new “external” migration policy.

Целью проекта было выявление установок вьетнамской молодежи и оценка миграционного потенциала вьетнамской молодежи для обучения в российских университетах.

В сотрудничестве с учеными Института европейских исследований ВАОН и Университета внешней торговли в 2016 г. было проведено два социологических опроса во Вьетнаме и России. Во-первых, во Вьетнаме были опрошены 278 молодых людей (школьников выпускных классов и студентов), изучающих русский язык в университетах и школах. Во-вторых, во Вьетнаме и России были опрошены около 50 вьетнамских и российских экспертов: представителей органов государственной власти, ученых, преподавателей, сотрудников посольств, журналистов и бизнесменов с целью определения миграционного потенциала вьетнамской молодежи в целом и их установок на Россию в частности.

И хотя во вьетнамских стратегических документах прямо не указано на необходимость стимулирования образовательной миграции за границу, в политике обновления заданы посылы в данном направлении. В частности, в политическом докладе ЦК КПВ XI созыва XII съезду партии значительное внимание уделяется вопросам вложений в человеческий потенциал, развитию преподавательских и управленческих кадров, науки и технологий. Кроме того, ранее во Вьетнаме принята национальная стратегия развития молодежи на 2011–2020 гг. И очевидно, что Вьетнам планомерно будет придерживаться стратегии повышения образовательного уровня молодежи, в том числе через канал обучения за рубежом и привлечения высококвалифицированных специалистов в страну.

Кроме того, получение образования за рубежом в современном вьетнамском обществе является элементом престижа, социального статуса, характеризует успешные социальные стратегии развивающегося среднего класса. На долю Вьетнама приходится около 4% студентов, обучающихся за границей, из региона Восточной и Юго-Восточной Азии. По данным ЮНЕСКО, в 2014 г. численность образовательных мигрантов из Вьетнама за границей составила около 53 тыс. человек (это, например, в два раза больше, чем из соседнего Таиланда – 25,5 тыс. человек). Согласно экспертным оценкам, около 2 млрд долл. вьетнамские родители тратят на обучение детей за границей. Наиболее привлекательными для вселения вьетнамских образовательных мигрантов остаются страны, поддерживающие активные программы их привлечения: Австралия (около 48 тыс.), Франция (более 11 тыс.), Великобритания (более 9 тыс.), США (около 34 тыс.). К сожалению, Российская Федерация теряет в абсолютном и относительном измерении вьетнамских образовательных мигрантов. Если в 2008 г. на долю России приходилось около 10% всех образовательных мигрантов из Вьетнама, в 2014 г. – только около 3%. В рейтинге стран, принимающих вьетнамских студентов, в 2014 г. Россия занимала 5-ю позицию.

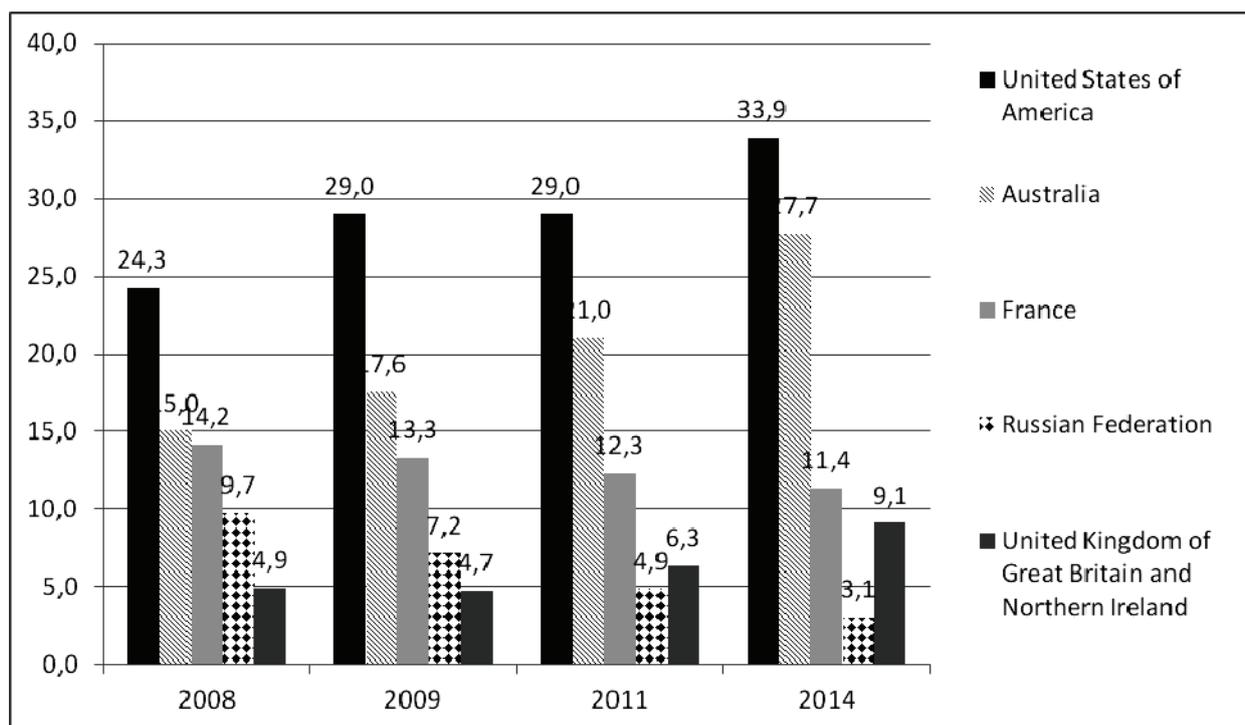

Рис. 1. Численность вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом в 2008–2014 гг., человек

В ходе наших социологических опросов 2016 г. было установлено, что вьетнамская молодежь обладает устойчивыми намерениями продолжить обучение за границей, и, следовательно, является носителем высокого миграционного потенциала образовательной миграции за рубеж. Согласно опросу экспертов, около половины опрошенных вьетнамских школьников и студентов хотели бы учиться за рубежом. Согласно нашему опросу молодежи, только 10% опрошенных не имеют желания продолжить обучение за границей.

Около 74% хотели бы обучаться за границей. Затруднились ответить и не ответили 16% (табл. 1). Данная когорта вьетнамской молодежи, не сформировавшая твердого мнения о намерениях учиться за границей, может рассматриваться как неустойчивая и при активных действиях, направленных на вовлечение молодежи в процесс образовательной миграции, перейти в группу потенциальных мигрантов.

Таблица 1

**Миграционные намерения вьетнамской молодежи
(ответ на вопрос: «Хотели бы Вы продолжить обучение за границей?»)**

Ответы	Частота ответов, человек	Доля, %
Да, хотел(а) бы	205	73,7
Нет, не хотел(а) бы	28	10,1
Не думал (а) об этом	20	7,2
Затруднились ответить	25	9,0
Итого	278	100,0

Возможности формирования миграционного потенциала для национальных университетов доказывает активная политика Японии и Южной Кореи. Например, Япония не только вкладывает значительные инвестиции в экономику Вьетнама, но и параллельно развивает масштабные образовательные и культурные программы для вьетнамской молодежи (центры, выставки, кинофестивали, гранты, летние лагеря, поездки, стажировки, и др.). Активизируют свою деятельность во Вьетнаме также Китай, Сингапур и Таиланд. В 2016 г. подписано новое соглашение о сотрудничестве в образовательной сфере с Китаем. Еще пример. Ранее различные университеты Таиланда стали активно выходить с различными образовательными программами для привлечения студентов из соседних Камбоджи, Вьетнама и Лаоса.

Российская образовательная политика развивается гораздо слабее, опирается на традиционные методы, не имеет достаточного размаха. В настоящее время прием иностранных граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, квотирован в количестве не более 15 тыс. человек в год всего за счет ассигнований из федерального бюджета. Размер квоты увеличен в 1,5 раза по сравнению с 2009 г. В 2016 г. 90-миллионному Вьетнаму были выделены квоты на обучение в российских вузах всего 850 вьетнамцев. Несмотря на создание Россотрудничества и фонда «Русский мир» и наличие у них значительных бюджетов, во Вьетнаме существенно сократилось распространение русского языка (осталось только 10 школ с преподаванием русского языка, в 2015 г. только двое преподавателей из России приехали для проведения курсов русского языка на два месяца!). Эксперты отмечали, что деятельность Фонда мира в советское время была гораздо эффективнее. К сожалению, отсутствует реклама российских университетов, нет доступных курсов русского языка, до провинциальных библиотек, вузов и школ не доходит литература. Слабо развивается культурный и научно-образовательный обмен. Нет системы грантов для молодежи. Кроме того, экономическое взаимодействие между странами

остается на низком уровне, что не дает возможности вьетнамцам – выпускникам российских вузов найти достойную работу на вьетнамском рынке труда. В результате, Россия не входит в число приоритетных направлений для обучения молодых вьетнамцев и существенно проигрывает в конкурентной борьбе другим государствам. Эксперты отмечают, что даже люди, учившиеся в СССР и России, отправляют своих детей учиться в страны Запада, Японию, Южную Корею, Австралию, поскольку не видят перспектив их трудоустройства с российскими дипломами. Опрос экспертов в сентябре 2016 г. на встрече общества «Ностальгия по СССР» (объединяет около 8 тыс. вьетнамцев, учившихся и работавших в СССР и России) это подтвердил.

При этом миграционный потенциал образовательной миграции для России гораздо выше данных цифр. Больше половины всех опрошенных молодых вьетнамцев (около 57%) желают продолжить обучение в России (табл. 2). Около 18% респондентов указали Россию наиболее предпочтительной среди всех стран для вселения и получения дальнейшего образования. Главным образом, это те, кто в настоящее время обучается в России и имеет уже установившиеся социальные и культурные связи.

Таблица 2

Миграционные намерения вьетнамской молодежи на обучение в России

Ответы	Частота ответов, человек	Доля, %
Да, хотел (а) бы	160	56,7
Нет, не хотел (а) бы	52	18,7
Не думал (а) об этом	62	22,3
Затруднились ответить	4	1,4
Итого	278	100,0

Тем не менее в силу объективных особенностей возрастной структуры вьетнамская молодежь представляет собой определенный потенциальный источник образовательной миграции для России. В 2019 г. численность школьников от 6 до 10 лет во Вьетнаме составит 7,45 млн человек. А еще Вьетнаму требуется 397 тыс. учителей и 300 тыс. классов. С 2017 г. китайский и русский языки могут выбираться вьетнамскими школьниками с третьего класса для обязательного обучения. Это официальная позиция властей, с которой не согласна значительная часть вьетнамского общества.

Демографический потенциал Вьетнама и миграционный потенциал вьетнамской молодежи дает возможность еще большего расширения сотрудничества в этой области образовательной миграции в Россию. Однако в условиях отсутствия стимулирующих мер миграционные ориентиры вьетнамской молодежи по направлению к России ослабевают, и фактически образовательные мигранты едут в страны, ведущие политику активного привлечения иностранных студентов [2].

И хотя Россия декларировала необходимость модернизации образования вообще и интернационализации высшего образования в частности, а перед ву-

зами поставлена задача войти в число ведущих университетов мира, реальное увеличение численности вьетнамских студентов в России происходит крайне медленно. По данным Министерства образования и науки РФ, в 2012/2013-м учебном году 4,1 тыс. вьетнамцев обучались в российских вузах, в 2013/2014-м учебном году – 4,3 тыс. вьетнамцев. По данным Росстата, численность студентов из Вьетнама в России в 2013/2014-м учебном году составила 2,9 тыс., а в 2014/2015-м учебном году – возросла до 3,9 тыс. человек.

Это дает уникальный шанс для России при разумном подходе войти во Вьетнам с по-настоящему масштабным языковым проектом. Исторические, геополитические, экономические, социальные и демографические предпосылки для этого есть. С одной стороны, данный проект мог бы быть формой помощи в развитии и расширением социально-экономического и культурного сотрудничества. А с другой стороны – элементом новой «внешней» миграционной политики России, которая не просто фиксирует миграцию внутри страны, а активно формирует миграционные потоки в странах – геополитических союзниках и экономических партнерах. Россия имеет уникальные условия для привлечения вьетнамских студентов в российские университеты, но для этого нужна новая «внешняя» миграционная политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Лукьянец А.С., Нгуен Кань Тоан, Рязанцев С.В., Тикунов В.С., Фам Хонг Хай. Влияние климатических изменений на миграцию населения во Вьетнаме // География и природные ресурсы. – 2015. – № 3. – С. 191–196.
2. Лукьянец А.С., Нгуен К.Т. Миграция из Вьетнама в контексте глобального изменения климата // Миграционное право. – 2014. – № 1. – С. 37–40.
3. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Вьетнамские мигранты на российском рынке труда // Служба занятости. – 2016. – № 3. – С. 66–69.
4. Age-Sex Structure and Marital Status of the Population in Vietnam, Vietnam Population and Housing Census 2009. – Hanoi: Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, 2011. – P. 168.
5. Education in Vietnam: an Analysis of Key Indicators, Vietnam Population and Housing Census 2009. – Hanoi: Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, 2011. – P. 196.
6. Youth Law and the Vietnamese Youth Development Strategy 2011–2020. – Hanoi, 2012. – P. 28 .
7. Young People in Vietnam: Selected Indicators, From the 2009 Vietnam Population and Housing Census, UNFPA. – Hanoi, 2011. – P. 44.

REFERENCES AND SOURCES

1. Lukyanets A. S., Nguyen Canh Toan, Ryazantsev S. V., Tikunov V. S., Pham Hoang Hai. Impact of climate change on the migration of the population in Vietnam // Geography and natural resources. – 2015. – № 3. – Pp. 191–196.
2. Lukyanets A. S., Nguyen Canh Toan Migration from Vietnam in the context of global climate change. Migration Law. – 2014. – No. 1. – P. 37–40.

3. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Vietnamese migrants in the Russian labor market // Employment Service. – 2016. – № 3. – Pp. 66–69.
4. Age-Sex Structure and Marital Status of the Population in Vietnam, Vietnam Population and Housing Census 2009. – Hanoi: Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, 2011. – P. 168.
5. Education in Vietnam: an Analysis of Key Indicators, Vietnam Population and Housing Census 2009. – Hanoi: Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, 2011. – P. 196.
6. Youth Law and the Vietnamese Youth Development Strategy 2011–2020. – Hanoi, 2012. – P. 28.
7. Young People in Vietnam: Selected Indicators, From the 2009 Vietnam Population and Housing Census, UNFPA. – Hanoi, 2011. – P. 44.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ВЬЕТНАМА В СТРАНЫ – УЧАСТНИЦЫ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

Тер-Акопов Александр Александрович, аспирант Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (Москва, Россия). E-mail: ata1233@mail.ru.

Ключевые слова: трудовая миграция, Вьетнам, ЕАЭС, экономическая интеграция.

Аннотация. Статья посвящена вопросам трудовой эмиграции из Вьетнама в страны ЕАЭС. Рассмотрены факторы, способствующие интеграции Вьетнама в единое пространство ЕАЭС. Выявлены особенности трудовой миграции из Вьетнама в страны ЕАЭС, установлены масштабы и география ее распределения. Дана оценка социально-экономических эффектов от присоединения Вьетнама к единому рынку труда. Детально рассмотрены эффекты как для Вьетнама, так и для стран – участниц ЕАЭС.

LABOUR MIGRATION FROM VIETNAM TO THE PARTICIPATING COUNTRIES OF THE EAEU UNDER THE CONDITIONS OF DEEPENING AND WIDENING ECONOMIC INTEGRATION²

Aleksandr A. Ter-Akopov, Ph.D Student at the Center of Social Demography and Economic Sociology, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russia). E-mail: ata1233@mail.ru.

Keywords: labor migration, Vietnam, EAEU, economic integration.

Abstract. The article is devoted to the issues of labor emigration from Vietnam to the countries of the EAEU. Factors contributing to the integration of Vietnam into the unified space of the EAEU are considered. The peculiarities of labor migration from Vietnam to the countries of the EAEU have been revealed, the scale and geography of distribution have been established. The estimation of social and economic effects from Vietnam's accession to the single labor market is given. The effects for both Vietnam and the countries participating in the EAEU are considered in detail.

Актуальность исследования продиктована событиями прошлого и нынешнего года. Создание, а затем расширение Евразийского экономического союза – грандиозное событие, которое влечет множество принципиально важных социально-экономических последствий.

Отсутствие значимых научных трудов в области данной проблематики также определяет актуальность исследования. В недостаточной степени изучены мотивы и объемы трудовой миграции из Вьетнама в страны ЕАЭС. Кро-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 16-36-00411 мол_a

² The research was conducted with support from RFBR grant № 16-36-00411 mol_a

ме того, анализ научной отечественной и зарубежной литературы показывает, что на сегодняшний день нет четкого представления о порядке интеграции Вьетнама в ЕАЭС, об условиях участия в едином рынке труда и т. д.

Как отмечает исследователь Безвербный В.А.: «Конкуренция за трудовые ресурсы, а также развитие единого рынка труда способствуют демографическому и территориальному расширению международных интеграционных объединений для достижения устойчивого социально-экономического развития. В этой связи стремление большинства интеграционных объединений к поиску ассоциированных членов и принятию новых стран видится абсолютно логичным, экономически оправданным решением» [2].

Перспективы присоединения новых стран к Евразийскому экономическому союзу могут коренным образом повлиять на решение ряда социально-экономических проблем. К их числу следует отнести: предотвращение возможных конфликтов, зарождающихся на основе усиления миграционных процессов, а также создание механизмов интеграции и адаптации мигрантов к условиям новой социокультурной среды.

Как отметил Президент РФ В.В. Путин: «Евразийский экономический союз не стремится объединить только постсоветские государства; формируемое евразийское пространство будет иметь более широкие границы. Экономический союз может сыграть роль связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. ЕАЭС станет частью и европейского, и азиатского экономического пространства, создаст большую площадку экономического взаимодействия, “гармоничное сотрудничество экономик” [4].

На сегодняшний день множество стран проявляют интерес к интеграционному объединению ЕАЭС, особенно к зоне свободной торговли ЕАЭС. В 2015 г. заключено соглашение о создании зоны свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом. Соглашение не подразумевает никаких изменений в визовых режимах и изменений квот на иностранную рабочую силу.

В обозримом будущем можно прогнозировать более глубокое сотрудничество Вьетнама во всех сферах международной торговли со странами – участницам ЕАЭС, вплоть до полноценного вступления в Союз.

Факторы, способствующие присоединению Вьетнама к единому рынку труда ЕАЭС. Основными факторами вступления Вьетнама в ЕАЭС с позиции миграционного аспекта являются: долгосрочные дружеские отношения со странами бывшего СССР, в особенности с Россией, довольно многочисленная вьетнамская община в России, потоки трудовой миграции из Вьетнама, преимущественно в Россию. Для Вьетнама эмиграция стала механизмом снижения безработицы и демографической напряженности.

Вступившее в силу новое миграционное законодательство со множеством ограничений в отношении стран, не входящих в ЕАЭС, и «проводниковый эффект трудовой миграции» могут стать определенными притягивающими факторами для присоединения Вьетнама к ЕАЭС. Сегодня Евразийский экономический союз можно позиционировать как определенный механизм регулирования трудовой миграции, так как членство в Союзе предоставляет доступ к единому рынку труда. Россия как основная страна – реципиент ра-

бочей силы в ЕАЭС, в свою очередь, заинтересована не только в увеличении трудовых ресурсов, но и в легализации большого количества трудовых мигрантов из Вьетнама, а также в сохранении и укреплении интеграционных связей с дружественными странами для обеспечения оптимального демографического баланса. Несмотря на эффективные способности вьетнамцев выстраивать социальные сети в странах – реципиентах рабочей силы, что проявляется в оказании материальной и организационной поддержки вновь прибывшим землякам, вступление Вьетнама в ЕАЭС позволит трудовым мигрантам на законном основании и в полной мере воспользоваться преференциальным режимом единого рынка труда ЕАЭС.

Особенности трудовой эмиграции из Вьетнама в страны ЕАЭС. Вьетнам является активным участником международной миграции в качестве страны-донора. В 2010 г. по абсолютному количеству эмигрантов Вьетнам занял двадцать третье место в мире. По показателю объема получаемых денежных переводов из-за рубежа (более 7,2 млрд долл. США) Вьетнам занимал шестнадцатое место в мире [6].

За пределами Вьетнама постоянно проживают 2,5–2,7 млн вьетнамцев. Из этого числа половина – в США, остальные относительно небольшими группами в странах АСЕАН (Камбоджа, Малайзия), во Франции, Канаде, Австралии, в странах Восточной Европы и в России. Эмиграция из Вьетнама осуществляется тремя потоками. Первый состоит из контрактных рабочих, второй – из выезжающих на постоянное место жительства. Третью группу мигрантов представляют мигранты-нелегалы. Из них часть на законном основании приезжает в другую страну, но остаётся там по истечению срока визы, другая же использует различные нелегальные каналы миграции.

Российская Федерация является основной страной – реципиентом трудовых мигрантов из Вьетнама среди стран – участниц ЕАЭС. В России подавляющее большинство вьетнамцев – выходцы из северной половины Вьетнама. Это вызвано, в первую очередь, историческими причинами. Первые наборы рабочих осуществлялись из северных провинций. Кроме того, на севере Вьетнама заметна климатическая разница между зимними и летними месяцами. Зимой в Ханое температуры в январе могут опускаться до плюс 5 градусов, а в горах до 0. На юге страны в январе температура никогда не опускается ниже плюс 18. Поэтому северянам в России легче акклиматизироваться.

Активизация миграционных потоков из Вьетнама в Россию и страны бывшего СССР произошла после подписания 2 апреля 1981 г. Соглашения между Правительством СССР и Правительством СРВ «О направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение и работу на предприятиях и в организациях СССР». По межправительственному соглашению десятки тысяч вьетнамцев приезжали в республики СССР для работы на предприятиях легкой промышленности. Проработав некоторое время, они ушли в торговлю, где и заняты в настоящее время. Основную массу трудовых мигрантов составляют люди, занимающиеся торговлей вещами, произведенными в Китае, во Вьетнаме и в Турции. Торговля осуществляется на крупных вещевых рынках. В последние годы в больших городах вьетнамцы стали открывать кафе и рестораны вьетнамской кухни.

В 1981–1991 гг. прошла широкомасштабная волна учебной и трудовой иммиграции из Вьетнама в СССР. За 10 лет было принято 103 392 тыс. человек на около 400 промышленных предприятий в 7 советских республиках, преимущественно в РФ (83%). На отдельных предприятиях вьетнамцы составляли 10–15% численности рабочего коллектива [3].

С 2000 г. наблюдается тенденция постоянного увеличения количества вьетнамской рабочей силы, прибывающей в Россию. Некоторые вьетнамские ученые оценивают численность своих граждан на территории России к 2001 г. в 50–60 тыс. человек. С учетом недостатков статистического учета и нелегальных мигрантов эта цифра может быть увеличена до 100 000 мигрантов. Согласно данным Росстата, в 2012 г. в России насчитывалось 62 961 вьетнамских мигрантов (в том числе 3 959 образовательных мигрантов), в 2014 г. это число достигло 75 840 человек (в том числе 3 615 образовательных мигрантов) [1].

Хотя число вьетнамцев, проживающих в России, в 2014–2015 гг. снизилось, вьетнамская община все равно является одной из наиболее крупных этнических диаспор в России. Согласно данным ФМС России, по состоянию на 4 октября 2015 г. число вьетнамских иммигрантов в России составляло около 32 тыс. человек, и большинство вьетнамских иммигрантов в России находятся в трудоспособном возрасте [5].

Для оценки масштабов миграции населения в Россию необходимо пользоваться разными источниками информации, характеризующими различные виды потоков. Это связано с несовершенством миграционной статистики нашей страны, что приводит к отсутствию единого источника информации по данной проблеме. Точных цифр о количестве вьетнамцев в России и странах СНГ нет. По примерным оценкам, во всех республиках бывшего СССР их не менее 350–400 тыс. человек.

По данным переписи населения 2002 г., в России проживало 26 тыс. вьетнамцев, а по итогам переписи 2010 г. их численность сократилась до 14 тыс. человек. Хотя реально эта цифра гораздо выше и, по нашим оценкам, достигает 100–150 тыс. человек. В настоящее время большая часть вьетнамцев живет и работает в Москве, Ставропольском крае, Башкортостане, Волгоградской, Свердловской областях, Хабаровском крае и ряде других регионов России.

Таким образом, основной принимающей страной мигрантов из Вьетнама в рамках ЕАЭС является Российская Федерация. Масштабы миграции из Вьетнама в другие страны – участницы ЕАЭС настолько малы, что практически не учитываются в отчетных документах. Вьетнам является важным миграционным партнером России. Учитывая перспективы полноценного вступления Вьетнама в ЕАЭС, открываются широкие возможности взаимного экономического развития как стран – участниц ЕАЭС – от вклада вьетнамских трудовых мигрантов, так и Вьетнама – за счет поступления денежных переводов и развития человеческого капитала. Миграция из Вьетнама в Россию на сегодняшний день используется не так эффективно, как могла бы. Существуют нереализованные практики привлечения инвестиций за счет трудовых мигрантов и большие возможности для учебной миграции.

Более широкое присутствие в России вьетнамского капитала, особенно в сфере производства, придало бы российско-вьетнамскому экономическому сотрудничеству более устойчивый, взаимовыгодный характер, способствовало бы лучшему пониманию и адаптации партнеров к экономическим и социально-политическим реалиям друг друга. Следовало бы шире использовать и другие организационно-правовые формы, в том числе подрядный метод, поддерживающая создание и функционирование предприятий через предоставление им государственных кредитов, налоговых преференций.

Постоянно увеличивается число вьетнамских студентов, аспирантов, научно-педагогических работников, направляемых в нашу страну. Всего в настоящее время в России обучаются свыше 5 тыс. вьетнамских граждан. Представляется, что количество вьетнамских специалистов, проходящих подготовку в российских вузах, должно быть увеличено как минимум в два-три раза.

Оценка социально-экономических эффектов от присоединения Вьетнама к единому рынку труда. Таким образом, в случае присоединения Вьетнама к ЕАЭС и к единому рынку труда, соответственно, можно выделить следующие эффекты в контексте трудовой миграции:

Для стран – участниц ЕАЭС:

- рост доходов бюджетов принимающих стран за счёт уплаты подоходного налога;
- оптимизация распределения рабочей силы внутри единого экономического пространства;
- уменьшение издержек по сдерживанию недокументированной миграции (легализация трудовых мигрантов через механизм единого рынка труда).

Для Вьетнама:

- вхождение в единый рынок труда приведет к легализации тех трудовых мигрантов, которые работают на данный момент в странах – участницах ЕАЭС незаконным образом, а также к увеличению потоков трудовой миграции из Вьетнама не только в Россию, но и в другие страны – участницы ЕАЭС. Стоит полагать, что после вступления Вьетнама в ЕАЭС трудовая миграция увеличится незначительно, примерно на 10–15%, учитывая высокий уровень издержек на перелет и аренду жилья;

- ликвидация визового режима для граждан Вьетнама.

С момента создания ЗСТ с Вьетнамом в рамках ЕАЭС новая модель отношений – это долговременное, транспарентное, взаимовыгодное партнерство, целью которого является обеспечение совпадающих или сходных внешнеполитических приоритетов и потребностей социально-экономического развития обеих сторон.

Представляется, что в ближайшем будущем будет наблюдаться углубление экономического сотрудничества между Вьетнамом и странами ЕАЭС по всем направлениям, в частности в области трудовой миграции. Присоединение Вьетнама к единому рынку труда ликвидирует визовые барьеры и предоставит национальный режим трудоустройства для всех трудовых мигрантов на территории Союза. Стоит полагать, что это станет новым историческим этапом в сотрудничестве бывших республик СССР и Вьетнама и позволит улучшить благосостояние обеих сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Арефьев А.Л. Иностранцы в российских вузах: Доклад на III Всемирном форуме иностранных выпускников советских и российских вузов [Электронный ресурс] // <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php> (дата обращения: 28.08.2016).
2. Безвербный В.А. Демографические и миграционные аспекты региональной интеграции (исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 13-32-01305-а2). Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII Международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылующих и принимающих стран» (Москва – Ставрополь, 13–18 октября 2015 г.). / Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – С. 338.
3. Мазырин В.М. Вьетнамские мигранты в современной России: пути возникновения, образ жизни, отличительные черты и особенности // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. – М., 2004. – С. 357–410.
4. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 5 октября. – С. 5.
5. Статистические сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 4 октября 2015 г.) [Электронный ресурс] // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (дата обращения: 24.08.2016).
6. Migration and Remittances Factbook 2011. The World Bank. – 2011. – P. 3, 13, 257.

REFERENCES AND SOURCES

1. Arefiev A.L. Foreign students in Russian universities: Report at the III World Forum of Foreign Graduates of Soviet and Russian Universities [Electronic resource] // <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php> (date of reference : 08.28.2016).
2. Bezverbny V.A. Demographic and migration aspects of regional integration (the research was supported by grant RGNF No. 13–32–01305–a2). Migration Bridges in Eurasia: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference "The Role of Labor Migration in the Socio-Economic and Demographic Development of Sending and Receiving Countries" (Moscow – Stavropol, October 13–18, 2015). Ed. member corr. RAS S. V. Ryazantsev. – Moscow: Publishing house "Econ–Inform", 2015. – P. 338.
3. Mazyrin V.M. Vietnamese migrants in modern Russia: ways of emergence, way of life, distinctive features and features // The problem of illegal migration in Russia: realities and solutions. – M., 2004. – Pp. 357–410.
4. Putin V.V. The New Integration Project for Eurasia – the Future that Is Born Today // Izvestia. – 2011. – 5 October. – P. 5.
5. Statistical information on foreign citizens on the territory of the Russian Federation in sex and age (as of October 4, 2015) [Electronic resource] // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (date of reference: August 24, 2016).
6. Migration and Remittances Factbook 2011. The World Bank. – 2011. – P. 3, 13, 257.

Раздел 3.

**РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ
МИГРАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Section 3.

RUSSIAN-VIETNAM MIGRATION RELATIONS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЬЕТНАМСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия). E-mail: gadzhimuradova1@rambler.ru.

Ключевые слова: вьетнамская диаспора, трудовые мигранты, вьеткьеу, интеграция.
Аннотация. В статье анализируются исторические предпосылки миграции вьетнамцев в Россию. Представлено современное состояние вьетнамской диаспоры в России и в других странах.

HISTORICAL FEATURES OF MIGRATION AND CURRENT STATUS VIETNAMESE DIASPORA IN RUSSIA

Gadzhimuradova Gul'nara, PhD in Philosophy, Senior Researcher of the Center of Demography, Institute of Socio-Political Research (ISPR) of the RAS (Moscow, Russia). Email: gadzhimuradova1@rambler.ru.

Keywords: Vietnamese diaspora, migrant workers, Overseas Vietnamese and integration.
Abstract. The article analyzes the historical background of Vietnamese migration to Russia. Presented by the current state of the Vietnamese community in Russia and in other countries.

В современных условиях под влиянием глобализации и политики открытости количество мигрантов, приезжающих в Россию с разными целями, увеличивается с каждым годом. Среди них поток мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, в частности из Вьетнама, занимает значительную часть. По официальным данным, в России сейчас проживает порядка 26 000 вьетнамцев, однако, согласно данным Дипломатической академии Вьетнама, их численность может составлять около 60 000 человек [4]. По данным Росстата, в России в конце 2015 г. насчитывалось около 50 000 вьетнамских мигрантов [5]. «Вьеткьеу» (*Việt kiều*), или «вьетнамцы, проживающие вне Вьетнама», сегодня рассредоточены в 103 странах мира. Самые большие вьетнамские диаспоры – в США (2 200 000 человек), во Франции (300 000 человек), в Австралии (300 000 человек), в Канаде (250 000 человек) и на Тайване (200 000 человек) [4].

Первые вьетнамские диаспоры за рубежом сформировались в период французской колонизации Индокитая. Дальнейшее формирование происходило в период Первой мировой войны, когда вьетнамцев вывозили во Францию в качестве дешевой рабочей силы. После войны некоторые из них остались в стране, положив начало образованию вьетнамских диаспор за рубежом.

В дальнейшем гражданская война и боевые действия в Юго-Восточной Азии, происходившие с конца 1950-х гг. и до 1975 г., известные как Вторая Индокитайская война, привели ко второму этапу миграции из страны. По данным УВКБ, с конца войны до начала 1990-х гг. страну покинули примерно 800 000 беженцев из Вьетнама [9].

Первое знакомство вьетнамцев с Россией произошло еще в 20–30-х гг. прошлого столетия, когда Страна Советов, верная идеям революции, занималась подготовкой людей, способных нести коммунистические идеи, руководить национально-освободительными движениями в своих странах. Примером может служить жизнь лидера борьбы за независимость Вьетнама и основателя коммунистической партии Вьетнама Хо Ши Мина (1890–1969) и его соратников, которые изучали вопросы партийного строительства в Советской России в 20–30-х гг. XX в.

В 1950 г. после признания Советским Союзом Социалистической Республики Вьетнам между двумя сторонами были установлены дипломатические отношения. Советский Союз оказывал мощную поддержку Вьетнаму как в материальном плане, так и в плане подготовки специалистов разного профиля. Поэтому количество вьетнамских студентов постоянно увеличивалось. Советская страна начала обучать вьетнамских студентов, готовить кадровых военных и партийных чиновников для Вьетнама. Только за четыре десятилетия, с начала 50-х гг. и до распада СССР, в Советской России получили образование около 30 тыс. граждан Вьетнама [6].

Подавляющее большинство «российских» вьетнамцев являются выходцами из Северного Вьетнама. Это вызвано в первую очередь историческими причинами, так как первые трудовые мигранты в России были выходцами именно с севера Вьетнама, затем за ними потянулись их родственники, знакомые, односельчане.

Исторически в Россию (тогда в Советский Союз) вьетнамцы ехали не столько по материальным, сколько по идейным соображениям, вследствие политической и идеологической близости двух стран. Тогда и стали постепенно формироваться первые вьетнамские общины в России.

В 1981 г. между СРВ и СССР было подписано соглашение «О направлении и приёме вьетнамских граждан на профессиональное обучение на предприятия и организации СССР». Это вызвало позитивные изменения в жизни вьетнамской диаспоры. Начался массовый экспорт рабочей силы из Вьетнама, так называемая трудовая миграция. Вьетнамское правительство преследовало две цели: 1) нужно было возвращать долги СССР и 2) нужно было решать проблему безработицы и перенаселенности. Трудовые мигранты из Вьетнама заключали контракт с определенным предприятием сроком на 4–6 лет, согласно которому вьетнамским рабочим шло около 40% их заработка, а остальное перечислялось во Вьетнам и шло на погашение государственного долга перед СССР.

Сегодня миграция из Вьетнама происходит чаще по экономическим причинам, так называемая «экономическая» миграция. Все «вьеткьеу» едут в основном за лучшей, более достойной и сытой жизнью. Таким образом, об-

щая численность вьетнамцев, трудившихся в Советском Союзе, в разные годы составляла от 100 до 120 тыс. человек [6].

После распада СССР практически все вьетнамские рабочие были отправлены на родину. Однако небольшая часть вьетнамцев уклонилась от репатриации. Точных данных нет, но с большой вероятностью можно предположить, что общее число невозвращенцев составило не менее 10 тыс. человек [6]. Некоторые из них были вынуждены остаться из-за отсутствия помощи со стороны российского правительства в содействии возвращению на родину. Часть постаралась закрепиться на новой родине и впоследствии успешно интегрировалась. Другая часть перебралась на жительство в иные страны.

После распада СССР отношения между Россией и Вьетнамом претерпели ряд изменений: были нарушены прежние договоренности по ряду направлений сотрудничества, в том числе и в сфере образования. Тем не менее в 1992 г. было подписано соглашение «О принципах направления и приёма вьетнамских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Российской Федерации». Приём вьетнамских граждан для работы на предприятиях России стал осуществляться в соответствии с законодательством РФ и порядком привлечения миграционной рабочей силы.

С начала 2000-х гг. многовекторные отношения между двумя странами стали стабильно развиваться на основе равенства, уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Привлекательность России как партнера по сотрудничеству в разных сферах актуальна и сегодня. В Россию, как и раньше, приезжают вьетнамцы не только работать и учиться, но и в качестве туристов и бизнесменов. Справедливости ради, нужно отметить, что довольно большая часть вьетнамцев сегодня с этими же целями едет в Европу, Америку и другие страны.

Вьетнамские диаспоры в России рассредоточены в основном в больших городах и областях. Например, по данным статистики ФМС России, это Москва, Московская область, Республика Башкортостан, Тульская и Челябинская области, Хабаровский, Приморский и Ставропольский края [7]. Но сегодня намечается позитивная тенденция переезда вьетнамских мигрантов в российскую провинцию.

Остановимся подробнее на факторах притяжения для вьетнамских мигрантов в России. Во-первых, это миграция по экономическим причинам. Низкий уровень доходов, отсутствие возможностей трудоустройства у себя дома мотивируют вьетнамцев искать новые возможности в других странах, в том числе и в России.

Во-вторых, традиционно большая часть мигрантов из Вьетнама приезжает на учебу в Россию, т. е. является учебными мигрантами. За период с 1992 по 2006 гг. 20 тыс. вьетнамцев окончили российские высшие учебные заведения. Примерно 3,2 тыс. вьетнамцев защитили в СССР, а затем в Российской Федерации кандидатские и докторские диссертации в различных областях научного знания. В 2006 г. 4 917 вьетнамских студентов проходили обучение в 177 российских учреждениях высшего образования [8]. Вьетнам поставил задачу к 2020 г. войти в число индустриально развитых стран мира. Это одна из причин увеличения числа учебных эмигрантов из Вьетнама. В 2014 г. в России

училось 3 615 вьетнамских школьников, студентов, магистров и аспирантов. Россия представляет собой технически развитую страну, поэтому основными специальностями, привлекающими внимание вьетнамских студентов, являются информационные технологии, радиотехника, авиастроение, нефтедобыча и др. География городов, в которых обучаются студенты из Вьетнама, в настоящий момент представлена шире, чем во времена СССР: кроме традиционных Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара и Воронежа сейчас их также можно найти в вузах (преимущественно технических) Тюмени, Казани, Томска, Иркутска [10].

В-третьих, Вьетнам относится к странам с трудоизбыточным и быстрорастущим населением. В России уже сейчас наблюдается нехватка трудовых ресурсов. Население Вьетнама, по данным на 2013 г., составляло 92 477 857 человек. Поэтому каждый год здесь нужно создавать около 2 млн рабочих мест, что пока является для правительства Вьетнама невыполнимой задачей. В России имеется большой спрос на дешевую рабочую силу для неквалифицированных работ (в строительстве, в коммунальном хозяйстве, в сфере услуг и т. д.). Эту нишу могут занять в том числе и вьетнамские мигранты.

В-четвертых, существование глубоко укорененной и достаточно многочисленной диаспоры вьетнамцев в России играет роль магнита, притягивающего новые волны трудовой и учебной миграции из Вьетнама в Россию. Более того, посольство Вьетнама в Москве и генеральные консульства Вьетнама во Владивостоке и Екатеринбурге не просто представляют интересы вьетнамского правительства и расширяют горизонты взаимных социально-экономических контактов в России, но служат своего рода гарантом защиты прав своих соотечественников, живущих и работающих в России. За счет наличия широкой сети соотечественников эффективно решаются вопросы адаптации, трудоустройства и защиты новых вьетнамских мигрантов [3].

И, наконец, в-пятых, Вьетнам, как и ряд государств Юго-Восточной Азии, принадлежит к группе стран, в которых существует высокий гендерный дисбаланс. Проблема дисбаланса соотношения полов среди новорожденных является достаточно острой. В 2006 г. этот показатель был на уровне 110 (110 мальчиков к 100 девочкам), а в первой половине 2014 г. – 114 (114 к 100). Дисбаланс в соотношении пола при рождении повышает социальную нестабильность и влияет на половую структуру населения страны. До 2035 г. во Вьетнаме 10% взрослых мужчин будут испытывать сложности с подбором невест и созданием полноценной семьи. Если до 2050 г. не будет найден способ изменить ситуацию, то 4,3 млн вьетнамских мужчин не смогут найти жен [11]. Подобный дисбаланс рождаемости, по мнению Дин Ха Ми¹, может привести к увеличению возрастной разницы между супругами и невозможности найти супругу для людей с низким уровнем доходов. Поэтому вскоре вьетнамским мужчинам активного брачного возраста (20–39 лет) придется эмигрировать либо с целью создания семьи, либо для увеличения уровня доходов. Эта причина поясняет половое соотношение среди мигрантов из Вьетнама в Россию (см. табл. 1) [3].

¹ Аспирант кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета.

**Сведения в отношении вьетнамских граждан, находящихся
на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе
(по состоянию на 27 августа 2015 г.)**

	До 18 лет	От 18 до 29 лет	От 30 до 39 лет	От 40 до 49 лет	От 50 до 59 лет	Старше 60 лет
Мужчины	3444	14710	6607	4300	1683	186
Женщины	2136	6491	3890	3256	1002	173

Актуальной проблемой во вьетнамо-российских отношениях в последнее время являются нелегальные трудовые мигранты. Несмотря на высокие темпы роста экономики Вьетнама, из-за высоких темпов прироста населения страны беспокойство вызывает безработица, особенно, в сельской местности. Поэтому вьетнамцы продолжают приезжать в Россию. В 2010 г. в Россию въехало около 40 тыс. граждан Вьетнама и около 500 человек выдворены из-за нарушения законодательства. Только в Москве в начале августа 2013 г. уже были задержаны 1 200 вьетнамцев, работавших без разрешения на работу, они также уклонялись от прохождения иммиграционного контроля [2].

Каковы перспективы у вьетнамцев в России? Так сложилось, что у большинства вьетнамских мигрантов нет ощущения стабильности пребывания в России, и они не видят здесь длительных перспектив для жизни. «Вьеткьеу», которые являются мигрантами во втором и третьем поколениях, живут в России более 10–15 лет и, имея свое хорошо налаженное дело, не собираются возвращаться на родину. Но, верные традициям, поддерживают тесные связи с исторической родиной, стараются воспитывать детей в русле своих обычаев и часто склоняются к тому, чтобы дети получали школьное образование во Вьетнаме.

Поэтому в отличие от выходцев из Средней Азии, чьи дети в большинстве своем живут с родителями и получают образование в российских школах, вьетнамских детей в наших школах можно встретить нечасто.

Большая часть вьетнамской диаспоры в России состоит из людей, которые заняты розничной торговлей товарами производства Китая, Вьетнама и Турции. Торговля осуществляется на крупных вещевых рынках и небольших торговых точках. В тех городах, где существуют такие рынки, они в обиходе часто так и называются «вьетнамские». При этом в последнее время торговлей «с лотка» вьетнамцы занимаются всё реже, предпочитая нанимать для этого местных жителей или граждан стран СНГ, а сами решают свои организационные задачи. В Москве вьетнамские мигранты трудятся главным образом на двух рынках – это «Люблино» и «Садовод». До ликвидации так называемого «Черкизона» или Черкизовского рынка внушительная часть вьетнамской диаспоры трудилась и там. В последние годы во многих городах России большой популярностью стали пользоваться вьетнамские кафе и рестораны, а также медицина и восточные единоборства.

Таким образом, современная вьетнамская диаспора в России включает в себя пять основных категорий мигрантов:

- трудовые мигранты;
- бизнесмены, работающие по лицензии;
- студенты, аспиранты и стажёры гражданских и военных вузов;
- сотрудники дипломатических представительств;
- нелегальные иммигранты.

Существуют ли особенности расселения вьетнамцев в России и в других странах? Есть ли ограничения их прав и свобод? В основном, как китайские, мусульманские и другие диаспоры за рубежом, вьетнамцы предпочитают компактное расселение, образуя своеобразные анклав-поселения со своим своеобразным ритмом и укладом жизни. Они исповедуют свою религию, отмечают свои праздники, предпочитают свою кухню, но в то же время законопослушны и расположены к местному населению. Однако в России вьетнамцы не образуют подобных поселений и вполне уживаются с местными жителями. С уважением и большим интересом относятся к многообразию нашей страны и довольно быстро и безболезненно интегрируются в страну проживания.

Хочется отметить, что в отличие от России, в США они на сегодняшний день добились больших успехов в разных областях экономики, культуры, медицины, политики и т. п. В Америке есть миллионеры вьетнамского происхождения, известные врачи, ученые, архитекторы. Россия же не может похвастать таким количеством известных вьетнамцев. Вьетнамская диаспора в России выдвинула из своей среды пока немного известных людей, среди которых самым знаменитым является композитор из Новосибирска Нгуен Лан Туат, получивший звание Заслуженного артиста. В числе достижений вьетнамцев, проживающих в России, следует назвать и весьма успешную вьетнамскую компанию «Роллтон», занимающуюся выпуском продуктов питания, в том числе и знаменитой одноименной лапши. Это происходит, на наш взгляд, по двум причинам: первая – это отсутствие гражданства и вторая – ограничение в видах профессиональной деятельности для вьетнамских мигрантов [1].

Таким образом, можно отметить довольно большой потенциал вьетнамских мигрантов в России. При правильном привлечении и использовании трудовых мигрантов можно выйти на долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество и партнерство между нашими странами и народами, что несомненно послужит укреплению наших экономических, политических, культурных связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вьетнамцы в России [Электронный ресурс] // <http://vietkieu.ru/> (дата обращения: 01.09.2016).
2. Депортация вьетнамских нелегалов обошлась Москве в 800 тыс. руб. [Электронный ресурс] // <http://lenta.ru> (дата обращения: 01.10.2016).
3. День Ха Ми. Особенности вьетнамской диаспоры в России [Электронный ресурс] // http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/20/sociology/dinh.pdf (дата обращения: 01.10.2016).

4. Потенциал и распределение вьетнамцев за рубежом. *Tiềm năng và phân bố của người Việt ở nước ngoài* [Электронный ресурс] // <http://www.tgvn.com.vn/> (дата обращения: 10.09.2016).

5. Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по странам гражданства) // Федеральная миграционная служба. 2015 [Электронный ресурс] // http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/ (дата обращения: 10.09.2016).

6. Соколов А.А. Вьетнамцы в России: история, культура, интеграция // Диаспоры. – 2011. – №1. – С. 219 – 244.

7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.09 2016)

8. Чесноков А.С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2009. – Т. 69. – № 3. – С. 40–48.

9. Flight from Indochina [Electronic resource] // <http://www.unhcr.org/> (дата обращения: 15.08.2016).

10. Kiều Trinh. Hàng tram hoc bong toan phan du hoc Nga cho hoc sinh // Vnexpress. 2014 [Electronic resource] // <http://vnexpress.net/tin-tuc/giao-duc/du-hoc/hang-tram-hoc-bong-toan-phan-du-hoc-nga-cho-hoc-sinh-3079917.html> (дата обращения: 20.09.2016).

11. Phương Anh. Chung tay giai quyet mat can bang gioi tinh khi sinh // Thanh tra. 2014 [Electronic resource] // http://thanhtra.com.vn/xa-hoi/y-te/chung-tay-giai-quyet-mat-can-bang-gioi-tinh-khi-sinh_t114c9n79318 (дата обращения: 23.07.2016).

REFERENCES AND SOURCES

1. Vietnamese in Russia [Electronic resource] // <http://vietkieu.ru/> (reference date: 01.09.2016).

2. Deportation of Vietnamese illegal immigrants, Moscow cost 800 thousand rubles [Electronic resource] // <http://lenta.ru> (reference date: 01.10.2016).

3. Dinh Ha Mi. Features Vietnamese Diaspora in Russia [Electronic resource] // http://teoria-practica.EN/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/20/sociology/dinh.pdf (reference date: 01.10.2016).

4. Potential and distribution of Vietnamese abroad. *Tiềm năng và phân bố của người Việt ở nước ngoài* [Electronic resource] // <http://www.tgvn.com.vn/> (reference date: 01.09.2016).

5. Information in respect of foreign citizens residing in the territory of the Russian Federation, in the gender / age breakdown (by nationality) // The Federal migration service. 2015 [Electronic resource] // http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/ (accessed: 10.09.2016).

6. Sokolov A. A. Vietnamese in Russia: history, culture, integration // The Diaspora. – 2011. – No. 1. – Pp. 219 – 244.

7. Federal State Statistics Service [Electronic resource] // <http://www.gks.ru> (reference date: 21.09 2016).

8. Chesnokov A. S. Vietnamese Diaspora in Russia: history and modernity // Journal of Siberian Federal University. / Series 3: Social science. – 2009. – No. 3. – Pp. 40–48.

9. Flight from Indochina [Electronic resource] // <http://www.unhcr.org/> (reference date: 15.08 2016).

10. Kiều Trinh. Hàng tram học bong toan phan du học Nga cho học sinh // Vnexpress. 2014 [Electronic resource] // <http://vnexpress.net/tin-tuc/giao-duc/du-hoc/hang-tram-hoc-bong-toan-phan-du-hoc-nga-cho-hoc-sinh-3079917.html> (дата обращения: 20.09.2016).

11. Phương Anh. Chung tay giai quyet mat can bang gioi tinh khi sinh // Thanh tra. 2014 [Electronic resource] // http://thanhtra.com.vn/xa-hoi/y-te/chung-tay-giai-quyet-mat-can-bang-gioi-tinh-khi-sinh_t114c9n79318 (дата обращения: 23.07.2016).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ВЬЕТНАМА В XXI ВЕКЕ

Доброхлеб Валентина Григорьевна, главный научный сотрудник ИСЭПН РАН, доктор экономических наук, профессор (Москва, Россия). Email: vdobrokhleb@mail.ru.

Ключевые слова: Демографическая динамика, структура населения, процесс старения населения.

Аннотация. В докладе определена специфика демографической динамики в наших дружественных странах, сложившаяся в условиях современных мировых демографических изменений. Показано, что для России острой демографической проблемой является сохранение стабилизации и прироста населения. Вместе с тем достижение устойчивого демографического роста не является фантастикой и, по мнению исследователей, может быть достигнуто. В настоящее время структуру населения Вьетнама можно считать более благополучной, в связи с тем, что число детей здесь превышает число стариков и соотношение полов более пропорционально. Однако в стране не завершена урбанизация, остается значительной доля сельских жителей, высока плотность населения, нарастает процесс демографического старения. Общим вызовом для наших государств в демографическом плане является нарастание процесса старения населения.

THE DEMOGRAPHIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF RUSSIA AND VIETNAM IN THE 21ST CENTURY

Valentina G. Dobrokhleb, chief researcher of ISESP RAS, doctor of economic Sciences, Professor, Moscow (Russia). Email: vdobrokhleb@mail.ru

Keywords: population dynamics, population structure, population ageing.

Abstract. The report identifies the specifics of the demographic dynamics in our friendly countries, the situation in terms of contemporary world demographic changes. It is shown that for Russia's acute demographic problem is the preservation of stability and population growth. However, achieving sustainable population growth is not a fantasy and according to researchers can be achieved. Currently, the structure of the population of Vietnam can be considered more favourable, due to the fact that the number of children exceeds the number of elderly and the sex ratio to be more in proportion. However, urbanization is not completed, remains a significant proportion of rural inhabitants, high population density, increases the process of demographic aging. A common challenge for countries in demographic terms is the growing aging population.

Структура и динамика населения, демографические процессы во многом являются определяющими факторами социальных изменений, формируют особенности тех или иных социальных феноменов. Именно влияние демографического фактора, параметры которого определяют рамки, в которых протекает тот или иной социальный процесс, требует пристального исследовательского взгляда.

Население Земли составляет 7,3 млрд человек, численность его постоянно растет [5]. Сегодня мир характеризуется набором демографических разрывов по континентам, регионам, странам, а также областям внутри стран. В том числе неодинаковы рождаемость, продолжительность жизни, детская смертность, ожидаемая продолжительность здоровой жизни и др. В ряде стран численность населения сокращается, а в других прирост идет очень интенсивно. Наиболее высокий рост населения до 2030 г. будет наблюдаться в Африке. Так, ее население увеличится на 1,3 млрд человек, Азия будет на втором месте, другие регионы вырастут незначительно или даже сократятся. В результате этого в мировом населении доля жителей африканского континента к 2050 г. может достигнуть 40%. Наиболее высокий рост численности жителей будет наблюдаться в таких странах, как, Индия, Нигерия, Пакистан, Демократическая Республика Конго, Эфиопия, Объединенная Республика Танзания, США, Индонезия и Уганда. При этом 48 стран потеряют часть населения. В их числе Болгария, Латвия и Япония. Кроме того, в мире существенно увеличится численность и доля пожилых и старых людей: с 901 млн в 2015 г. до 1,4 млрд в 2030 г., 2,1 млрд – в 2050 г. и в конце XXI в. достигнет 3,1 млрд человек. Существенно, что число людей в возрасте 80+ в 2015 г. составляло 125 млн, почти треть из них живут в Европе. Глобально к 2050 г. их численность составит 434 млн, а к 2100 г. – 944 млн.

В условиях мировых демографических изменений важно определить специфику демографической динамики в наших дружественных странах – России и Вьетнаме.

К важнейшим демографическим характеристикам относятся общая численность населения и соотношение полов (табл. 1).

Таблица 1

**Общая численность населения и соотношение полов
в Российской Федерации и Вьетнаме (в тысячах человек)**

Страна	Всего	В том числе		На 100 женщин приходится мужчин
		мужчин	женщин	
Российская Федерация	143 457	66 644	76 813	87
Вьетнам	93 448	46 224	47 223	98

Источник [5].

Российская Федерация занимает 9-е место в мире, а Вьетнам – 13-е по численности населения. При этом плотность населения во Вьетнаме значительно выше – 273 человека на квадратный километр – и занимает 30-е место в мире [1]. В РФ плотность населения очень неравномерна, в ряде регионов, например, в Москве, этот показатель очень высок. Россия в целом по плотности населения имеет 181-е место [3].

Соотношение полов во Вьетнаме более сбалансировано (табл. 1). В РФ гендерные демографические диспропорции начинают нарастать в возрастных группах 30–34 лет. Значительный дисбаланс соотношения полов наблюдается в возрастных когортах 70+, где он составляет 2,4 раза.

Одним из наиболее важных демографических показателей является возрастная структура населения. В настоящее время Вьетнам располагает более молодым населением, доля детей и подростков выше, чем в РФ (табл. 2). Однако процесс демографического старения затрагивает и вьетнамское население. Вместе с тем глубина старения населения в России выше. Если обратиться к показателям мирового населения, можно сделать вывод, что в целом население планеты моложе, чем население наших стран. При этом следует заметить, что к 2050 г., по средним вариантам международных прогнозов, доля пожилых людей в возрасте 60+ во Вьетнаме будет составлять 27,9%, а в России – 28,8%. Также будут близки показатели по детскому населению, которые для Вьетнама составят 17,2%, а для России – 17,7% в общей численности жителей. К середине текущего столетия мировое население останется более молодым – в нем 21,3% будут составлять дети и подростки, а 21,5% – пожилые люди в возрасте 60+.

Таблица 2

Структура населения РФ и Вьетнама по возрастным группам в 2015 г. в сравнении с мировым населением (в % к общей численности)

Страна	Население в том числе в возрасте			
	0–14	15–59	60+	80+
Мировое население	26,1	61,7	12,3	1,7
РФ	16,8	63,2	20,0	3,1
Вьетнам	23,1	66,6	10,3	2,0

Источник [5].

В России острой демографической проблемой является сохранение прироста населения. Данный показатель остается неустойчивым. В связи с этим в международных прогнозах Россия находится среди стран с достаточно высокой убылью населения. Ее место в первой двадцатке государств, теряющих жителей (табл. 3).

Таблица 3

Ранг ряда стран по убыли населения с 2015 по 2050 гг. (средний вариант прогноза) (в тысячах человек)

Ранг по показателю убыли населения	Страна	2015	2050	Убыль	Убыль в %
1.	Болгария	7 150	5 154	1 996	-27,9
19.	Российская Федерация	143 457	128 599	-14 858	-10,4
39.	Китай	1 376 049	1 348 056	-27 993	-2,0

Источник [5].

Вместе с этим предложены и другие варианты демографического прогноза будущей численности населения России. Например, классик российской демографии, профессор Л.Л. Рыбаковский отмечает, что при прогнозе, базирующемся на возможности очень существенного снижения смертности, росте продолжительности жизни и рождаемости в период до 2050 г., а также компенсирующем естественную убыль населения миграционным приростом, численность населения России может не только стабилизироваться (это предусмотрено прогнозной гипотезой в отношении миграции), но и возрастет в конце прогнозируемого периода. По мнению исследователя, достижение устойчивого демографического роста не является фантастикой. Например, треть века назад Россия имела хорошую демографическую динамику.

Таблица 4

Численность и динамика населения России в 1960–1990 гг.
(тысяч человек)

Годы	Численность населения	Прирост за предшествующие 5 лет	Динамика населения, в % к 1960 г.
1960	119 046	X	X
1965	126 309	7 263	1,061
1970	129 941	3 632	1,092
1975	133 634	3 693	1,123
1980	138 127	4 493	1,160
1985	142 539	4 412	1,197
1990	147 665	5 126	1,240

До 1988 г. естественный прирост населения ежегодно превышал 5 промилле, и был до 1991 г. включительно положительным. При обоих прогнозных вариантах, представленных Л.Л. Рыбаковским, доля населения трудоспособного возраста снижается, причем, более значительно в случае большего снижения смертности и роста рождаемости. Важным политическим шагом стало принятие пакета документов по демографическому развитию РФ. Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрено в течение ближайших 10–15 лет создание предпосылок, формирующих новый тренд демографической динамики, соответствующий ее геополитическому и социально-экономическому статусу [4].

В настоящее время структуру населения Вьетнама можно считать более благополучной, в связи с тем, что число детей здесь превышает число стариков и соотношение полов более пропорционально. Вместе с тем в стране не завершена урбанизация, остается значительной доля сельских жителей, высока плотность населения, нарастает процесс демографического старения.

Общим вызовом для наших государств в демографическом плане является нарастание старения населения. В международных документах, в том числе во Всемирном докладе о старении и здоровье, изданном ВОЗ в 2015 г., подчеркивается, что впервые в истории цивилизации большинство людей могут надеяться, что они достигнут 60 лет и больше. Эти изменения являют-

ся фундаментальными, а последствия – существенными. Продолжительная жизнь является невероятно ценным ресурсом, который дает возможность переосмыслить весь жизненный цикл, не только старший возраст. Например, зачастую в настоящее время в человеческой жизни выделяют периоды раннего детства, учебы, работы и затем выход на пенсию. При этом считается, что дополнительные годы добавляются к концу жизни, к пенсионному периоду. Однако, поскольку все больше и больше людей живут дольше, вероятно, что многие из них смогут изменять рамки стадий жизненного цикла. Например, в условиях, когда молодые люди ожидают, что проживут более долгую жизнь, они могут планировать начинать карьеру позднее и тратить больше жизненного времени на создание семьи и образование.

Возможности, возникающие в связи с увеличением продолжительности жизни, в значительной степени будут зависеть от одного ключевого фактора – здоровья. Если люди проживут дополнительные годы жизни в хорошем здоровье, их способности реализовывать то, что они считают ценным, будут мало отличаться от способностей более молодых людей. Если же эти дополнительные годы будут сопровождаться снижением физического и умственного потенциала, последствия для самих пожилых людей и для общества будут гораздо более негативными. Нет типичного пожилого человека. Пожилое население характеризуется значительным различием в потенциалах, в том числе в потенциале здоровья. ВОЗ отмечает, что *здоровое старение – это процесс* развития и поддержания функциональной способности, обеспечивающей благополучие в пожилом возрасте [2].

Определенные шаги в этом направлении делаются в наших странах. Например, в России принята Стратегия в отношении пожилых граждан, действие которой будет распространяться на предстоящее десятилетие. Центральным для осмысления *здорового старения* является понимание того, что ни истинная способность, ни функциональная способность не остаются постоянными. Обе они, как правило, снижаются по мере увеличения возраста, однако варианты жизненного выбора или интервенции в различные моменты жизненного цикла будут определять путь – или траекторию – каждого индивида. Всесторонние действия исследователей, органов управления и новой системы социальных институтов в отношении демографического и индивидуального старения необходимо расширять в наших странах неотложном порядке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вьетнам // Википедия [Электронный ресурс] // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC> (дата обращения: 10.08.2016).
2. Резюме. Всемирный доклад о здоровье и старении. 2015 [Электронный ресурс] // <http://WHO/FWC/ALC/15.0> (дата обращения: 15.08.2016).
3. Российская Федерация // Википедия [Электронный ресурс] // <http://ru.gullivay.org/public/wiki/europe/russia/>.

4. Рыбаковский Л.Л. и др. Демографическое развитие России в XXI веке [Электронный ресурс] // <http://rybakovsky.ru/demografiala.html> (дата обращения: 12.09.2016).

5. World Population Prospects, the 2015 Revision. UNDESA Population Division [Электронный ресурс] // https://www.populationmatters.org/documents/world_population_prospects.pdf (дата обращения: 20.08.2016).

REFERENCES AND SOURCES

1. Vietnam // Wikipedia [Electronic resource] // <https://en.wikipedia.org/wiki/%D0%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC> (reference date: 10.08.2016).

2. Summary. World report on health and aging. 2015 [Electronic resource] // <http://WHO/FWC/ALC/15.0> (reference date: 15.08.2016).

3. Russian Federation // Wikipedia [Electronic resource] // <http://ru.gullivay.org/public/wiki/europe/russia/>.

4. Rybakovsky L. L. etc. Demographic development of Russia in XXI century [Electronic resource] // <http://rybakovsky.ru/demografiala.html> (reference date: 12.09.2016).

5. World Population Prospects, the 2015 Revision. UNDESA Population Division [Electronic resource] // https://www.populationmatters.org/documents/world_population_prospects.pdf (reference date: 20.08.2016).

ВЬЕТНАМЦЫ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Зорин Дмитрий Павлович, студент 4-го курса экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН) (Москва, Россия). E-mail: kramler.3@gmail.com.

Ключевые слова: Россия, РФ, Вьетнам, СССР, вьетнамцы, миграция, трудовая миграция, население, инвестиции, бизнес, Дальний Восток, территория опережающего развития (ТОР), свободный порт, зона свободной торговли, ЕАЭС, торговля, взаимодействие, партнерство, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР, высококвалифицированные специалисты, виза.

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблеме – перспективам развития миграционных потоков между Вьетнамом и Дальним Востоком РФ. Цель данной статьи – это понять, к чему может привести увеличение потока мигрантов из стран Юго-Восточной Азии на Дальний Восток, в особенности из Вьетнама. Сам по себе Дальневосточный Федеральный округ имеет большой потенциал, так как он занимает огромную территорию, на которой может производиться целый ряд работ, начиная с сельского хозяйства, заканчивая добычей полезных ископаемых, которых в регионе в избытке. На сегодняшний день в Дальневосточном федеральном округе серьезной проблемой является дефицит рабочей силы, вследствие чего регион нуждается в иммиграции как из других регионов РФ, так и из близлежащих стран, таких, как Вьетнам. Поскольку отношения между нашими странами выходят на новый уровень взаимного партнерства в разных сферах деятельности, то и миграционный обмен в перспективе будет увеличен. В данной статье будут представлены статистические данные, которые помогут ощутить как положительные, так и отрицательные аспекты миграции между РФ и Вьетнамом.

VIETNAMESE IN THE EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry P. Zorin, student of faculty of economics of People's friendship university of Russia (PFUR) (Moscow, Russia). E-mail: kramler.3@gmail.com.

Keywords: Russia, Vietnam, USSR, Vietnamese, migration, population, investment, business, east, territory of priority development, TPD, Free port of Vladivostok, Free-trade area, EAEU, trade, interaction, partnership, Pacific Rim, highly qualified specialists, visa.

Abstract. This article is devoted to an actual problem – the prospects for the development of migration flows between Vietnam and the Far East of the Russian Federation. The purpose of this article – is to understand the consequences of an increase in the flow of migrants from Southeast Asia to the Far East, especially from Vietnam. By itself, the Far Eastern Federal District has real potential, because here is a lot of free place which can be made a different kind of works, as agriculture, mining and etc. Today, in the Far Eastern Federal District, a major problem is the shortage of manpower, that's why, the region needs immigration from other regions of Russia and from neighboring countries such as Vietnam. Relations between our countries is growing, so the partnership became more high in the different kinds of activities, that's why migration exchange will be increased too. This article will be presented with statistics that will help to feel positive and negative aspects of migration between Russia and Vietnam.

Оценка численности вьетнамцев в России и Дальневосточном регионе. Вьетнамцы на территории России появились в 1920–1930-е гг., когда СССР готовил революционные кадры для мировой социалистической революции. Вьетнамские коммунисты прибывали в Союз, чтобы получать образование в коминтерновских вузах, и после их окончания сразу отправлялись на родину, чтобы руководить коммунистическим и освободительным движением во Вьетнаме. В 1950 г. СССР признал Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ), и затем между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В вузы всех республик бывшего СССР начали активно приезжать вьетнамские студенты, курсанты военных училищ, кадровые работники.

В 1981 г. между СРВ и СССР было подписано соглашение «О направлении и приёме вьетнамских граждан на профессиональное обучение на предприятия и организации СССР». Вьетнамское правительство начало массовый экспорт рабочей силы с двумя целями, с одной стороны, вернуть долги СССР, с другой стороны решить проблемы безработицы и перенаселённости. После распада СССР многие вьетнамцы, работавшие здесь, не смогли уехать и остались жить в России, приспособившись к новым социально-экономическим условиям. На сегодняшний день основные виды деятельности вьетнамцев в России – учеба, работа в торговле, сельском хозяйстве, ресторанном бизнесе. Также растёт занятость в производственной сфере. По большей части в России живут и работают выходцы из Северного Вьетнама. По данным переписи населения России в 2002 г., на территории страны проживали 26,2 тыс. этнических вьетнамцев, а к 2010 г. их численность сократилась до 14 тыс. человек (табл. 1). По итогам переписи 2010 г., вьетнамцы занимали 79-е место по численности среди этнических групп в России. Также в 2010 г. в России проживали более 11 тыс. вьетнамских граждан и занимали они 12-е место среди иностранных групп населения [10].

Таблица 1

**Численность вьетнамцев в Российской Федерации,
по данным переписей населения 2002 и 2010 гг., человек**

Годы переписи	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
Этнические вьетнамцы			
2002 г.	26.206	18.297	7.909
2010 г.	13.954	8.630	5.324
Годы переписи	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
Граждане Вьетнама			
2002 г.	22.545	22.099	446
2010 г.	11.084	10.236	848
Владеющие вьетнамским языком			
2002 г.	26.197	Н/Д	Н/Д
2010 г.	10.148	Н/Д	Н/Д

Однако эти цифры переписей населения 2002 и 2010 гг. можно считать явно заниженными по трем причинам. Первой причиной является тот факт, что при переписи учитывались только те, кто проживал на территории России более одного года. Вторая причина – это умышленное уклонение нелегальных вьетнамских мигрантов от переписи, что вызвано опасениями об экстрадиции на Родину. И третьей причиной можно назвать сложность сбора информации в таких местах, как рынки, строительные площадки и т. п. Считается, что только в ходе переписи 2002 г. недоучет составлял порядка 5–10%. Есть основания полагать, что для такой довольно крупной этнической группы, как вьетнамцы, был еще больший недоучет. С учетом вышеназванных причин, в свое время учеными ИСПИ РАН была скорректирована численность вьетнамцев в России в 2010 г. на уровне от 100 до 150 тыс. человек [8]. В 2015 г. была дана оценка численности вьетнамских граждан в России на уровне 60 тыс. человек учеными Дипломатической академии Вьетнама [7]. Такое снижение численности вьетнамцев на территории России за последние пять лет могло быть обусловлено двумя причинами: во-первых, последствиями экономического кризиса и сокращением рабочих мест (например, некоторые предприниматели в России замещают труд вьетнамцев мигрантами из Центральной Азии); во-вторых, существует проблема статистического учета. Например, по данным текущего учета ФМС, в 2015 г. в России на миграционный учет было поставлено 53,5 тыс. граждан Вьетнама, находившихся с различными целями (учеба, работа и др.).

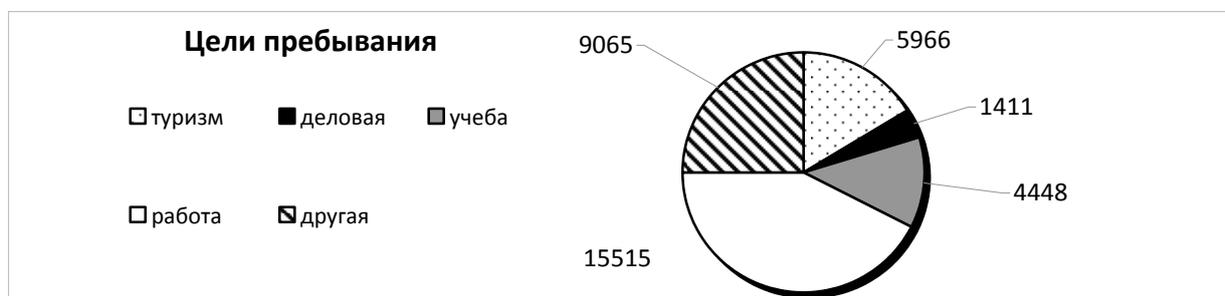

Рис. 1. Структура граждан Вьетнама, зарегистрированных по месту жительства и проживания в Российской Федерации, по целям в 2015 г.

Источник: [9].

Дальневосточный регион является одним из основных районов расселения вьетнамцев в России. Несмотря на почти двукратное сокращение численности вьетнамцев между переписями населения 2002 и 2010 гг. во всей стране, на Дальнем Востоке их численность возросла на 20%. Данные переписей показывают, что в пределах региона вьетнамцы концентрируются преимущественно в Хабаровском и Приморском краях.

**Численность вьетнамцев в регионах Дальнего Востока
по данным переписей населения 2002 и 2010 гг., человек**

	2002 г.			2010 г.		
	Численность этнических вьетнамцев	из них владеют русским языком	Численность граждан Вьетнама	Численность этнических вьетнамцев	из них владеют русским языком	Численность граждан Вьетнама
Дальневосточный федеральный округ	774	646	695	915	609	869
Республика Саха (Якутия)	12	9	4	9	8	3
Приморский край	213	122	178	310	252	300
Хабаровский край	489	465	471	576	329	562
Амурская область	19	19	11	9	9	1
Камчатская область	0	0	0	0	0	0
Корякский автономный округ	0	0	0			
Магаданская область	1	1	0	1	1	0
Сахалинская область	11	8	10	7	7	3
Еврейская автономная область	29	22	21	3	3	0
Чукотский автономный округ	0	0	0	0	0	0

Источник: [10].

Рост численности этнических вьетнамцев и граждан Вьетнама говорит о миграционной привлекательности Дальнего Востока для них. Почти все этнические вьетнамцы, проживающие на территории ДФО, сохраняют гражданство Вьетнама. Причинами служат два обстоятельства: во-первых, получить российское гражданство достаточно сложно из-за бюрократических процедур; во-вторых, многие вьетнамцы ориентированы только на временную занятость в России (как правило, на 3–5 лет), а затем возвращаются на родину.

По данным текущего учета, осуществляемого органами ФМС, в 2015 г. в Дальневосточном федеральном округе на миграционный учет было поставлено 3,5 тыс. граждан Вьетнама. Почти треть всех зарегистрированных вьетнамцев в регионе – трудовые мигранты. Причем, почти все они были поставлены на учет в Хабаровском крае и в Сахалинской области. Очевидно, это обусловлено территориальной близостью региона к Вьетнаму, а также сходной структурой экономики (большинство вьетнамских граждан на Дальнем Востоке задействованы в сельском хозяйстве и рыболовстве). Возможно, в перспективе численность вьетнамских рабочих будет увеличиваться. На вто-

ром месте образовательные мигранты из Вьетнама, в 2015 г. их было поставлено на учет 200 человек. Это студенты вузов Дальнего Востока, в большинстве своем учатся они в Приморском крае. Третье место по целям регистрации занимают бизнесмены и коммерсанты, приехавшие на Дальний Восток с деловыми целями, – 129 человек в 2015 г. – в основном в Приморский, Хабаровский край, Сахалинская область.

Таблица 3

Численность граждан Вьетнама, поставленных на миграционный учет в регионах Дальневосточного федерального округа в 2015 г., человек

	Работа	Учеба	Деловая	Туризм	Другое
Дальневосточный ФО	1059	200	129	58	826
Хабаровский край	743	25	8	1	51
Сахалинская область	256	17	9	8	15
Приморский край	42	154	107	43	739
Еврейская АО	13	0	0	6	0
Республика Саха (Якутия)	3	3	5	0	14
Камчатский край	2	0	0	0	1
Амурская область	0	1	0	0	6
Магаданская область	0	0	0	0	0
Чукотский АО	0	0	0	0	0

Источник: [9].

Перспективным направлением миграционной политики является привлечение высококвалифицированных специалистов (ВКС). Считается, что их привлечение может способствовать социально-экономическому развитию страны в целом и Дальнего Востока в частности. Высококвалифицированные специалисты из Вьетнама также приезжают в настоящее время для работы в Россию. На первых местах в списке стран стоят Китай и Вьетнам, гражданам которых было выдано 4,7 и 3,6 тыс. разрешений на работу как высококвалифицированным специалистам (рис. 2). На Дальнем Востоке Китай занимает только четвертое место, а Вьетнам даже не попал в первую десятку стран. В ДФО лидерами являются Великобритания, США и Филиппины (рис. 2). При этом следует отметить, что среди всех трудовых мигрантов суммарная доля китайских и вьетнамских граждан составляла в 2015 г. около 75%, а среди ВКС была весьма незначительной. То есть китайские и вьетнамские трудовые мигранты на Дальнем Востоке представлены в основном низкоквалифицированными рабочими, а не ВКС.

Скорее всего, в краткосрочной перспективе поставки рабочей силы на Дальний Восток будут увеличиваться из Китая, Вьетнама и КНДР. Однако в настоящее время основные потоки рабочей силы из этих стран направлены не в Россию, а в экономически развитые страны. России еще предстоит занять свою позицию на мировом рынке труда. Для Китая, КНДР и Вьетнама экспорт части рабочей силы на российский Дальний Восток является реальным способом смягчения проблемы занятости и бедности населения. В настоящее время

для многих рабочих – выходцев из Северо-Восточного Китая, КНДР, Вьетнама – работа в России остается хорошим способом улучшить свое материальное положение [1]. Учитывая, что демографический и трудовой потенциал этих стран значителен, можно говорить о значимости азиатских трудовых ресурсов для Дальнего Востока.

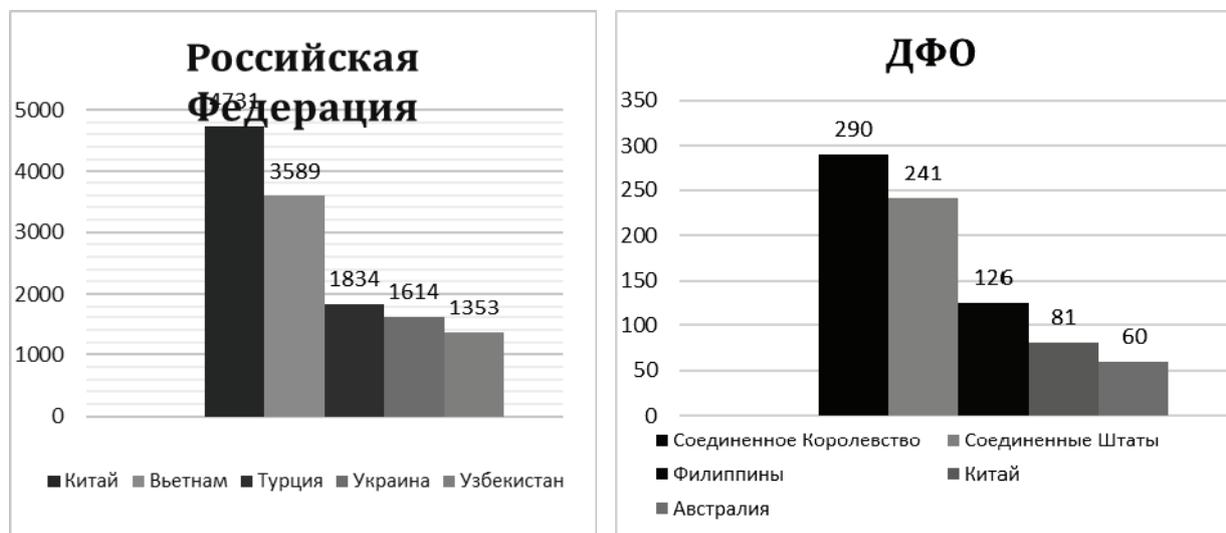

Рис. 2. Количество разрешений на работу, выданных высококвалифицированным иностранным специалистам в РФ и ДФО в 2015 г.

Источник: [10].

Вьетнамские инвестиции и сферы экономической деятельности вьетнамцев на Дальнем Востоке. Дальневосточный федеральный округ и Вьетнам являются долгосрочными экономическими партнерами. Структура экономики Дальнего Востока и Вьетнама дополняют друг друга. На этой основе развивается торговля и другие формы торгово-экономического сотрудничества. Из Вьетнама в ДФО экспортируются рис, морепродукты, фрукты, овощи, крахмал и др. Из ДФО во Вьетнам экспортируются различные виды сырья, нефтепродукты, металлы, удобрения, механическое оборудование, транспортные средства и запчасти. В 2014 г. Правительство РФ объявило новый геополитический курс на Восток, в первую очередь для привлечения партнеров и инвесторов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе из Вьетнама.

Бизнесмены из Вьетнама с интересом наблюдают за всеми изменениями, которые происходят в ДФО. В первую очередь, они проводят анализ, насколько эффективно было бы внедрение их инвестиций в данный регион и имеет ли место налаживание торговых отношений с партнерами из России. В ближайшие 5–10 лет оборот товаров вырастет и образуется несколько российско-вьетнамских объединенных предприятий в ДФО. Вьетнамский бизнес заинтересован в таких проектах, поэтому они вникают с суть закона об образовании территории опережающего развития (ТОР) и свободного порта. Данные законы вместе с оговоренным и подписанным договором о зоне свободной торговли между Вьетнамом и странами ЕАЭС образуют большой

спектр возможностей и перспектив и образуют положительные условия для увеличения взаимного сотрудничества между Вьетнамом и Россией и в частности с ДФО. В 2015 г. уже имеются первые сдвиги в лучшую сторону в плане развития оборота товаров между двумя государствами. Вплоть до 2020 г. планируется увеличение товарооборота на сумму до 10 млрд долл. с образованием совместных организаций в ДФО [2].

Во время переговоров представителями двух стран затрагиваются вопросы по различным видам сотрудничества, таким, как экономическое, торговое и инвестиционное. Помимо этого, оговариваются перспективы развития в сфере нефтедобычи и переработки, трудовой миграции и социальной политики.

На сегодняшний день во Вьетнаме осуществляются порядка 100 проектов совместно с инвестициями из России на сумму порядка 2 млрд долл. Прямые инвестиции из Вьетнама в Россию составляют 430 млн долл. Они включают отрасли нефти и газа, различные виды легкой и пищевой промышленности, сферу услуг и недвижимость.

В 2013 г. была достигнута договоренность о создании совместной рабочей группы по проработке возможностей участия вьетнамского капитала в создании промышленных кластеров на Дальнем Востоке. Вьетнамская сторона в целом готова к взаимодействию в этой сфере, однако рассчитывает на предоставление определенных налоговых льгот и преференций в иммиграционном режиме для граждан своей страны, которые будут привлекаться к работе на соответствующих предприятиях [6].

В ДФО находятся несколько десятков компаний из Вьетнама и совместных российско-вьетнамских предприятий, в особенности в Хабаровском и Приморском краях. Они работают в строительстве, логистике, в экспортно-импортной сфере, сфере услуг, сети торговых центров и розничной торговле и т. д. В большинстве своем данными компаниями владеют граждане Вьетнама, которые живут в ДФО или же делят свой бизнес с партнерами из России. Правда, за последние три года количество вьетнамских предприятий сократилось [11].

Вьетнамцы занимают особое место в структуре внешней трудовой миграции. Несмотря на то, что миграционные потоки из Вьетнама в Россию каждый год составляют чуть более 100 человек, некоторый кластер вьетнамцев остался в ДФО еще со времен распада СССР. Сфера деятельности, где задействовано больше всего граждан Вьетнама, – это торговля товарами из Вьетнама и Китая. В пример можно привести филиал продовольственной компании «Фукоса» г. Хошимина, занимающийся транспортировкой фруктов на Дальний Восток [4]. Или вьетнамскую компанию по производству кофе Trung Nguyen, которая активно экспортирует его в ДФО.

Налаживается и транспортное сообщение между Вьетнамом и Дальневосточным федеральным округом. Так, вьетнамская авиакомпания Viet Jet Air расширила сферу своей деятельности до ДФО, подписав с международным аэропортом Владивостока в 2014 г. меморандум о сотрудничестве [5]. И это только несколько компаний, которые связывают свою деятельность с Россией и с Дальним Востоком.

Миграционная политика Российской Федерации в отношении вьетнамских граждан: федеральный и региональный аспекты.

В настоящее время сложились ассиметричные отношения между Россией и Вьетнамом в сфере регулирования миграции. Прежде всего, следует отметить, что Вьетнам в одностороннем порядке отменил визы для российских граждан, посещающих Вьетнам на срок до 15 дней [3]. Россия является одной из немногих стран, гражданам которых Вьетнам предоставил подобные преференции (15 странам).

Таблица 4

Безвизовые отношения Вьетнама с некоторыми странами мира

До 14 дней пребывания	Бруней
До 15 дней пребывания	Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Российская Федерация, Япония, Южная Корея
До 21 дня пребывания	Филиппины
До 30 дней пребывания	Таиланд, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Сингапур, Индонезия,

Источник: [3].

Однако, если срок пребывания во Вьетнаме превышает установленное количество дней, то необходимо оформить визу. В некоторых аэропортах Вьетнама есть возможность оформить ее по прилету.

Теперь что касается граждан Вьетнама, въезжающих на территорию России. Тут дела обстоят иначе. Для всех вьетнамцев при въезде в нашу страну нужна виза. В свою очередь для разных целей пребывания в России выдаются разные виды виз. Вот некоторые из них: туристическая, деловая, студенческая, рабочая, транзитная.

Объяснить факт «одностороннего въезда» не сложно. Такая ассиметричная политика нашей страны объясняется тем, что есть опасения резкого наплыва вьетнамских трудовых мигрантов как на Дальний Восток России, так и в остальные регионы. Но это не дальновидное решение проблемы. Гораздо лучше было бы снять визовый барьер с Вьетнамом и с рядом других стран, но при этом увеличить контроль за пребыванием иностранцев в РФ. Данный шаг помог бы укрепить дипломатические и экономические связи с этими странами, а также способствовал бы взаимному росту экономик.

Также надо учитывать, что трудовые мигранты, которые приезжают на заработок в Россию, в большинстве своем остаются не на один год, а на три года. Следовательно, необходимо улучшить условия их пребывания в нашей стране.

Основные выводы

Вьетнам и Россия – это страны с переходной рыночной экономикой. Сотрудничество двух держав в разных сферах деятельности несомненно приведет к взаимной выгоде. К данным сферам можно отнести торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, взаимодействие в нефтяной сфере, социаль-

ной политике и трудовой миграции. Дальний Восток РФ – территория, имеющая наибольшие перспективы стать ключевой площадкой для развития отношений РФ, Вьетнама и других стран АТР.

Дальний Восток не так густо заселен, в отличие от соседних стран. Это способствует переселению из стран-соседей, в особенности из Вьетнама и Китая. На данный момент количество переселенцев незначительно, но все же наблюдается некоторый рост числа зарубежных граждан на Дальнем Востоке. Это говорит о том, что вопрос развития данного региона стоит сейчас как нельзя остро. На сегодняшний день в ДФО существуют серьезные проблемы, такие, как слабо развитая инфраструктура, довольно специфические климатические условия, относительно небольшое число постоянного населения. Три фактора, которые косвенно помогли бы решить эти проблемы: стимулирование ведения бизнеса, увеличение инвестиций в производство в регионе и регулирование миграционных процессов. Вьетнам, безусловно, имеет свои планы на Дальнем Востоке России. И то, насколько эти планы осуществляться и насколько они будут выгодны обеим сторонам, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. – Владивосток: изд. ВГУЭС, 2006. – С. 74–86.
2. Все трудности – временные, у отношений Приморья и Вьетнама большие перспективы. – БезФормата.Ru. [Электронный ресурс] // <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/otnoshenij-primorya-i-vetnama-bolshie/36816677/>.
3. Вьетнам : для поездок до 15 дней россиянам-авиатурастам виза не понадобится. [Электронный ресурс] // <http://nuzhnaviza.ru/aziya/vetnam/>
4. Вьетнамские бананы Находке не помешают // Электронная версия газеты "Владивосток" №874 от 27 октября 2000. [Электронный ресурс] // <http://vladnews.ru/874/novosti-sobytiya/vetnamskie-banany-nahodke-ne-pomeshayut>
5. Из Владивостока во Вьетнам начнут летать самолеты. [Электронный ресурс] // <http://www.vl.aif.ru/society/1332528>
6. Официальный сайт Минвосток развития РФ [Электронный ресурс] // <http://minvostokrazvitia.ru/>.
7. Потенциал и распределение вьетнамцев за рубежом (Tiềm năng và phân bố của người Việt ở nước ngoài) [Электронный ресурс] // <http://www.tgvn.com.vn/>.
8. Рязанцев С.В., Маньшин Р.В. Оценка масштабов китайской, вьетнамской и корейской миграции в России 2015 г. – С. 188.
9. Федеральная миграционная служба [Электронный ресурс] // <https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/>.
10. Федеральная служба государственной статистики: Материалы переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
11. Чинь Суан Хиеу «О потенциале развития отношений между Вьетнамом и Дальним Востоком РФ и о точках соприкосновения». [Электронный ресурс] // <http://www.vl.aif.ru/society/1332528>

REFERENCES AND SOURCES

1. Bezrukov I., Gorbenkova E. Prospects for the use of the Asian labor force in the economy of the Russian Far East – Vladivostok, 2006. – Pp. 74–86.
2. All the difficulties are temporary, the relations of Primorye and Vietnam have great prospects. – NoFormat.Ru. [Electronic resource] // <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/otnoshenij-primorya-i-vetnama-bolshie/36816677/>.
3. Vietnam: for trips up to 15 days, Russian tourists will not need a visa. [Electronic resource] // <http://nuzhnaviza.ru/aziya/vetnam/>
4. Vietnamese bananas Nakhodka will not prevent // Electronic version of the newspaper "Vladivostok" № 874 on October 27, 2000. [Electronic resource] // <http://vladnews.ru/874/novosti-sobytiya/vetnamskie-banany-nahodke-ne-pomeshayut>
5. Aircraft will fly from Vladivostok to Vietnam. [Electronic resource] // <http://www.vl.aif.ru/society/1332528>
6. Official website of the Ministry for Development of Russian Far East [Electronic resource] // <http://minvostokrazvitia.ru/>.
7. Potential and distribution of Vietnamese in the other countries (Tiềm năng và phân bố của người Việt ở nước ngoài) [Electronic resource] // <http://www.tgvn.com.vn/>.
8. Ryazantsev S., Manshin R. Assessment of the Chinese, Vietnamese and Korean migration to Russia. – 2015. – P. 188.
9. Federal Migration Service [Electronic resource] // <https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/>.
10. Federal state statistics service. Data of population census, 2010 [Electronic resource] // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
11. Chin Suan Hieu "On the potential for the development of relations between Vietnam and the Far East of Russia and on the points of contact". [Electronic resource] // <http://www.vl.aif.ru/society/1332528>

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В МОСКВЕ КАК ПОЗИТИВНЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ ТРЕНД

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: radogost2000@mail.ru.

Ключевые слова: вьетнамская диаспора, мигранты, иерархия, адаптация, интеграция, тренды, Москва.

Аннотация. На современном этапе правительство Москвы реализует эффективную социально-экономическую и культурную модель развития столичного мегаполиса, что создает устойчивый позитивный миграционный тренд. Количественный и качественный рост миграционных потоков в Москву обеспечивает успешное решение важных задач, стоящих перед городом, способствует его общемировому авторитету.

В то же время постоянный рост миграции скрывает в себе и ряд вызовов для столицы России. В этом ряду выделяются проблемы бесконфликтной, комфортной социокультурной адаптации внешних мигрантов, среди которых быстро увеличивается доля граждан не только из стран СНГ, но и дальнего зарубежья (в первую очередь, стран Азиатско-Тихоокеанского региона) плохо знающих русский язык и российские культурные традиции. Очевидно, что эффективная адаптация внешних мигрантов к новой для них социокультурной среде системно связана с экономической и правовой безопасностью города, со снижением и профилактикой этнической и конфессиональной напряженности в межнациональных отношениях между коренными жителями города и его гостями, с сохранением и развитием особой московской идентичности, делающей столицу России уникальным и единым целым.

ADAPTATION AND INTEGRATION OF THE VIETNAMESE IN MOSCOW AS A POSITIVE MIGRATION TRENDS

Irina S. Karabulatova, Dr. filol.S., prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: radogost2000@mail.ru.

Keywords: Vietnamese Diaspora, migrants, hierarchy, adaptation, integration trends, Moscow.

Abstract. At present, the Moscow government is implementing an effective socio-economic and cultural model of development of the capital city, which creates a steady positive trend in migration. Quantitative and qualitative growth of migratory flows in Moscow provides a successful solution to the important problems facing the city, contributing to its authority for worldwide.

At the same time the permanent migration rise conceals a number of challenges for the Russian capital. In this series highlighted the problem of conflict-free, comfortable external socio-cultural adaptation of migrants, including the rapidly increasing proportion of citizens, not only from the CIS, but also abroad (primarily Asia and the Pacific) poor knowledge of Russian language and Russian cultural traditions. It is obvious that an effective adaptation of foreign migrants to their new place of social and cultural environment systematically linked to the economic and legal security of the city, with the reduction and prevention of ethnic and religious tensions in inter-ethnic relations between the indigenous people of the city and its guests, with the preservation and development of a special Moscow identity, making the capital of Russia and a unique one.

На современном этапе правительство Москвы реализует эффективную социально-экономическую и культурную модель развития столичного мегаполиса, что создает устойчивый позитивный миграционный тренд. Количественный и качественный рост миграционных потоков в Москву обеспечивает успешное решение важных задач, стоящих перед городом, способствует его общемировому авторитету.

В то же время постоянный рост миграции скрывает в себе и ряд вызовов для столицы России. В этом ряду выделяются проблемы бесконфликтной, комфортной социокультурной адаптации внешних мигрантов, среди которых быстро увеличивается доля граждан не только из стран СНГ, но и дальнего зарубежья (в первую очередь, стран Азиатско-Тихоокеанского региона), плохо знающих русский язык и российские культурные традиции. Очевидно, что эффективная адаптация внешних мигрантов к новой для них социокультурной среде системно связана с экономической и правовой безопасностью города, со снижением и профилактикой этнической и конфессиональной напряженности в межнациональных отношениях между коренными жителями города и его гостями, с сохранением и развитием особой московской идентичности, делающей столицу России уникальным и единым целым.

В настоящее время вьетнамская диаспора в Москве и в целом в России функционирует в двух сферах: 1) получение образования студентами из Вьетнама в вузах и 2) участие в предпринимательской деятельности. Как отмечает исследовательский коллектив под руководством чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, в будущем нельзя отбрасывать и миграцию, обусловленную изменением климата [4].

Мы считаем в качестве нового и успешного миграционного тренда позитивную адаптацию вьетнамцев в России, под которой понимаем достижение интеграции с российской культурой без потери своей уникальности. В большинстве случаев наиболее предпочтительным вариантом такого миграционного тренда, как аккультурационная стратегия для большой массы этнических мигрантов, становится именно интеграция [3]. Эта стратегия предполагает бережное сохранение и дальнейшее развитие собственного культурного наследия при самом благожелательном, гармоничном, открытом отношении к разнообразным формам взаимодействия с принимающим сообществом. Для мигрантов успешным и эффективным видом адаптации является, прежде всего, интеграция.

В свое время П. Мюллеровой была проанализирована вьетнамская диаспора в Чехии, что позволило ей сформулировать основные классификационные признаки вьетнамских иммигрантов (2001). Вообще вьетнамская диаспора в Чехии занимает третье место в стране по численности, в стране, согласно статистике МВД, проживает более 56 700 вьетнамцев. Этот факт побудил объявить 2015 г. в Чехии годом Вьетнама [2].

Категории вьетнамцев, проранжированные Петрой Мюллеровой, можно представить, наш взгляд, в виде пирамиды, где внизу находится самая многочисленная и бесправная группа мелких торговцев «зан ден» («черные люди»), далее чуть выше располагается группа «тю ханг» («хозяева товара»), еще бо-

лее высокое место в иерархии занимает группа «сахой дэй» («теневое сообщество» – представители вьетнамской мафиозной структуры) и венчает эту пирамиду группа «зить ву» («люди, предоставляющие услуги») (2001). Эта иерархия сродни кастовому делению, причем, переход из одной касты в другую не является возможным [1]. В Москве понятие «вьетнамский рынок» стало нарицательным. Ассоциации, возникающие с этим понятием: масштабные замкнутые торговые структуры с непрозрачными логистикой и бухгалтерией. Появление и развитие подобных структур, стимулируется несовершенством работы миграционных и налоговых служб, а также законодательства в области миграции. В Москве широко известны четыре вьетнамских рынка.

Что касается негативного вида адаптации, то данная иерархия внутри вьетнамской диаспоры дает вроде бы адаптацию в виде психологической защиты, но она способствует изоляции, маргинализации и сегрегации. Следует констатировать, что в настоящий момент вьетнамская диаспора г. Москвы демонстрирует некоторые формы негативного вида адаптации.

В классификации П. Мюллеровой не учитывается учебная миграция, поэтому, мы полагаем, что для российских реалий характерна классификация по иным параметрам: 1-я группа – это студенты и аспиранты, обучающиеся по линии международных обменов и др.; 2-я группа – это вьетнамские бизнесмены, работающие по лицензии; 3-я группа – вьетнамские трудовые мигранты, приехавшие по двустороннему соглашению; 4-я группа – нелегальные мигранты.

Для адаптации и интеграции вьетнамцев в российских реалиях необходимо учитывать тот факт, что в целом этот народ находится в рамках традиционной (буддистско-конфуцианской) «юго-восточной» модели. Однако, кроме традиционных черт, вьетнамцы демонстрируют черты современные, связанные с четкой национальной идентификацией и модернизацией, основа которых в длительных контактах с европейскими, шире – «западными» культурами: французской, американской, российской. Похожие (или более выраженные) черты у граждан Южной Кореи, Гонконга, других «азиатских тигров». Это го-

ворит о том, что прогнозы относительно грядущего «вьетнамского экономического чуда» более чем оправданы.

С учетом традиционной жизнерадостности и оптимизма вьетнамцев демонстрируемый ими в России совершенно иной образ жизни (характеризуемый как замкнутый, недоверчивый, предельно скрытный), осуществляющийся в рамках изолированных, не идущих на полноценный контакт этнических групп, говорит о восприятии ими окружающей культурной среды как чуждой им. Восприятие культурной жизни столичного мегаполиса мигрантами из Вьетнама как чуждой им имеет свои причины.

Периодически проводимые опросы вьетнамских мигрантов в Москве показывают, что существуют определенные реперные точки, позволяющие говорить о перспективах адаптации и интеграции вьетнамцев в России в целом. Опрос вьетнамцев проходил через консультационные центры, где оказываются многопрофильные услуги – переводческие, юридические, финансовые и др. («Вьет-Нга», «Тху-Нга», «Ты-Ха», «Шонг Лам», «Ха Лам», «Новый век», «Вера», «Винь Ха», «Хонг Фиеу»). Всего было опрошено порядка 300 человек (2015). Доверительное отношение респондентов формировалось благодаря тому, что персонал консультационных центров состоял из этнических вьетнамцев и играл важную роль посредничества между вьетнамской диаспорой и окружающим миром. Основной задачей проводимых опросов стали выявление отношения граждан Вьетнама, проживающих в Москве, к перспективам своей социокультурной адаптации к жизни столичного мегаполиса и прояснение причин, которые, по их мнению, препятствуют этому процессу. В качестве индикаторов исследования были выбраны: сроки пребывания в столице, отношение к перемене гражданства, уровень образования, содержание и характер трудовой деятельности, отношение в обществе к мигрантам, интерес к русской культуре и развитию связей с москвичами.

На вопрос о времени пребывания в Москве 66% респондентов ответили, что приехали на срок менее года, 12% – на срок более года, 22% – затруднились ответить. Очевидно, чем меньше срок пребывания мигранта в столице, тем ниже его мотивация к полноценной социокультурной адаптации. Вьетнамские мигранты в большинстве своем артикулируют предпочтения небольшого срока пребывания в Москве. Это обстоятельство негативно сказывается на их готовности к восприятию культурных традиций и поведенческих стереотипов москвичей.

Кроме того, 18% респондентов имеют высшее образование, 48% – имеют среднее специальное образование, но по специальности работают только 8% (соответственно, 92% – работают не по специальности). Малая доля людей с высшим образованием в структуре вьетнамской диаспоры свидетельствует о проблеме человеческого капитала, с которой сталкивается диаспора в процессе социокультурной адаптации. Люди с высшим образованием более открыты и подготовлены к восприятию иного социокультурного опыта.

Показателен чрезвычайно малый процент вьетнамцев, работающих в Москве по специальности. Очевидно, что работающие по специальности мигранты заинтересованы в длительных сроках пребывания в столице и, следо-

вательно, в овладении азами культуры. Огромный процент работающих не по специальности, в свою очередь, подтверждает установку мигрантов на кратковременность пребывания в Москве, а значит, на их незаинтересованность в социокультурной адаптации.

Отсутствие или неопределенность интереса к смене гражданства пропорционально отсутствию интереса к полноценной социокультурной адаптации. 59% респондентов ответили на вопрос о получении российского гражданства отрицательно, 5% респондентов ответили на вопрос о гражданстве положительно, 36% – затруднились ответить. Очевидно, что стремящийся к получению гражданства человек будет активно овладевать культурой своей будущей родины, используя для этого все возможные инструменты, в том числе предоставляемые принимающей стороной. Наоборот, человек, который не ставит своей целью получение гражданства, будет такие инструменты игнорировать.

Достаточно спокойной выглядит оппозиция «свой – чужой» в восприятии культуры. В сравнительной оценке отношений к вьетнамским мигрантам москвичей и властей Москвы мнения респондентов существенно различаются. То, что москвичи настроены по отношению к вьетнамцам благожелательно, уверены 34% респондентов, нейтрально или негативно нейтрально (равнодушно) – 59% и только 5% – указали на негативное, враждебное отношение. Отсутствие конфликтности между вьетнамцами и россиянами (москвичами) особенно заметно в сравнении, например, с отношением россиян (москвичей) к кавказцам. Это указывает на существование социокультурной совместимости и, как следствие, на большой потенциал адаптивности вьетнамцев в российскую (московскую) среду. Среди положительных качеств москвичей на первые места вьетнамские респонденты вынесли: активность, образованность, толерантность, работоспособность. То, что вьетнамцы акцентируют внимание на отмеченных качествах, говорит о том, они разделяют позитивность этих качеств. Таким образом, указанные респондентами качества свидетельствуют не только о социокультурной «зрелости» московского многонационального сообщества, но и об общих ценностях, которые разделяют представители вьетнамской диаспоры и коренные москвичи.

Содержание ответов на вопросы о русской культуре и русском языке свидетельствует о готовности рядовых членов вьетнамской диаспоры к изучению на добровольной и безвозмездной основе русского языка и культуры. Так, 70% респондентов уверены, что необходимы специальные мероприятия по пропаганде в среде вьетнамской диаспоры достижений русской культуры, 22% – затруднились ответить и только 8% – посчитали это излишним. По тем или иным причинам (отсутствие необходимости, финансовые затруднения, проблема времени и др.) 97% респондентов не могут посещать платные курсы русского языка, но 3% – изучают русский язык с репетиторами. При этом в случае бесплатных занятий русского языка изучать его готовы 56% респондентов, 44% – затруднились ответить. Очевидно, что предложение такой услуги городскими властями, коммерческими структурами, где работают вьетнамцы, или некоммерческими организациями, стало бы важным условием выведения мигрантов из их социокультурной автаркии.

Несомненно, что целенаправленное создание условий по ознакомлению со всем богатством русской культуры – как традиционной, так и современной – является одним из важнейших инструментов вовлечения членов вьетнамской диаспоры в культурную жизнь Москвы. Русская культура вызывает интерес у подавляющего большинства вьетнамских респондентов: 88% – хотят знать ее лучше и жалеют об отсутствии времени и условий для этого ознакомления, но 12% – равнодушны к русской культуре. Мы полагаем, что позитивное отношение к русской культуре является важным ресурсом социокультурной адаптации вьетнамской диаспоры.

Комфортные условия жизни в России – не только экономические, но и социокультурные – могли бы изменить исходную мотивацию приезжих. Однако этого не происходит. Существует серьезная причина, из-за которой граждане Вьетнама стараются не посещать культурные и другие мероприятия, общественные места. Опрос показывает, что мигранты из Вьетнама, контактируя с местными жителями и особенно с представителями власти, как правило, получают негативный опыт общения. Определенная отчужденность в больших мегаполисах характерна для всего мира. Однако восприятие деятельности московских чиновников и служащих (по мнению респондентов нашего опроса, большинство чиновников и служащих демонстрируют к мигрантам равнодушие или враждебность – 64% и 28%, соответственно) в качестве препятствия, а не помощи показательно. В этом случае можно говорить о том, что по сравнению с западной государственно-административной культурой российская является несовершенной, причем, не только на институциональном уровне, но и на уровне коммуникативном.

При этом необходимо отметить большой и бескорыстный интерес к русской культуре, который продемонстрировали вьетнамские респонденты, что отчетливо свидетельствует о серьезном адаптационном потенциале вьетнамской диаспоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Валеев А.В. Вьетнамская диаспора в Республике Башкортостан: Автореф. к. ист. н. – Казань, 2008. – С. 24.
2. Дубова З. В Чехии стартует год вьетнамской культуры [Электронный ресурс] // <http://www.czech.cz/ru/Vie-Travail> (дата обращения: 04.09.2016).
3. Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Гришанова А.Г. Миграционные мосты в Евразии: старые и новые тренды // Миграционное право. – 2015. – №1. – С. 5–8.
4. Лукьянец А.С., Письменная Е.Е., Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Маньшин Р.В. Изменения климата как фактор трансформации геополитических отношений: специфика миграции из Вьетнама в Россию // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – М., Уфа, Ростов-на-Дону, 2015. – Т. 3. – С. 111–115.
5. Müllerová P. Dračí král. Vietnamské pohádky. – Praha: Dauphin, 2001. – P. 145.
6. Pismennaya E. E., Karabulatova I. S., Ryazantsev S. V., Lukyanets A. S., Manshin R. V. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a factor of Transformation of Geopolitical Relations // Mediterranean Journal of Social Science. – 2015. – Vol 6. – No. 3. – S. 2. – Pp. 210–215.

REFERENCES AND SOURCES

1. Valeev A. The Vietnamese diaspora in the Republic of Bashkortostan. – Kazan, 2008. – P. 24.
2. Dubova Z. Czech Republic will start the year of Vietnamese culture [Electronic resource] // <http://www.czech.cz/ru/Vie-Travail> (reference date: 04/09/2016).
3. Karabulatova I. S., Ryazantsev S. V., Grishanova A. G. Migration bridges in Eurasia: old and new trends // *Immigration Law*. – 2015. – No. 1. – Pp. 5–8.
4. Lukyanets A. S., Pismennaya E. E., Karabulatova I. S., Ryazantsev S. V., Manshin R. V. Climate change as a factor of transformation of geopolitical relations: the specificity of migration from Vietnam to Russia // *Socio-economic, humanitarian and philosophical problems of modern science*. – M., Ufa, Rostov-on-Don, 2015. – Vol. 3. – Pp. 111–115.
5. Müllerová P. Dračí král. Vietnamské pohádky. – Praha: Dauphin, 2001. – P. 145.
6. Pismennaya E. E., Karabulatova I. S., Ryazantsev S. V., Lukyanets A. S., Manshin R. V. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a factor of Transformation of Geopolitical Relations // *Mediterranean Journal of Social Science*. – 2015. – Vol. 6. – No. 3. – S. 2. – Pp. 210–215.

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ВЬЕТНАМСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Леденёва Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, зав. кафедрой конфликтологии и миграционной безопасности ИПиНБ РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru.

Ключевые слова: адаптация, стратегии, Вьетнам, мигранты.

Аннотация. В статье рассматриваются интеграционные и адаптационные стратегии трудовых мигрантов в принимающих странах. На примере вьетнамской диаспоры рассмотрены механизмы адаптации мигрантов в России. Выделены 8 групп трудовых мигрантов из Вьетнама, отличающихся между собой характером вовлеченности в трудовую деятельность в России. Установлена роль вьетнамской диаспоры в системе адаптации и интеграции мигрантов в российское общество и экономику.

ADAPTATION STRATEGIES OF VIETNAMESE WORKERS IN RUSSIA

Victoria Y. Ledeneva, Doctor of sociology, professor, Head of the department of conflict and migration security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru.

Keywords: adaptation, strategy, Vietnam, migrants.

Abstract. Integration and adaptation strategies of labor migrants in the host countries are considered in the article. On the example of the Vietnamese diaspora, mechanisms for the adaptation of migrants in Russia are examined. 8 groups of migrant workers from Vietnam are distinguished, differing in the nature of their involvement in labor activity in Russia. The role of the Vietnamese diaspora in the system of adaptation and integration of migrants in the Russian economy and the economy has been established.

Для трудовых иностранных мигрантов характерны интеграционные и адаптационные стратегии, которые обусловлены ценностно-мотивационными особенностями. Поэтому помимо внимания к трудовым действиям и мотивации необходимо рассматривать диаспоры мигрантов и их институциональные рамки. Очень часто бывает так, что стратегии включения в принимающее общество и тип организации социальных сетей зависят от национального признака.

Вьетнамская диаспора содействует оказанию медицинских услуг, создав медицинский центр. Также создаются различные предпринимательские структуры этнического характера, позволяющие представителям диаспоры трудоустроиться, а также находиться в культурной среде своего народа хотя бы в определенных аспектах. Вьетнамская диаспора – это диаспора визовых мигрантов.

Во вьетнамской диаспоре в Москве можно выделить несколько групп, каждую из которых отличает своя специфика:

Первая группа – это вьетнамские мигранты, которые после окончания советских или российских учебных заведений имеют официальные и неофициальные связи в деловых и административно-управленческих кругах как в России, так и во Вьетнаме. Эта группа малочисленна среди общего числа мигрантов из Вьетнама. Члены этой группы часто получают разрешительные документы для длительного проживания в России (вплоть до гражданства), хотя и делают это исключительно из соображений «полезности» для ведения бизнеса в Российской Федерации. Можно сказать, что эта группа представляет наиболее успешную часть вьетнамской диаспоры в России.

Вторая группа представлена вьетнамцами, вовлеченными в «челночную» розничную торговлю. Эта группа представляет самую многочисленную часть мигрантов-вьетнамцев. Мелкие торговцы из этой группы представлены на большинстве общегородских рынков Москвы. В силу определенных законодательных ограничений, а также структурных изменений в российской экономике объемы «челночной» розничной торговли постепенно сокращаются. Некоторые вьетнамские студенты, как и другие трудовые мигранты, тоже вовлечены в «челночный бизнес», хотя их виза не предусматривает возможности заниматься этой деятельностью.

Третья группа представлена вьетнамскими бизнесменами, которые либо основали в одном из российских городов цеховое текстильное производство, либо организовали коммерческое предприятие по импорту аналогичных товаров напрямую из Вьетнама или иных стран. Для производства или реализации соответствующих товаров на вещевых рынках, как правило, нанимаются вьетнамские мигранты. Занимающиеся торговым или производственным бизнесом вьетнамцы берут в аренду или даже приобретают в собственность общежития и гостиницы специально для работников из числа соотечественников.

Четвертая группа состоит из трудовых мигрантов, которые являются работниками производственных предприятий, управляемых более состоятельными вьетнамцами-бизнесменами и на которых эти работники тратят большую часть времени своего пребывания в России.

Пятая группа представлена трудовыми мигрантами, которые работают в сфере услуг. Это могут быть повара и обслуживающий персонал ресторанов вьетнамской или азиатской кухни, а также работники объектов культуры и досуга, связанных с азиатскими единоборствами, массажными салонами, сотрудники транспортной, строительной сфер и др.

Шестая группа представлена вьетнамцами, которые прибывают с деловыми, служебными и дипломатическими целями. Сюда относятся сотрудники посольства и генеральных консульств Вьетнама в России, члены их семей, а также менеджеры высшего и среднего звена совместных российско-вьетнамских предприятий, расположенных на территории России.

Седьмую группу составляют обрусевшие вьетнамцы в первом поколении или их потомки, которые давно (или даже по рождению) имеют российское гражданство. Многие из них говорят и пишут по-русски лучше, чем по-вьетнамски, они далеко не всегда поддерживают контакты с вьетнамскими гражданами, работающими и учащимися в России, по причине полной инте-

грации в российское общество и отсутствия интереса к местной вьетнамской общине. Эта группа имеет тенденции к длительному проживанию в России, они стремятся к браку с русскими и не хотят возвращаться во Вьетнам.

Восьмая группа – это вьетнамцы, получающие образование в учебных заведениях России.

К данному моменту центром вьетнамской диаспоры является Москва, там сконцентрированы основные организации вьетнамских мигрантов: торговые дома, издательства, общественные объединения, учреждения, оказывающие услуги вьетнамцам. Но мы можем наблюдать тенденции переселения вьетнамцев из больших городов в периферийные районы. Существуют две тенденции распределения вьетнамских граждан за границей: они живут компактно на определенных территориях и вперемешку с местными жителями. Если первая форма распространена в США, то для России типична вторая форма, хотя в 90-х гг. вьетнамцы в России тоже концентрированно проживали на отдельных территориях, в зданиях, которые по-вьетнамски называются «ор» (такое название возникло со словом «общежитие»). Тогда вьетнамцы работали и торговали в «своих местах». В 2007 г. в сложных миграционных условиях решением местных правительств такие общежития были расформированы.

Таким образом, вьетнамская община является значительной частью в потоке миграции в Россию после вхождения РФ в международный рынок труда. Неравные экономические условия, спрос и предложение рабочей силы обеих стран, требования к обучению за границей, присутствие вьетнамской диаспоры, оказывающей поддержку прибывающим согражданам, высокий гендерный дисбаланс среди новорожденных во Вьетнаме – все эти обстоятельства являются основными причинами миграции из Вьетнама в Россию. Из особенностей современной вьетнамской общины можно сделать вывод о том, что вьетнамские мигранты не создают в России этнических поселений, подобно своим соотечественникам в других странах мира, большая часть из них не имеет российского гражданства, состав вьетнамской диаспоры в России непостоянен, текуч.

Роль вьетнамской диаспоры в адаптации мигрантов достаточно велика. Здесь создаются языковые курсы, а также центры медицинской помощи. Так, на базе многофункционального комплекса «Ханой – Москва» открылся Центр традиционной вьетнамской медицины. Созданием медицинского центра занимается ООО «Вьетмед», которое образовано по инициативе вьетнамской диаспоры в Москве в рамках реализации совместного проекта Правительств Ханоя и Москвы. Прием пациентов в медицинском центре проводят высококвалифицированные специалисты, в совершенстве владеющие методиками ЦКА, а для контроля качества оказываемых услуг Центр планирует осуществлять авторский надзор со стороны Центральной клиники акупунктуры.

Ценовая линейка услуг Центра достаточно широкая: от разовых вариантов диагностики и процедур до комплексных программ с использованием методов аудио-визуальной стимуляции. В дальнейшем функционал Центра планируется расширить и включить дополнительные «восточные» и «европейские» методы диагностики и лечения.

Центр «Ханой – Москва» на северо-востоке Москвы стал социально-культурным центром и своеобразным символом сотрудничества и дружбы между Вьетнамом и Россией, одним из основных центров азиатской культуры в столице и площадкой для продвижения интересных восточных товаров. Это первый в России инвестиционный проект, полностью профинансированный Вьетнамом. Объем инвестиций – 250 млн долл. Этот торговый Центр стал платформой для базирования качественных азиатских, российских и мировых товаров по приемлемым ценам. Москвичам предлагаются отличный текстиль, обувь, предметы декоративно-прикладного искусства, изделия из крокодиловой кожи, жемчуга и шёлка, привычные и экзотические фрукты и овощи, и многое другое. Всего открыто 150 магазинов. Кроме этого, в торговом комплексе «Ханой – Москва» можно познакомиться с культурой Азии. На территории построена пагода «Чуа Мот Кот» – уникальный памятник архитектуры столицы Вьетнама, в планах также открытие Центра восточных единоборств.

Нельзя не упомянуть и о создании сети кафе вьетнамской кухни. Во-первых мигранты могут питаться в них, а во вторых – это рабочие места для представителей диаспоры.

Таким образом, следует отметить, что основная роль диаспоры состоит в устранении языковых, правовых барьеров, а также в помощи в трудоустройстве. Диаспора выступает инициатором многих событийных мероприятий, направленных на поддержание культуры Вьетнама.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Динь Ха Ми. Социально-экономические условия миграции из Вьетнама в Россию // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 4 (99). – С. 251–254.
2. Мазырин М.В. Вьетнамские мигранты в современной России: пути проникновения, образ жизни, отличительные черты и особенности // Проблема незаконной миграции в России – реализации и поиск решений: Материалы Международной организации по миграции (МОМ), Бюро МОМ в России. – М.: Гендальф, 2004. – С. 357–411.
3. Официальный сайт Вьетнамской учебной ассоциации в Иркутской области [Электронный ресурс] // <http://sinhvienirk.net/home/dai-hoi-lien-chi-doan-irkutsk-nhiem-ky-2015-2016/>.

REFERENCES AND SOURCES

1. Din Ha Mi. Socio-economic conditions of migration from Vietnam to Russia // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. – 2015. – No. 4 (99). – Pp. 251–254.
2. Mazyrin M.V. Vietnamese migrants in modern Russia: ways of penetration, way of life, distinctive features and features // The problem of illegal migration in Russia – implementation and search for solutions: Materials of the International Organization for Migration (IOM), IOM Office in Russia. – Moscow: Gandalf, 2004. – Pp. 357–411.
3. The official website of the Vietnamese educational association in the Irkutsk region [Electronic resource] // <http://sinhvienirk.net/home/dai-hoi-lien-chi-doan-irkutsk-nhiem-ky-2015-2016/>.

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ-РОССИЯН НА РЫНКАХ ТРУДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Максимова Лилия Владимировна, старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: lilimay@mail.ru.

Чамбайшин Екатерина Михайловна, бакалавр Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: chambayshin.emi@yandex.ru.

Максимов Игорь Сергеевич, магистрант Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: heavyrain1994@gmail.com.

Ключевые слова: стратегии адаптации мигрантов, Россия, Вьетнам, Южная Корея, рынок труда.

Аннотация. В работе представлены результаты исследования, основанного на выборочном обследовании мигрантов из России при помощи самостоятельно разработанной анкеты. Анкета включала три блока вопросов: вопросы социально-демографического характера; вопросы для определения стратегии адаптации мигранта на рынке труда; вопросы, раскрывающие особенности процесса адаптации мигранта на рынке труда принимающей страны. Результаты обследования позволили выявить стратегии адаптации россиян на зарубежных рынках труда, в том числе Вьетнама и Южной Кореи.

ADAPTATION STRATEGIES OF RUSSIAN MIGRANTS AT THE LABOR MARKET IN SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM AND REPUBLIC OF KOREA

Liliia V. Maksimova, Senior lecturer of the Department of Human Resource Management and Labor Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (FEFU) (Vladivostok, Russia). E-mail: lilimay@mail.ru.

Ekaterina M. Chambaishin, Bachelor of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (FEFU) (Vladivostok, Russia). E-mail: chambayshin.emi@yandex.ru.

Igor S. Maksimov, Master student of School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University (FEFU) (Vladivostok, Russia). E-mail: heavyrain1994@gmail.com.

Keywords: adaptation strategies for migrants, Russia, Vietnam, South Korea, labor market.

Abstract. The paper presents the results of a study based on a sample survey of migrants from Russia, using a self-developed questionnaire. The questionnaire included three blocks of questions: socio-demographic issues; issues for determining the strategy for migrant adaptation in the labor market; issues that reveal the specific features of the migrant's adaptation process in the labor market of the host country. The results of the survey made it possible to identify strategies for adapting Russians to foreign labor markets, including Vietnam and South Korea.

Интеграционные процессы, характерные для современной экономики в условиях глобализации, можно рассматривать как в качестве причины, так и в качестве следствия трудовой миграции населения. Изучение эффектов для посылающих и принимающих трудовых мигрантов стран является актуальной проблемой с точки зрения обеспечения рациональности использования ресурсов. К негативным эффектам от миграции населения можно отнести: для стран-доноров – потерю трудовых ресурсов, для стран-реципиентов – неготовность эти ресурсы принять (особенно в случае нелегальной миграции). Однако можно отметить и позитивные эффекты: трудовые мигранты, возвращающиеся на родину после завершения работы за границей, «привозят» уникальный профессиональный опыт, увеличивая человеческий капитал и кадровый потенциал страны-донора [3]. Для посылающей страны трудовая миграция может стать и решением проблемы переизбытка трудовых ресурсов и безработицы. Для страны-реципиента, грамотно использующей миграционный потенциал других стран и умеющей рационально организовывать труд мигрантов, позитивный эффект заключается в получении экономической выгоды от трудовых ресурсов, прибывших из-за рубежа.

Включение трудовых мигрантов в экономическую систему страны-реципиента является целью как для самих мигрантов, так и для экономики принимающей страны (в случае легальной миграции), а критерием успешности адаптации мигрантов на рынке труда должно стать трудоустройство на новом месте жительства и, в идеале, удовлетворенность мигранта трудом на новом рабочем месте. Целью представленного исследования является анализ стратегий и особенностей адаптации мигрантов-россиян на рынках труда Социалистической Республики Вьетнам и Республики Корея. Актуальность исследования заключается в важности ускорения процессов адаптации для достижения экономического эффекта (как для мигранта, так и для принимающей страны), а выявление успешных стратегий адаптации и их распространение поможет достичь взаимовыгодного результата для мигрантов и экономики страны-реципиента, что обуславливает практическую значимость исследования.

Существует мировая практика проведения исследований успешности адаптации мигрантов, которая, как правило, предполагает выборочные методы обследования из-за сложности учета трудовых мигрантов и отсутствия во многих странах института регистрации граждан по месту постоянного жительства. Методология выборочных обследований в развитых странах схожа и во многом унифицирована наднациональными нормами. Успешность интеграции иммигрантов в местный социум и воздействие социально-экономических характеристик на успешность адаптации мигранта изучается в рамках Лонгитюдного обследования иммигрантов (Longitudinal Survey of Immigrants to Canada, LSIC), которое проводится в Канаде. Оно предполагает три этапа интервьюирования для одних и тех же респондентов и прослеживает в динамике источники дохода мигранта, уровень владения английским и французским языками, виды оказываемой помощи, социальные связи с близкими на родине, а также определяет факторы, способствующие или препятствующие адаптации [2].

Обследование профессиональной подготовки и квалификации (The Formation Qualification Professionnelle Survey, FQP), проводимое во Франции, помогает сделать выводы об эффективности образовательной системы, влиянии социального происхождения на образовательные и профессиональные достижения, влиянии профессионального образования на мобильность и доходы, степени интеграции мигрантов во французское общество. Косвенно успешность адаптации мигрантов изучается и в рамках Обследования рабочей силы (Labour Force Survey, LFS), которое проводится в странах Европы и в Канаде, помогая выявить время пребывания мигранта в стране, взаимодействие респондента с частными агентствами занятости, полученное за рубежом образование, статус иммигранта. Текущее обследование населения (Current Population Survey, CPS) и Американское обследование общин (ACS), проводимые в США, предоставляют информацию о миграционной истории респондентов, трудовой деятельности членов семьи и механизмах трудоустройства мигрантов [2].

В настоящее время миграционные потоки из России направлены не только в страны Европы и Северной Америки, достаточно большой интерес у трудовых мигрантов вызывают и азиатские страны. Несмотря на то, что население Социалистической Республики Вьетнам составляет около 95 млн человек [6], а Республики Корея – около 51 млн человек [7], причем, обе страны в достаточной степени обеспечены собственными трудовыми ресурсами, эти направления являются привлекательными для мигрантов из России. Анализ факторов, привлекающих трудовых мигрантов-россиян во Вьетнам, показал, что самыми популярными являются следующие: благоприятный климат, низкая стоимость жизни, возможность путешествовать [5]. Факторы, привлекающие трудовых мигрантов из России в Южную Корею, как показало исследование, совсем иные: высокий заработок, стабильность и спокойная жизнь.

Для выявления стратегий и особенностей адаптации мигрантов-россиян на рынках труда Социалистической Республики Вьетнам и Республики Корея авторами было проведено выборочное обследование (в течение марта – августа 2016 г.) при помощи самостоятельно разработанной анкеты, которая включает три блока вопросов: вопросы социально-демографического характера; вопросы для определения стратегии адаптации мигранта на рынке труда; вопросы, раскрывающие особенности процесса адаптации мигранта на рынке труда принимающей страны. Настоящий этап является продолжением исследования авторов [4], проведенного с применением метода контент-анализа, в рамках которого изучались открытые для доступа тексты персональных страниц мигрантов-россиян в социальной сети «ВКонтакте». Рассылка анкеты (в виде файла или ссылки на on-line ресурс [8]) проводилась именно тем мигрантам, страницы которых анализировались на предыдущем этапе исследования, а ответы на вопросы социально-демографического характера (вопросы первого блока анкеты: возраст, уровень образования, профессия/специальность, город проживания) сравнивались с информацией, обозначенной в персональных страницах.

Анализ ответов респондентов на вопросы первого блока анкеты показал, что в отличие от мигрантов исключительно трудоспособного возраста,

работающих в Южной Корее, во Вьетнам отправляются не только молодежь и люди зрелого возраста, но и пенсионеры, которые тоже включаются в экономические отношения в принимающей стране. При этом легальность пребывания мигрантов в стране-реципиенте в рамках исследования не обсуждалась. Относительно сферы деятельности мигрантов в принимающих странах можно сделать следующие выводы: большинство россиян трудится во Вьетнаме в сфере услуг (туристические, гостиничные, информационные, образовательные, персональные, торговля, общественное питание), работа мигрантов-россиян в Южной Корее, как правило, связана с тяжелым или монотонным трудом (строительство, сельское хозяйство, работа на пищевых конвейерных производствах, труд разнорабочих).

Как в Южной Корее, так и во Вьетнаме наблюдался феномен, который обсуждали в своем исследовании Stefano Visintin, Kea Tjeldens и Maarten van Klaveren, а именно – «переобученность» мигрантов [9]. Действительно, уровень полученного мигрантом образования часто оказывается выше, чем уровень образования, требуемый для работы, которую он выполняет в стране-реципиенте. Таким образом, в рамках представленного исследования выявлено такое явление, как «дауншифтинг» (downshifting): снижение уровня своих профессиональных притязаний, отказ от карьеры и согласие выполнять в принимающей стране работу гораздо проще, чем была в России.

Стратегии адаптации мигрантов определялись по классификации, предложенной Джоном У. Берри, который, пользуясь термином «аккультурация» (приспособление к культуре страны-реципиента), выделял четыре стратегии: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию и маргинализацию. Авторы представленного исследования полагают, что адаптация мигранта на рынке труда невозможна без аккультурации, так как рынок труда страны-реципиента полностью отражает культурные особенности страны, а взаимоотношения акторов на рынке труда несут отпечаток культурных традиций, принятых в обществе. Поэтому в рамках исследования теоретической основой выделения стратегий адаптации мигрантов на рынке труда послужила классификация Джона У. Берри, который считал адаптацию стратегией и результатом приспособления индивида в процессе аккультурации [1]. Согласно Джону У. Берри, стратегии аккультурации могут быть определены на основе наличия или отсутствия в поведении индивида двух признаков: 1) поддержание и развитие этнического своеобразия индивида в обществе (решение о том, является ли собственная культурная идентичность и традиции ценностью, заслуживающей сохранения) и 2) желание индивида контактировать с обществом страны-реципиента (решение о том, являются ли ценностью отношения с принимающим обществом, следует ли их налаживать) [1]. Вопросы для определения стратегии адаптации мигранта составили второй блок анкеты.

Для определения решения мигранта о сохранении собственной культурной идентичности в разработанную анкету был включен следующий вопрос: «Считаете ли Вы, что россияне приехавшие работать в новую страну, должны сохранять свою родную культуру, традиции и привычный для России образ жизни?». Положительный ответ на этот вопрос позволял определять

стратегию, как интеграцию или сепарацию, а отрицательный – как ассимиляцию или маргинализацию. Для определения решения мигранта о желании контактировать с принимающим обществом в разработанную анкету были включены вопросы, касающиеся знания языка принимающей страны, наличия деловых связей и бытовых знакомств с местными жителями, знания местных достопримечательностей и местной инфраструктуры, знаний в области истории и культуры принимающей страны, наличия ощущения психологического комфорта в принимающей стране и в принимающем обществе. Если большинство ответов на вышеперечисленные вопросы были положительными, то стратегия определялась как интеграция или ассимиляция, если большинство ответов были отрицательными – как сепарация или маргинализация.

Включение в анкету вопроса о знании языка принимающей страны авторы считают принципиальным, так как язык – это средство общения, а члены принимающего общества в странах Азии, где проводилось исследование, далеко не всегда владеют английским языком и еще реже – русским. К тому же желание изучать местный язык показывает активную позицию мигранта, его стремление повысить успешность собственной адаптации на рынке труда, так как знание иностранного языка – требуемая профессиональная компетенция, которая значительно увеличивает шансы на трудоустройство. Вопрос о наличии знакомых из числа местного населения может быть рассмотрен как показатель результативности коммуникаций мигранта с принимающим обществом, а вопрос о психологическом комфорте и ощущении себя «своим» в стране-реципиенте – как показатель социальной эффективности и успешности адаптации мигранта в целом.

Целесообразность включения в анкету вопросов о знании местной инфраструктуры, истории и культуры принимающей страны обусловлена необходимостью выяснить осведомленность мигранта, которая является результатом взаимодействия с членами принимающего общества. С другой стороны, стремление узнать больше о стране-реципиенте может стать причиной расширения контактов с местным населением. С третьей стороны, осведомленность мигранта в этих вопросах может стать дополнительным конкурентным преимуществом при поиске работы и в процессе выполнения трудовых обязанностей.

Последний блок разработанной авторами анкеты включает вопросы, раскрывающие особенности процесса адаптации мигранта на рынке труда принимающей страны. Прежде всего, в этот блок включен вопрос о факторах, привлекающих мигрантов на рынок труда страны-реципиента (анализ ответов респондентов приводился выше). Вопрос анкеты, касающийся способа поиска работы в стране-реципиенте, помогает выявить активность жизненной позиции мигранта (выбор возможных ответов: «Самостоятельно искал работу, заходил в организации с самопрезентацией», «Нашел работу по объявлению»), наличие налаженных контактов в принимающем обществе (выбор возможных ответов: «Нашел работу через знакомых», «Приехал по приглашению работодателя») и даже способ организации труда мигранта в стране-реципиенте

(выбор возможных ответов: «Я сам себе работодатель», «Работаю удаленно, в принимающей стране работу не искал»). Также в третий блок анкеты включены вопросы о сроке, на который мигрант становится актором рынка труда страны-реципиента, и о продолжительности периода поиска работы. В завершение анкеты респонденты должны оценить степень своей удовлетворенности трудом, уровнем заработной платы, жилищными условиями, кругом общения, организацией быта.

Проведенное при помощи рассылки электронных вариантов анкеты выборочное обследование трудовых мигрантов-россиян, работающих в Социалистической Республике Вьетнам (80 человек) и в Республике Корея (70 человек), позволило авторам сделать выводы о стратегиях и особенностях адаптации респондентов на рынках труда принимающих стран. Частота применения мигрантами определенных стратегий показана на рис. 1, единицы измерения – количество респондентов в выборке, применяющих стратегию (для каждой из стран).

Как видно из рис. 1, самая типичная стратегия для мигрантов во Вьетнаме – это интеграция, а для мигрантов в Южной Корее – сепарация. Причинами осознанного или неосознанного выбора стратегий мигрантами являются особенности рынков труда этих двух стран и личностные установки самих мигрантов. Социалистическая Республика Вьетнам – страна, гораздо более близкая россиянам по духу, чем Республика Корея. Особенности менталитета вьетнамцев, специфика рынка труда и способы хозяйствования социалистического Вьетнама более понятны гражданам бывшего Союза Советских Социалистических Республик, чем образ мышления корейцев и особенности экономики Южной Кореи, построенной по классическим принципам капиталистической системы хозяйствования.

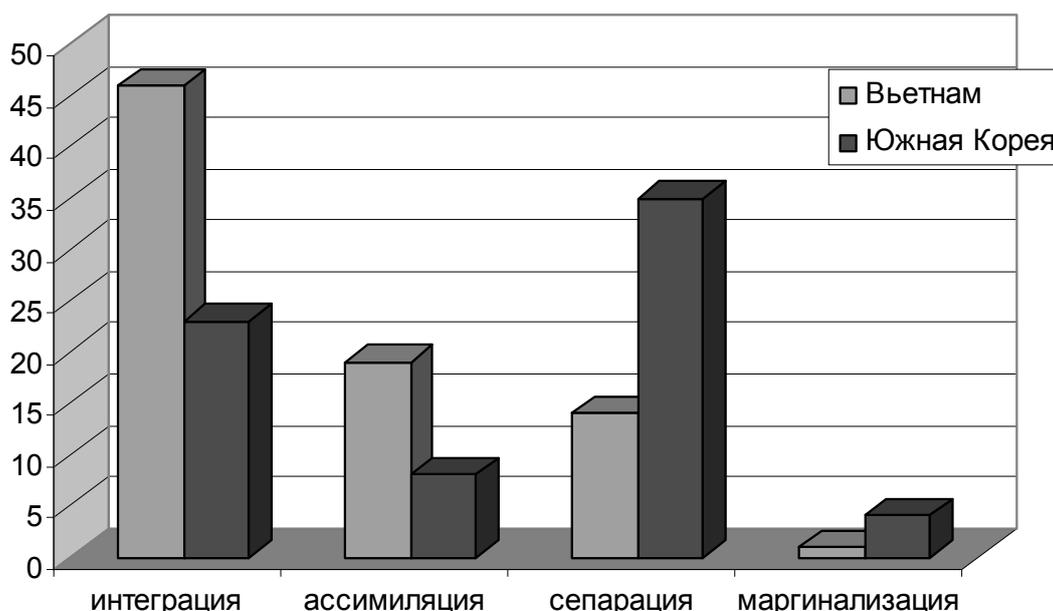

Рис. 1 Стратегии адаптации мигрантов-россиян на рынках труда Вьетнама и Южной Кореи (составлено авторами)

Стратегию интеграции (сохранение собственной культурной идентичности, которое сопровождается желанием контактировать с принимающим обществом) выбирают более 57% мигрантов, работающих во Вьетнаме. В анкетах респонденты отмечают желание следовать традициям русской культуры и сохранять образ жизни, который они вели в России, что выражается в организации мигрантами совместных праздников и спортивных мероприятий, моральной поддержке и финансовой взаимопомощи в сложных жизненных ситуациях, информировании вновь прибывших мигрантов и самостоятельно путешествующих соотечественников. Например, группа мигрантов-россиян во вьетнамском городе Нья Чанг имеет собственный Интернет-сайт, проводит детские утренники с участием традиционных героев русского фольклора, организует консультирование соотечественников по актуальным вопросам. В то же время мигранты, выбравшие стратегию интеграции, активно контактируют с местным населением (и даже знакомят вьетнамцев с русской культурой), неплохо знают вьетнамский язык и традиции принимающей страны, хорошо ориентируются в местной инфраструктуре, работают на вьетнамских или совместных предприятиях.

Мигрантов, которые придерживаются стратегии сепарации (сохранение собственной культурной идентичности, которое сопровождается отказом от контактов с принимающим обществом), во Вьетнаме только 17,5%. Как правило, это – пенсионеры, которые проводят зиму «на юге», часто – родители, которые приехали вслед за работающими во Вьетнаме детьми. Эта группа мигрантов указывает в анкетах, что общается в основном с проживающими во Вьетнаме соотечественниками, сводя контакты с местным населением до минимума в силу возрастных особенностей и незнания вьетнамского языка. Работу пенсионеры находят либо через своих детей, либо с помощью родственников и знакомых организуют самозанятость: работают воспитателями или нянями в детском саду для русских малышей, изготавливают на продажу блюда русской кухни, выращивают кур.

Значительная часть мигрантов (почти 24%), работающих во Вьетнаме, реализует стратегию ассимиляции (отказ от собственной культурной идентичности, который сопровождается желанием контактировать с принимающим обществом). Эти мигранты настолько прониклись близкой им по духу вьетнамской культурой, что практически стали вьетнамцами, если не по национальности, то по велению сердца. Они прекрасно ориентируются в истории и традициях Вьетнама, хорошо знают и продолжают совершенствовать вьетнамский язык. В анкетах этих респондентов чаще всего можно встретить ответы: «Во Вьетнаме я чувствую себя своим», «Во Вьетнаме нужно жить, как вьетнамцы», «Большая часть моих друзей и коллег – вьетнамцы», «Я знаком здесь практически со всеми». Можно отметить случаи заключения браков между мигрантами этой группы и местными жителями (как правило, русские мужчины женятся на вьетнамских женщинах). Правда, из анкет неясно: является ли брак причиной или следствием стратегии ассимиляции. Работают такие мигранты, в основном, у вьетнамских работодателей, а трудоустроивались либо самостоятельно («Сам лично везде заходил с

вопросом, есть ли работа»), либо через знакомых, при помощи налаженных деловых связей в принимающем обществе.

В рамках представленного исследования стратегия маргинализации (отказ от собственной культурной идентичности, который сопровождается отказом от контактов с принимающим обществом) была выявлена только у одного мигранта, работающего во Вьетнаме (чуть более 1%), гораздо чаще эту стратегию применяют мигранты в Южной Корее (почти 6%). В обеих странах респонденты со стратегией маргинализации отмечают неудовлетворенность трудом, кругом своего общения в принимающей стране, недовольство местными обычаями и правилами, а также отрицательное отношение со стороны принимающего общества и нежелание общаться с соотечественниками. Результатом отторжения мигрантами этой группы как «своих», так и «чужих» становится неуспешность адаптации на рынке труда страны-реципиента.

Половина мигрантов-россиян, работающих в Республике Корея, придерживаются стратегии сепарации, также отказываясь от расширения контактов с принимающим обществом. Одной из явных причин такого феномена является способ трудоустройства россиян в Южной Корее: люди ищут работу через агентства, которые оказывают посреднические услуги, причем, многие из этих организаций действуют нелегально. В результате заключения договора с таким агентством группа российских мигрантов оказывается в чужой стране, где им обеспечивается проживание (как правило, в не слишком комфортных условиях) и работа (как правило, грязная, монотонная и тяжелая). Распределение мигрантов на места работы производится руководителем группы в случайном порядке, причем, каждый день работа может быть новой. Так как мигранты проживают в условиях общежития совместно с соотечественниками, общаются с работодателем через руководителя группы (посредника-россиянина), а загруженность работой и желание сэкономить заработанные средства не позволяют организовать досуг и лучше познакомиться со страной-реципиентом, мигранты остаются практически в изоляции. Удовлетворенность трудом отмечается такими мигрантами только в части заработной платы.

Мигранты, которые приезжают работать в Республику Корея по собственной инициативе или по приглашению корейского работодателя, часто придерживаются стратегии интеграции (33%). Они самостоятельно организуют свое трудоустройство либо благодаря активной жизненной позиции, либо благодаря деловым и личным связям в принимающем обществе, либо благодаря уже приобретенному опыту работы в Южной Корее (например, в прошлом мигрант приезжал работать через агентство-посредника). Мигранты этой группы так же, как и во Вьетнаме, осознают важность изучения языка принимающей страны, расширения контактов и принятия правил и культуры страны-реципиента.

Многие мигранты, вернувшиеся из Республики Корея, отмечают, что по-настоящему адаптироваться и стать «своим» в этой стране для россиян очень сложно. Действительно, стратегия ассимиляции выявлена только у 11% мигрантов-россиян, работающих в Республике Корея. Чаще всего это – брачные мигранты, приехавшие в страну со своими супругами (как правило, корейские мужчины женятся на русских женщинах). Они активно изучают ко-

рейский язык и отмечают наличие достаточного количества знакомых среди местного населения, т. е. не остаются в изоляции, и принимающее общество их не отторгает. Многие женщины-мигранты работают, несмотря на пожелания супруга о том, чтобы жена оставалась домохозяйкой. Мигранты-россияне часто выбирают стратегию ассимиляции как наиболее простой и быстрый способ включения в новые для себя условия жизни в принимающей стране. Среди мигрантов с этой стратегией отмечается наибольшее число тех, кто удовлетворен трудом и результатами собственной адаптации на рынке труда страны-реципиента и в принимающем обществе.

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Доля мигрантов-россиян, реализующих стратегию интеграции, во Вьетнаме значимо больше, чем в Южной Корее.

2. Доля мигрантов-россиян, реализующих стратегию ассимиляции, во Вьетнаме значимо больше, чем в Южной Корее.

3. Доля мигрантов-россиян, реализующих стратегию сепарации, в Южной Корее значимо больше, чем во Вьетнаме.

4. Доля мигрантов-россиян, реализующих стратегию маргинализации, в Южной Корее значимо больше, чем во Вьетнаме.

Значимость долей определялась при помощи вычисления критерия углового преобразования Фишера, все расчеты приведены в табл. 1.

Таблица 1.

Определение критерия Фишера для подтверждения гипотез

Страны	Вьетнам		Южная Корея		Критерий ϕ^*	Гипотеза
	Человек	%	Человек	%		
Интеграция	46	57,50	23	32,86	3,06	Подтвердилась ($p < 0,01$)
Ассимиляция	19	23,75	8	11,43	2,01	Подтвердилась ($p < 0,05$)
Сепарация	14	17,50	35	50,00	4,32	Подтвердилась ($p < 0,01$)
Маргинализация	1	1,25	4	5,71	1,58	Не подтвердилась
Всего в группе:	80	100	70	100		

Источник: Составлено авторами.

Для первого и третьего случая критерий ϕ^* оказался больше значения 2,31, что подтверждает гипотезы исследования на самом высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$). Для второго случая критерий ϕ^* оказался больше значения 1,64, что подтверждает эту гипотезу на уровне статистической значимости $p < 0,05$. Четвертая гипотеза не подтвердилась.

Результатом исследования могут служить следующие выводы:

1. Самая распространенная стратегия для мигрантов-россиян, работающих во Вьетнаме – это интеграция, а для мигрантов-россиян, работающих в Южной Корее – сепарация.

2. Наиболее успешными стратегиями адаптации мигрантов на рынке труда принимающей страны являются стратегии интеграции и ассимиляции, менее успешной – стратегия сепарации, стратегию маргинализации можно считать неуспешной.

3. Осознанный или неосознанный выбор мигрантами стратегии адаптации обусловлен особенностями рынка труда принимающей страны и личностными установками самого мигранта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. / Пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности. – 2001. – № 3. – С. 183–193.

2. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Трудовая миграция: организация выборочных наблюдений (методологические подходы). – М.: Издательство «Экон-Информ», 2015. – С. 83.

3. Иванова Р. В. Временная миграция как «инвестиционный проект»: пример Вьетнама // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования. – Владивосток: Издательство ДВФУ, 2015. – С. 144–148.

4. Максимова Л.В., Максимов И.С. Кадровый потенциал мигрантов-россиян, работающих во Вьетнаме // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования. – Владивосток: Издательство ДВФУ, 2015. – С. 158–161.

5. Максимова Л.В., Ржевская Н.В., Фролова К.Ю. Анализ факторов, привлекающих трудовых мигрантов-россиян во Вьетнам // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2016. – № 2 (12). – С. 152–157.

6. Население Социалистической Республики Вьетнам [Электронный ресурс] // <http://countrymeters.info/ru/Vietnam>.

7. Население Республики Корея [Электронный ресурс] // http://countrymeters.info/ru/Republic_of_Korea.

8. On-line survey [Электронный ресурс] // simpoll.ru/run/survey/de67b5ab.

9. Visintin S., Tjeldens K., Klaveren M. V. Skill mismatch among migrant workers: evidence from a large multi-country dataset // IZA Journal of Migration. – 2015. – Vol 4. – Pp. 414–448.

REFERENCES AND SOURCES

1. Berry J.W. Acculturation and psychological adaptation: a review of the problem. / Transl. with English. I. Sholokhov // Development of personality. – 2001. – No. 3. – Pp. 183–193.

2. Vorobyova O.D., Topilin A.V., Grebenyuk A.A., Lebedeva T.V. Labor migration: organization of selective observations (methodological approaches). – Moscow: Publishing house "Econ-Inform", 2015. – P. 83.

3. Ivanova R.V. Temporary migration as an "investment project": the example of Vietnam // Migration processes in the Asia-Pacific region: history, modernity, practices of interaction and regulation. – Vladivostok: Publishing House of the FEFU, 2015. – Pp. 144–148.

4. Maksimova L.V., Maksimov I.S. Personnel potential of migrant Russians working in Vietnam // Migration processes in the Asia-Pacific region: history, modernity, practices of interaction and regulation. – Vladivostok: Publishing House of the FEFU, 2015. – Pp. 158–161.
5. Maksimova L.V., Rzhetskaya N.V., Frolova K. Yu. Analysis of the factors that attract labor Russian migrants to Vietnam // Innovative economy: prospects for development and improvement. – 2016. – No. 2 (12). – Pp. 152–157.
6. Population of the Socialist Republic of Vietnam [Electronic resource] // <http://countrymeters.info/ru/Vietnam>.
7. Population of the Republic of Korea [Electronic resource] // http://countrymeters.info/ru/Republic_of_Korea.
8. On-line survey [Electronic resource] // simpoll.ru/run/survey/de67b5ab.
9. Visintin S., Tijdens K., Klaveren M. V. Skill mismatch among migrant workers: evidence from a large multi-country dataset // IZA Journal of Migration. – 2015. – Vol 4. – Pp. 414–448.

ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИЮ¹

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Максимова Анастасия Сергеевна, аспирант Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Ключевые слова: образовательная миграция, вьетнамские студенты, Россия, Вьетнам, потенциал.

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и перспективы увеличения потока вьетнамских образовательных мигрантов в Россию. Определены масштабы и структура образовательной миграции из Вьетнама, выявлены территории вселения. В результате выборочного исследования вьетнамской молодежи выявлены устойчивые намерения продолжить обучение за границей. Таким образом, вьетнамская молодежь является носителем высокого миграционного потенциала образовательной миграции.

MIGRATION POTENTIAL OF EDUCATIONAL VIETNAMESE STUDENTS IN RUSSIAN

Elena E. Pis'mennaya, Dr. (Sociology), Professor of the Department of Theoretical Sociology of the Financial University under Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Anastasiya S. Maksimova, Postgraduate Student of the Center of Social demography of the Institute Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Keywords: educational migration, Vietnamese students, Russia, Vietnam, potential.

Abstract: The article examines the opportunities and prospects for increasing the flow of Vietnamese educational migrants to Russia. The scale and structure of educational migration from Vietnam has been determined, and the territories of migration have been identified. As a result of the selective study of Vietnamese youth, there are determined the persistent intentions to continue studying abroad. Thus, Vietnamese youth is a carrier of high migration potential of educational migration.

Очевидно, что демографические проблемы, с которыми сталкивается Россия в настоящее время, способны оказать непосредственное негативное влияние на ее экономическое благополучие. Снижающаяся доля молодежи в общей возрастной структуре населения обеспечивает возрастание демографической нагрузки, от чего страдает воспроизводство населения в целом и сокращается воспроизводство трудовых ресурсов.

Несмотря на то, что в настоящее время рынок труда не испытывает серьезного дефицита рабочей силы, прогнозы, сделанные международными

¹ (Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 15-23-09001)

организациями, свидетельствуют о том, что их возникновение неминуемо. Особенно актуальны негативные последствия сокращения численности трудоспособного населения для локальных рынков труда. Интервал прогнозных оценок численности населения к 2030 г., сделанных Росстатом (от 27 мая 2016 г.), составляет от 142,6 до 152,4 млн человек [4]. При этом естественную убыль населения компенсирует миграционный прирост, остающийся положительным при всех вариантах прогноза. По прогнозу Департамента экономики и социального развития ООН (2015), численность населения России к 2030 г. составит от 135,1 млн человек до 142 млн человек [7]. При этом есть вероятность, что к 2050 г. она сократится практически на 20% и не превысит 119 млн человек.

В подобных условиях очевидна необходимость привлечения мигрантов в Россию. Приоритетными группами являются высококвалифицированные специалисты и образовательные мигранты, в процессе обучения которых неминуемо происходит культурная интеграция.

Образовательная миграция отражает не только процесс интернационализации образования, но и направления интеграции интеллектуального капитала, если речь идет о студентах, аспирантах и стажерах. При этом потенциал образовательной миграции для принимающей страны заключается не только в улучшении демографической ситуации, но и увеличении потенциала человеческого развития в случае интеграции и закрепления мигрантов в стране получения образования. В случае ведения трудовой деятельности после завершения образования, мигранты, въехавшие с целью получения образования, способствуют обеспечению стабильности экономического роста за счет пополнения категории высококвалифицированных работников.

По данным Росстата, основными поставщиками образовательных мигрантов, обучающихся в российских вузах, являются страны СНГ – 52%, на долю азиатских стран приходится 27%. Половину всех образовательных мигрантов приезжающих из Азии, поставяет Китай, на долю Вьетнама приходится 11%.

После украинских событий 2014–2015 гг. и роста напряженности между Россией и Западом «азиатский вектор» российской внешней политики существенно активизировался – все более сильны устремления России на Восток – в сторону Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии. Трудоизбыточные страны Восточной и Юго-Восточной Азии, в свою очередь, заинтересованы в эмиграции излишков рабочей силы, поскольку стремительный рост населения и его последствия оказывают серьезное давление на рынок труда. Возрастная структура этих стран отличается высокой долей молодых людей, что позволяет говорить о высоком и растущем миграционном потенциале и возможности использования рабочей силы для обеспечения стабильного предложения на российских рынках труда за счет трудовых ресурсов данных государств. Очевидна также необходимость расширения международного сотрудничества с данными странами в сфере привлечения иностранных студентов.

Приоритетными территориями вселения для образовательных мигрантов из Азии являются регионы Центрального федерального округа (19 тыс.

или 46%), в три раза меньше – в Сибирском (12,3%) и Северо-Западном ФО (15,8%). В Центральном ФО роль студентов из Азии весьма значительна, на их долю приходится 27% всех иностранных студентов, а в ДВФО – подавляющее большинство – 93%. Наиболее привлекательными для студентов из Азии остаются специальности сферы здравоохранения (21,8%), экономики и управления (15,2%), курсы русского языка (в том числе краткосрочные), немного уступают, но пользуются популярностью также гуманитарные науки (без юриспруденции) (11,2%).

На долю Вьетнама в международном образовательном миграционном обмене приходится около 4% международных образовательных студентов, выехавших из стран Восточной Азии и Океании по программам обучения за границей. Поток образовательных мигрантов из Вьетнама составил в 2014 г. 53 тыс. человек, т. е. в два раза больше, чем из соседнего Тайланда (25,5 тыс.), и столько же, как из России (50,6 тыс.) [8].

Согласно данным ЮНЕСКО, наиболее привлекательными для вселения вьетнамских образовательных мигрантов остаются страны, поддерживающие активные программы их привлечения: Австралия, Франция, Соединенное Королевство и США. Поток вьетнамских образовательных мигрантов в Германию, как и в Россию, находился на уровне в четыре раза ниже, чем поток во Францию (по итогам 2014 г. всего около 3%). При этом обе страны стремительно теряют свои позиции в данном рейтинге. В 2008 г. на долю России приходилось 9,7% (рис. 1). В России сокращается не только доля, но и абсолютное число вьетнамских образовательных мигрантов, что свидетельствует о смене направлений предпочтительного вселения. В рейтинге по численности принимаемых вьетнамских студентов в 2014 г. среди стран, предоставивших информацию, Россия занимала 5-ю строчку. Однако по некоторым, схожим по популярности среди вьетнамских образовательных мигрантов странам, данные отсутствуют, поэтому реальная картина может быть совершенной другой.

Мобильность образовательных мигрантов из Вьетнама несущественно, но растет, о чем свидетельствует доля студентов, обучающихся за границей: если в 2005 г. она составляла 1,5%, то в 2013 г. – 2,4%. Однако привлекательность России для них при этом снижается.

Качество статистических данных об образовательной миграции в России значительно превосходит качество данных по трудовой миграции. Процесс привлечения иностранных граждан в рамках квоты на обучение за счет средств государственного бюджета, исходным этапом которого является сбор сведений от образовательных учреждений о количестве иностранных граждан, которое они могут принять, начинается за год до приема и проходит несколько этапов, поэтому процедура достаточно прозрачна. Кроме того, отчетность образовательных учреждений о количестве обучающихся иностранных граждан предполагает полный охват образовательных учреждений в отличие от организаций-работодателей, а характеристики, подлежащие учету, являются вполне конкретными, и легко поддающихся изменению. Образовательные учреждения в отличие от работодателей также не обременены налогами на обучающихся, поэтому не заинтересованы в со-

крытии факта наличия иностранного образовательного мигранта. Однако по завершению процесса обучения образовательный мигрант может выйти из поля зрения статистики.

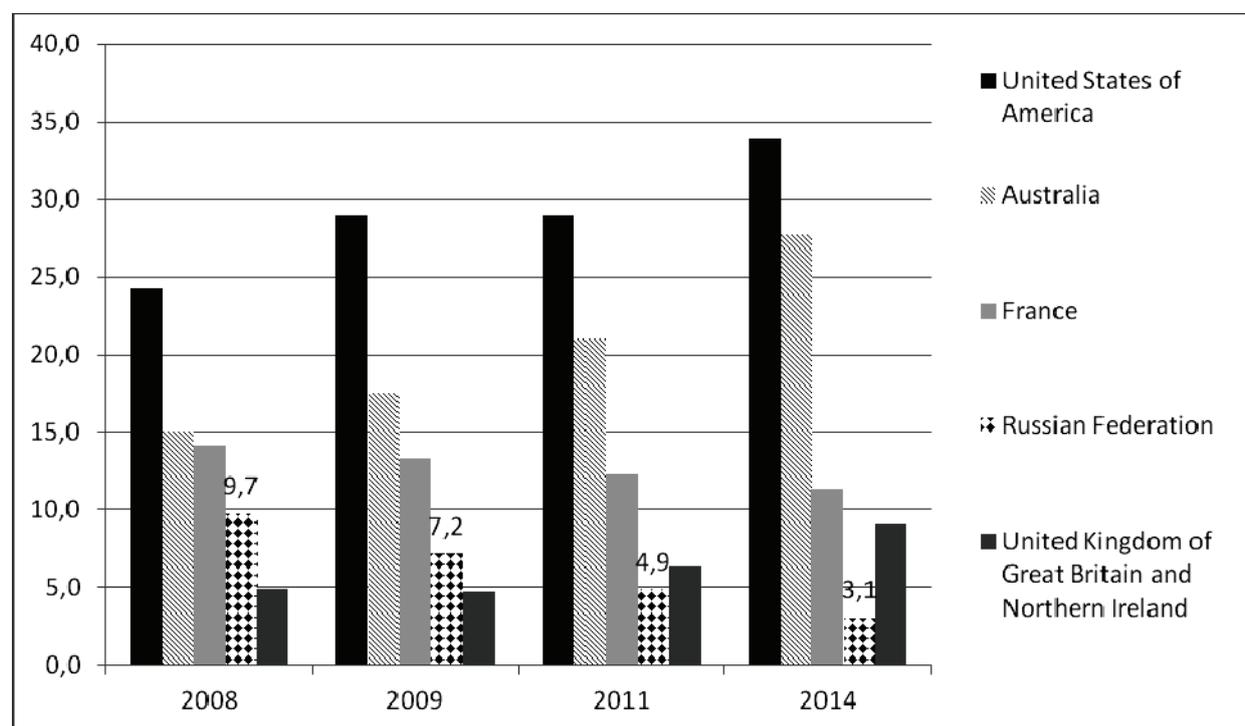

Рис. 1 Доля наиболее популярных стран въезда и России в общем потоке образовательных мигрантов из Вьетнама, 2008–2014 гг.

Тем не менее данные о численности обучающихся образовательных мигрантов существенно разнятся. По данным Министерства образования и науки РФ, в 2013/2014-м учебном году на дневных отделениях в российских вузах обучались 4,3 тыс. вьетнамцев, немногим больше, чем в предыдущем 2012/2013-м учебном году (4,1 тыс.). По данным Росстата, численность студентов, являющихся гражданами Вьетнама, существенно меньше: на начало 2013/2014-го учебного года в российских вузах обучались 2,9 тыс. студентов из Вьетнама, а к началу 2014/2015-го года их численность возросла до 3,9 тыс. [4].

Для оценки миграционного потенциала образовательной миграции среди вьетнамской молодежи, его направлений и возможностей реализации путем привлечения в Россию в 2016 г. было проведено выборочное обследование миграционных намерений вьетнамской молодежи. Были опрошены молодые люди, проживающие как на территории Вьетнама, так и на территории России. Всего опрошено 278 человек в возрасте 16–35 лет. Среди них представлен весь срез структуры населения по статусу в занятости, в том числе учащиеся – школьники и студенты.

По итогам обследования установлено, что вьетнамская молодежь обладает устойчивыми намерениями продолжить обучение за границей и, следовательно, является носителем высокого миграционного потенциала

образовательной миграции в целом. Только 10% опрошенных не имеют желания продолжить обучение за границей против 74% тех, кто хотел бы продолжить обучение (табл.1). Затруднились ответить и не ответили – 16%. Условно данная группа, не сформировавшая твердого мнения о намерениях получить дальнейшее образование за границей, может рассматриваться как неустойчивая и при активных действиях, направленных на вовлечение молодежи в процесс образовательной миграции, перейти в группу потенциальных мигрантов.

Таблица 1

**Миграционные намерения вьетнамской молодежи
(Ответ на вопрос №16: «Хотели бы Вы продолжить обучение за границей?»)**

	Частота	%
Да, хотел(а) бы	205	73,7
Нет, не хотел(а) бы	28	10,1
Не думал (а) об этом	20	7,2
Затруднились ответить	25	9,0
Итого:	278	100,0

При этом миграционный потенциал образовательной миграции для России гораздо выше реальных данных о доле въезжающих: больше половины всех опрошенных (57%) желают продолжить обучение в России (табл. 2). При этом 18% респондентов указали Россию наиболее предпочтительной среди всех стран для вселения и получения дальнейшего образования. Главным образом, это те, кто в настоящее время обучается в России и имеет уже установившиеся социальные и культурные связи.

Таблица 2

**Миграционные намерения вьетнамской молодежи
(Ответ на вопрос №16: «Хотели бы Вы продолжить обучение в России?»)**

	Частота	%
Да, хотел (а) бы	160	56,7
Нет, не хотел (а) бы	52	18,7
Не думал (а) об этом	62	22,3
Затруднились ответить	4	1,4
Итого	278	100,0

Таким образом, очевидно, что вьетнамская молодежь представляет собой мощный потенциальный источник образовательной миграции для России. Уже видны результаты усиления международного сотрудничества в области образовательной миграции в виде растущей численности иностранных студентов и аспирантов, обучающихся в российских вузах, однако потенциал образовательной миграции вьетнамской молодежи дает возможность еще большего расширения сотрудничества в этой области.

В настоящее время прием иностранных граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, квотирован в количестве не более 15 тыс. человек в год всего за счет ассигнований из федерального бюджета [3]. Размер квоты увеличен в 1,5 раза по сравнению с 2009 г. Однако в условиях отсутствия стимулирующих мер миграционные ориентиры вьетнамской молодежи по направлению к России ослабевают, и фактически образовательные мигранты едут в страны, ведущие политику активного привлечения иностранных студентов.

История российско-вьетнамского сотрудничества в области регулирования международной миграции насчитывает более 30 лет, с момента подписания СССР межправительственного соглашения о вьетнамских рабочих (1981) [5]. В советское время – в 80-е гг. – вьетнамцы были наиболее многочисленной группой иностранных студентов. Одной из причин смены миграционных настроений является трансформация социального сознания. По сравнению с ментальностью предыдущих поколений, современное поколение, подвластное эпохе глобализации и интеграции, ориентировано на Запад, поэтому изменились географические приоритеты миграции.

Среди азиатских стран, за исключением Китая, Вьетнам лидирует по численности проживающих на территории России граждан. Преимущественно – это граждане активного трудоспособного возраста 20–49 лет. Ежегодная численность вьетнамцев, проживающих на территории России, по данным переписи населения 2010 г., составляет 14 тыс. человек, преимущественно это мужчины. Из них 3 тыс. – уже являются гражданами России, а 11 тыс. – имеют вьетнамское гражданство.

Результаты проведенного исследования с учетом современной демографической ситуации во Вьетнаме и истории дипломатических отношений двух государств позволяют говорить о том, что существует значительный потенциал образовательной миграции вьетнамских студентов для России. И в условиях вышеупомянутых проблем наша страна нуждается в его реализации. В качестве приоритетных направлений вселения следует рассматривать, в первую очередь, не слабозаселенные территории, а регионы, испытывающие дефицит предложения рабочей силы.

Однако очевидно, что в настоящее время экономическое сотрудничество России и Вьетнама недостаточно развито. От этого рынок труда не приобретает той части высококвалифицированной рабочей силы, которая потенциально могла бы поступить из Вьетнама и быть подготовлена и использована уже на территории России, поскольку перед властями не стоит такой задачи. Наряду с расширением интеграционной политики в области образования должно уделяться внимание мерам повышения конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг, что, несомненно, будет способствовать привлечению образовательных мигрантов, имеющих миграционные намерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Миграция в зеркале стран СНГ (молодежный ракурс). / Под ред. И. Молодиковой. – М.: ЦМИ, 2006. – С. 275.
2. Полетаев Д. В., Дементьева С. В., Зурабишвили Т. З. Потенциал учебной миграции в профессиональные образовательные организации в контексте новой миграционной политики // Известия Томского политехнического университета. – 2014. – Т. 234. – №6. – С. 118–125.
3. Постановление Правительства Российской Федерации «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 8 октября 2013 г. № 891.
4. Российский статистический ежегодник – 2015. – М.: Росстат, 2015. – С. 728.
5. Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г. Сотрудничество между Россией и Вьетнамом в сфере регулирования трудовой миграции // Вьетнамские исследования. – 2011. – № 1. – С. 183–196.
6. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Сотрудничество между Вьетнамом и Россией в сфере учебной миграции // Вьетнамские исследования. – 2011. – № 1. – С. 197–203
7. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] // www.un.org.com
8. UIS.Stat (The Database of United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation) [Electronic resource] // data.uis.unesco.org/.

REFERENCES AND SOURCES

1. Migration in the mirror of the CIS countries (youth perspective). / Ed. I. Molodikova. – Moscow: CMI, 2006. – P.275
2. Poletaev D.V, Dementieva S.V, Zurabishvili T.Z The potential of educational migration in professional educational organizations in the context of the new migration policy // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. – 2014. – Т. 234. – №6. – Pp. 118–125.
3. Decree of the Government of the Russian Federation "On the establishment of a quota on education of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation" of 8 October 2013 No. 891.
4. Russian Statistical Yearbook – 2015. – Moscow: Rosstat, 2015. – P. 728
5. Ryazantsev S.V, Kuznetsov N.G Cooperation between Russia and Vietnam in the sphere of regulation of labor migration // Vietnamese Studies. – 2011. – No. 1. – Pp. 183–196.
6. Ryazantsev S.V, Pismennaya E.E Cooperation between Vietnam and Russia in the field of educational migration // Vietnamese Studies. – 2011. – No. 1. – Pp. 197–203
7. Official website of the United Nations [Electronic resource] // www.un.org.com
8. UIS.Stat (The Database of United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation) [Electronic resource] // data.uis.unesco.org/.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Соколовский Александр Якубович, кандидат философских наук, профессор, директор Вьетнамского культурно-образовательного Центра Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: yalishanda@mail.ru.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), вьетнамский язык, русский язык, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Вьетнамский культурно-образовательный центр, Юго-Восточная Азия, страны АСЕАН.

Аннотация. В данной статье рассматривается история изучения Вьетнама и вьетнамского языка в Восточном институте – Школе региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), а также обучение вьетнамских студентов в этом крупнейшем на Дальнем Востоке России университете. Особенно выявляются причины устойчивой тенденции увеличения числа вьетнамских молодых людей, приезжающих во Владивосток для обучения.

DYNAMICS OF THE NUMBER OF VIETNAM STUDENTS STUDYING IN THE FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Aleksandr Ya.Sokolovsky, PhD on Philology Sciences, professor Director of the Vietnamese cultural and educational center of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). E-mail: yalishanda@mail.ru.

Keywords: Far Eastern Federal University (FENU), Vietnamese, Russian, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Vietnamese Cultural Centre, South East Asia, ASEAN countries.

Abstract. This article discusses the history of the study of Vietnam and the Vietnamese language in the Oriental Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University (FENU), as well as training of Vietnamese students in the largest university in the Far East of Russia. Especially identified causes a steady increase in the number of Vietnamese young people who come to Vladivostok to learn.

История Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), где с каждым годом растет число вьетнамских студентов, уходит в далекое прошлое – в конец XIX в. Тогда здесь, во Владивостоке, на берегах Тихого океана был создан Восточный институт, положивший начало высшему академическому образованию на Дальнем Востоке России. Такие старейшие известные университеты, как ДВГУ и ДВПИ имени В.В. Куйбышева, недавно вошедшие в ДВФУ, своим прародителем справедливо всегда считали Восточный институт и гордились этим. ДВФУ также отдает дань истории и уважительно относится к ней и к своим истокам.

117 лет назад геополитическая обстановка на Дальнем Востоке России диктовала необходимость создания во Владивостоке института, задачей которого была бы подготовка высокообразованных специалистов, хорошо знающих регион и такие его языки, как японский, китайский, корейский и монгольский, способных, благодаря этому, обеспечивать международные связи России с ее восточными соседями. И надо сказать, что с этой задачей тогдашний Восточный институт справлялся.

В 80–90-е гг. прошлого столетия стал активно формироваться новый центр мирового влияния – АТР и его лидер – АСЕАН. Условия нового времени поставили вопрос о необходимости во Владивостоке готовить специалистов – экспертов по этому региону и таким его странам, как Индия, Вьетнам, Таиланд и Индонезия. До этого времени эти страны и их языки изучались только в европейской части России. Сейчас они изучаются и в ДВФУ по программе «Зарубежное регионоведение» по направлению «Азиатские исследования» на кафедре Тихоокеанской Азии Восточного института – Школы региональных и международных исследований. Изучается государственный и политический строй этих стран, география, история, экономика, культура, а также языки: хинди, вьетнамский, тайский и индонезийский.

И надо сказать, что изучение стран Южной и Юго-Восточной Азии у нас имеет уже довольно солидную историю.

Вьетнам и вьетнамский язык, например, мы изучаем ни много ни мало – 37 лет (с 1979 г.). И кстати, в этом году к нам поступили на первый курс вместо одной две группы (26 студентов). К изучению Индии и языка хинди приступили в 1993 г. (т. е. изучаем Индию уже 23 года). Таиланд и тайский язык изучаем с 1999 г. (17 лет). Самым молодым направлением у нас является индонезийское, Индонезию и индонезийский язык стали изучать с 2006 г.

Что касается студентов из Вьетнама, обучающихся в ДВФУ, то в последнее время заметен значительный рост их числа. Так, если еще три года назад их насчитывалось в университете не более двух десятков, то сейчас это число перевалило далеко за 100 и приближается к 200¹. Причем, увеличение числа вьетнамских студентов наблюдается не только в ДВФУ, но и в других вузах города: в Морском государственном университете имени адмирала Н.И. Невельского, в Дальневосточном рыбо-хозяйственном университете (Дальрыбвтузе) и во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса.

Объяснить наметившуюся тенденцию к увеличению числа вьетнамских студентов в ДВФУ можно, по-видимому, прежде всего тем, что ДВФУ является ведущим университетом международного уровня на Дальнем Востоке России. Кроме того, во Владивостоке и Приморском крае существует комфортная обстановка для проживания и учебы иностранных студентов. Здесь исторически формировалось интернациональное население с толерантным отношением к представителям другой культуры [1, 7].

¹ В ДВФУ больше всего обучается студентов из Китая (70% из всех обучающихся или 3 000 человек), затем идут студенты из Узбекистана, вьетнамские студенты занимают третье место в этом списке.

Во Владивостоке в 20-е и 30-е гг. прошлого столетия неоднократно бывал духовный лидер вьетнамского народа и его освободитель Хо Ши Мин, о чем свидетельствует мемориальная доска, установленная в его честь на здании железнодорожного вокзала [2, 10–11].

Среди жителей Владивостока много моряков и ветеранов Дальневосточного морского пароходства, не по-наслышке знающих, что такое Вьетнам и уважающих вьетнамский народ. Некоторые из них имеют вьетнамские правительственные награды. Отсутствуют какие бы то ни было явления ксенофобии. В главном университете (ДВФУ) без малого 40 лет изучается Вьетнам и вьетнамский язык. Многие жители города и края любят проводить свой отпуск в зимнее время во Вьетнаме.

В крае хорошо и не формально работает Общество дружбы с Вьетнамом, которое проявляет заботу о вьетнамцах и проводит совместно с вьетнамской диаспорой много акций и мероприятий (в том числе и с вьетнамскими студентами).

В ДВФУ эффективно действует Вьетнамский культурно-образовательный Центр, который был создан еще 10 лет назад по инициативе Дальневосточного государственного университета и генерального консульства Вьетнама во Владивостоке при активной поддержке Приморского краевого общества дружбы с Вьетнамом и Союза вьетнамских бизнесменов Приморского края. Он остается пока единственным в России культурно-просветительским Центром подобного рода.

Центр ведет свою работу по следующим направлениям.

1. Лекторий по истории вьетнамской культуры.
2. Лекторий по истории Вьетнама и российско-вьетнамским отношениям.
3. Преподавание вьетнамского языка для всех желающих.
4. Проведение Олимпиад по вьетнамскому языку.
5. Проведение фестивалей и вечеров дружбы.
6. Празднование национальных и народных вьетнамских праздников.
7. Проведение конференций, мастер-классов выставок и семинаров.

По инициативе и при непосредственном участии Центра во Владивостоке были проведены такие важные культурно-массовые мероприятия и акции, как: выставка, посвященная 1000-летию Ханоя «Улицы и улочки Ханоя», выставка «Вьетнамское чудо», посвященная вступлению Вьетнама в ВТО, выставка «Вьетнам: новые встречи», выставка картин на шелке и др.

При участии кафедры Тихоокеанской Азии Школы региональных и международных исследований, а также генерального консульства СРВ во Владивостоке, Вьетнамский культурно-образовательный Центр ДВФУ ежегодно проводит Олимпиады по вьетнамскому языку. Темами таких Олимпиад были: 50-летие полета Ю.А. Гагарина в космос, саммит АТЭС-2012 и др. Студенты, участвующие в Олимпиаде, готовят сообщения и презентации на вьетнамском языке и выступают с ними перед строгим и взыскательным жюри. Примечательно, что в них принимают участие не только студенты ДВФУ, но и студенты, изучающие вьетнамский язык из Москвы и Санкт-Петербурга.

Вьетнамский культурно-образовательный центр ведет большую научно-исследовательскую работу. Совместно с кафедрой Тихоокеанской Азии ДВФУ, при взаимодействии с Приморским обществом дружбы с Вьетнамом и генеральным консульством СРВ Центр организует и проводит конференции и семинары различных уровней, включая международные; издает материалы этих конференций, сборники статей, учебные пособия и другую литературу. Так, только за последние годы были изданы следующие книги:

1) Вьетнам в современном мире. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005.

2) Российско-вьетнамские отношения. История и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010.

3. Роговцева А.В., Соколовский А.Я. Вьетнамский язык каждый день: Учебн. пос. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010.

3. О Вьетнаме с любовью. К 40-летию Приморского краевого общества дружбы с Вьетнамом. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011.

4. Вьетнам: проблема цивилизационного выбора (1945–2015): Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию провозглашения независимости Вьетнама, 65-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом, 40-летию освобождения Южного Вьетнама, 125-летию со дня рождения Хо Ши Мина. – Владивосток, 29–30 апреля 2015 г. / Научн. ред. А.Я. Соколовский. / Сост. Е.Е. Власов. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2015.

Вьетнамский культурно-образовательный центр ДВФУ поддерживает международные связи. Он содействует культурному обмену творческими коллективами Вьетнама и России. Так, при содействии Вьетнамского центра ДВФУ стало возможным участие труппы известного фольклорного вьетнамского театра Тео из Хайфона в 6-й биеннале визуальных искусств, проходившей во Владивостоке в сентябре 2009 г., а также проведение выставки известного вьетнамского фотохудожника Фам Ву Зунга.

При Вьетнамском центре ДВФУ работает вьетнамский театр «Золотой лотос». Его руководитель – преподаватель вьетнамского языка кафедры Тихоокеанской Азии Елена Рыбаченко прошла годичную стажировку в Ханойском университете. В составе самодеятельного театра российские студенты, изучающие вьетнамский язык, их преподаватели, вьетнамские студенты, обучающиеся в ДВФУ и других вузах Владивостока. В репертуаре театра вьетнамские народные и современные песни и танцы, а также сценические постановки из классических вьетнамских произведений.

Театр часто выступает на различных сценических площадках г. Владивостока. А также при открытии Дней Вьетнама во Владивостоке, которые обычно проходят ежегодно в мае, при проведении выставок и акций, знакомящих наших жителей с культурой вьетнамского народа.

Так, например, в преддверии форума АТЭС-2012 театр «Золотой лотос» принимал участие в гала-концерте «Здравствуй, саммит АТЭС!», который прошел с большим успехом в городском Центре детского творчества. В про-

грамму концерта были включены несколько лучших номеров из репертуара самодеятельного театра «Золотой лотос». В том числе вьетнамский «Королевский танец» в постановке супруги генерального консула г-жи Ле Тхи Минь, «Танец ветра» в исполнении студентки ДВФУ, изучающей вьетнамский язык, Светланы Маклаковой. Кроме того в концерте прозвучали песни на вьетнамском языке: «Владивосток – Хайфон» и песня о Владивостоке, написанная на слова г-жи Ле Тхи Минь и известного вьетнамского композитора Чонг Дай. Центр оснащен необходимой оргтехникой (компьютером, видеомagneитофоном, телевизором), а также богатым культурно-этнографическим материалом, экспонатами, отражающими самобытную вьетнамскую культуру. В Центре имеется также своя библиотека.

Сейчас этот студенческий театр готовит к постановке сцены из бессмертной поэмы классика вьетнамской поэзии Нгуен Зу «Киеу». В спектакле заняты как вьетнамские, так и русские студенты.

Вьетнамский культурно-образовательный Центр работает в тесном контакте с генеральным консульством СРВ во Владивостоке и Союзом вьетнамских бизнесменов. Он оказывает информационно-методическую и иную помощь организациям и учреждениям Приморского края и всего Дальнего Востока.

Студенты ДВФУ, изучающие Вьетнам и вьетнамский язык, а также другие страны и языки АСЕАН, имеют хорошие возможности для углубленного изучения культуры этих стран не только на аудиторных занятиях, но и в культурных центрах этих стран, которые эффективно работают в университете, а также на десятимесячных стажировках в ведущих университетах Вьетнама, Индии, Таиланда и Индонезии. Эти стажировки с назначением стипендии проходят либо по межправительственному соглашению, как например, стажировка в Ханойском национальном университете (Вьетнам), либо по специальным программам ICCR – в Индии и по индонезийской программе Дармасисва.

В то же время наши студенты во внеучебное время имеют уникальную возможность плотно контактировать друг с другом в ходе спортивных и других различных культурно-массовых мероприятий, проводимых совместно с иностранными студентами, магистрантами и аспирантами из стран АСЕАН, обучающимися в ДВФУ, в том числе и в Восточном институте – Школе региональных и международных исследований. Причем, надо отметить, что иностранные студенты, которых в ДВФУ сейчас обучается более 3 тыс., весьма охотно участвуют в таких культурно-развлекательных мероприятиях, которые помогают им больше узнать о России и ее культуре, а также познакомиться наших студентов с культурой, обычаями и традициями народов Южной и ЮВА. Это они имеют возможность делать на ежегодно проводимых Днях родного языка, на встречах Нового года по лунному календарю, на тайско-лаосском празднике «Сонгкран» и «Лойкратонг», на празднике «Бункасай» (Фестиваль японской культуры), на восточном празднике «Середина осени» (по-вьетнамски – Tet Trung Thu, по-китайски – Zhongqiujie, по-корейски – Ха Сок. Этот праздник широко отмечается в Китае, Вьетнаме, в

КНДР и Республике Корея и других странах, где проживают представители этих народов).

Всегда с восторгом иностранные студенты празднуют русскую Масленицу с обязательными ее атрибутами – блинами, медом, вареньем и горячим чаем, знакомятся с христианской Пасхой, учатся красить яйца и печь куличи. Особенно интересным и любимым совместным праздником наших и иностранных студентов является День межнационального студенческого единства, который проводится в университете ежегодно в течение двух дней. В первый день студенты ДВФУ из разных стран представляют свою национальную кухню и национальную одежду, а во второй день – песенно-танцевальную культуру.

Студенты могут знакомиться с культурами стран изучаемого региона и языков также посредством организаций различных выставок. Например, они готовили и проводили такие выставки, как «Вьетнам: новая встреча», фото-выставка «Улицы и улочки Ханоя» (К 1000-летию вьетнамской столицы), выставка тайской культуры, выставка индонезийского батика.

Студенческий театр «Золотой лотос» принимал участие в культурно-туристическом фестивале «Дельта Красной реки», который проходил в Хайфоне (Вьетнам) два года назад. Выступление этого танцевально-песенного театра ДВФУ на гала-концерте в Хайфоне – побратиме Владивостока имело большой успех, так как в его программе были не только русские народные песни и танцы «Калинка», «Барыня», но и вьетнамские – такие, как «Рисовый барабан», песни на вьетнамском языке о Хайфоне и о Владивостоке, а также королевский танец *Cung Dinh*.

Этот же театр принял активное участие в торжественной церемонии открытия во Владивостоке памятника всемирно известной «Катюше». Он исполнил известную песню на нескольких иностранных языках, в том числе на китайском и вьетнамском.

Жители Владивостока и Приморского края часто знакомятся с культурными мероприятиями, рассказывающими о культуре и искусстве Вьетнама и других стран АСЕАН.

Так, например, в городе состоялся грандиозный гала-концерт «Национальное искусство Вьетнама», который проходил при поддержке Вьетнамского культурно-образовательного центра ДВФУ. Это мероприятие проводилось в рамках культурно-туристического фестиваля «Вьетнам – бесконечная красота» – международной культурной программы, приуроченной к саммиту АТЭС-2012. В подготовке и проведении фестиваля активное участие приняли Вьетнамский культурно-образовательный центр ДВФУ, администрация Приморского края, Дальневосточный федеральный университет и Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

На празднике присутствовал и выступил с приветственной речью министр культуры, спорта и туризма Вьетнама Хоанг Туан Ань. Он выразил благодарность организаторам фестиваля и сказал, что этот фестиваль будет способствовать развитию отношений в культурно-туристической области между Россией и Вьетнамом в целом и непосредственно между Вьетнамом и Даль-

ним Востоком. В программу грандиозного концерта вошли выступления известных вьетнамских музыкальных и танцевальных коллективов и солистов. Зрители тепло принимали номера с традиционными музыкальными инструментами и песнями Вьетнама. Ритуальный «Танец молодого риса» своим ритмом и сложными акробатическими этюдами особенно понравился зрителям.

2016 год был провозглашен перекрестным Годом культуры АСЕАН и России. Культурные и художественные мероприятия проводились с целью повышения степени информированности, взаимопонимания и дружбы между народами стран АСЕАН и России. ДВФУ и его Центр изучения АСЕАН также внесли свою лепту в это важное дело. Так, например, к нам обратились два известных российских творческих коллектива с просьбой о продвижения проектов выступления театра танца Аллы Духовой «Тодос» и Театра кошек Юрия Куклачева в таких странах АСЕАН, как Вьетнам, Таиланд, Камбоджа и Индонезия. Учитывая связи ДВФУ с университетами АСЕАН, думается, что мы сможем оказать помощь в продвижении этих проектов. Кроме того, мы также можем рассмотреть вопрос о возможности выступлений творческих коллективов ДВФУ в университетах АСЕАН и творческих коллективов вьетнамских, тайских, индонезийских и других у нас в ДВФУ. В бывшем ДВГУ такой опыт имелся. К нам приезжал индонезийский известный танцевальный коллектив «Частик» из Индонезии и выступал в университете.

Такая деятельность не противоречит главной задаче в процессе интеграции ДВФУ в образовательную среду АТР и АСЕАН, которая состоит в создании постоянных площадок для студенческих контактов и реализации совместных молодежных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Русский язык как иностранный. 20 лет на Дальнем Востоке России. Педагогический поиск: Сб. научн. статей. / Научн. ред. А.Я. Соколовский. / Отв. ред. И.Б. Череповская. – Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 2010. – С. 296.

2. Соколовский А.Я. О значении посещения Хо Ши Мином Владивостока. / Вьетнам: проблема цивилизационного выбора (1945–2015): Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию провозглашения независимости Вьетнама, 65-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом, 40-летию освобождения Южного Вьетнама, 125-летию со дня рождения Хо Ши Мина. – Владивосток, 29–30 апреля 2015 г. / Научн. ред. А.Я. Соколовский. / Сост. Е.Е. Власов. – Владивосток : Дальневост.федерал.ун-т, 2015.

3. Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 г. – М., 2004. – С. 321.

4. Этнологическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г.: Ежегодный доклад. / Под ред. Вал.Тишкова и Вал.Степанова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Сеть этнологического мониторинга предупреждения конфликтов, 2014. – С. 643.

REFERENCES AND SOURCES

1. Russian as a foreign language. 20 years in the Far East of Russia. Pedagogical Search: Sat. scientific. Articles. / Scientific. Ed. A. Ya. Sokolovsky. / Ans. Ed. I. B. Cherepovskaya. – Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2010. P. 296.
2. Sokolovsky A. Ya. On the importance of visiting Ho Chi Minh in Vladivostok. / Vietnam: the problem of civilizational choice (1945–2015): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the proclamation of Vietnam's independence, the 65th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Vietnam, the 40th anniversary of the liberation of South Vietnam, the 125th anniversary of the the birth of Ho Chi Minh. – Vladivostok, April 29–30, 2015 / Science. Ed. A. Ya. Sokolovsky. / Comp. E. E. Vlasov. – Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2015.
3. Tishkov V.A, Stepanov V. V. Measurement of the conflict. The methodology and results of ethno-confessional monitoring of the EAWARN Network in 2003 – M., 2004. – P. 321
4. Ethnological situation in Russia and neighboring countries in 2013: Annual report. / Ed. Val.Tishkova and Val. Stepanova. – Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Ethnological Conflict Prevention Monitoring Network, 2014. – P.643

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Хуснутдинова Ляйля Гельсовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и политология» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Россия). E-mail: Lavanda-55@mail.ru.

Ключевые слова: Башкортостан, Вьетнам, международное сотрудничество.

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты взаимоотношений Республики Башкортостан с Вьетнамом. Представлена динамика численности вьетнамских граждан с 1989 по 2010 гг. Установлены особенности расселения мигрантов из Вьетнама по территории Республики. Выявлены особенности поведения и образа жизни. Уставлены основные формы международного сотрудничества между Республикой Башкортостан и Вьетнамом. Доминирующие позиции занимают международные научные и культурные мероприятия.

THE HISTORY OF RELATIONSHIPS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Lyaylya G. Khusnutdinova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department «History and Political Science», FGBOU VO «Ufa State Petroleum Technical University» (Ufa, Russia). E-mail: Lavanda-55@mail.ru.

Keywords: Bashkortostan, Vietnam, international cooperation.

Abstract. The article considers historical aspects of relations between the Republic of Bashkortostan and Vietnam. The dynamics of the number of Vietnamese citizens from 1989 to 2010 is presented. The peculiarities of the resettlement of migrants from Vietnam through the territory of the Republic have been established. The peculiarities of behavior and way of life are revealed. The basic forms of international cooperation between the Republic of Bashkortostan and Vietnam are fixed. Dominating positions are held by international scientific and cultural events.

Республика Башкортостан является одним из самых многонациональных регионов Российской Федерации [5, 14]. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Башкортостане проживает 4 072 292 человек, среди них 160 национальностей [16]. Численно в Республике преобладают башкиры (29,5% населения), татары (25,4%) и русские (36,0%) [17, 18]. Кроме них, в Республике Башкортостан компактно или дисперсно проживают значительные группы украинцев, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, латышей, армян, азербайджанцев, евреев, казахов, узбеков и др. [15]. В течение многих столетий государственная политика Российского государства, социально-политическое и социально-экономическое развитие, миграция населения оказывали влияние на

развитие различных народов на территории Башкортостана. Для того, чтобы понять особенности современного положения народов Республики, необходимо знать их происхождение и этническую историю. Данная статья посвящена истории заселения вьетнамцев на территории Республики Башкортостан и развитию их взаимоотношений с местным населением региона.

Справка. Вьетнамцы, самоназвание – вьет. Антропологически вьетнамцы относятся к монголоидной расе. Рост невысокий, цвет кожи смуглый, глаза темные, волосы прямые или волнистые, жесткие и темные [9]. Территория проживания – Вьетнам. Живут также в Камбодже, Таиланде, Лаосе, Российской Федерации, США.

Вьетнамский язык относится к вьетнамской группе австроазиатской языковой семьи. Современный вьетнамский язык представлен тремя диалектами: северным, центральным и южным.

Основа хозяйства вьетнамцев – земледелие. Выращивают рис, кукурузу, хлопок, чай, кунжут и др. Часть населения занята в промышленности и водном транспорте. Из художественных ремесел развиты полихромная лаковая роспись, гончарство, латунно-чеканное производство, обработка кости и др. Традиционные блюда – курица и свинина с овощами рау и рисом, бань куон (рисовый пирог), бань цео (горячий блин), бань хот (маленькие жареные оладушки, бан рию (лапша с помидорами и крабами) и др. Среди напитков популярен кофе.

Исповедуют вьетнамцы буддизм, даосизм, христианство (католики). Часть вьетнамцев следуют традициям конфуцианства или придерживаются культу предков.

Первые вьетнамцы в Башкортостане появились в 90-е гг. XX в. В основном миграция вьетнамцев была связана с поиском рабочих мест. Начиная с 2000-х гг. в Башкортостан стали приезжать молодые граждане Вьетнама уже для получения профессионального образования. Динамика численности вьетнамцев в Республике выглядит следующим образом: в 1989 г. – 12 человек, в 2002 г. – 1 204 человека, в 2010 г. – 1 337 человек [3, 2, 7]. Компактно вьетнамцы проживают в Уфе – 859 человек, в Стерлитамаке – 268 человек, в Салавате – 56 человек и в Благоварском районе – 52 человека [6].

Вьетнамцы преимущественно работают в строительстве, сельском хозяйстве. Основная масса – это овощеводы, сосредоточенные в западной части Республики: Туймазинский, Шаранский, Кушнаренковский районы. «Вьетнамцы по приезду в Республику оформляют документы на работу в качестве менеджеров, экспедиторов, а также работников оптовой торговли, но большинство из них фактически работают в качестве продавцов на розничных рынках Уфы», – пояснил сотрудник миграционной службы [4].

Большинство вьетнамцев в Башкортостане говорят на вьетнамском языке, часть – владеют русским. Этническое самосознание у значительной их части сохраняется на уровне самоидентификации. Женятся в основном на представителях своей нации, редко, но встречаются и смешанные браки.

По инициативе вьетнамцев проживающих в Республике Башкортостан, в 2002 г. в г. Уфе была образована общественная организация «Общество вьетнамских граждан». Председатель общества является Чанг Нгок Туан. Целью создания организации явилось повышение духовного, культурного, образовательного и материального уровня граждан Вьетнама, проживающих в Республике Башкортостан, укрепление общественных и культурных связей, содействие установлению и развитию экономических связей, сотрудничество во всех областях.

Общественная организация принимает активное участие в общественной жизни Башкортостана: проводит различные собрания, организует национальные праздники, на которых знакомят с вьетнамскими национальными обычаями и традициями. К примеру, в 2006 г. в г. Уфе был проведен День вьетнамской общности в Башкортостане. Общество также принимает участие в районных, городских и республиканских мероприятиях и праздниках – Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Дне народного единства и др. В 2010 г. в г. Уфе состоялись Дни культуры Социалистической Республики Вьетнам в Республике Башкортостан, в рамках которых была организована выставка изделий вьетнамских народных промыслов, прикладного искусства, живописи, керамики, национальных костюмов, а также гастроль вьетнамских народных хореографических коллективов и государственного эстрадно-музыкального театра г. Ханой. В мероприятии участвовали официальная делегация из Вьетнама во главе с министром культуры, спорта и туризма Чан Чиен Тхангом, присутствовал Чрезвычайный и полномочный посол Социалистической Республики Вьетнам в РФ Буй Динь Зинь и др.

В апреле 2008 г., когда в Башкортостан прибыл с официальным визитом генеральный консул Ле Ку Куинь, который сказал в своем выступлении, что генеральное консульство видит своей задачей не только поддержку земляков, но в первую очередь развитие торгово-экономических отношений между Вьетнамом и Республикой Башкортостан. Вьетнамские инвесторы заинтересованы в расширении своего бизнеса на территории России. Возможно, дальнейшему расширению экономического сотрудничества, по предложению вьетнамской стороны, мог бы способствовать вьетнамский культурно-деловой центр в Уфе [8].

На сегодняшний день Социалистическая Республика Вьетнам и Республика Башкортостан связаны многими экономическими и культурными узами. Регионы регулярно обмениваются делегациями. Время от времени организуются встречи на высоком уровне. Так, в 1999 г. Башкортостан посетил Премьер-министр Вьетнама Фам Ван Кхай. В марте 2000 г. в Башкортостане побывал Чрезвычайный и Полномочный Посол Вьетнама в РФ Нго Тат То. В ходе его пребывания обсуждались возможности развития двусторонних отношений. В качестве потенциального партнера Республики Башкортостан в таком взаимодействии рассматривалась вьетнамская провинция Тхай Бинь. Была достигнута договоренность об организации визита правительственной делегации Башкортостана в эту провинцию [1]. В июле 2014 г. в г. Уфе состоялась рабочая встреча главы Республики Башкортостан Рустема Хамитова с делегацией из Вьетнама во главе с Чрезвычайным и Полномоч-

ным Послом Социалистической Республики Вьетнам в России Фам Суан Шоном. На встрече обсуждались вопросы развития сотрудничества в нефтепереработке и нефтедобыче, машиностроении, образовании и науке. «Два года назад мы встречались в этом зале и обсуждали вопросы нашего взаимодействия, нашей совместной работы. Что-то нам удалось сделать, что-то до сих пор осталось в планах. Нам надо быстрее переводить наши договоренности в практическую плоскость. Мы тогда говорили о необходимости установления отношений между Башкортостаном и одной из провинций Вьетнама. Очень важно, что сегодня за столом переговоров представители одной из самых передовых провинций Вьетнама Бариа-Вунгтау», – сказал Р. Хамитов [10].

Наши народы связаны не только экономическими и культурными, но и научно-образовательными узами. К примеру, совместная работа отечественных и вьетнамских специалистов в нефтегазовой отрасли имеет давнюю историю. Первое совместное предприятие «Вьетсовпетро» открылось еще в начале 80-х гг. XX в. И сейчас шельфовые нефтяные месторождения в территориальных водах Вьетнама считаются одними из самых перспективных в Южной Азии. Немалый вклад в их разработку вносят в том числе и выпускники Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). В ходе визита посол Фам Суан Шон и члены его делегации – представители крупных нефтяных компаний – встретились со своими земляками – студентами из Вьетнама. В настоящее время в УГНТУ проходят обучение около 20 граждан этой Социалистической Республики. Получив здесь образование, они гарантированно трудоустраиваются в одной из компаний у себя на родине. В марте 2013 г. за заслуги Уфимского государственного нефтяного технического университета в развитии промышленности Вьетнама были награждены Орденом Дружбы А. Шаммазов (на тот момент действующий ректор УГНТУ) и профессор А. Гумеров. «За оказание братской помощи народу Вьетнам» – так звучит официальная формулировка при вручении Ордена Дружбы. [11]

В апреле 2015 г. в г. Туймазы (Республика Башкортостан) представители Вьетнама приняли участие во Всероссийской научно-исследовательской конференции «На пороге открытия» с международным участием. Конференция проводилась при участии Министерства образования Республики Башкортостан, Института развития образования Республики Башкортостан, Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО, Администрации муниципального Туймазинского района и высших учебных заведений Республики. В конференции приняли участие учащиеся 1–11-х классов средних общеобразовательных школ, лицеев, гимназий и учреждений дополнительного образования Российской Федерации, студенты среднего и высшего профессионального образования из Республики Башкортостан и Татарстан, Оренбургской, Свердловской, Самарской областей, Ханты-Мансийска, а также представители Узбекистана, Казахстана, Германии, Ганы, Республики Бангладеш и др. Работа конференции предусматривала публичные выступления участников по результатам собственной исследовательской деятельности на 16 предметных секциях, встречи с ведущими учёными вузов, дискуссии и др. [12].

В июне 2016 г. в г. Уфе представители служб принудительного исполнения Социалистической Республики Вьетнам приняли участие в VII Международной научно-практической конференции на тему: «Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения». Конференция проводилась Федеральной службой судебных приставов совместно с Международным союзом судебных исполнителей при поддержке Правительства Республики Башкортостан, Башкирского государственного университета, Всероссийского университета юстиции, а также Ассоциации юридического образования. В работе конференции приняли участие представители служб принудительного исполнения Азербайджана, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Румынии, Сербии, Словакии и др. [13].

В апреле 2016 г. в Уфе состоялось открытие мотосезона, приуроченного ко Дню победы вьетнамского народа над империалистами. Праздник состоялся возле Конгресс-холла. На площадке был воссоздан антураж вьетнамского сопротивления и небольшого военного поселения времен Вьетнамской войны. Байкеры проехали по центральным улицам Уфы от Конгресс-холла до парка Победы и возложили цветы к вечному огню. Колонна состояла из примерно 500 мотоциклистов.

Проблема истории вьетнамского народа в Башкортостане до сих пор остается малоизученной. В то же время вьетнамцы являются интереснейшей этнической группой, находящейся в Башкортостане. Вероятно, если отбросить политический аспект проблемы, то историкам двух стран – Социалистической Республикой Вьетнам и России – было бы выгодно совместно работать над проблемой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Башкортостан и Вьетнам: сотрудничество укрепляется [Электронный ресурс] // <http://www.bashinform.ru/news/108055-bashkortostan-i-vetnam-sotrudnichestvo-ukreplyaetsya/> (дата обращения: 07.09.2016).
2. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=43 (дата обращения: 08.08.2015).
3. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=56 (дата обращения: 08.08.2015).
4. Вьетнамцы с Черкизовского рынка осваивают регионы России [Электронный ресурс] // http://www.km.ru/news/vetnamczy_s_cherkizovskogo_gynka (дата обращения: 07.09.2016).
5. Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Опыт регионов Поволжья по интеграции мигрантов в местное сообщество // Вестник Орловского государственного университета. / Серия: Новые гуманитарные исследования // Федеральный научно-практический журнал. – 2015. – № 3 (44). – С. 149–153.
6. Народы Башкортостана: Энциклопедия // Гл. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: Башк. Энцикл., 2014. – С. 122.

7. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: Стат. бюллетень – Уфа: Башкортостанстат, 2012 – С. 19.

8. Торгово-промышленную палату Республики Башкортостан посетила официальная делегация Генерального консульства Вьетнам в г. Екатеринбурге во главе с Генеральным консулом Социалистической Республики Вьетнам в Екатеринбурге Ле Куи Куинем. Встречу вел председатель ТПП РБ Б.А. Бондаренко [Электронный ресурс] // <http://www.vietnamconsulate-ekaterinburg.org/en/nr070521165843/nr080123165046/ns080505095051> (дата обращения: 07.09.2016).

9. Тюменская область: народы, языки, культуры // Под ред. д. филол. н. Карабулатовой И. С. и [др.]. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2007. – С. 85–86.

10. Уфу посетил Чрезвычайный и Полномочный Посол Социалистической Республики Вьетнам в России Фам Суан Шон [Электронный ресурс] // <http://er.ru/news/120015/> (дата обращения: 07.09.2016).

11. Уфу посетил Чрезвычайный и Полномочный Посол Социалистической Республики Вьетнам в России Фам Суан Шон [Электронный ресурс] // <http://ufa.bezformata.ru/listnews/vetnama-v-rossii-fam-suan/10509942/> (дата обращения: 07.09.2016).

12. Участие гимназистов на Всероссийском научно-исследовательской конференции [Электронный ресурс] // http://www.chekmagush.com/print.php?type=N&item_id=3678 (дата обращения: 07.09.2016).

13. Федеральная служба судебных приставов. Конференция 2016 г. [Электронный ресурс] // http://fssprus.ru/konferencija_2016/ (дата обращения: 07.09.2016).

14. Хуснутдинова Л.Г. Роль национально-культурных центров в социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Самарской области // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 9 (68), сентябрь. – С. 87–89.

15. Хуснутдинова Л.Г., Габдрафиков И.М., Вильданов Х.С., Андреева Л.М. Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное общество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области) / Под ред. Л.Г. Хуснутдиновой. / ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный университет экономики и сервиса». – СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. – С. 288.

16. Хуснутдинова Л.Г., Ильясова Р.Х. Миграционные процессы в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков // Современное общество, образование и наука: Сб. научн. трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г.: В 16 ч. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. – Ч. 14. – С. 159–162.

17. Хуснутдинова Л., Галиуллина С., Истамгалин Р., Бакулина Ю., Садыкова Л., Нифонтов В. Этнополитические технологии адаптации инокультурных мигрантов в Урало-Поволжье в контексте «мягкой безопасности» // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – Т. 19. – Вып. 2. – 2016. – Издательский дом: CA&CC Press®, Швеция. – С. 92–100.

18. Khusnutdinova L., Galiullina S., Istamgalin R., Bakulina Yu., Sadykova L., Nifontov V. Adaptation of migrants from alien cultures in the Urals-Volga: ethnopolitical technologies in the soft security context // *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. – 2016. – Vol. 17. – Issue 2. CA&CC Press® SWEDEN. – P. 80–87.

REFERENCES AND SOURCES

1. Bashkortostan and Vietnam: cooperation is being strengthened [Electronic resource] // <http://www.bashinform.ru/news/108055-bashkortostan-i-vetnam-sotrudnichestvo-ukreplyaetsya/> (reference date: 07.09.2016).
2. All-Russia population census in 2002. National composition of the population by regions of Russia [Electronic resource] // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=43 (reference date: 08.08.2015).
3. All-Union Population Census of 1989. National Population by Region of Russia [Electronic resource] // http://demoscope.ru/weekly/ssp/eng_nac_89.php?reg=56 (reference date: 08.08.2015).
4. Vietnamese from the Cherkizovsky market are developing the regions of Russia [Electronic resource] // http://www.km.ru/news/vetnamczy_s_cherkizovskogo_rynka (reference date: 07.09.2016).
5. Gabdrafikov I.M., Khusnutdinova L.G. Experience of the Volga regions on the integration of migrants into the local community // Bulletin of the Oryol State University. / Series: New humanitarian research // Federal scientific and practical journal. – 2015. – No. 3 (44). – Pp. 149–153.
6. The peoples of Bashkortostan: Encyclopedia // Ch. Ed. F. G. Khisamitdinov. – Ufa: Bashchk. Encycl., 2014. – P. 122.
7. The national composition of the population of the Republic of Bashkortostan according to the All-Russian Population Census of 2010: Stat. Bulletin – Ufa: Bashkortostanstat, 2012 – P. 19.
8. The Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Bashkortostan was visited by an official delegation of the Consulate General of Vietnam in Yekaterinburg headed by the Consul General of the Socialist Republic of Vietnam in Yekaterinburg Le Qui Kuin. The meeting was chaired by the Chairman of the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Belarus B. A. Bondarenko [Electronic resource] // <http://www.vietnamconsulate-ekaterinburg.org/en/nr070521165843/nr080123165046/ns080505095051> (reference date: 07.09.2016).
9. Tyumen region: peoples, languages, cultures // Ed. Doctor of Philosophical Sciences Karabulatova I.S. and others. – Tyumen: CPI "Express", 2007. – Pp. 85–86.
10. Ufa was visited by Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Socialist Republic of Vietnam in Russia Pham Suan Shon [Electronic resource] // <http://er.ru/news/120015/> (reference date: 07.09.2016).
11. Ufa was visited by Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Socialist Republic of Vietnam in Russia Pham Suan Shon [Electronic resource] // <http://ufa.bezformata.ru/listnews/vetnama-v-rossii-fam-suan/10509942/> (date of circulation: 09/07/2016).
12. Participation of gymnasium students at the All-Russian Research Conference [Electronic resource] // http://www.chekmagush.com/print.php?type=N&item_id=3678 (reference date: 07.09.2016).
13. Federal Bailiff Service. Conference 2016 [Electronic resource] // http://fssprus.ru/konferencija_2016/ (reference date: 07.09.2016).
14. Khusnutdinova L.G. The role of national cultural centers in the socio-cultural adaptation and integration of migrants in the Samara region // Actual problems of the humanities and natural sciences. – 2014. – No. 9 (68), September. – P. 87–89.

15. Khusnutdinova L.G., Gabdrafiqov I.M., Vildanov Kh. S., Andreeva L.M. The role of national-cultural associations in the integration of migrants into the local community in the regions of the Volga region (on the example of the Republic of Bashkortostan, the Republic of Tatarstan, Samara region) / Ed. L. G. Khusnutdinovoy. / Ural State University of Economics and Service. – SPb .: OOO "Its publishing house", 2014. – P. 288.

16. Khusnutdinova L.G., Ilyasova R. Kh. Migration processes in the Republic of Bashkortostan at the turn of the XX-XXI centuries // Modern society, education and science: Sat. scientific. works on the materials of the International Scientific and Practical Conference on March 31, 2015: At 16 o'clock – Tambov: OOO "Consulting company Yukom", 2015. – Part 14. – Pp. 159–162.

17. Khusnutdinova L., Galiullina S., Istamgalin R., Bakulina Yu., Sadykova L., Nifontov V. Ethnopolitical technologies of adaptation of incultural migrants in the Urals-Volga region in the context of "soft security" // Central Asia and the Caucasus. Journal of Socio-Political Studies. – T. 19. – Vol. 2. – 2016. – Publishing house: CA & CC Press®, Sweden. – Pp. 92– 100.

18. Khusnutdinova L., Galiullina S., Istamgalin R., Bakulina Yu., Sadykova L., Nifontov V. Adaptation of migrants from alien cultures in the Urals-Volga: ethnopolitical technologies in the soft security context // Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies. – 2016. – Vol. 17. – Issue 2. CA&CC Press® SWEDEN. – Pp. 80–87.

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ ВЬЕТНАМА В РОССИЮ В 2015 г.

Шинкарёва Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Российского государственного социального университета (Москва, Россия). E-mail: shinkareva_ol@mail.ru.

Ключевые слова: миграция, Вьетнам, Российская Федерация, трудовые мигранты, миграционные процессы.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности миграции из Вьетнама в Российскую Федерацию в 2015 г. Проанализированы миграционные потоки и их структура за 2015 г., проведен анализ изменения числа мигрантов за 2002–2015 гг., показаны тенденции изменения миграции из Вьетнама в Россию.

THE ANALYSIS OF MIGRATORY FROM VIETNAM TO RUSSIA IN 2015

Olga V. Shinkareva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Russian State Social University (Moscow, Russia). E-mail: shinkareva_ol@mail.ru.

Keywords: migration, Vietnam, Russian Federation, labor migrants, migratory processes.

Abstract. In article features of migration from Vietnam to the Russian Federation in 2015 are considered. Migration flows and their structure for 2015 are analysed, the analysis of change of number of migrants for 2002–2015 is carried out, tendencies of change of migration from Vietnam to Russia are shown.

Переход Российской Федерации в начале 1990-х гг. к рыночному типу экономики вовлек нашу страну в международный рынок труда: из страны с незначительным миграционным оборотом, благодаря реформам, а потом и активному росту экономики в начале XXI в., Россия превратилась в активного участника международных миграционных процессов. Каждый год в нашу страну приезжает достаточно значительное число мигрантов. Несмотря на кризис 2014 г., несколько снизивший данные потоки, Российская Федерация остается привлекательным местом для граждан множества стран. Весомую долю этих граждан составляют мигранты, прибывшие из Вьетнама.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Вьетнамом были установлены в январе 1950 г., и с тех пор наши страны связывают достаточно тесные отношения [4]. Благодаря подписанию 2 апреля 1981 г. Соглашения между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Вьетнам «О направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение и работу на предприятиях и в организациях СССР», началась массовая миграция вьетнамцев как для обучения, так и для работы.

Данное соглашение было выгодным для обеих стран: во-первых, Советский Союз получал рабочую силу, «закрывающую» недостаток рабочей силы в некоторых промышленных регионах страны, во-вторых, экономическое сотрудничество и обучение в вузах дало возможность СССР повысить свое политическое влияние в данном регионе. К концу 80-х гг. вьетнамские граждане стали одной из крупнейших групп иностранцев, работающих в стране – их численность достигала 80 тыс. человек [5].

С распадом Советского Союза и глубочайшим кризисом экономики России данные миграционные потоки вынужденно остановились: на фоне банкротства предприятий и прекращения финансирования обучения вьетнамских граждан большинству из них пришлось уехать обратно. Новых мигрантов из Вьетнама практически не было. Вновь потоки миграции в Россию начали расти в начале 2000-х гг., что можно связать с активным ростом экономики нашей страны. На сегодняшний день вьетнамская община – одна из наиболее крупных диаспор: кроме трудовых мигрантов весомую долю занимает миграция по учебе.

Рассмотрим особенности трудовой миграции граждан Вьетнама в Россию в 2015 г. Отметим, что на 1 января 2016 г. на территории нашей страны находились 9 924 726 иностранных граждан (без учета Крымского федерального округа и граждан Украины – 7,4 млн). При этом граждан Вьетнама среди них, по оценкам ФМС (в настоящее время присоединенной в МВД России), – 0,5%, что составляет примерно 50 тыс. человек – это один из самых высоких показателей для стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Проведем анализ количества выданных разрешений на работу для граждан Вьетнама. В целом, за 2015 г. гражданам Вьетнама выдано около 10 тыс. разрешений на работу (рис. 1).

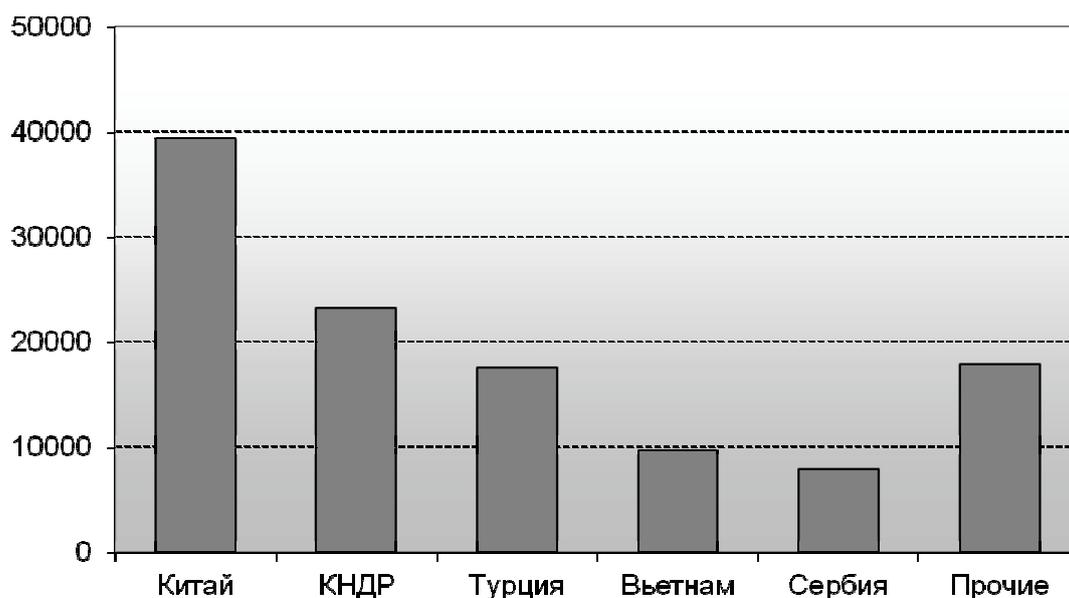

Рис. 1. Распределение выданных в РФ разрешений на работу в 2015 г. по странам (человек)

Источник: Рассчитано автором на основании данных [1]

Мужская часть трудовых мигрантов из зарубежных стран, чьим гражданам необходимо получать разрешение на работу, в основном оформляет разрешения по профессиям каменщик, специалист, штукатур, бетонщик, подсобный рабочий, арматурщик, плотник. При оформлении разрешений на работу основными профессиями, указанными женщинами, являлись: специалист, швея, менеджер, подсобный рабочий, массажист, повар.

На рис. 1 наглядно видно, что Вьетнам занимает четвертое место по числу выданных разрешений на работу, пропустив вперед себя только Китай (около 40 тыс. разрешений на работу), КНДР (почти 23,5 тыс. разрешений) и Турцию (примерно 17,6 тыс. разрешений). Следует отметить и тот факт, что среди граждан Вьетнама, получивших разрешения на работу, значительную долю составляют женщины (около 3,7 тыс.). По этому показателю Вьетнам уступает только Китаю.

Рассмотрим динамику официальной миграции вьетнамских граждан за период с 2002 по 2015 гг. Данные приведены на рис. 2.

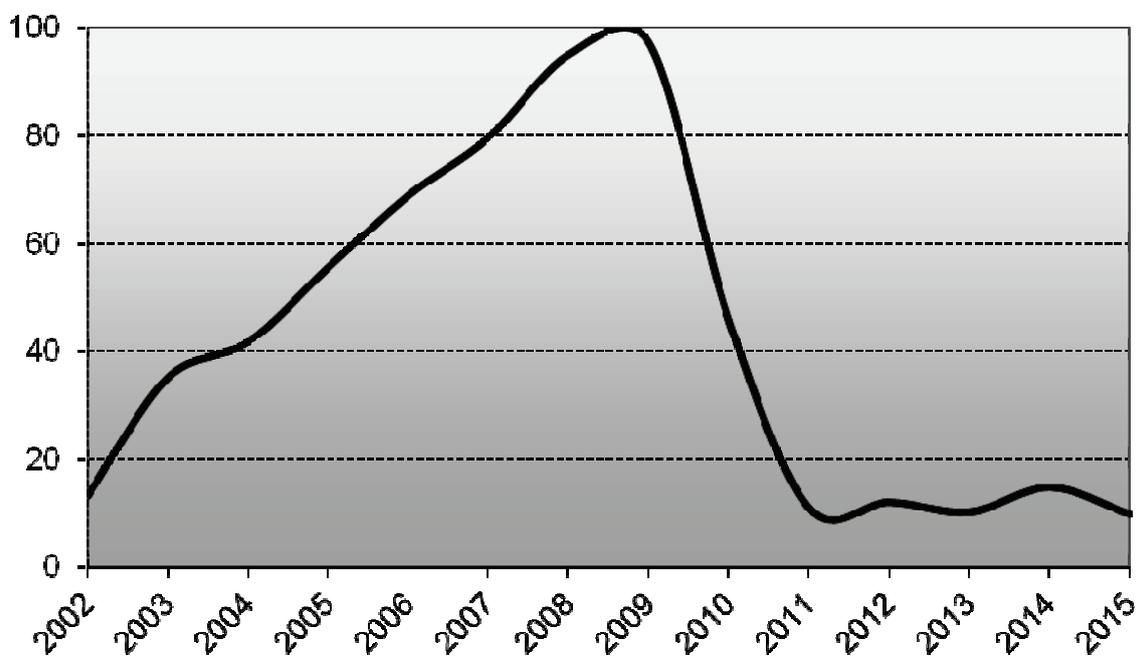

Рис. 2. Количество выданных в РФ разрешений на работу гражданам Вьетнама за 2002–2015 гг. (тыс. человек)

Источник: Рассчитано автором на основании данных [1,3]

Как видно из графика, с начала 2000-х гг. число мигрантов из Вьетнама росло, достигнут своего максимума в 2009 г. (97,5 тыс. мигрантов), в последующие два года произошел резкий спад (до 11 тыс. человек в 2011 г.), после чего число мигрантов колеблется вокруг этой отметки.

Рассмотрим количество разрешений на работу, выданных квалифицированным специалистам (рис. 3). Основные профессии, по которым оформляются разрешения на работу для квалифицированных специалистов, это: техник-технолог, генеральные директора предприятий, инженер-технолог и др.

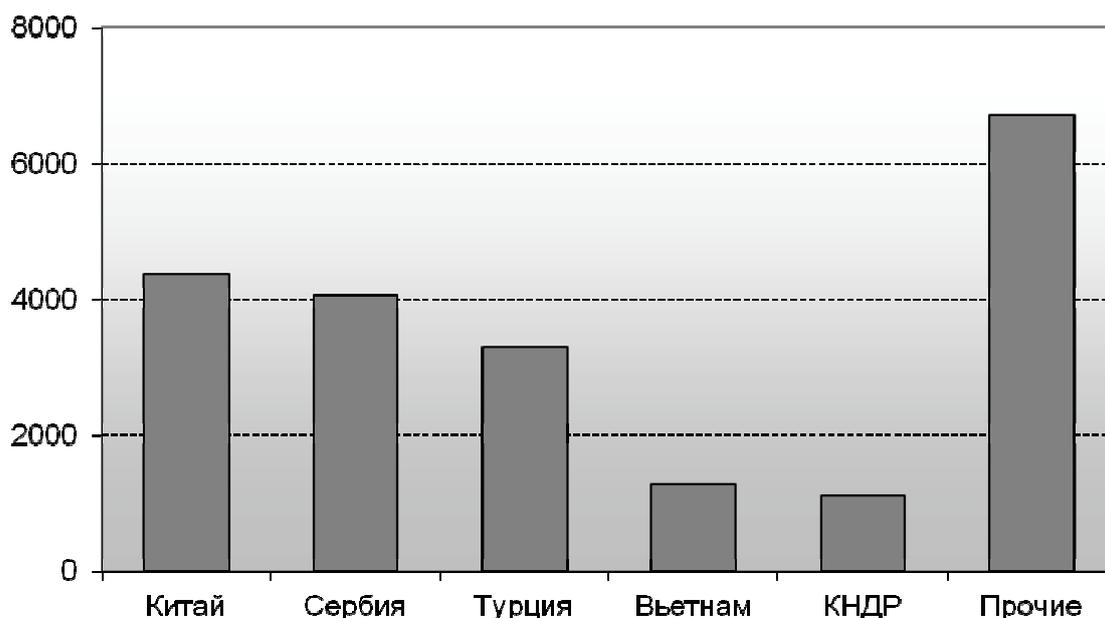

Рис. 3. Распределение выданных в РФ разрешений на работу квалифицированным специалистам в 2015 г. по странам (человек)
 Источник: Рассчитано автором на основании данных [1]

Следует отметить, что Вьетнам стоит на четвертом месте после Китая (около 4,3 тыс. разрешений), Сербии (около 4 тыс. разрешений) и Турции (примерно 3,3 тыс. разрешений) по числу разрешений на работу, выданным в 2015 г. квалифицированным специалистам – их получили почти 1,3 тыс. человек.

Рассмотрим количество разрешений на работу, оформленных высококвалифицированным специалистам (рис. 4).

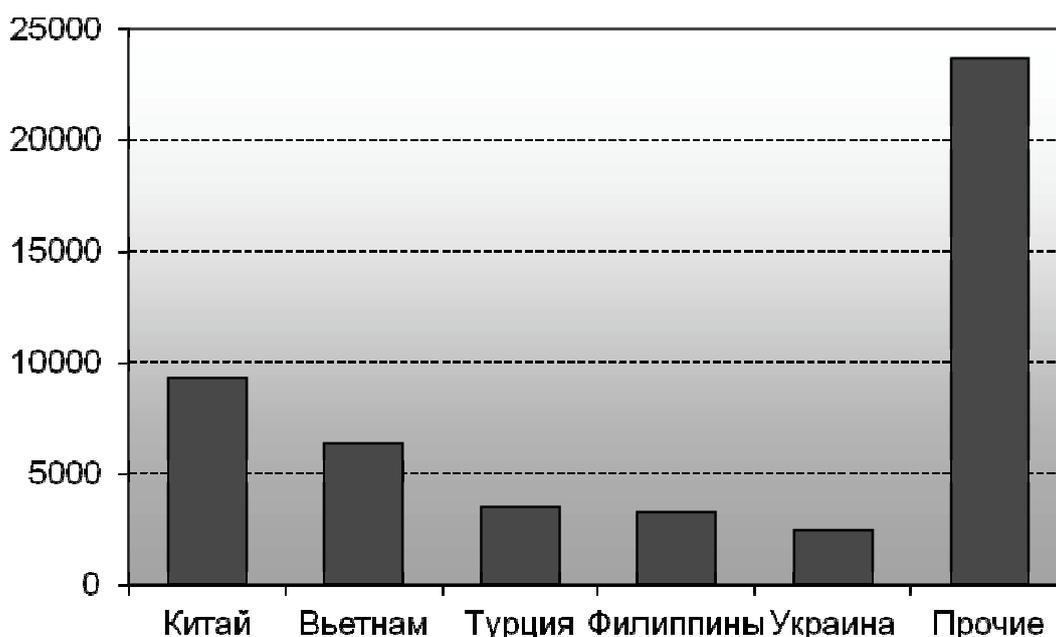

Рис. 4. Распределение оформленных в РФ разрешений на работу высококвалифицированным специалистам в 2015 г. по странам (человек)
 Источник: Рассчитано автором на основании данных [1]

Таким образом, Вьетнам по числу разрешений, выданных высококвалифицированным специалистам (почти 6,5 тыс. разрешений), – на втором после Китая (9,3 тыс. разрешений), обогнав Турцию (примерно 3,5 разрешений), Филиппины (около 3,3 тыс. разрешений) и Украину (чуть больше 2,5 тыс. разрешений). Следует отметить, что по сравнению с 2014 г. количество разрешений по данной категории мигрантов существенно возросло (на 75%), таким образом, существенно изменилась структура миграционного потока из Вьетнама – все большую долю в нем стали занимать высококвалифицированные специалисты.

Перейдем к рассмотрению количества вьетнамских граждан, проживающих по разрешению на временное проживание в Российской Федерации. Вьетнам замыкает десятку стран – его доля составляет 0,5% или 3 287 гражданина, при этом их число по сравнению с 2014 г. уменьшилось на 4,2%. При этом следует отметить, что объемы нелегальной миграции существенно выше, хотя и снизились по сравнению с 2014 г. на 38,9%: в 2015 г. Вьетнам занимает 4-е место (после Узбекистана, Таджикистана и Киргизии) по количеству выдворенных граждан – 8 939 человек. В 2015 г. был закрыт въезд 17 895 вьетнамским гражданам, что чуть ниже показателя 2014 г. (18 449 человек).

Следует отметить, что в настоящее время Россия принимает существенно меньше мигрантов из Вьетнама, чем это было несколько лет назад, несмотря на значительный миграционный потенциал Вьетнама. Это можно объяснить как последствиями кризиса 2008 г., так и ужесточающейся в последнее время миграционной политикой России. При этом следует отметить изменение в 2015 г. структуры мигрантов – существенное увеличение числа высококвалифицированных специалистов, прибывших на работу в Российскую Федерацию. Нашей стране необходимо четко определить миграционные приоритеты в отношении Вьетнама, так как развитие сотрудничества между странами будет значимым фактором для России в части поддержки и укрепления своих позиций в Юго-Восточной Азии. При этом, по нашему мнению, приоритетное направление миграции – привлечение высококвалифицированных мигрантов, которые помогут укрепить экономику нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 г. [Электронный ресурс] // https://гувм.мвд.рф/upload/site1/document_file/Itogovyy_doklad_na_19.02.16.pdf.
2. Леженина Т. В. Новые ориентиры стратегического партнерства России с Вьетнамом // Научное обозрение. / Серия 1: Экономика и право. – 2016. – № 3. – С. 62–65.
3. Письменная Е. Е. Привлечение вьетнамских мигрантов в Россию как новый вектор миграционной политики России // Миграционное право. – 2015. – № 4. – С. 24–27.
4. Ха Ми Динь. Особенности вьетнамской диаспоры в России // Общество: социология, психология, педагогика. – 2015. – № 6. – С. 54–57.

5. Чесноков А. С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность. // Известия Уральского федерального университета. – 2009. – № 3. – Т. 69. – С. 40–46.

REFERENCES AND SOURCES

1. The final report on a migratory situation, results and the main activities of Federal Migration Service for 2015. [Electronic resource] // https://гувм.мвд.рф/upload/site1/document_file/Itogovy_doklad_na_19.02.16.pdf.

2. Lezhenina T. V. New reference points of strategic partnership of Russia with Vietnam // Scientific review. / Series 1: Economy and right. – 2016. – № 3. – Pp. 62–65.

3. Pismennaja E.E. Involvement of the Vietnamese migrants to Russia as a new vector of migration policy of Russia // Migratory right. – 2015. – № 4. – Pp. 24–27.

4. Ha Mi Din. Features of the Vietnamese diaspora in Russia // Society: sociology, psychology, pedagogics. – 2015. – № 6. – Pp. 54–57.

5. Chesnokov A. S. The Vietnamese diaspora in Russia: history and present // News of the Ural federal university. – 2009. – № 3. – Т. 69. – Pp. 40–46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	11
Раздел 1	
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	19
<i>Huguet Jerrold. Best Practices in the Management of Labour Migration in East and South-East Asia</i>	21
<i>Мазырин В.М.</i> Новые тенденции развития экономики стран Юго-Восточной Азии и российско-вьетнамских отношений	35
<i>Карабулатова И.С., Ким Л.И.</i> Этнотравма как социокультурный феномен: вьетнамский контекст	48
<i>Ахметова Б.З., Карабулатова И.С.</i> Геополитические и экономические проблемы в акватории Южно-китайского (Восточного) моря	55
<i>Нуо Нуо Khin</i> Analysis of sittan and labour migration in Myanmar during the colonial period	63
<i>Seongjin Kim</i> Migration in Asia: Focusing on Vietnamese to Korea	73
<i>Seun Sam</i> Vietnamese Come to Cambodia Cambodian Go to Thailand ...	84
<i>Вазиров З.К., Рязанцев С.В.</i> Китайская миграция в Республике Таджикистан	84
<i>Забирова Г.А., Ким Л.И.</i> Общественное здоровье в контексте социально-демографической структуры населения России: местное население и мигранты из АТР	99
<i>Мацакова А.В.</i> Трудовая миграция как фактор улучшения инвестиционного сотрудничества России и Японии	104
<i>Муратшина К.Г.</i> Социально-экономические риски распространения китайской сельскохозяйственной миграции на Среднем Урале	110
<i>Нгуен Кань Тоан</i> Трудовая миграция Вьетнама в АСЕАН и Северо-Восточной Азии состояние и перспективы	118
<i>Рязанцев С.В.</i> Русскоговорящие сообщества и “русскоязычная” экономика в странах Юго-Восточной Азии	122
<i>Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Лукьянец А.С., Пажневски Ш.З.</i> “Азиатский вектор» миграционной политики России	140
<i>Сахарова Л.А., Фокина Е.К., Перминова Г.И.</i> Формообразование экономических категорий «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» на примере КНР	153

Раздел 2.	
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ	
ВО ВЬЕТНАМЕ	161
<i>Nghiem Tuan Hung</i> International migration of the Vietnamese in the new world context: an overview	163
<i>Tran Thi Truc</i> The impact of migration children on the health of the elderly left behind	170
<i>Vu Ngoc Binh</i> International labour migration from Vietnam to other ASEAN receiving countries – Current issues and challenges	178
<i>Vu Quoc Huy, Luong Thuy Duong</i> The Determinants of internal migration in Vietnam in 2005–2014: preliminary results from a gravity model	200
<i>Нгуен Куок Хунг</i> Тенденции развития интеграционных процессов во Вьетнаме: внутренняя и внешняя миграция граждан СРВ	210
<i>Рязанцев С.В., Маньшин Р.В.</i> Вьетнам в процессах международной миграции населения	218
<i>Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.,</i> Миграционные установки молодых вьетнамцев на обучение за границей: имеет ли Россия шансы получить вьетнамских студентов?	224
<i>Тер-Акопов А.А.</i> Трудовая миграция из Вьетнама в страны-участницы ЕАЭС в условиях углубления экономической интеграции	231
Раздел 3.	
РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ МИГРАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
237	
<i>Гаджимурадова Г.И.</i> Исторические особенности миграции и современное состояние вьетнамской диаспоры в России	239
<i>Доброхлеб В.Г.</i> Демографическая структура населения России и Вьетнама в 21 веке	247
<i>Зорин Д.П.</i> Вьетнамцы на российском Дальнем Востоке	253
<i>Карабулатова И.С.</i> Адаптация и интеграция вьетнамцев в Москве как позитивный миграционный тренд	263
<i>Леденёва В.Ю.</i> Адаптационные стратегии вьетнамских мигрантов в России	270
<i>Максимова Л.В., Чамбайшин Е.М., Максимов И.С.</i> Стратегии адаптации мигрантов-россиян на рынках труда Вьетнама и Республики Корея	274
<i>Письменная Е.Е., Максимова А.С.</i> Потенциал образовательной миграции вьетнамских студентов в Россию	285
<i>Соколовский А.Я.</i> Динамика численности вьетнамских студентов, обучающихся в Дальневосточном федеральном университете	292
<i>Хуснутдинова Л.Г.</i> История взаимоотношений Республики Башкортостан и Социалистической Республики Вьетнам	300
<i>Шинкарёва О.В.</i> Анализ миграционных потоков из Вьетнама в Россию в 2015 году	308

Научное издание

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 4, № 2

**МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Подписано в печать 15.05.2018 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,75. Заказ 2961. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru